УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Ученые записки

Выпуск IV

УЛЬЯНОВСК
1950

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

Ученые записки

ВЫПУСК IV

г. УЛЬЯНОВСК
1950

Профессор А. В. Козырев

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИКА В СССР В ПЕРИОДЫ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ СТРАНЫ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1926—1934 годы)*

1. Социалистическое строительство и задачи культурного фронта

Политические задачи этих важнейших периодов в развитии нашей социалистической страны определены в докладе товарища Сталина активу московской организации ВКП(б) 9 мая 1925 года. «К итогам работ XIV конференции ВКП(б)». В этом докладе товарищ Сталин нацелил партию на индустриализацию страны, на кооперирование сельского хозяйства.

«Сейчас у нас имеется около 4 миллионов индустриального пролетариата, — говорил товарищ Сталин, — Этого, конечно, мало, но это всё же кое-что для того, чтобы строить социализм... Но мы не можем и не должны остановиться на этом. Нам нужно миллионов 15—20 индустриальных пролетариев, электрификация основных районов нашей страны, кооперированное сельское хозяйство и высоко развитая металлическая промышленность. И тогда нам не страшны никакие опасности. И тогда мы победим в международном масштабе»[1].

Вождь партии и рабочего класса товарищ Сталин отстоял в боях с врагами пролетарской революции ленинское учение о возможности победы социализма в СССР и смело повел государственный корабль к намеченной цели.

«... Мы можем построить социализм, — указывал товарищ Сталин, — и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса»[2].

---

* Главы из подготовляемых к печати «Очерков по истории советской школы».

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 132.

[2] Там же, стр. 111.

Задачами, указанными товарищем Сталиным, определялась и политика советского государства в области народного образования. На повестку дня вставали проблемы всеобщей грамотности, политического просвещения масс, поднятия роли науки и подготовки для всех отраслей народного хозяйства кадров высококвалифицированных специалистов, стоящих на уровне самой передовой науки и техники.

Огромную роль в деле культурного строительства в этот период сыграли исторический доклад товарища Сталина на XV съезде ВКП(б) и решения этого съезда «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». Проблеме культуры и в докладе товарища Сталина, и в резолюциях съезда было отведено значительное место.

«...Культурное развитие рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, — указывал товарищ Сталин, — не только в смысле развития грамотности, хотя грамотность является основой всякой культурности, но, прежде всего, в смысле приобретения навыков и уменья войти в дело управления страной, — является основным рычагом улучшения государственного и всякого иного аппарата. В этом смысле и значении ленинского лозунга о культурной революции.

Вот что говорил на этот счет Ленин в марте 1922 года, перед открытием XI съезда нашей партии, в своем письме в ЦК на имя тов. Молотова.

«Главное, чего нам нехватает, — культурности, уменья управлять... Экономически и политически НЭП вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда».

Этих слов Ленина нельзя забывать, товарищи.

Отсюда задача партии: усилить борьбу за культурный подъем рабочего класса и трудящихся слоев крестьянства».[1]

Съезд дал основные установки первой пятилетки в области культуры. Нужно было уделить особое внимание вопросам культуры в отсталых национальных окраинах, ликвидировать эту отсталость и приспособить всю систему народного просвещения к потребностям социалистического строительства. Это должно было привести к быстрому повышению культурного уровня рабочих масс, к росту их активности в строительстве социализма и к укреплению основной базы пролетарской диктатуры. Съезд предложил в основу плана культурного строи-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 10-й, стр. 322—323.

тельства положить всеобщее обучение, ликвидацию неграмотности, массовое профтехническое образование и подготовку квалифицированных специалистов и научных работников.

Исходя из решения XV съезда ВКП(б), Центральный Комитет ВКП(б) уделял вопросам народного просвещения на протяжении всего этого периода исключительное внимание. В связи с выполнением пятилетнего плана индустриализации страны и общего подъема и кооперирования сельского хозяйства, наиболее острой в области культурного строительства стала задача поднять роль науки и создать кадры производственно-технической интеллигенции из среды рабочего класса.

Предвидя этот момент, товарищ Сталин еще в апреле 1925 года, в своем обращении к 1-й Всесоюзной конференции пролетарского студенчества, со всей решительностью поставил перед молодежью вопрос об овладении наукой.

«Нельзя строить новое общество без нового комсостава», — говорил он, указывая на огромную, всё возрастающую роль науки в социалистическом строительстве.

«Я думаю, что наша страна с её революционными навыками и традициями, с её борьбой против косности и застоя мысли, представляет наиболее благоприятную обстановку для расцвета наук... — указывал далее товарищ Сталин. — ...Наша страна имеет в этом отношении великую будущность цитадели и рассадника наук, свободных от пут. Я думаю, что мы уже начинаем вступать на эту дорогу. Но было бы печально и недостойно, если бы коммунисты-студенты остались в стороне от большой дороги развития науки. Вот почему лозунг овладения наукой приобретает особое значение».[1]

Особенно остро вопрос об овладении наукой поставил товарищ Сталин на VIII Всесоюзном съезде комсомола в 1928 г. вскоре после Шахтинского процесса, который показал, что «мы оказались почти безоружными и совершенно отсталыми в деле обеспечения нашей промышленности известным минимумом преданных делу рабочего класса специалистов» (Сталин). Ставя со всей остротой вопрос о подготовке кадров, товарищ Сталин связывает его с ролью науки в нашей стране, указывает на необходимость овладения наукой.

«Чтобы строить, надо знать, — говорил он, — надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо... Перед нами стоит крепость. Называется она, эта

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 86, 88, 89.

крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало».[1]

К революционному походу в науку призывал молодежь товарищ Сталин. Величайшей революционной страстностью звучат его слова: *«Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков-специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом — такова теперь задача. Массовый поход революционной молодежи в науку — вот что нам нужно теперь, товарищи!»*.[2]

Откликом на выступление товарища Сталина на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ явились замечательные слова Маяковского, обращенные к молодежи:

> «Не дадим
> буржуазным сынкам
> По Донбассам
> контру вить!
> Через вуз
> от сохи,
> от станка
> мозговитым спецем выдь!».

II. Кадры пятилетки и всеобуч

В 1928—30 годах в ответ на Сталинский призыв, по путевкам комсомола пошли учиться на рабфаки 15 тысяч юношей и девушек, на курсы по подготовке в вуз'ы—20 тысяч, в педагогические институты и техникумы — 5 тысяч.

По призыву вождя партия утвердила развернутую программу борьбы за создание кадров производственно-технической интеллигенции из среды рабочего класса.

В июле 1928 года Пленум ЦК ВКП(б) наметил ряд практических мероприятий по реорганизации подготовки кадров специалистов.

Исключительно важное решение было принято по докладу В. М. Молотова: затраты на образование новых кадров приравнивались к расходам на капитальное строительство в промышленности; вся система руководства вузами подверглась решительному изменению.

Указав на необходимость дальнейшего увеличения рабочего ядра во втузах и техникумах, июльский Пленум ЦК ВКП(б)

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 76—77.

[2] Там же, стр. 77.

предложил расширить контингенты приема в рабфаки и направить во втузы не менее 1000 коммунистов, прошедших серьезную школу партийной, советской и хозяйственной работы. Пленум подчеркнул, что необходимо углублять политическое воспитание студенчества и улучшать постановку производственной практики.

В постановлении Пленума ЦК ВКП(б) предлагается также решительно поднять качество работы школ II ступени. Было решено приступить к развертыванию в рабочих районах школ-7-леток и 9-леток, «с обеспечением улучшения материальных условий для них и охватом этой сетью преимущественно детей рабочих».

Примерно через полтора года ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) (1929 г.), по докладу Л. М. Кагановича, проверил как выполняются решения июльского пленума ЦК о подготовке кадров и вновь разрешил целый ряд принципиальных вопросов, связанных с высшим профессионально-техническим образованием.

Вопрос о подготовке кадров специалистов приобретал еще большую остроту. «Гигантский размах социалистического строительства, — читаем мы в решении Пленума, — осуществление пятилетнего плана, являющегося практическим выражением лозунга партии «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны, и, наконец, обострение классовой борьбы в стране ставят перед партией во всей широте и остроте проблему кадров в реконструктивный период. Недостаток в квалифицированных технических и руководящих кадрах, существовавший в течение ряда лет, особенно обострился в нынешний период бурно развертывающейся промышленности и социалистического переустройства сельского хозяйства»[1].

Отметив известное улучшение в социальном составе вузов, Пленум ЦК указал, что необходимо и дальше улучшать состав вузов и увеличивать в студенческой среде рабоче-крестьянскую прослойку.

Считая опыт посылки на учебу «тысячи рабочих социалистической промышленности — коммунистов оправданным», пленум предложил профсоюзам и ЦК ВЛКСМ организовать подготовку рабочих к поступлению в вузы и втузы.

Но работа школы была признана неудовлетворительной. Общеобразовательная школа еще не справлялась с задачей подготовки в вузы. Решения июльского Пленума ЦК о по-

---

[1] ВКП(б) в резолюциях съездов и пленумов ЦК, часть III, 1, II, стр. 585, изд. 1933 г.

вышении учебной подготовки оканчивающих школы II ступени выполнялись слабо. Отметив это, ноябрьский Пленум потребовал, чтобы органы народного образования добились в этом деле решительного перелома. С этой целью, по решению Пленума ЦК, Наркомпросам предлагалось пересмотреть программы школ II ступени и улучшить качество работы школы.

Школы крестьянской молодежи, которые готовили кадры для практической работы в сельском хозяйстве, теперь по решению Пленума ЦК, становились также источником для пополнения батрацко-бедняцкой и середняцкой прослойки и сельскохозяйственных техникумов и вузов.

В результате этих мероприятий партии и правительства сеть высшего и среднего профтехобразования значительно возросла; расширилась также и сеть научно-исследовательских институтов.

Десятки тысяч инженеров, техников, агрономов, врачей и учителей были подготовлены вузами и техникумами из среды рабочего класса.

Количественные успехи в области школьного дела за этот период характеризуются следующими цифрами.

Школы начального обучения охватывали к моменту XVI съезда ВКП(б) 11638 тысяч учащихся, школы II ступени — 1945 тысяч учащихся; индустриально-технические, транспортные, с/х. школы и производственные курсы массовой квалификации — 333,1 тысячи, техникумы и равные им профшколы— 238,7 тыс., вузы и втузы — 190,4 тыс. Процент грамотности по СССР составлял 62,6% против дореволюционных 33%. Эти цифры были приведены товарищем Сталиным в политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду ВКП(б). Размах социалистического строительства требовал более высоких темпов культурного роста, а потому эти успехи в области роста сети учебных заведений товарищ Сталин характеризовал как «некоторые достижения, которые, однако, ни в коем случае не могут удовлетворить в виду их незначительности».

По предложению товарища Сталина XVI съезд ВКП(б) принял историческое решение о введении всеобщего обучения в нашей стране.

«Главное теперь, — указывал товарищ Сталин в своем докладе, — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю «главное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы теперь имеем все необходимое для органи-

зации всеобщего первоначального образования в подавляющем большинстве районов СССР»[1].

В соответствии с этим указанием товарища Сталина XVI партийный съезд принял по отчету ЦК развернутое решение о культурном строительстве, в котором отметил, что «темпы развертывания культурного строительства в стране еще совершенно недостаточны».

Из этого следовало, что необходимо ускорить темпы культурного строительства. «Проведение всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидации неграмотности» съезд выдвинул как «боевую задачу партии в ближайший период» и предложил решительно усилить политико-просветительную работу в колхозах. Всю систему народного образования (школы крестьянской молодежи, школы II ступени) предлагалось использовать для подготовки руководящих кадров колхозного движения, колхозную же молодежь еще шире вовлекать в сельскохозяйственные техникумы и вузы. Необходимо отметить, что несколько ранее XVI съезда ВКП(б) Центральным Комитетом было созвано 2-е партийное совещание по народному образованию.

Совещание обсудило ряд кардинальных вопросов о системе народного образования, о новых методах и едином плане культработы, о практических мероприятиях в области культурного развития национальностей СССР, о реорганизации органов народного образования и о культурном строительстве в социалистическом секторе сельского хозяйства. В центре внимания стояли вопросы унификации школьной системы и проблемы политехнизма.

25 июля 1930 года Центральный Комитет ВКП(б) вынес историческое решение о введении в СССР всеобщего начального обучения, отметив в постановлении, что это мероприятие является важнейшей предпосылкой дальнейшего развития культурной революции. ЦК ВКП(б) признал необходимым «ввести в 1930/31 году повсеместное всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8—9—10 лет, с последующим распространением обязанностей начального обучения на детей 11 лет в 1931/32 г.»

Для рабочих районов этим решением предусматривалось обязательное семилетнее обучение и, в связи с этим, широкое развертывание школ ФЗС в промышленных городах, фабрично-заводских районах и поселках. Одновременно с этим ЦК

[1] Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 384.

ВКП(б) предложил усилить и развертывание школ колхозной молодежи с таким расчетом, чтобы к концу пятилетки охватить ими всю колхозную молодежь.

Большое внимание в постановлении ЦК уделялось вопросу подготовки педагогических кадров и улучшению материального положения учительства.

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) о введении всеобщего обучения небезинтересно вспомнить некоторые факты из истории этого вопроса.

Разговоры о всеобщем обучении начались в России еще в 1877 году. Министерство Народного просвещения пришло тогда к выводу, что осуществить всеобщее обучение в России можно только через 125 лет.

Немногим от этих расчетов отличались и расчеты буржуазного Временного правительства в 1917 году.

Только Октябрьская социалистическая революция «пересчитала все по-своему». Пролетарская диктатура начала успешно осуществлять всеобщее обучение на 3/4 века раньше срока, намеченного царскими чиновниками Министерства просвещения.

На протяжении 1930—31 учебного года по всей стране развернулась большая работа по реализации исторического постановления ЦК ВКП(б).

Результаты этой работы были огромны. Они хорошо подведены в рапортах Наркомпросов РСФСР и Украины на имя товарища Сталина к годовщине исторического постановления.

Общее число учащихся школ 1 ступени по РСФСР (без автономных республик) достигло 8.709.437 человек; прирост учащихся начальных школ против 1929/30 г. выразился в 28,4%; по автономным республикам число учащихся в начальных школах достигло 1.506.013 человек; средний процент охвата школой детей школьного возраста за 1 год возрос с 71% до 91,1%. Значительные успехи были достигнуты и по обучению подростков (11—15 лет), охват которых школьным обучением достиг 1.392.146 подростков против 90.000 в предыдущем году.

Подобную же картину мы видим и на Украине, где охват детей начальной школой достиг в среднем 98,2%, а по городам — 99,8%.

О революционном значении этого мероприятия, проведенного партией и правительством в такой короткий срок, хорошо сказал А. М. Горький. В статье «Годовщина исторического постановления» он писал:

«Советская власть сделала крупнейший революционно-необходимый шаг по пути к интеллектуальному вооружению всей многомиллионной молодежи Союза Советов... Семилетка для всех — это уравнение всего юношества в правах на развитие разума. Осуществление семилетки — это создание одного из условий для движения к высокой цели, которую покорнейшие слуги капиталистов называют «социальной утопией», «фантазией», выдумкой, движения к той форме общежития людей, при которой «каждый работает по способности, каждый получает по потребности его»...

«Семилетка для всех», это — дело глубочайшего исторического значения...»[1]

III. Борьба с второгодничеством и отсевом

До введения всеобщего обязательного обучения бичом школы, особенно сельской, был массовый отсев учащихся. В значительной степени отсев этот объяснялся тем, что дети батраков и беднейших крестьян не могли нормально посещать школу из-за отсутствия обуви и одежды или потому, что они нянчили малолетних детей в семье. Пропуски занятий влекли за собой второгодничество с последующим отсевом из школы. Партия и правительство приняли меры, чтобы покончить с этим злом. «В целях обеспечения действительной доступности школы, повышения качества обучения и решительной борьбы с второгодничеством, отсевами в начальной школе», ЦК ВКП(б) предложил оказывать материальную помощь нуждающимся учащимся, детям наименее обеспеченных рабочих, батраков и деревенской бедноты. Чтобы бесплатно снабжать этих учащихся учебниками, обувью, одеждой, питанием, нужно было по решению ЦК организовать специальные государственные фонды и привлечь средства общественных организаций. Фонды эти были созданы за счет местного бюджета, а также за счет крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, профсоюза Всеработземлес и других источников. Это дало возможность вовлечь в школы детей тех слоев сельского населения, которые в прошлом не могли учиться, а также значительно снизить отсев учащихся и уменьшить второгодничество. Ниже приводятся данные о второгодничестве по основному, наиболее массовому типу школы, по начальной школе, и о материальной базе начального обучения.

---

[1] А. М. Горький. Публицистические статьи, ГИХЛ, 1931, стр. 280.

Второгодничество	1927/28 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
а) по городам	17,3	7,8	5,1
б) по сельским местностям	16,5	7,6	6,3
В целом . . .	16,7	7,6	6,1

Из этих данных видно, 1) что второгодничество с каждым годом шло на убыль, 2) что разница в средних показателях второгодничества между городом и деревней не особенно значительна.

Известный интерес имеют данные о проценте второгодников за 1927/28 г. по всему СССР, с подразделением по полу и классам:

	Среди мальчиков	Среди девочек	ВСЕГО
а) по городам	17,6	14,8	16,3
б) по сельским местност.	17,4	12,7	15,7
В целом	17,4	13,3	15,8
По отдельным группам (классам)			
I группа (класс)	18,3	13,9	16,4
II « »	18,0	13,1	16,0
III « »	16,5	12,1	15,0
IV « »	16,9	13,6	15,1*)

Эти данные указывают на более высокий процент второгодников среди мальчиков.

Укреплялась и материальная база школы.

Наглядное представление об этом дает таблица среднего фактического расхода на содержание одного учащегося из средств местного бюджета по школам СССР за пятилетие с 1925/26 уч. года до 1929/30 уч. года.

	1925/26 г.	1926/27	1927/28	1928/29 г.	29/30
	В	Р У	Б Л	Я Х	
Школа I ступени	14,93	18,69	21,53	24,90	28,59
« 7, 9-летки	20,12	25,30	31,31	36,92	48,50
ШКМ	70,74	88,49	90,89	101,55	135,06
Школы II ступени	43,47	48,86	60,57	70,20	88,27**)

Большой рост школьной сети в годы, предшествовавшие введению всеобщего начального обучения в СССР, приводил к тому, что строительство новых школьных зданий не поспевало за темпами развертывания школ, а поэтому положение со школьными

---

*) Все цифры взяты из брошюры «Методология и техника исчисления показателей всеобщего обучения» Учпедгиз, 1932 г.

**) Там же, стр. 69, стр. 73.

зданиями до исторического постановления ЦК ВКП(б) об усилении темпов строительства школьных зданий продолжало оставаться напряженным.

По данным школьной переписи 1927 года имелось школьных зданий 1 ступени в РСФСР (в %%):

	В городах	В сельской местности	В целом
а) специально построенных	47,1	54,9	54,5
б) приспособленных	46,3	26,7	27,8
в) наемных	6,6	18,4	17,7*)

Недостаток школьных зданий особенно в городах, вынуждал вести занятия в школах в две смены. Однако подавляющее большинство школ занималось в одну смену.

Показатели сменности занятий, по данным школьной переписи 1927 года, рисуются в следующем виде;

	В городах		В сельск. местности	
	абсол.	в проц	абсол.	в проц
Занималось в 1-ю смену	552853	74,3	4214628	89,5
« 2-ю смену	183988	24,7	491009	10,4
« 3-ю смену	8038	1,0	3738	0,1
ИТОГО:	743879	100	4.709 375	100**)

Таковы были организационные мероприятия в области народного образования в этот период.

Однако нас должны интересовать не только организационные мероприятия, но главным образом содержание работы школы, формы и методы обучения и воспитания подрастающего поколения.

IV. Классовая борьба на фронте народного образования

Рассматриваемый период был периодом самой ожесточенной классовой борьбы на теоретическом фронте педагогики. Враждебные антисоветские элементы, боровшиеся с политикой партии и советского государства, пытались подорвать и школу как важнейшее идеологическое оружие диктатуры пролетариата.

В историко- педагогической литературе было принято враждебные течения в педагогике квалифицировать, как проявление

*) Все цифры взяты из брошюры «Методология и техника исчисления показателей всеобщего обучения» Учпедгиз, 1932 г.

**) Там же, стр.73.

правого или левого уклона. Такая квалификация неправильна в корне.

Товарищ Сталин в ответе Билль-Белоцерковскому 2-го февраля 1929 года указывал на то, что «Понятие «правое» или «левое» в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно-внутрипартийное». «Странно было бы поэтому, — говорит товарищ Сталин, — применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр.».

«Вернее всего было бы,—указывает товарищ Сталин, оперировать в художественной литературе понятиями *классового* порядка, или даже понятиями «советское», «антисоветское», «революционное», «антиреволюционное» и т. д.».[1]

Из этих указаний товарища Сталина вытекает иная, чем было принято, квалификация враждебных извращений в педагогике.

Пистраки, пинкевичи, ваганяны делали в сущности одно грязное антисоветское дело, — дело разрушения советской школы. Группа Пистрака и Пинкевича, цинично заявлявшая, что принадлежность учителя к партии ограничивает его «рамками партийной доктрины», пыталась подорвать основной принцип большевистской партийности как в педагогической науке, так и в практической деятельности в области образования и воспитания молодого поколения.

Она восставала против связи школы с жизнью, против ленинского положения о политехническом характере советской школы, требовала отказа школы от участия в классовой борьбе и настаивала на том, что школа должна служить целям примирения классов.

Ваганян—этот матерый троцкистский бандит, в своей бессильной злобе против советской большевистской культуры договорился до полного отрицания школы, являющейся с его точки зрения «дефицитом культуры». Шульгинская группа объективно шла на поводу контреволюционера, троцкиста Ваганяна. Она выдвинула вредительскую по своему существу теорию «отмирания школы», обосновывая ее тем, что с коллективизацией сельского хозяйства классовая борьба якобы затухает и на очередь дня ставится вопрос об отмирании государства, она делала вывод, что школа, являющаяся одним из институтов государства, должна отмереть вместе с ним. Эта вредительская теория не раз подвергалась осуждению на страницах партийной

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 326—327.

печати, указывавшей, что государство не может отмереть до тех пор, пока СССР находится в капиталистическом окружении, т. е. до тех пор, пока коммунизм не победит в международном масштабе.

Особенно рьяно пропагандировал эту вредительскую теорию Институт методов школьной работы, возглавлявшийся Шульгиным.

Вот что писал в то время Шульгин:

«... основная роль школы — учить — отпадает...», а следовательно: «Умирает и учитель... нечего ему делать в школе».

Работу в области обучения и воспитания детей Шульгин мыслил так:

«Два-три часа труда.., затем кино, потом один час работы в тихой комнате (то, что звалось раньше классом, теперь оно является продолжением выставки, библиотеки и т. д.)».

Шульгин в своем педагогическом нигилизме дошел до того, что в одной из своих работ высказал нелепейшую мысль о ненужности для новой школы учебников и наглядных пособий. «Зачем, — говорил он, — глобус, когда шарообразность земли можно наблюдать с самолета?».

Институту методов щкольной работы принадлежит глупейшая теория единого универсального метода обучения. Таким методом этот институт считал так называемый «метод проектов».

Метод проектов и связанные с ним «Дальтонплан», «Плетунплан», «Лабораторно-бригадный метод» и иные методические «прожекты» были импортированы из США. Широкая пропаганда их и Шульгинской группой в нашей стране являлась худшим видом низкопоклонства перед буржуазной американской педагогикой. Под флагом новаторства Шульгин и его приспешники протаскивали явно буржуазную торгашескую и узкоделяческую педагогическую идеологию американского империализма.

«Новаторство,—учит тов. Жданов, — не всегда совпадает с прогрессом».[1]

«Одно время, — говорит он, — в начальных и средних школах было, как вы помните, увлечение «бригадно-лабораторным планом» и «Дальтонпланом», согласно которым роль учителя в школе сводилась к минимуму, а каждый ученик имел право перед началом урока определять тему занятий в классе. Учитель, приходя на урок, спрашивал учеников: «Чем мы будем сегодня заниматься?» Ученики отвечали: «Расскажите об Арк-

---

[1] Советская музыка № 1 1948 г., стр. 21.

тике», «Расскажите об Антрактиде», «Расскажите о Чапаеве», «Расскажите о Днепрострое». Учитель должен был плестись в хвосте этих требований. Это называлось «лабораторно-бригадным методом», а на деле означало, что вся организация учебы ставилась шиворот-навыворот, когда учащиеся становились ведущими, а педагог ведомым, существовали когда-то рассыпные учебники, не было пятибальной системы отметок.

Все это было новшеством, но спрашивается: было ли это новшеством прогрессивным? Партия, как известно, эти «новшества» отменила. Почему? Потому, что эти «новшества», очень «левые» по форме, были на деле насквозь реакционными и вели к ликвидации школы».

Метод проектов вел к фактической ликвидации изучения основ науки, что видно из следующих примеров. Так, мы знаем, что изучение естествознания требует систематического, последовательного изучения основ и ботаники, и зоологии, и анатомии, и физиологии, а шульгинцы предлагали изучать естествознание на основе проектов. Другими словами, при изучении, например, темы «Наша помощь в развитии кролиководства» изучать попутно и животных, и птиц; при изучении темы «Борьба за огороды» также между прочим изучать строение растений. Таким образом, «метод проектов» никаких сколько-нибудь систематизированных знаний учащимся не давал. При этой «системе» они могли получить только разрозненные, бессистемные, случайные знания. Такое же положение было и с математикой. Значение систематических знаний в области математики общеизвестно. Между тем шульгинцы предлагали изучать ее только в связи с проектом по темам: «Плановость в социалистическом строительстве», «За сплошную коллективизацию», «За хлеб». Весь математический материал курса должен быть изучен в связи с проработкой указанных тем. Алгебра и геометрия как отдельные предметы ими исключались.

«Новаторы» из Института методов школьной работы договорились до того, что не стоит изучать действий с простыми дробями, т. е. практической ценности умение обращаться с простыми дробями не имеет. Таково же было их отношение и к русскому языку. В одной из статей Шульгин писал, что добиваться того, чтобы дети писали без ошибок, не нужно. Определенный процент ошибок, по его мнению, не помеха в государственной и общественной работе.

Отрицая школу в ее современном виде, шульгинская группа настаивала на превращении ее в цех завода и договаривалась до совершенно абсурдных вещей. Так, в одном из выпус-

ков трудов Института методов школьной работы развивалась такая мысль: распределение детей по группам для прохождения школьной программы должно производиться отнюдь не по возрасту и не по степени подготовленности учащихся, а соответственно проектам, которые взяты для разработки. Автор этой «теории» рекомендовал включать для выполнения проектов в ученические группы также и учителей, родителей, профессионально-хозяйственных работников, целые предприятия и т. д. Эти идеологически чуждые теории поддерживались отдельными руководителями Наркомпроса РСФСР. Вот что, например, было записано в решении 3-й сессии Государственного Ученого Совета Наркомпроса РСФСР в 1931 году:

«В связи с новыми требованиями, предъявленными школе на данном этапе социалистического строительства, необходима коренная переработка программ, учебных планов, перестройка всей школьной жизни, методики воспитания и образования, необходима немедленная углубленная работа над методом проектов в массовой школе, как основным методом работы школы в данное время».[1]

Теперь, после процессов над врагами народа в 1937 и 1938 годах, для нас совершенно ясно, что извращения в теоретической педагогике были одним из проявлений провокационной деятельности врагов народа, направленной на подрыв советской школы.

Наша партия, по инициативе товарища Сталина, вскрыла и разоблачила все враждебные течения в педагогике, разгромила их идейно и организационно и дала правильное большевистское направление теоретической и практической педагогике, обеспечив тем самым идейный рост педагогики и подъем всей школьной работы.

V. Извращения ленинско-сталинской национальной политики в школьной работе

В нашей многонациональной стране правильное проведение национальной политики в области народного образования — дело огромной политической важности.

Наша партия с первых дней существования советского государства поставила перед собой задачу ликвидации культурного неравенства народов Советского Союза и подъема отсталых в культурном отношении народов до уровня передовых. С

[1] Материалы III сессии Гуса, 1931 г.

первых дней Великой Октябрьской социалистической революции наша партия и советское правительство обеспечили и в области культурного строительства братскую помощь великого русского народа другим народам. Национальные республики СССР, благодаря братской помощи великого русского народа, добились к 30 годам уже серьезнейших успехов в культурном развитии.

В период обострения классовой борьбы в стране враждебные элементы попытались атаковать ленинско-сталинскую национальную политику и в вопросах народного образования. В национальных республиках в этот период имели место извращения двух видов: великодержавный шовинизм и местный буржуазный национализм.

Великодержавные шовинисты, защищая интересы старых эксплоататорских классов, утверждали, что национальные грани в условиях советского государства стираются, а потому нет никакой необходимости вести обучение на родном языке и создавать национальную культуру народов Советского Союза; обучение в школах они предлагали вести на русском языке, распространять в национальных республиках только русские книги, насаждать только русское искусство. Они стремились превратить школы в орудие насильственной руссификации.

Идеологи национальной буржуазии, в лице буржуазной интеллигенции и реакционного духовенства, стремились к уничтожению социалистического содержания национальной культуры, к отрыву ее от культуры других народов СССР, от передовой культуры великого русского народа. Буржуазные националисты Украины и Белоруссии, выполняя волю своих хозяев — разведок империалистических государств, выдвигали теорию ориентации украинской и белорусской культур на западно-европейскую буржуазную культуру, в частности, на культуру панской Польши. Подобное же течение имело место в Средней Азии. В Узбекистане, например, в 1926—1930 гг. буржуазные националисты требовали ориентировки в вопросах культуры на кемалистскую Турцию, а не на пролетарскую Москву.

Буржуазные националисты, пробравшиеся в наркомпросы национальных республик, пытались осуществлять свои вредительские теории на практике. Так было на Украине, когда Наркомпрос возглавлялся Шумским, разоблаченным впоследствии как польский шпион, а затем Скрыпник, оказавшимся в плену буржуазно-националистической идеологии.

Так было в Узбекистане, где вредители Рамзи и Бату, возглавлявшие Наркомпрос, пытались подорвать основы ленинско-

сталинской национальной политики в области народного образования и насаждали ничем неприкрытый, разнузданный узбекский буржуазный национализм.

С враждебной идеологией великодержавного шовинизма и буржуазного национализма партия вела решительную борьбу. Разоблачая контрреволюционную сущность как великодержавно-шовинистического, так и буржуазно-националистического уклонов, товарищ Сталин в своем отчетном докладе на XVI съезде ВКП(б) во всей широте осветил основы национальной политики партии, проблемы национальной культуры. Он указал на то, что та культура, которую мы создаем в нашей стране, является социалистической культурой и что она не может быть по своему содержанию никакой другой культурой, кроме социалистической; но социалистическая культура, — указывал он, — развивается в национальных рамках и является национальной по форме. Товарищ Сталин указал на то, что эпоха диктатуры пролетариата является эпохой расцвета национальных по форме, социалистических по содержанию культур народов Советского Союза. В своем историческом докладе на XVI партийном съезде товарищ Сталин вскрыл содержание и разоблачил реакционную сущность как великодержавного шовинизма, так и местного буржуазного национализма в вопросах общей политики и культурной революции, в частности.

Каковы же были позиции партии в отношении тех извращений, которые мы имели на теоретическом фронте педагогики? Партия вела непримиримую борьбу с ними. Она разоблачала антисоветскую сущность уклонов в педагогике. Так, в период Всероссийского съезда по политехническому образованию, осенью 1930 года, центральный орган нашей партии газета «Правда», касаясь вопроса о политехнизме, писала о том, что политехнизм нельзя отрывать от всей политики диктатуры пролетариата, указывала на то, что политехнизм является одним из основных принципов в строительстве советской школы. Тем самым «Правда» разоблачала реакционную сущность оппортунистического уклона в педагогике, разоблачала группу Пинкевича и Пистрака, пытавшуюся сохранить вербально-схоластическую школу. Одновременно «Правда» писала и о том, что политехнизм вовсе не требует перехода школы на единый универсальный метод, что он вовсе не требует и перехода на метод «проектов». Напротив, «Правда» осудила метод «проектов», который шульгинцы считали единственно правильным методом в работе советской школы. Что же касается теории отмирания школы, то она была осуждена еще в период второго партийного

совещания по вопросам народного образования, в апреле 1930 года. Во время первого политехнического съезда, осенью 1930 года, «Правда» еще раз подчеркнула антиленинский, контрреволюционный характер теории отмирания школы. Таким образом, мы видим, что партия вела непрерывную борьбу со всеми извращениями на теоретическом фронте педагогики. Но тогда не было еще ясным, что на теоретическом фронте педагогики орудуют злейшие враги советского народа, не были еще вскрыты факты прямого вредительства врагов народа на идеологическом фронте. Самый сокрушительный удар по всем извращениям на теоретическом фронте педагогики был нанесен в 1931 г. историческим постановлением Центрального Комитета партии от 5-го сентября 1931 года.

VI. Исторические постановления ЦК ВКП(б) о школе

Историческое постановление ЦК партии от 5-го сентября 1931 года знаменовало собой начало нового этапа в развитии советской школы. В чем суть этого исторического постановления, какое значение оно имело для всего дела народного образования в нашей стране, для подьема советской школы? В постановлении от 5-го сентября 1931 года ЦК ВКП(б) дал прежде всего оценку тому пути, который прошла советская школа за 14 лет своего существования.

ЦК ВКП(б) признал, что советская школа за 14 лет своего существования (с 1917 г. по 1931 г.) добилась серьезных успехов в своей работе.

В постановлении ЦК ВКП(б) указывается на большой рост школьной сети и количества учащихся (с 7.800 тысяч в 1914 г. до 20 миллионов в 1931 году) и на успехи в деле подготовки учительских кадров.

Коренным образом изменился состав учащихся школы. В постановлении отмечается, что «дети рабочих и широких масс трудящихся в деревне, не имевших ранее возможности обучать своих детей в школе, являются теперь основным контингентом школы». Обучение детей в школах производится на родных языках учащихся (на 70 языках), что признается ЦК партии величайшим достижением социалистической революции.

В постановлении ЦК ВКП(б) отмечаются большие качественные сдвиги в школьном обучении.

«Советская школа, — читаем мы в постановлении ЦК ВКП(б), — ставящая своей задачей «подготовлять всесторонне развитых членов коммунистического общества», дает детям несравненно более широкий общественно-политический круго-

зор и общее развитие, чем дореволюционная буржуазная школа.

Самым главным достижением в работе советской школы ЦК ВКП(б) признал то, что «школа значительно подвинулась вперед по пути соединения школьного обучения с производительным трудом и общественной работой, благодаря чему заложены основы перестройки школы на базе политехнизма», и что «принципиально иным стало содержание всей работы школы». Такова оценка Центральным Комитетом ВКП(б) пути, пройденного советской школой. ЦК ВКП(б) отметил, что в первый период своего существования, в условиях обостренной классовой борьбы, советская школа добилась серьезнейших успехов и в организационной и в педагогической области.

За этот период была разрушена старая буржуазная школа, были подорваны устои буржуазной педагогической идеологии, в упорной борьбе с враждебными идеологиями выковывалась подлинно марксистско-ленинская педагогика.

Конечно, извращения, имевшие место на теоретическом фронте педагогики, с которыми партии приходилось вести борьбу, задерживали и тормозили развитие и школы, и теоретической педагогики, но они бессильны были остановить победный поступательный ход культурной революции в нашей стране.

Но в 1931 году, когда перед нашей страной встали грандиознейшие задачи в области социалистического строительства, потребовалась и решительная перестройка работы советской школы.

ЦК партии рассмотрел итоги работы школы не только по сравнению с прошлым, но и в свете новых задач, которые встали перед советским государством. ЦК партии признал, что уровень работы советской школы не удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются школе в условиях развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Коренным недостатком в работе школы ЦК признал недостаточное овладение учащимися основами наук; окончив общеобразовательную школу, молодежь была недостаточно подготовлена для поступления в техникумы и вуз'ы, что было совершенно нетерпимо, так как срывало мероприятия партии и советского правительства, направленные на повышение качества подготовки советских специалистов.

В постановлении ЦК ВКП(б) мы читаем: «ЦК считает, что коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает за-

дачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др). В силу этого политехнизация школы приобретает в ряде случаев формальный характер и не подготовляет детей, как всесторонне развитых строителей социализма, увязывающих теорию с практикой и владеющих техникой».

ЦК указал на недопустимость отрыва политехнизации школы от систематического и прочного усвоения наук, особенно физики, химии и математики, «преподавание которых должно быть поставлено на основе строго определенных и тщательно разработанных программ, учебных планов и проводиться по строго установленным расписаниям».

Отрыв политехнизации от глубокого изучения основ наук ЦК ВКП(б) называет грубейшим извращением идей политехнической школы, так как «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Ленин)[1].

В вопросах политехнизма ЦК предложил руководствоваться в дальнейшем «Заметками В. И. Ленина на тезисы Н. К. Крупской о политехническом образовании».[2]

Центральный Комитет ВКП(б) предложил Наркомпросам Союзных республик немедленно организовать научно-марксистскую переработку программ, обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний по всем учебным предметам. ЦК уделил большое внимание вопросу о методах преподавания в школе. Он сурово осудил антиленинскую теорию «отмирания школы», методическое прожектерство и в особенноси так называемый «метод проектов», заимствованный педагогическими леваками из буржуазной американской педагогики и совершенно непригодный для целей коммунистического воспитания советских детей. Этот «метод», как указывалось в постановлении ЦК, вытекал из теории «отмирания школы» и вел фактически к разрушению школы. Центральный Комитет партии предложил применять в советской школе разнообразные активные, проверенные на практике, методы обучения.

В передовой статье «Правды» — «Качество решает», опубликованной 11 сентября 1931 года, было указано, что огромное значение после постановления ЦК приобретает повышение методической квалификации учителя.

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., том XXX, стр. 407.

[2] В. И. Ленин. Собр. соч., том XXX, стр. 418—419.

«Учитель должен владеть методикой преподавания, — читаем мы в «Правде». — ... Большую помощь по методике, по искусству преподавания должны оказать учителю наши научные педагогические учреждения и издания, работа которых должна быть целиком подчинена конкретной методической помощи учительству».

Касаясь вопросов теоретической педагогики, ЦК ВКП(б) указал на то, что советская педагогическая теория должна создаваться не в тиши научных кабинетов, не учеными, оторванными от практической деятельности школы, а совместными усилиями ученых и практических работников в области обучения и воспитания детей — лучших учителей нашей школы.

ЦК потребовал от научно-исследовательских научных учреждений серьезного изучения богатого опыта советской школы и учительства, научного обобщения его и распространения среди педагогов.

В постановлении от 5-го сентября 1931 г. Центральный Комитет ВКП(б) дал ряд указаний и по организационным вопросам: о дальнейшем повышении материального уровня учительства, о форсировании развертывания семилетних школ в рабочих районах и городах, а также о введении в СССР обязательного семилетнего обучения.

Постановление ЦК партии от 5-го сентября 1931 года знаменовало собой начало нового этапа в работе советской школы. За этим постановлением последовал целый ряд других, не менее важных постановлений ЦК ВКП(б), касающихся работы советской школы. Не имея возможности подробно останавливаться на всех постановлениях ЦК, мы отметим лишь основное значение отдельных постановлений.

25 августа 1932 года ЦК партии вынес специальное постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». ЦК в этом постановлении потребовал от наркомпросов пересмотра всех программ с точки зрения требований марксистско-ленинской методологии, в частности указал на недостаточность исторического подхода к программам по общественным предметам. В постановлении ЦК было уделено большое внимание вопросам организации учебной работы и укреплению школьного режима. ЦК вновь осудил попытку реставрировать в школе единый универсальный метод, в виде т. н. «лабораторно-бригадного плана», и дал совершенно ясные, исчерпывающие директивные указания об организации учебного процесса в школе.

Эти указания ЦК легли в основу всей учебной работы советской школы. Приводим их целиком:

«а) Основной формой организации учебной работы в начальной и средней школе должен являться урок с данной группой учащихся, со строго определенным расписанием занятий и твердым составом учащихся. Эта форма должна включить в себя под руководством учителя общегрупповую, бригадную и индивидуальную работу каждого учащегося с применением разнообразных методов обучения. При этом должны быть всячески развиваемы коллективные формы учебной работы, не практикуя организации постоянных и обязательных бригад.

б) Преподаватель обязан систематически, последовательно изглагать преподаваемую им дисциплину, всемерно приучая детей к работе над учебником и книгой, к различного рода самостоятельным письменным работам, к работе в кабинете, в лаборатории, учебной мастерской и широко применяя, наряду с этими основными методами, различного рода демонстрации опытов и приборов, экскурсии (на завод, в музеи, в поле, в лес и т. п.); при этом преподаватель должен всемерно помогать детям при затруднениях в их учебных занятиях. Надо систематически приучать детей к самостоятельной работе, широко практикуя различные задания в меру овладения определенным курсом знаний (решение задач и упражнений, изготовление моделей, работа в лабораториях, собирание гербариев, использование пришкольных участков в учебных целях и т. п.).

ЦК обязывает Наркомпросы и их органы безусловно обеспечить во всей учебной работе школы руководящую роль преподавательского персонала.

в) В основу учета школьной работы должен быть положен текущий индивидуальный, систематически проводимый учет, знаний учащихся. Преподаватель должен в процессе учебной работы внимательно изучать каждого ученика. На основе этого изучения, преподаватель обязан в конце каждой четверти составлять характеристику успеваемости каждого ученика по данному предмету. Всякие сложные схемы и формы учета и отчетности запретить.

Считать необходимым установление в конце года проверочных испытаний для всех учащихся.

г) Предложить Наркомпросу срочно разработать методики по отдельным дисциплинам, а также по различным видам учебно-воспитательной работы (например, в лаборатории, на произ-

водстве, на пришкольном участке) применительно к возрастным особенностям учащихся».[1]

Особое внимание в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года уделялось учителю советской школы. ЦК ВКП(б) решительно потребовал ленинско-сталинского отношения к учителю со стороны органов народного образования и со стороны местных органов советской власти, извращавших иногда линию партии в отношении учительства, снижавших его руководящую роль в школе.

ЦК ВКП(б) подчеркнул, что учитель выполняет исключительно ответственную государственную задачу, являясь в школе уполномоченным Советского государства и партии и указал, что учитель несет персональную ответственность за качество обучения и воспитания детей.

Постановление ЦК от 25 августа 1932 года, окончательно ликвидировавшее методическое прожектерство, поднявшее роль учителя и укрепившее единоначалие в школе, способствовало новому, еще большему подъему советской школы.

На протяжении 1933/34 годов Центральным Комитетом ВКП(б) был принят ряд постановлений, касающихся организации и содержания работы советской школы, а также укрепления ее материальной базы. К числу этих постановлений следует отнести:

Постановление ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 года «Об учебниках для начальной и средней школы», в котором требовалось, чтобы были созданы стабильные учебники по всем предметам;

Постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР», установившее единую школьную систему для всего Советского Союза. Система, установленная этим постановлением, существует и доныне.

Одновременно с этим постановлением Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли два решения: «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР».

Оба постановления были направлены на поднятие роли гражданской истории и географии в деле образования и воспитания молодого поколения. Они сыграли большую роль в подъеме исторического и географического образования в начальных и средних школах.

---

[1] Постановления партии и правительства о школе. Учпедгиз, 1939, стр. 23—24.

Освещая положение советской школы в период социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, нельзя пройти мимо решений ЦК ВКП(б) по вопросам пионерского движения и состояния работы пионерских организаций в школе.

По вопросам пионерского движения заслуживают особого внимания постановления ЦК ВКП(б) от 25 июня 1928 года «О состоянии и ближайших задачах пионердвижения» и от 2 сентября 1929 года «Об итогах пионерского слета».

Остановимся кратко на содержании этих решений, имевших большое значение в воспитании молодежи в советской стране.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 июня 1928 года были подведены итоги работы пионерских организаций за первые пять лет их существования.

ЦК ВКП(б) констатировал, что пионерское движение прочно вошло в быт рабочих и крестьян и «стало неотъемлемой частью советской общественности в деле коммунистического воспитания детей», что в работе пионерских организаций имеется ряд достижений.

Но новая обстановка ставила и перед пионерскими организациями новые задачи. Изложению этих новых задач посвящено указанное постановление ЦК ВКП(б).

ЦК указал, что основным в работе пионерских организаций является борьба против проникновения в детскую среду чуждых пролетариату мелкобуржуазных влияний, и потребовал, чтобы партийные организации и комсомол уделяли больше внимания пионерскому движению и работе пионерорганизаций.

ЦК дал следующие установки, определяющие содержание работы пионерских организаций:

а) Надо сделать понятными и близкими для детей общие цели, за которые борются ВКП(б), ВЛКСМ и коммунистические партии мира; пробуждать в детях желание принять участие в борьбе и строительстве пролетариата; необходимо в детях развивать чувство международной солидарности, решительно изживая проявления национальной розни.

б) Воспитание навыков общественности и коллективизма должно явиться основной задачей всей трудовой, культурной и оздоровительной работы отрядов; эта работа должна ставить целью посильные и интересующие детей общественные задачи.

в) Пионерорганизации помогают комсомолу в отстаивании прав детей, работающих по найму в промышленных предприятиях и крестьянском хозяйстве.

г) Используя интерес ребят к труду, необходимо учить их

работать сообща, воспитать у них уменье организовать труд и работать по плану (предварительная заготовка расчетов и чертежей, бережное отношение к инструментам, материалам и т. д.); эта работа должна быть широко поставлена по линии развития всякого рода кружков: юных техников, радио-любителей, химиков, электротехников, отрядов по борьбе с сельскохозяйственными вредителями и пр.

д) В целях удовлетворения растущих культурных запросов детей необходимо создавать кружки друзей библиотеки, юнкоров, по изучению природы и другие кружки, способствующие повышению общей грамотности и культурного уровня пионеров.

Большое внимание в постановлении ЦК уделялось подготовке кадров пионервожатых. ЦК предлагал знакомить будущих учителей-студентов средних и высших педагогических учебных заведений с теорией и практикой пионердвижения.

Постановлением ЦК были разрешены и вопросы укрепления материальной базы пионердвижения. В бюджетах Наркомпросов предлагалось выделить средства на внешкольную работу и пионердвижение, строительство детских клубов, площадок, библиотек и т. д.[1]

Постановление «Об итогах пионерского слета» от 2 сентября 1929 года указывает, что «Первый всесоюзный слет пионеров, состоявшийся в условиях усиленного наступления социалистических элементов на капиталистические и обострения классовой борьбы за подрастающие кадры, показал огромную политическую активность и сознательность пионерской организации, активное участие детей в социалистическом строительстве и выполнении пятилетнего плана развития СССР». ЦК особо подчеркнул огромную политическую роль слета, превратившегося из дела пионерской организации в дело всего рабочего класса, а также его интернациональное значение.

Как и в предыдущем постановлении ЦК от 1928 г., особое внимание и в этом постановлении было обращено на подготовку активных, политически грамотных пионервожатых. Комсомолу было поручено мобилизовать 50.000 комсомольцев для использования их в качестве вожатых отрядов.

Большое внимание ЦК обратил на широкое развертывание внешкольной работы среди детей и на привлечение на эту работу средств общественных организаций и, в частности, общества «Друг детей», которое предлагалось реорганизовать «с тем, чтобы оно стало центром мобилизации сил и средств пролетар-

---

[1] Цитируется по сборнику «Из резолюций Всесоюзных и Всероссийских съездов и конференций РСДРП, РКП(б) и ВКП(б)», стр. 138.

ской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионердвижения, добиваясь вхождения и активной работы в этом обществе рабочих, работниц и членов комсомола.»[1]

Ряд специальных решений был связан с обучением и воспитанием девушек. Так, в постановлении от 1 августа 1928 года: «О положении девушек в производстве, в школе и о работе комсомола среди девушек. ЦК ВКП(б) обязал Наркомтруд СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ увеличить процент девушек в школах фабрично-заводского ученичества, а также добиться при осеннем комплектовании вузов и техникумов увеличения в них процента девушек, в первую очередь — из рабочих и бедняцко-батрацких семейств.

Наркомпросам Союзных республик было предложено усилить помощь девушкам, обучавшимся в техникумах, стипендиями, а беднейших девушек, обучающихся в школах II ступени, снабжать обувью, одеждой и учебниками. ЦК ВКП(б) в этом постановлении обратил внимание Наркомпроса, что в системе внешкольной работы необходимо учитывать запросы трудящихся девушек, «приспособляя к ним физкультурное и художественное воспитание и работу таких организаций и учреждений, как общества юных натуралистов, технические станции, детские площадки, клубы и т. п.».

Интересно отметить, что ЦК ВКП(б), указывая Наркомпросам Союзных республик на необходимость усиления работы по ликвидации безграмотности среди девушек, требовал, чтобы одногодичным школам ликбеза был придан ремесленно-технический уклон (преподавание шитья, кройки, вышивания, домоводства и т. п.). Признавалось необходимым введение трудового обучения для девушек и в общеобразовательной школе I и II ступени.

«В учебных программах I и II ступени, — читаем мы в постановлении ЦК ВКП(б), — необходимо предусмотреть обучение девушек трудовым навыкам, соответствующим запросам девушек и их работе в окружающем хозяйстве и в домашнем быту».

Повседневная забота партии, советского правительства и лично товарища Сталина обеспечили быстрый подъем в работе советской школы.

На базе мощного подъема всего народного хозяйства СССР культурная революция одерживала блестящие успехи.

Докладывая XVII съезду партии о тех колоссальных сдви-

---

[1] «Из резолюций Всесоюзных и Всеросийских съездов и конференций РСДРП, РКП(б) и ВКП(б)», стр. 142.

гах, которые произошли за период между XVI и XVII съездами партии товарищ И. В. Сталин указывал, что «СССР за этот период преобразился, в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья... Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал — вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР»[1].

Расходы по государственному бюджету на просвещение выросли за период первой пятилетки (4 года и 3 месяца) в 4,4 раза, а за пятилетний период — с 1928/29 г. по 1933 г. — в шесть раз: с 343,7 млн. руб. в 1928/29 г. до 2.060,9 млн. руб. в 1933 г.

Сеть школ начального и среднего образования увеличилась с 124,4 тыс. в 1928/29 г. до 166,7 тыс. в 1933/34 г. За этот же период количество учащихся в школах всех типов выросло с 12 074. 806 чел. в 1928/29 годах до 22.003.631 в 1933/34 г. Особенно бурно росло количество учащихся в школах среднего образования. По сравнению с 1914/15 г. количество учащихся в первых четырех классах возросло в два с половиной раза, а в пятых—десятых в 7,5 раза.

Сеть высших учебных заведений увеличилась с 91 в 1915 г. до 721 в 1933 г., а количество студентов в них соответственно возросло с 124,7 тыс. до 469,8 тыс. В царской России было в 1915 г. всего только 233 техникума, в которых обучалось 48 тыс. чел., а в СССР в 1933 г. насчитывалось 3.522 техникума с числом учащихся 797 тыс. чел. и 926 рабфаков с количеством учащихся 352,7 тыс.

Огромным достижением этого периода является колоссальный рост сети средних школ и количества учащихся в них особенно в деревне.

С 1928—1929 по 1933/34 г. численность учащихся в этих школах увеличилась с 986 тыс. до 6128 тыс. (прирост на 522 проц. против прироста в городах на 75 проц.).

На базе гигантского роста социалистической промышленности, коллективизации сельского хозяйства и правильно проводимой ленинско-сталинской национальной политики происходит рост и расцвет национальных культур — «национальных по форме и социалистических по содержанию».

---

[1] И. Сталин. «Вопросы ленинизма» Изд. 10-е. Стр. 553.

До революции в Туркмении едва насчитывался один грамотный на 100 жителей, а в 1934 г. советская Туркмения достигла грамотности по аулу — 50 проц. и по городу — 85%. В 1924 г. в Туркмении было 176 школ (начальных и средних), а в 1934/35—1915 школ. Число учащихся в них выросло соответственно с 16.863 до 117.453.

Таджикская ССР в 1934 г. имела больше 2.509 школ, охватывающих около 80 проц. детей школьного возраста, 29 техникумов и 5 вузов, тогда как в дореволюционное время в Таджикистане имелось всего лишь 2 средних школы и ни одной высшей.

В Узбекской ССР в 1934 г. обучалось свыше 570 тыс. детей, из них в сельских местностях около 435 тыс., что составляло 493 проц. против 1929/30 г.

В ЗСФСР численность учащихся в школах всеобщего обучения увеличилась в 1928/29 г. по 1933/34 г. почти на 600 тыс. чел. (т. е. в два раза) и составляла в 1933/34 учебном году 1148,3 тыс. чел.

Такой же культурный подъем происходил во всех союзных и автономных республиках и областях.

В то время, как в СССР шел мощный подъем культуры и десятки миллионов трудящихся приобщались к самой передовой культуре, в капиталистических странах происходил и происходит противоположный процесс—процесс варварского разрушения накопленной человечеством культуры. В большинстве капиталистических стран уменьшилось число школ, значительная масса детей городской и деревенской бедноты лишалась возможности их посещать. Так, в 1931 г. 9,5 млн. мальчиков и девочек в США не имели возможности посещать школу.

Только лишь за один 1932/33 г. расходы по бюджету на народное образование во многих штатах Америки сократились на 20 проц. Тот же процесс деградации наблюдался во всех странах Западной Европы.

В период первых сталинских пятилеток советская страна достигла величайших успехов в осуществлении задач культурной революции, предначертанных великим Лениным. Выше мы показали, что за этот период сильно возросла сеть школ, было осуществлено всеобщее первоначальное обучение, проведена огромная работа по ликвидации безграмотности среди взрослого населения, разрешена проблема подготовки кадров производственно-технической интеллигенции рабочего класса.

В соответствии с указаниями партии и великого Сталина,

за годы с 1926 по 1934 интенсивно росло количество вузов, техникумов, научно-исследовательских учреждений, неизмеримо поднята была роль науки в нашей стране. В сложных условиях обостренной классовой борьбы в стране выковывалась подлинно марксистско-ленинская педагогическая наука.

Благодаря бдительности Центрального Комитета ВКП(б), были вскрыты и разоблачены уклоны и извращения в педагогической науке и обеспечен ее подъем.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) о школе дали исчерпывающие указания о роли школы в условиях развернутого социалистического наступления, о её всё возрастающем значении в строительстве коммунистического общества и обеспечили руководящую роль учителя в учебно-воспитательной работе. В этих постановлениях не только четко определялись задачи школы, но и было конкретно определено содержание школьной работы в области воспитания и обучения, формы и методы работы школы.

Конкретное, повседневное руководство школой со стороны ЦК ВКП(б) обеспечило мобилизацию учительства и советской общественности на борьбу с «коренным недостатком» в работе школы и способствовало подъему всей работы школы на уровень исторических задач, разрешаемых нашей страной.

Т. Д. Корнейчик,
кандидат педагогических наук

ФОРМАЛИЗМ И АНТИПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И БОРЬБА С НИМИ

I.

Советская детская литература, самая передовая и идейная в мире, находится на новом подъеме.

За годы послевоенной пятилетки расширился круг детских писателей, стала разнообразнее и актуальнее тематика детских книг, повысился идейно-художественный и педагогический уровень детской литературы.

Показателем художественной зрелости, идейной значимости и педагогической целесообразности лучших произведений детской литературы является присуждение за 1949 год Сталинских премий — И. Василенко, А. Мусатову, А. Барто и С. Михалкову.

В литературу для детей и подростков вошел новый герой, ученик ремесленного училища, будущий рабочий и мастер социалистических фабрик и заводов. Лауреат Сталинской премии, писатель и педагог И. Д. Василенко в повести «Звездочка» образно, поэтично, с большим чувством и мастерством нарисовал картину творческого, созидательного труда юных тружеников, учеников-ремесленников, работающих на крупном предприятии, выпускающем чудесные самоходные комбайны.

Труду и учебе молодежи на производстве посвящены и книги — И. Ликстанова «Малышок», В. Курочкина «Бригада смышленых».

Книги эти прочно вошли в круг чтения учащихся среднего и старшего возраста.

Богат, разнообразен и увлекателен мир будущих рабочих, техников, мастеров, людей нового типа.

Педагогам следует внимательно отнестись к повестям о юных производственниках, о мастерах-воспитателях. В этих книгах

хорошо показаны учеба, труд, культура на производстве, огромная воспитывающая роль партии, комсомола, коллектива рабочих, старых мастеров, энтузиастов общественного труда—стахановцев. Каждый вдумчивый учитель, прочитав повести И. Василенко, И. Ликстанова и В. Курочкина, сделает для себя определенные педагогические выводы.

Обогатилась детская литература и новыми произведениями о сельских школьниках. Повесть А. Мусатова «Стожары» удостоена Сталинской премии. А. Мусатов показал поэзию труда на колхозных полях, нарисовал истинно поэтические, жизненные фигуры новых, колхозных подростков, для которых учеба в школе, творческий и радостный труд в родном колхозе являются основной формой служения социалистическому обществу, необходимой предпосылкой и условием для того, чтобы сделать «всю землю красивой и полезной», как мечтают об этом стожаровские пионеры.

Любовь к своей школе и к родному колхозу, к труду, уменье работать с увлечением, инициатива, изобретательность, новаторство, крепкая дружба, взаимопомощь, честность, чуткость и многие другие высокие моральные качества наших детей и подростков показаны автором с подкупающей искренностью, свежестью и яркостью, без тени идеализации и нарочитого причесывания своих героев под «добродетельных» колхозных мальчиков и девочек.

Саня Коншаков, Федя Черкашин, Маша Ракитина, Степа Карасев, Зина Колесова, Алеша Сёмушкин — это живые и яркие образы колхозных подростков, умеющих учиться, трудиться и жить по-новому; но у них не всегда и не все получается так, как нужно. Только после ряда ошибок возвращается в коллектив ребят Саня Коншаков. Повесть заканчивается детской «мечтой-думой» о светлом завтрашнем дне.

О колхозных детях и их посильном участии в труде взрослых, написал чудесную повесть «Степное солнце» П. Павленко.

Правдивы, жизненны и привлекательны Сережа Емельянов, Зина Чумакова, Яша Бабенчиков, Вася Крутиков. У каждого из них свое лицо, свой характер, своя манера говорить, свой стиль работы. Это маленькие труженики и болельщики за свой колхоз. Они умеют дружить, помогать друг другу, быть внимательными и заботливыми, строгими и требовательными, чуткими и отзывчивыми. Их интересы широки и разнообразны. Они увлекаются «Повестью о настоящем человеке» Б. Полевого, с волнением слушают сообщение о ранении Тольяти (действие повести происходит в 1948 году). С любовью и гордостью за колхозных ребят говорит о них полевод:

«Послал я их в ночное с конями, а они контрпроект вносят: мы, говорят, за одно и горючее будем охранять и машины, когда комбайнеры уснут».

Хорошо, красочно и вместе с тем просто показана новая степь и ночная работа комбайнов. Широко раскинулась колхозная степь, горит костер, «а ночь темным-темна, и в глубине ее, как в отдаленной пещере, движется огненное видение комбайна, и пахнет простором, мазутом, травами, и как-то свежо-свежо на сердце, точно оно впервые бьется ради своего удовольствия».

Это совершенно новый степной пейзаж, которого не могло быть ни в «Бежином луге» Тургенева, ни в «Степи» Чехова, ни тем более в степи Гоголя.

Хорошую книгу об участии сельских школьников в восстановлении разрушенного фашистами колхоза написала Л. Воронкова. Ее повесть «Село Городище» читается с неослабевающим интересом.

О детях и подростках на войне мы имеем такие книги, как «Сын полка» В. Катаева «Тайна Соколиного бора» Ю. Збанацкого, «Улица младшего сына» Л. Кассиля и М. Поляновского.

Большое познавательное и образовательное значение имеют правдивые, реалистические произведения, иногда носящие автобиографический характер, о детстве в дореволюционной России. К таким произведениям относятся: «Повесть о детстве» Ф. Гладкова (детям среднего возраста доступны только отдельные главы), «Дальнее-близкое» и «Зеленая кобылка» П. Бажова, «Открытие мира» В. Смирнова, «У железного ручья» А. Кононова, «Мишкино детство» М. Горбовцева, «Мои мектебы» С. Муканова. Читая эти книги и сравнивая прошлое с настоящим, наши юные читатели воочию убеждаются, как далеко ушла Страна Советов от старой России, как отличается их детство от детства их отцов и дедов.

Мы имеем хорошие приключенческие книги. Это прежде всего «Два капитана» В. Каверина, книга, заслуженно ставшая любимой книгой миллионов наших учащихся, и другая книга, не свободная от недостатков, «Кортик», написанная молодым писателем Анатолием Рыбаковым.

О детях капиталистических стран, о тяжелом положении и дискриминации негритянских детей в Америке и Африке у нас есть три-четыре произведения, которые с увлечением читаются нашими учащимися. Это книги Н. Кальма «Черная Салли» и «Дети горчичного рая», Г. и Н. Комаровских «Твои ровесники», пьеса В. Любимовой «Снежок».

Некоторые сдвиги наблюдаются и в создании школьной по-

вести. М. Прилежаева, В. Осеева, А. Мусатов, И. Василенко, О. Хавкин, Н. Кальма, Ф. Виноградова, Б. Изюмский, И. Карнаухова, Е. Шварц, К. Ползикова-Рубец и др. дали произведения о нашей школе, имеющие определенное педагогическое, воспитательное значение. Рассказы и повести о школьниках и пионерах пишут Ю. Сотник, Н. Носов, А. Алексин, А. Перфильева.

Наиболее ценными в художественном отношении являются школьные повести: «С тобой товарищи» М. Прилежаевой, «Васек Трубачев и его товарищи» В. Осеевой, «Мой класс» Ф. Вигдоровой, «Алые погоны» (о суворовцах) Б. Изюмского, «Всегда вместе» О. Хавкина, «Первоклассница» Е. Шварца, «Они учились в Ленинграде» К. Ползиковой-Рубец.

Поэзия и проза для маленьких детей, дошкольников и младших школьников, обогатилась новыми произведениями Маршака, Михалкова, Барто, Георгиевской («Бабушкино море»), Благининой, Миршакара, Познанской, Воронько и др.

Растет, хотя и медленно, научно-художественная литература для детей. Лауреат Сталинской премии Н. Михайлов дал хорошую книгу «Над картой Родины». В. Сафонов написал поэтическую книгу «Земля в цвету» — о преобразователях природы: Мичурине, Лысенко, Докучаеве, Костычеве, Вильямсе, Темирязеве. Книга также удостоена Сталинской премии. Благодаря некоторой фрагментарности и множеству разнообразных сведений, сюжетно недостаточно связанных между собою, книга доступна только детям старшего возраста. Широко известны книги М. Ильина. Но его книга «Как человек стал великаном», написанная совместно с Е. Сегал, страдает многими существенными недостатками идеологического и методологического характера. Авторы не сумели показать историю развития культуры в материалистическом, марксистско-ленинском освещении, допустив объективистское изложение и идеалистическое понимание в отдельных случаях развития науки, философии и техники.

О русской природе, ее лесах и лугах, населяющих ее животных, птицах давно пишут М. Пришвин, В. Бианки, А. Мантейфель, Н. Плавильщиков, Г. Скребицкий и др. М. Пришвин — прекрасный художник-следопыт. «Лесная газета» В. Бианки, выдержавшая несколько изданий, переведенная на многие языки, углубляет и развивает лучшие традиции таких знатоков и певцов русской природы, как Модест Богданов и Дмитрий Кайгородов. Особое место занимает в литературе о природе Дальнего Востока В. Арсеньев. Научно-художественная литература и литература о родной природе помогает нашим учащимся вы-

работать материалистическое мировоззрение, приобщает их к делу преобразования природы, воспитывает любовь к Родине.

Пришли в детскую литературу видные советские ученые, инженеры: В. Охотников, И. Ефремов, В. Немцов и др. Они своими научно-фантастическими произведениями облегчают учащимся процесс познания и усвоения сложных биологических и физических законов, будят любознательность, воспитывают творческую мечту, развивают интерес и любовь к родной науке.

Любимыми книгами наших учащихся стали книги о войне на фронтах и в тылу врага. «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Честь с молоду» А. Первенцева, «Служу родине» Ив. Кожедуба, «В Крымском подполье» И. Козлова, «От Путивля до Карпат» С. Ковпака, «Записки партизана» П. Игнатова, «Это было под Ровно» Д. Медведева, «Подпольный обком действует» А. Федорова, «Война в тылу врага» Г. Линькова, «Люди с чистой совестью» П. Вершигора, — вот книги, которые с увлечением читают и взрослые и дети. Спрос на них в библиотеках огромный. Всем педагогам нужно хорошо знать эти книги: они помогают воспитывать в детях животворный советский патриотизм, мужество и бесстрашие, твердый характер и крепкую волю, преданность партии, народу, Родине.

В. Маяковский советует:

«Юноше,
обдумывающему
житьё,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу, не задумываясь:
— Делай её
с товарища Дзержинского».
(«Хорошо»).

Огромное воспитательное значение имеют биографические повести и рассказы, показывающие молодежи детство, юность, становление характера и жизненный путь замечательных деятелей коммунистической партии и советского государства, а также жизнь, воспитание и бессмертные подвиги юных патриотов. К таким биографическим повестям и рассказам, которые учат «с кого делать жизнь», нужно отнести: «Рассказы о Феликсе Дзержинском» Ю. Германа, «Валериан Куйбышев» Е. Куйбышевой, «Путь большевика» З. Орджоникидзе, «Мальчик из Уржума» А. Голубевой, «Грач—птица весенняя» С. Мстиславского, «Жизнь и приключения Максима Горького» И. Груздева, «Рассказы о Гайдаре» Бориса Емельянова, а также такие произ-

ведения, как «Павлик Морозов» В. Губарева, «Павлик Морозов» (поэма в стихах) Степана Щипачева, «Повесть о сыне» Е. Кошевой, «Повесть о Зое и Шуре» Л. Космодемьянской, «Зоя» (поэма в стихах) М. Алигер, «Четвертая высота» Е. Ильиной, «Чайка» Н. Бирюкова и некоторые другие.

Исключительно действенными в воспитательном отношении являются произведения Н. Островского, А. Макаренко, А. Гайдара, написанные еще до Великой Отечественной войны, ставшие классическими произведениями советской литературы, любимыми и буквально настольными книгами наших детей и подростков.

Лучшие из книг о детях, будучи в воспитательном отношении произведениями целенаправленными, одновременно дают интересный и большой материал для педагогических и психологических выводов, для познания типических черт детей и подростков различных слоев трудящихся, для определения индивидуальных особенностей сознания, характера и воли учащихся различных возрастов. Кроме того, чтение талантливых книг о наших детях, их учебе, труде, их радостях и огорчениях, их мечтах и творческих устремлениях, приближает педагога к учащимся, повышает его интерес и уважение к ним, заставляет многое по иному понять и пережить, окрашивает педагогические приемы в эмоциональные тона, будит творческие силы педагога и помогает ему выработать педагогический такт и установить контакт с учащимися, что не может не отразиться положительно на работе учителя в целом.

II.

Достижения нашей детской литературы бесспорны, но ей еще многого нехватает, перед ней стоят большие задачи и открываются широкие перспективы дальнейшего роста и развития. У нас до сих пор нет художественных биографий великих вождей наших — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и И. Сталина, а также биографий многих выдающихся деятелей коммунистической партии и советского государства, биографий великих ученых прошлого и настоящего, героев гражданской и Великой Отечественной войны, биографических повестей об учителях, о великих русских педагогах, о знатных людях нашей страны, о Героях Социалистического Труда.

Все еще недостаточно произведений на современные актуальные темы, ограничена тематика книг для дошкольников и младших школьников. Почти совершенно отсутствуют лирические стихотворения, стихотворные поэмы для подрост-

ков. Мало сказок, созданных советскими писателями, для маленьких детей. Плохо дело обстоит с историческими повестями и романами для школьников различных возрастов. Мало хороших книг и в области научно-художественной и художественно-фантастической литературы.

Нет у нас и настоящей, большой, глубоко идейной, всеохватывающей, увлекательной школьной повести и повести о советском учителе.

В постановлении XIII пленума правления Союза советских писателей «О состоянии и задачах развития детской литературы» говорится:

«Недооценка роли советской школы в воспитании подрастающего поколения привела к тому, что жизнь советской школы долгое время не находила отображения в творчестве многих детских писателей и не нашла до сих пор такого высокого идейного и художественного воплощения, которое отвечало бы нашему времени, — времени построения коммунизма.

Некоторые писатели и критики выступили даже с ложной «теорией», согласно которой будто бы невозможно и нецелесообразно создавать произведения о советской школе».[1]

До сих пор не разработана, в соответствии с требованиями социалистического реализма и марксистско-ленинской науки о воспитании, теория советской детской литературы.

«Теоретиками» и «критиками» детской литературы долгое время были формалисты и антипедагоги, деятельность которых получила следующую оценку в постановлении XIII пленума правления Союза советских писателей: «Безидейные критики — формалисты (А. Ивич, В. Шкловский, И. Халтурин), проповедывавшие теорию «кризиса» и «застоя» в детской литературе, держали курс на отрыв детской литературы от школы и педагогики. Этим попыткам критиков-формалистов не был во-время дан должный отпор. Больше того, они нередко получали поддержку и трибуну в комиссии и секции по детской литературе (руководимых т. т. С. Маршаком, В. Смирновой, Л. Кассилем, А. Барто)».[2]

На пленуме, в защиту педагогической направленности детской литературы, в защиту полнокровной и многокрасочной школьной повести, выступила Л. Дубровина.

Справедливо критикуя К. Симонова за недооценку им специфики детской литературы, за отрицательное отношение к школьной повести, которая якобы культивирует отрыв школы от жиз-

---

[1] «Литературная газета» от 4 марта 1950 г. № 19.
[2] Там же.

ни социалистического общества, Л. Дубровина говорила: «Советская педагогика и советская детская литература неразрывны. В органическом слиянии проблем педагогики и искусства кроется то, что может быть названо часто употребляемым словом «специфика» детской литературы. В решении этой задачи большое и плодотворное поле деятельности и для педагогической науки, и для писателей...

В воспитании и образовании подрастающего поколения школе принадлежит огромная роль. Нашей бедой является то, что мы до последнего времени не сумели повернуть писателей лицом к школе. Не уводить от школы, а, наоборот, суметь показать все богатство школы, все своеобразие советской школы, заключающееся, в частности, именно в том, что она не оторвана от бурной, ее окружающей жизни, а является составной частью всей советской действительности...

Воинствующие формалисты-космополиты типа Ивича, выступавшие официально докладчиками в комиссии по детской литературе, договаривались при поддержке комиссии и ее руководства (Л. Кассиль и В. Смирнова) до того, что школьная повесть вообще не нужна».[1]

* * *

Антипедагогическая направленность в детской литературе встречается в различных формах и видах.

Наиболее полным и последовательным выражением антипедагогических взглядов на детскую литературу являются высказывания, отрицающие детскую литературу и детских писателей.

Несколько лет тому назад Лев Гумилевский, анализируя творчество детского писателя Сергея Григорьева, писал: «Обязанность писать для детей, возложенная на Григорьева и принятая самим, оказывает далеко не положительное влияние на его творчество. Он почти боится той широты и размаха, которые приобретает создаваемая им художественная действительность и спешит уложить ее в прокрустово ложе специфической детской литературы... И потому-то мы решительно отстраняем понятие «детского писателя», теоретически бессмысленное, хотя практически существующее».[2]

Л. Гумилевскому нет дела до того, что детская литература и детские писатели «практически» существуют. По его мнению, существование это бессмысленно и незаконно. Л. Гумилевский подошел к вопросу детской литературы как антипедагог.

---

[1] «Литературная газета» от 1 февраля 1950 г.

[2] Цитирую по ж. «Детское чтение» № 8, 1940 г. Стр. 33—34.

Такое нигилистическое отношение к детской литературе и детскому писателю есть результат незнания или недопонимания марксистско-ленинской науки о коммунистическом воспитании детей в нашей стране, есть результат непонимания специфики детской литературы, заключающейся (специфики) именно в *педагогической* направленности *художественной литературы* для детей.

Детская литература растет, развивается и расцветает вместе с ростом и развитием социалистического общества, уверенно идущего к коммунизму.

Поэтому Л. Гумилевский, решивший отменить советскую детскую литературу и тех, кто ее создает, просто попал в смешное положение.

Можно было бы не упоминать о Л. Гумилевском, если бы он был одинок и подобные взгляды на детскую литературу не существовали среди некоторой части писателей и преподавателей литературы в педагогических институтах и университетах. Нередко еще можно услышать заявления, что никакой специальной детской литературы не должно быть. Есть хорошая литература и плохая, давайте детям только хорошую литературу: Пушкина, Лермонтова, Горького, Маяковского и т. д.

Люди, так относящиеся к детской книге, не знают ни детской литературы, ни советской педагогики. Приобщение той и другой к областям нашей советской культуры, без сомнения, поможет им освободиться от скороспелых заключений о детской литературе и ее воспитательном значении.

Определенную опасность для развития советской детской литературы представляют критики-формалисты, антипедагоги, признающие детскую литературу, претендующие на руководящую в ней роль в качестве теоретиков, критиков или создателей художественных произведений для детей. Такими «теоретиками» и «критиками» детской литературы вплоть до XIII пленума правления Союза советских писателей были: В. Шкловский, А. Ивич, Л. Кассиль и др.

В течение ряда лет А. Ивич и В. Шкловский буквально встречали в штыки каждое произведение о советской школе. Чем больше появлялось школьных повестей, тем чаще выступали А. Ивич и В. Шкловский с пессимистическими утверждениями о «кризисе» и отставании от жизни детской литературы.

Все, что связано со школой, с советской педагогикой, то, по их мнению, обязательно должно быть антихудожественным, скучным, мелким, «узко утилитарным» и ненужным нашим детям.

В. Шкловский известен не только как критик, но и как дет-

ский писатель-беллетрист. Его формалистическому перу принадлежит, между прочим, «Книга о художнике Федотове», в которой он дал антиисторическую трактовку образа одного из первых русских художников реалистической школы.

А. Ивич в своей панегирической статье — «Виктор Шкловский и детская литература» — произвел В. Шкловского в ранг великих критиков, первооткрывателей новых путей в детской литературе. «Шкловский прокладывает новые дороги... В детской литературе, как и в книгах для взрослых, он изобретатель»,[1] — писал А. Ивич.

В. Шкловский, А. Ивич, как «изобретатели», как прокладыватели «новых дорог», начисто отметают благородные традиции в детской литературе великих русских революционных демократов: В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, которые требовали от произведений детской литературы обязательной связи с передовой педагогикой, с задачами революционного воспитания молодежи, требовали реалистического и правдивого изображения жизни в формах увлекательных и заманчивых для детей. «Простота и естественность содержания детской книги, — писал В. Белинский, — должны соединиться с заманчивостью интриги и увлекательностью изложения».

В. Шкловский и А. Ивич принципиально против простоты и естественности в детской литературе. Они требуют изломанности, раздвоенности психики героев, требуют трагедий, так как, по утверждению В. Шкловского, «именно наше время пригодно для создания величайшей трагедии, которую мы еще не осуществили».

Для В. Шкловского высшим авторитетом и руководителем в делах литературы является Александр Веселовский, которого он именует «великим автором недописанных книг». В. Шкловский легко и свободно сближает литературные произведения и писателей различных народов, стран и времен, защищая и пропагандируя буржуазную космополитическую теорию «кочующих сюжетов». В. Шкловскому ничего не стоит без всяких доказательств категорически утверждать: «Марк Твен близок Пушкину... Марк Твен близок Маяковскому... Катаев... близок к марктвеновским описаниям...»[2].

Следуя В. Шкловскому, А. Ивич также занимается самыми невероятными сближениями литературных героев. Так, оказывается, что Николай Антонович («Два капитана» В. Каверина)

---

[1] А. Ивич «Виктор Шкловский и детская литература». Ж. «Детская литература» № 3, 1939 г. стр. 54—58.

[2] В. Шкловский «О Марк Твене и о том, кто ему близок». Ж. «Детская литература» № 20, 1938 г., стр. 21—27.

имеет много общего с Фомой Опискиным, а Ромашка — со Свидригайловым. Есть, по мнению А. Ивича, в «Двух капитанах» страницы, напоминающие «Детство, отрочество и юность» Л. Толстого.

В. Шкловский и А. Ивич ссылаются иногда на А. М. Горького, пишут даже статьи о нем, но на самом деле они очень далеки от революционных взглядов великого пролетарского писателя на детскую литературу. А. М. Горький всем своим творчеством и критическими статьями опровергает формалистические выкрутасы и антипедагогическую пропаганду писателей типа В. Шкловского и А. Ивича. «Детские книги, — писал А. М. Горький, — должны способствовать развитию в малышах интереса и вкуса к знанию, должны облегчать им постижение школьной науки...»,[1] т. е. делать то, что по Шкловскому и Ивичу является мелкой целью, недостойной писателя.

Еще в 1941 году ЦК ВКП(б) потребовал, чтобы издание литературы для детей было поставлено на научно-педагогической основе и подчинено учебно-воспитательным задачам школы. Это требование долгое время во всем его объеме не выполнялось. Формалисты и антипедагоги открыто и в замаскированном виде продолжали линию пренебрежительного и нигилистического отношения к советской школе и советской педагогике, утверждая по существу в детской литературе «глупую антиленинскую теорию отмирания школы». Они возродили «пролеткультовское» отношение к классическому наследству в области детской литературы и критики. В. Шкловский и А. Ивич и те, кто за ними шел и их поддерживал, упорно замалчивали и до сих пор замалчивают хорошую книгу А. П. Бабушкиной, единственную исследовательскую работу по истории русской детской литературы. Книга показывает богатство и красоту русской народной и передовой письменной литературы для детей, органически связанной с прогрессивной русской педагогикой.

Нигде, ни в одной стране Западной Европы, ни в Америке не было такого положения, чтобы лучшие умы, великие таланты и пламенные патриоты работали одновременно и в детской литературе и в педагогике. В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, будучи великими мыслителями, философами-материалистами, революционными демократами, были вместе с тем и создателями самой передовой теории детской литературы и русской прогрессивной педагогики. Если революционные демократы выступили, главным образом, в качестве критиков и теоретиков педагогики и детской литературы, то такие гиган-

[1] А. М. Горький. «О молодежи и детях». Изд. «Молодая гвардия», 1938 г., стр. 142.

ты педагогического мастерства и литературного исскуства, какими были К. Ушинский и Лев Толстой, дали непревзойденные для всего XIX века классические образцы детской учебной книги и детского художественного рассказа.

Формалисты и антипедагоги не хотят считаться ни с произведениями великих русских критиков, ни с передовой русской детской литературой. Отсюда — и заговор молчания против талантливой и полезной книги А. П. Бабушкиной. (В книге есть и недостатки и отдельные ошибки, но в целом она заслуживает самого серьезного разбора и положительной оценки. Ею широко пользуются преподаватели детской литературы педагогических училищ, учительских и педагогических институтов).

Следующие слова А. А. Андреева, сказанные им на первом совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ 19 января 1936 года, остаются в силе по отношению к формалистам и по настоящее время:

«Ряд писателей, вместо того, чтобы учиться у наших великих художников слова — А. М. Горького, Пушкина, Л. Толстого, учиться у великих критиков литературы — Белинского, Добролюбова, Чернышевского и др., как создавать детскую книгу, — пытаются выдумывать свое, что-то особенное, и часто, не достигая цели, преподносят ребенку плохую книжку, тем самым не находят отклика на свои произведения в детской среде».[1]

Не желая учиться у великих русских критиков, отвергая их, формалисты не могут понять и принять требования социалистического реализма, ибо «лучшая традиция советской литературы является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно-разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным».[2]

Нельзя не привести и слов М. И. Калинина, которые также целиком относятся к писателям-формалистам:

«Писатель, который выступает перед широкой массой, конечно, должен знать философию марксизма, если писатель слабо знает философию марксизма, слабо знает Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, ясно, что у него никакого крупного марксистского произведения не получится... Писатель должен быть одним из самых культурных людей. Иначе, какой же он писа-

---

[1] А. А. Андреев. «О коммунистическом воспитании молодежи». Изд. «Молодая гвардия», 1937 г. стр. 61.

[2] А. А. Жданов. «Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», ОГИЗ. 1946 г., стр. 26.

тель, если его культурный уровень будет ниже, чем у окружающих, кого и чему он будет тогда учить?».[1]

К сожалению, формалисты кое-кого учат. Писатель Вадим Кожевников в статье «Великий пример» пишет: «Высокая любовь к советской литературе, ее глубокое понимание чехословацкими литераторами не могут не вызвать у нас чувства радости... И как горько бывает, когда за плохую, ошибочную книгу нашего писателя цепляются реакционные элементы за рубежом. Так, например, чехословацкие буржуазные эстеты воспользовались творениями Шкловского для того, чтобы с их помощью «обосновать» свою платформу. Но прогрессивные чешские писатели раскритиковали книгу Шкловского «Теория прозы». Франтишек Нечасек писал: «Эта книга наглядно демонстрирует всю теоретическую беспомощность и реакционность формализма в его взглядах на русскую литературу».[2]

Формализм в советской детской литературе чаще всего выступает в роли псевдоромантизма, уводящего юного читателя от реальной жизни социалистического общества в придуманный мир ложной красоты, фантастических приключений, антинаучных вредных измышлений. Таковы некоторые повести и романы Игоря Всеволожского, написанные по готовым штампам и схемам буржуазного бульварного романа и получившие достойную оценку в нашей критической литературе.

Печатью формализма отмечены научно-фантастические повести, выпущенные в 1948 году Трудрезервиздатом под общим названием «Дорога богатырей» и принадлежащие перу таких авторов, как доктор биологических наук, проф. Студицкий, писатели — Ю. Долгушин, В. Сапарин и др.

Ложную по основной идее повесть «Дальнее плавание» написал Р. Фраерман. Образы советских десятиклассниц в повести искажены до неузнаваемости. Сентиментализм, мелодраматизм, поиски главной героиней Галей Стражевой какой-то мистической красоты, неправильное понимание основных целей и задач советской школы и коммунистического воспитания характеризуют повесть «Дальнее плавание», как мниморомантическую и антипедагогическую, оторванную от правды нашей жизни.

Погрешил против жизненной правды и такой замечательный мастер художественного слова как К. Паустовский, написав «Далекие годы», в которых прошлое явно идеализировано, и «Летние дни», очерки о безмятежной жизни на лоне природы вне времени и пространства.

---

[1] М. И. Калинин. «О молодежи». Изд. «Молодая гвардия». 1940 г. стр. 164—165.

[2] «Литературная газета» от 7 ноября 1949 г. № 90.

Псевдоромантические и формалистические извращения присущи и новой повести И. Ликстанова «Зелен камень». И. Ликстанов в погоне за нарочитой занимательностью и таинственными приключениями изменил методу реального изображения жизни наших советских людей, методу, который так плодотворно был применен автором в повести «Малышок».

Отошел от метода социалистического реализма в новом романе «Открытая книга» и автор замечательных «Двух капитанов» В. Каверин. Первая книга романа, опубликованная в журнале «Новый мир» за 1949 год, свидетельствует о том, что В. Каверин построил свое произведение в отрыве от жизни, по готовой литературной схеме со всеми аксессуарами любовно-мещанского романа, с дуэлями, сложными любовными историями, изменами, «роковыми» встречами, якобы глубокими внутренними переживаниями героев, страдающих от безнадежной любви.

О страданиях такого рода хорошо говорил А. Герцен: «Что за жалкое, потерянное существование какого-нибудь Вертера? У Вертера нет ничего ни внутри, ни вне, кроме любви к Шарлотте, несмотря на то, что он почитывает Гомера. Жаль его — а ведь пустой малый Вертер!»

Но героев «Открытой книги» даже не жалко. «Нам просто не интересно читать об этом»,—пишут студенты Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.[1]

Порочную книгу написал и такой видный советский писатель как В. Катаев. Его роман «За власть Советов» подвергся суровой, но справедливой критике на страницах «Правды». Автор статьи «О новом романе Валентина Катаева «За власть Советов» Михаил Бубеннов одной из причин неудачи романа считает то, что В. Катаев решил сделать книгу «увлекательным чтивом» вроде «Пещер Лейхтвейса». Почти все, что ни происходит в нем (в романе), происходит случайно, легко, по какой-то чародейской воле автора. Это еще более отдаляет его от жизни, от исторической правды... в погоне за занимательностью В. Катаев часто снисходит до детектива».[2]

В ложном свете показан в романе одиннадцатилетний пионер Петя Бачай, которому автор приписал противоестественные переживания, заключающиеся в том, что якобы мальчик «чувствовал себя одновременно самим собою-сыном и своим отцом, и дедушкой, и бесконечно длинным рядом своих предков, уходивших куда-то «назад», «в таинственный туман времени». Под этими словами подпишется любой педагог-биогенетист. Вольно или невольно

---

1. «Литературная газета» от 4 января 1950 г. № 2.
2. Газета «Правда» от 16 и 17 января 1950 г. № 16 и 17.

В. Катаев пропагандирует и поэтизирует антинаучное и реакционное учение о том, что ребенок в своем развитии повторяет все стадии развития человеческого рода, что в нем преобладают инстинкты дикаря. Это учение в интерпретации американских оголтелых биогенетистов типа Стенли Холла гласит, что в ребенке имеются инстинкты — религиозный, собственности и т. д., так как человечество, мол, всегда было религиозным и всегда оно развивалось на основе «частной, священной и неприкосновенной собственности», а развитие ребенка есть не что иное, как «повторение цивилизации в малом размере». Эта ложь давно разоблачена советской педагогикой. Незнание советской педагогики и советской психологии приводит к самым неожиданным, нежелательным и вредным последствиям.

В романе В. Катаева много слов блатного жанра, украинизмов: «зануда», «клифт», «москвич затрушанный», «нехай», «треба», «твой батька цицьку сосал» и др.

Как важно нашим писателям учиться у русских классиков чистоте русского литературного языка, как полезно помнить нетерпимое отношение великих русских писателей к малейшей фальши в языке. А. Чехов в одном из писем к писателю И. Леонтьеву (Щеглову) возмущался провинциализмами последнего: «Начать хоть с того, — писал А. Чехов, — что всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка. «Кабачки», «отчины двери», «говорить» и проч. — за все это не скажет Вам спасибо великоросс... Язык щедро попорчен».[1]

Необходимость учиться языку у великих русских писателей приобретает особое значение и огромный смысл в свете гениального учения И. В. Сталина о языкознании.

Учась у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького русскому языку, советские писатели обязаны обогащать и развивать дальше великий и прекрасный русский язык, созданный великим русским народом.

Произведения К. Паустовского, И. Ликстанова, В. Катаева были весьма поспешно выпущены в больших тиражах Детиздатом. Задача заведующих детскими и школьными библиотеками, классных руководителей, преподавателей литературы заключается в том, чтобы правильно ориентировать школьников относительно перечисленных книг, содержащих в себе серьезные идейно-художественные и педагогические недостатки.

---

[1]. А. П. Чехов. Соч. т. XIV, стр. 46—47.

В массовых тиражах почти ежегодно появляются произведения Л. Кассиля, у которого псевдоромантическое начало и антипедагогические тенденции особенно ярко и последовательно выражены.

III.

Л. Кассиль — талантливый и увлекательный рассказчик. Некоторые из его маленьких рассказов о детях читаются с интересом и дают живые образы дошкольников и первоклассников.

Л. Кассиль вполне сформировавшийся писатель. Ему удаются бытовые сценки из жизни детей. В таких произведениях Л. Кассиля, как «Черемыш — брат героя», «Дорогие мои мальчишки», «Великое противостояние», «Улица младшего сына» есть целые страницы, глубоко прочувствованные, по настоящему трогательные, и правдивые. Нельзя без волнения читать строки, посвященные показу братского, любовного отношения Капки Бутырева к младшей сестре Нюше: «Капка вынул из кармана тщательно завернутые в газету две черносливины.

— На, Нюша, это у нас в столовке компот давали. Одна моя, а другая Шурки Васенина — он чернослив все равно не ест, дурной такой...

— Капа, а мама скоро наша приедет?

— Скоро.

— А отчего она все не едет и не едет?

Капа знает, что мама никогда не приедет: маму убили фашисты. И чтобы отвлечь маленькую сестренку от мыслей о маме, Капа отвечает как взрослый, которому после тяжелой работы мешают спокойно покушать:

— Нюшка, ты бы спать легла лучше, чем человеку мешать. Видишь, кажется, человек кушает, а ты «тыр-тыр-тыр»... («Дорогие мои мальчишки»).

Ученик ремесленного училища Капа Бутырев, вожак фронтовой бригады ремесленников судоремонтного завода, многими чертами своего характера вызывает симпатии читателей, но любимым героем наших подростков не стал, как не стали героями наших детей Черемыш и Сима Крупицына.

Л. Кассиль относится к детям благожелательно, обращается с ними ласково, что выражено даже в самом названии книги о ремесленниках и пионерах «Дорогие мои мальчишки».

Почему же герои его книг не увлекают читателей, не становятся примером, образцом для них?

Великий русский педагог К. Ушинский писал о необходимости в обращении с детьми сохранять серьезность, допускающую шутку, но не превращающую всего дела в шутку, ласковость без

приторности, справедливость без придирчивости, доброту без слабости. У Л. Кассиля ласковость иногда превращается в приторность, доброта — в слабость.

Далек также Л. Кассиль от замечательных советов талантливого педагога и писателя А. Макаренко, который, соглашаясь с тем, что дети действительно цветы жизни, нуждающиеся в разумном и умелом уходе и выращивании, писал:

«И поэтому не набрасывайтесь на цветы с одними вздохами и поцелуями, возьмите в руки лопату, ножницы, лейку, достаньте лестницу. А когда в вашем саду появится гусеница, возьмите парижскую зелень. Не бойтесь, побрызгайте немножко, пусть даже цветам будет чуточку неприятно».

Л. Кассиль не следует этому совету: он любезничает с читателями и героями своих книг, потешает их и похваливает: «Вы, мол, всегда хороши, приятны, я вас понимаю, а вот, ваши воспитатели и педагоги вас не понимают, они только и знают, что стремятся «изымать, искоренять.... сигнализировать».

Л. Кассиль ведет себя с читателями и выдуманными героями своих книг так, как выдуманный кинорежиссер Расщепей с выдуманными пионерами в «Великом противостоянии».

— Ну хватит фолософии! — заявил Расщепей. — Давайте снова запалим костер и устроим танец диких... Хотите, я вас, сено-солома, научу настоящему боевому танцу, племени чумбукту.

Новый вождь нового племени диких «неистовый Расщепей», с разбегу перемахивал через костры.

— Только, пожалуйства, никому не рассказывайте, чему я вас научил, — отдуваясь, говорил он, — а то попадает мне от старших.

Здесь не только игра, но и заигрывание с детьми, кокетничанье с ними, желанье «угодить» им и стремление противопоставить едва ли не единственно чуткого, изобретательного и «понимающего» интересы детей Расщепея «старшим», преимущественно педогогам, нечутким, не понимающим детей, готовым всегда «поедом есть» детей и подростков, у которых «свои законы». О «своих законах» у детей, о детском якобы особом мире, качественно отличном от мира взрослых, говорили биогенетисты и представители мелкобуржуазной теории свободного воспитания.

К сожалению, у Л. Кассиля во всех его произведениях начиная с «Кондуита», «Швамбрании» и вплоть до «Великого противостояния» и «Дорогих моих мальчишках» весьма заметны следы влияния свободного воспитания. Поэтому герои его книг, которых воспитывает не школа, не пионерская и комсомольская организации, а случайные люди, вроде Расщепея, нежизненны, не ти-

ничны и не могут стать образцом, примером для наших юных читателей.

Большинству повестей и рассказов Л. Кассиля присущи два крупных недостатка: псевдоромантизм и вытекающий из него формализм и антипедагогическая направленность. И то, и другое нашло свое отражение не только в художественных произведениях Л. Кассиля, но и в его «теоретических» и «критических» статьях.

В 1938 году в «Открытом письме писательнице Н. Саконской...[1] Л. Кассиль резко выступил против педагогов и работников детских библиотек г. Москвы, справедливо критиковавших книгу Н. Саконской «Поющее дерево» за ее антипедагогичность и формализм.

Герой книги — Геня Штрук, десятилетний мальчик, «гениальный» музыкант, «сверхребенок», который с великим пренебрежением и явным презрением относится к своим товарищам-пионерам. По замыслу автора, Геня Штрук — это «ребенок—чудо». Фактически получился ребенок — чудовище. Во время большого пожара Геня дирижирует воображаемым оркестром, не обращая никакого внимания на отчаянные вопли женщин и детей. Мальчик показан индивидуалистом, эгоистом, карьеристом, антиобщественником. Автор, а вслед за ним и Л. Кассиль, любуется отвратительными выходками испорченного семьей ребенка, считая что «гению» все позволено, ибо гениальность есть нечто сверхестественное, необычное, выходящее из ряда вон. Иррациональная сущность гения, его исключительность, его право на нарушение всяких законов, вплоть до самых гнусных преступлений — это учение Ф. Ницше, Ломброзо, Фрейда и других представителей растленной буржуазной культуры.

Взгляды Н. Саконской и Л. Кассиля на воспитание таких детей, как Геня, на исключительность и особую сущность талантливых людей ничего общего не имеют с марксистско-ленинским учением о способностях и одаренности человека и с воспитанием одаренных детей в Советском Союзе.

Отметив некоторые недостатки в книге «Поющее дерево», Л. Кассиль, обращаясь к Н. Саконской, пишет:

«Помните мы говорили с Вами об Олеше... «Зависть». Летающая Офелия. Том Вирлирли — дух колокольного благовеста. *Действительность, приподнявшаяся на цыпочки* и оттого ставшая сказочной, нереальной, как мираж, где все вещи кажутся всплывшими над горизонтом. У Олеши этот прием оправдан внутрен-

---

[1] Ж. «Детская литература» № 10, 1938 г., стр. 44—47.

ней органической основой всего романа»[1] (подчеркнуто мною — Т. К.).

По мнению Л. Кассиля, этот прием приподнимания «на цыпочках» над действительностью, якобы не совсем оправдан у Н. Саконской.

Прием этот формалистический, эстетский, ни у кого и ничем оправдать нельзя, он неизбежно приводит к искажению жизненной правды, что и случилось с Ю. Олешей, Н. Саконской и Л. Кассилем.

Защищая антипедагогическую вредную книгу Н. Саконской, Л. Кассиль гневно обрушился на педагогов и библиотечных работников: «... мы слышали очень сердитые вопли, испускаемые некоторыми озадаченными педагогами и библиотекарями... Итак, я убежден, что нападки на Вашу книгу, содержащие обвинения в антипедагогичности и даже.... клевете на советскую действительность (кое-какие умники и до этого договорились), ни на чем не обоснованы».[2]

В 1939 году Л. Кассиль свою статью о книге А. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» начинает словами:

«Я вижу, вижу вас, скучный читатель, с брезгливой придирчивостью перелистывающий страницы этой забавной книжки... «Ну и что? — говорите вы, — что хотел сказать автор, наболтав столько неправдоподобных историй? Что это, навет на наших советских моряков? Какой смысл во всем этом? Какова познавательная ценность такой книжки? Каково ее педагогическое воздействие? Она прививает ребенку неграмотные сведения по географии, физике и другим дисциплинам! Ерунда, белиберда какая-то....»

А ну вас, уважаемый товарищ!»[3]—отмахивается от воображаемых весьма резонных возражений педагогов против книги Некрасова Л. Кассиль.

Все, что педагогика и педагоги признают ценным в детской книге, Л. Кассиль отрицает.

Книга явно формалистична, антипедагогична, антихудожественна и антинаучна, но зато она занимательна и забавна, в ней невероятные приключения и несусветное вранье героя, что особенно нравится Л. Кассилю. Штукарство, шутовство, дешевые остроты и каламбуры, смех ради смеха, взятые напрокат из приключенческой буржуазной литературы трюки — вот что ценит прежде всего Л. Кассиль в книге А. Некрасова.

---

[1] Ж. «Детская литература» № 10, 1938 г., стр. 47.

[2] Там же, стр. 47.

[3] Лев Кассиль. «Кругосветное плавание несусветного враля». Ж. Детское чтение» № 7, 1939, стр. 17.

Антипедагогическое кредо Л. Кассиля наиболее полно, пожалуй, выражено в его выступлении на X пленуме ЦК ВЛКСМ.

«Я уже предчувствую, что сейчас начнут делать бесконечные заказы на школьную повесть. Но думаю, что не существует какой-то особенной школьной повести, — говорил Л. Кассиль. — Нам нужно дать книгу о школьных годах подрастающего поколения. Но к нам часто подходят со смешными деляческими требованиями. Обязательно напиши, мол, что не надо царапать парты.... Нередко нам говорят: «Не можете-ли вы написать рассказ о том, как хранить школьное имущество?»[1]

Все это очень мелко, узко и смешно. Даже весь процесс овладения знаниями, основами наук, учеба, по мнению Л. Кассиля, являются деляческими вещами, недостойными изображения поэтическими средствами. Он с издевкой приводит разговор по поводу одного сценария: «Почему у Вас в сценарии мало чувствуется увлечение учебой, мало отличников? Вы покажите, чтобы дети дрались за учебу, за показатели!»[2]

По заявлению Л. Кассиля, «написать так называемую школьную повесть очень трудно». Почему трудно? Потому, что «мы,» говорит Л. Кассиль, — должны показать новую фигуру советского учителя. И вот тут-то начинаются некоторые недоразумения». Недоразумения эти заключаются в том, что среди советских учителей нет Беликовых и Передоновых, а «показать новую фигуру советского учителя» новатора, общественника, знающего хорошо предмет, владеющего марксизмом-ленинизмом, советской педагогикой, психологией, партийного или непартийного большевика, любящего, понимающего советских детей и глубоко преданного делу коммунистического воспитания, показать такую фигуру учителя Л. Кассиль не хочет и не может, ибо он советского учителя не знает. Не считается Л. Кассиль и с требованиями марксистско-ленинской педагогики. Недаром он говорил о педагогических требованиях к детской книге, как об опасности, угрожающей ему и его товарищам по детской литературе: «Нам грозит новая волна педагогизирования в детской литературе».[3]

Таковы некоторые высказывания Л. Кассиля по вопросам теории детской литературы и ее педагогической направленности.

Свои теоретические положения Л. Кассиль последовательно и упорно стремился реализовать в своем творчестве, особенно в таких произведениях, как «Великое противостояние» и «Дорогие мои мальчишки».

1 Л. А. Кассиль. «Задачи школьной повести». Ж. «Детская литература» № 1—2—1940 г. стр. 30.

2 Там-же стр. 31.

3 Л. А. Кассиль. «Задачи школьной повести». Ж. «Детская литература» № 1—2 — 1940 г. стр. 30.

Л. Кассиль, верный своему положению о необходимости «приподнимания на цыпочках» над действительностью, увлекаясь ложной романтикой и ложной красивостью, заставляет своих героев жить двойной жизнью, жизнью реальной и жизнью «сказочной, нереальной, как мираж». Двуплановость сюжета повести «Дорогие мои мальчишки» и двойная жизнь ее героев — Капки Бутырева (Изобара), Валерки Черепашкина (Амальгамы), Тимки Жохова (Джона Садовой Головы) доведены до абсурда, до того, что книга с трудом воспринимается не только детьми и подростками, но и взрослыми читателями.

Для затонских ремесленников и пионеров Л. Кассиль придумал сказочную Страну Лазоревых Гор — Синегорию, в которой у подножья вулкана Квипрокво живут Три Великих Мастера — славнейший мастер Зеркал и Хрусталя ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Джон Садовая Голова. Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет. Но вот Синегорию захватил глупый король Фанфарон, который передал всю власть в стране Тайному Совету Ветров. Мастера Синегории, они же затонские ребята — Капка, Валерка и Тимка, были схвачены королевскими ветродуями и доставлены на остров и т. д. все в таком же духе.

Псевдоромантизм и формализм Л. Кассиля хорошо раскрыл К. Симонов в своем докладе о детской литературе на XIII пленуме правления Союза советских писателей:

«Эти писатели (ищущие романтику в стороне от реальной жизни, Т. К.) отвергают как материал для создания литературных произведений, не изученную ими и, по их мнению, якобы неинтересную и некрасивую жизнь и придумывают вместо этой жизни, по их мнению, якобы интересную и красивую игру. Вот в чем, в частности, долгие годы была беда такого даровитого писателя, как Л. Кассиль, постоянно пытавшегося приукрасить жизнь созданием параллельно существующего мира».[1]

Жизнь изучать трудно, мыслить, творить на жизненном, реальном материале тоже трудно. Гораздо легче безудержно фантазировать, беспочвенно мечтать, не считаясь с объективно существующими законами развития общества, создавая свой субъективный, часто нелепый, ни с чем несообразный, но зато якобы красивый мирок. Глубоко прав К. Симонов, когда он говорит, что псевдоромантики типа Л. Кассиля отвергают реальную жизнь потому, что не изучают и не знают ее.

---

[1]. К. Симонов. «О современном состоянии и некоторых вопросах развития детской литературы». «Литературная газета» № 9 от 28 января 1950 г.

Не изучает и не знает Л. Кассиль и советских педагогов. В «Дорогих моих мальчишках» показана воспитательница Дома пионеров Ангелина Никитична, которая нетерпима и немыслима не только в советской школе, но была бы нетерпима и в хорошей старой школе. Вот запись в дневнике Валерки Черепашкина о своей воспитательнице:

«Будьте же сами благоразумны, дети, — так говорила нам сегодня Ангелина Никитична, — берите пример с природы. Видали ли вы, дети, как лошадка сама подставляет кузнецу свое копыто, чтобы ее подковали?... Видали ли вы, как ветка дикой яблони послушно тянется к садовнику, чтобы он сделал ей прививку?» Нет, мы этого не видели, потому что так в жизни, по-моему, не бывает,» — записывает Черепашкин.

Нарочито извратив образ советской воспитательницы, представив ее глупой, ограниченной и нелепой, Л. Кассиль подчеркивает, что даже дети видят тупость и глупость своей воспитательницы и смеются над ней.

Та же Ангелина Никитична, по воле Л. Кассиля, в дальнейшем ведет себя почти так же, как чеховский Беликов. Она со страхом и трепетом перед тем, как бы чего не вышло из глупой, но ей пока еще неизвестной игры пионеров в великих мастеров страны Синегории, обращается к секретарю горкома партии:

— Я должна сигнализировать... Я вот сочла нужным изъять... я теперь вынуждена многое искоренять.

— А нелегкая у вас видимо, работа, — говорит секретарь.— Изымать, искоренять... сигнализировать.

Оказывается вся работа советской воспитательницы сводится к глупым сентиментальным советам и к тому, чтобы «изымать, искоренять, сигнализировать».

Ни одной живой черты живого, советского педагога в карикатурном образе Ангелины Никитичны нет.

Трудно и хлопотно изучать жизнь и деятельность самого передового, самого идейного, наиболее образованного и культурного в мире советского педагога, воспитателя юного поколения, которому предстоит не только построить коммунистическое общество, но и жить, и творить в нем. Легче и проще пользоваться готовыми книжными штампами или предвзято построенными схемами учителя, чем на протяжении многих лет и занимается Л. Кассиль.

Сам Л. Кассиль как будто давно осознал недостатки своих книг и еще в 1938 году в порядке самокритики писал:

«Одной из своих ошибок (главной, пожалуй) я считаю несколько порочный и иногда формалистический подход к большому, серьезному героическому материалу; я часто шел тесной, выду-

манной лирической тропинкой, лишь параллельной главной теме, но не выходил на основную дорогу, не пересекал ее, обходил стороной или сворачивал в кусты, из которых уже плохо было видно то, что собственно служило материалом рассказа».[1] Однако, это самокритичное выступление Л. Кассиля оказалось простой отговоркой, формальным признанием своих ошибок, от которых он не только не отказался в своей дальнейшей творческой работе, но углубил их.

Повесть Л. Кассиля «Великое противостояние», как и «Дорогие мои мальчишки», псевдоромантична, формалистична и направлена в основном против школы, против педагогов и их «скучной и неинтересной деятельности».

Главная героиня повести — тринадцатилетняя девочка, Сима Крупицына, учится в пятом классе московской школы. В глазах педагогов — это самая обыкновенная, средняя девочка, «на каких привыкли не обращать внимания». Девочке такое отношение не нравится, и она считает, «что интереснее было бы уж числиться в отстающих: о них разговора было не меньше, чем об отличниках». Словом, перед нами — тщеславная девочка, жаждущая, чтобы на нее все обращали внимание и о ней говорили. В день своего рождения Сима Крупицина записывает в дневнике: «Сегодня мне стукнуло полных тринадцать лет. Это уже очень порядочно. И за всю мою жизнь у меня не было ни приключений, ни увлечений и вообще никаких интересных случаев».

Автор убежден, что типичной чертой советских тринадцатилетних девочек является их стремление к необычайным приключениям, каким-то особым увлечениям и интересным случаям. Все это противопоставляется школе, школьным занятиям, пионерской и комсомольской работе в школе. Приключения, увлечения и интересные случаи происходят вне школы, помимо школы и вопреки ей.

Вся повесть и посвящается необыкновенным приключениям, увлечению Симы Крупицыной кинорежиссером Расщепеем.

В тот же день, когда Сима записала в дневник жалобы и сетования на «неудавшуюся жизнь», она встретила высокого чернявого человека, «одетого как американец» и пристально разглядывавшего её. Она показала ему язык. Человек, одетый как американц («на нем был непривычного покроя костюм с прямыми плечами, из-под низких шаровар виднелись клетчатые чулки»), сильно заинтересовал искавшую приключений Симу. «Я долго ломала голову, что надо этому странному и любопытному человеку. Кто знает, может быть, это какой-нибудь знаменитый чу-

[1] Л. Кассиль. «В ответ на письма». Ж. «Детская литература» № 6, 1938 г.

дак-путешественник, и он просто хотел расспросить у меня, как живут в нашей стране простые, обыкновенные девочки. А потом вдруг бы взял, чудак, да и подарил билет в кино или затейливую вставочку»...

Не было и не может быть советских девочек, пионерок, получавших или мечтавших получить от людей, одетых по американски, билеты в кино, или самопишущие затейливые ручки.

Это плод досужей фантазии автора.

Высокий чернявый человек оказался не американцем, а советским гражданином, помощником кинорежиссера Расщепея. Он искал девочку для исполнения роли Усти-партизанки в кинокартине «Мужик-сердитый».

С этой встречи началась новая жизнь Симы Крупицыной. Она великолепно сыграла роль Усти. Под влиянием «необыкновенного» человека Расщепея, Сима буквально перерождается. То, что не могли сделать в течение пяти лет школа, педагоги, пионервожатый, комсомол сделал один Расщепей: «...расшевелил что-то во мне Александр Дмитриевич. В жизни оказалось много интересных вещей, о которых я не имела представления. Мне захотелось много знать, много сделать. Это было главное», — записывает Сима. Девочка стала отлично учиться. Обращаясь к Расщепею, она говорит: «Вы знаете, вы для меня прямо, Александр Дмитриевич, телескоп. Честное слово! Через вас мне все на свете теперь по другому выглядит, я и себя по иному рассмотрела».

Девочка привязалась к Расщепею. Эта привязанность показана как «обожание» девочкой, почти ребенком, «великого человека».

Когда Расщепей заболел, Сима написала ему письмо: «Теперь со мной может случиться какая угодно беда. Пусть! Мне уже ничего не страшно... А я без вас совсем не могу. Ваша Сима». — В другой раз Расщепей уехал куда-то. Сима страдала, не встречаясь с ним. «Расщепей был слишком знаменит. О нем писали в газетах. Он выступал по радио. Газеты писали о его планах... и у меня росла обида: вот теперь я ему уже не нужна, уехал и не вспомнит никогда меня... И бывали дни, когда все валилось у меня из рук... В один из таких вечеров я не выдержала и поехала к Расщепею».

Никто, конечно, не поверит таким переживаниям и поступкам девочки-ребенка, такой силе ее «обожания» режиссера.

Правда, не одна Крупицына увлекается «великим» человеком и «обожает» его. Ее подруга Тата говорит Симе: «Только ты, пожалуйста, не думай, что один Расщепей на свете такой знаменитый».

Оказывается Тата обожает «самого Сошникова» из Большого театра. «У него на целый орден больше, чем у твоего Расщепея», — говорит она Симе. Она даже «отодрала хвостик» с шубы Сошникова. «Правда, миленький?» — показывает она Симе «пушистый хвостик».

Советские девочки в изображении Л. Кассиля — это маленькие мещанки, интересующиеся «американцами», знаменитыми тенорами, гениальными кинорежиссерами, мечтающие о славе, о легких победах, о маленьком личном счастье.

У Таты на столе тетрадь с вопросником: 1. «Когда вам бывает скучно?» Один из ответов: «У Сони Крук не бывает скук». 2. «Кого или чего вы больше всего боитесь?» Один из ответов: «Боюсь пьяных, зачетов и мышей». 3. «Мстительны-ли Вы или нет? Один из ответов: «Мщу редко, но метко. Но я еще не всем отомстила, кому следует мстить». На эти вопросы давали письменные ответы все девочки, пришедшие на вечер к своей подруге Тате. «Потом надо было еще написать, каков у меня характер, что лучше — откровенность или скрытность, чем увлекаюсь, с кем я хочу дружить, кто моя симпатия, довольна-ли я дружбой и т. д.». Затем играли в мнения.

Не верится, что Сима Крупицына и ее подруги жили и учились в те же годы, что и Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Ульяна Громова, Евгения Руднева и миллионы других славных наших подростков, формировавшихся в предвоенные годы.

Л. Кассиль вместо глубокого и тщательного изучения того нового, что отличает наших школьников и пионеров от подростков любой капиталистической страны, пошел по линии наименьшего сопротивления — придумывания примитивно-анархических фигур девочек и мальчиков и использования готовых трафаретных схем из дореволюционной литературы («обожание» известных людей, ранние «кинозвезды», глупые альбомы и игры и проч.).

Московская школьница Евгения Руднева, дневник которой опубликован в журнале «Новый мир» за 1948 год и которая училась тогда, когда якобы жила в Москве и училась Сима Крупицына, с чувством глубокой радости откликается на новые достижения и завоевания своей Родины. Ее интересуют выборы в Советы, новые станции метро, строительство канала Москва—Волга, победа советских музыкантов на международном конкурсе пианистов. И наряду с этим: что такое ощущение? Что такое сознание? Что говорил о дружбе Чернышевский? «Все познать, всего достичь, все увидеть!» — записывает Евгения в дневник.

Та же широта интересов, та же любовь к Родине, то же горячее желание быть полезными своему народу, те же взгляды на жизнь как на служение народу, строящему светлое здание коммунизма, правдиво и жизненно показаны Л. Т. Космодемьянской в «Повести о Зое и Шуре», в повести о своих детях и их друзьях, которые учились в московской школе в те же годы, когда училась, если поверить Л. Кассилю, и Сима Крупицына.

Но как бедна, тускла, жалка и смешна Сима с ее поисками счастливой судьбы, с ее куриным пониманием счастья, как личного благополучия, с ее мечтами получить от «американца» билет в кино или стать, как потом она решила, «кинозвездой».

Нехорошо все это придумано, нежизненно, нелепо. Образы советских девочек, пионерок, искажены, извращены.

В повести учителя — бледные схемы, безличные, бесхарактерные, у многих даже нет имен. Никакой роли в воспитании детей безымянные и с именами учителя не играют. Их заменяет Расщепей. Он учит и воспитывает не только Симу, но и всех пионеров школы, к которым он приезжает в пионерлагерь, беседует с ними, рассказывает поучительные сказки, истории из своей жизни, знакомит с астрономией и с великим противостоянием, как явлением, совершающимся во вселенной через каждые 15 лет.

В пионерлагере встречали Расщепея бурно, всем коллективом: «Да здравствует наш лю-би-мый артист!» У костра пионеры просили: «Расскажите о себе... Как вы сделались таким?».

— Хорошо, я расскажу, ребята о себе и как я сделался артистом и режиссером. И вообще давайте потолкуем о том, что такое удача в жизни и как люди добывают счастье».

Философия Расщепея проста и ясна. Один раз в 15 лет Марс сближается с Землей. В астрономии это явление называется великим противостоянием. В это время ученые астрономы всего мира «ловя удачу, нацеливают свои телескопы на Марс. Тут зевать нельзя». К каждому новому противостоянию Марса и Земли ученые приходят все более умудренными и обогащенными и все меньше ошибаются в своих наблюдениях за Марсом и в своих выводах.

Так и у каждого человека есть свое великое противостояние, т. е. такие периоды, когда жизнь человека сближается с его судьбой. В жизни человека «большие события не повторяются, конечно, с такой регулярностью, но все-таки человек, если только он растет правильно, к каждому великому противостоянию своей судьбы приходит все более зрелым, обогащенным, все более близким к истине».

Нелепа постановка вопроса о судьбе, которая определяет жизнь человека.

Сима Крупицына, сыграв удачно Устю и возомнив себя актрисой, ошиблась. Час ее великого противостояния с судьбой еще не настал. Надо готовиться к следующей встрече со своей судьбой. Все это ей объяснил Расщепей, умудренный и обогащенный опытом уловления своей судьбы.

Разговоры Расщепея о судьбе, от которой якобы зависит жизнь человека, об удачах в жизни, о счастье глубоко невежественны, антинаучны, они неправильно ориентируют нашу молодежь в основных жизненных вопросах. Никаких — ни малых, ни великих противостояний человека и его судьбы не существует.

И. В. Сталин на вопрос немецкого писателя Эмиля Людвига: «Верите ли Вы в судьбу?» ответил:

«Нет не верю... Большевики, марксисты в «судьбу» не верят. Само понятие судьбы... — предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей... Судьба — это нечто незакономерное, нечто мистическое. В мистику я не верю»...

В капиталистическом обществе с его анархией производства и обмена, с его эксплоатацией человека человеком, темные люди, не включившиеся в революционную борьбу с капитализмом, в поисках выхода из заколдованного круга начинают верить в судьбу, в необыкновенную удачу, в неожиданное личное счастье, в бога, в чорта. Капиталистам выгодно ссылаться на судьбу. Плохо живется рабочему — судьба повинна, а не эксплоататорский капиталистический строй. Советский человек, знакомый с законами развития человека и человеческого общества, знает, что никакой судьбы не существует. Есть общество, коллектив, труд, наука, партия, коммунизм. В социалистическом коллективе каждый его член свободно развивает свои творческие силы и твердо знает, что ему делать, куда итти, что его ждет в будущем, в чем его счастье. Поэтому он ни в каких «теориях» судьбы не нуждается. Неправомерна и аналогия, которую проводит Расщепей между великим противостоянием Марса и Земли и придуманным великим противостоянием человека и его судьбы.

Повесть «Великое противостояние» антипедагогична и антихудожественна. Глубоко прав Н. Г. Чернышевский, который писал: «В правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении».[1].

«Великое противостояние» ложно по своей основной мысли. Вторая часть повести — «Свет над Москвой» — по существу является самостоятельным произведением, связанным с первой частью только внешне, единством некоторых героев, среди которых и Сима Крупицына, продолжающая выступать в роли главной героини, развивающаяся под знаком влияния «великих идей» умершего Расщепея. Вторая часть так же антипедагогична, как и первая.

Развитие Симы представлено не как процесс, протекающий в организованной школьной, пионерской и комсомольской среде и не как результат влияния этой среды и всей советской действительности, а как процесс общения с Расщепеем и как результат индивидуального воздействия Расщепея на девочку.

Воспитанная Расщепеем, свято хранящая его заветы, Сима Крупицына во второй части повести становится пионервожатой. По велению автора, она, конечно, совершенно не считается с требованиями советской педагогики. Сима — не руководитель, не вожак, знающий куда и как вести пионеров, не помощник учителя и директора в их ответственной работе по обучению и воспитанию детей, а просто старший товарищ, придумывающий игру в гороскопы, умеющий дружить с отдельными пионерами, но не воспитывающий весь отряд.

Ее подруга Катя Ваточкина, старавшаяся организованно заниматься с пионерами, представлена в каррикатурном виде, как ограниченная требованиями педагогики, бездарная и скучная вожатая. Все, что от педагогики, дидактики — бездарно, узко, серо. И, наоборот, там, где никакой педагогики нет, где все бессистемно, бестолково, анархично и «свободно», там все талантливо, блестяще, там всегда умопомрачительно всем весело, там выявляются творческие силы героев.

Принципиально неверные позиции, на которых долгое время стоял Л. Кассиль.

Безответственность Симы, воспитанной в духе расщепеевского понимания свободы, хорошо поняли юные читательницы, одна из которых пишет:

«Спрашивается, зачем Сима оставила эвакуированных детей в пути и самовольно уехала в Москву? Не думаю, что пионерская и комсомольская организации воспитывают молодежь в таком духе. Я понимаю иначе. Если тебе, комсомолке, государство поручило такую большую ответственность (эвакуировать маленьких детей), так ты и выполняй ее с гордостью».

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Эстетика. Критика: Госиздат, 1934 г. стр. 164.

Кандидат филологических наук О. Алексеева, комментируя это письмо школьницы, правильно пишет: «Кассиль не решил поставленной проблемы. Сима не подготовлена... к деятельности в жизни. Ее ошибки, сомнения, невыполнение комсомольского поручения не получили оценки писателя с позиций советской морали. Наоборот, повесть заканчивается тем, что Сима с Ромой гуляют по Москве, как победители».[1]

Так мстит писателю его стремление стать над жизнью, его пристрастие к выдуманным красивостям, к псевдоромантизму, его антипедагогическая направленность, его нежелание глубоко и действенно изучать жизнь в ее революционном движении и изменении.

Детская книга должна быть занимательной. Л. Кассиль это понимает. Но занимательность в большинстве его повестей и рассказов чисто внешняя. Писатель скользит по поверхности явлений, не проникая в их сущность. Занимательность превращается в дешевое развлекательство, в балагурство, в балаганство. Л. Кассиль не увлекает читателя большой идеей, четкостью и точностью образов, глубоким искренним чувством, он потешает читателя анекдотами, каламбурами, бессмысленными присловьями, забавными историями. О Л. Кассиле можно сказать словами Н. А. Добролюбова, адресованными в свое время детскому писателю М. Чистякову: «...остроумие автора ничем не стесняется... Он из кожи лезет, чтобы только сострить что-нибудь и состроить каламбур... Замечательно только, что для красного словца автор нисколько не колеблется пожертвовать строгостью исторической истины... Это неприличное, бесплодное и ненужное шутовство дурного тона»...[2]

Язык Л. Кассиля, как известно, стал «притчей во языцах». Газета «Культура и жизнь», говоря о книге Л. Кассиля «Великое противостояние (кстати, книга премирована Детгизом), писала: «Она изобилует неряшливыми, а порой и грубыми фразами, которые никак не могут служить средством воспитания благородных качеств у наших детей... Следует подчеркнуть, что советские люди показаны в повести некультурными, говорящими на каком-то тарабарском языке».[3]

---

1 О. Алексеева, кандидат филологических наук. «Советская книга —могучее средство воспитания детей». Сб. «Неделя детской книги». Детгиз, М. 1950 г., стр. 110.

2 А. Н. Добролюбов. Избр. педагогич. высказывания. Учпедгиз М. 1939.

3 Газета «Культура и жизнь» № 24 от 31 августа 1949 года.

На тарабарском языке говорят и дети в повести: «Завилась! Кудри штопором!»... Я одного вчера так треснула... Вот босявка... Теперь узнал ума...» «Воображала хвост поджала»... и т. д.

Нет никакой возможности и надобности приводить весь словесный хлам, которого так много в детских книгах Л. Кассиля.

Поучительным примером для Л. Кассиля и для всех наших детских писателей должна быть работа Л. Толстого над языком своих детских рассказов.

В письме к А. А. Толстой от 2-го апреля 1872 года Лев Николаеевич сообщал: «Работа над языком ужасная... Надо, чтобы все было красиво, коротко, просто и главное — ясно». А Н. Н. Страхову он писал: «Я... люблю определенное, ясное, и красивое, и умеренное, и все это нахожу в народной поэзии, и языке, и жизни... Я написал совсем новую статью в «Азбуку» — «Кавказский пленник». Это образец тех приемов и языков, которыми я пишу и буду писать для больших». Народная поэзия и народный язык — вот те источники, которые помогли Л. Толстому написать такое изумительное по определенности, ясности, красоте и простоте языка произведение, каким является «Кавказский пленник».

К. Ушинский требовал, чтобы язык произведений для детей отличался правильностью, логичностью и народностью. «Правильность языка, — писал он, — не должна быть только внешняя, ибо такая правильность, гладкость и приятность, если они не сопровождаются логичностью, даже вредны: привлекая детей блёстками и погремушками, они именно приучают его к той болтовне, от которой мы хотели бы его охранить»...[1]

Так заботились о языке детских произведений Л. Толстой и К. Ушинский. Оба они считали самым существенным в языке его общенародные основы, народность.

В наше время эта забота о языке книг для детей и ответственность писателя перед детьми за народность, чистоту, красоту, образность, простоту, логику и философию языка во много раз увеличиваются.

Обращаясь к писателям, А. А. Жданов напоминал: «Быть инженерами человеческих душ, это значит активно бороться за культуру языка, за качество произведений». Культура языка для детского писателя имеет первостепенное значение, ибо по его книгам многомиллионная армия юных читателей учится мы-

[1] К. Д. Ушинский. Собрание сочинений, том 7. Изд. АПН, М.—Л, 1949, стр. 251.

слить правильно, образно, красиво, точно, логично говорить и писать.

Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию вдохновляют наших писателей на дальнейшую борьбу за культуру речи, за чистоту и красоту великого русского языка, созданного великим русским народом. Каждый детский писатель, каждым своим произведением должен расширять и обогащать словарный состав языка школьников, воспитывать в них любовь к языку и к народу — создателю языка.

Последнее произведение Л. Кассиля, написанное в содружестве с М. Поляновским, «Улица младшего сына», свободно от многих недостатков, портивших прежние повести Л. Кассиля. В нем отсутствуют двуплановость, выдуманные страны, «приподнимание над жизнью», сознательная антипедагогичность, псевдоромантизм. В данном случае немаловажную роль сыграла документальность темы, которая (документальность) требовала от авторов бережного отношения к материалу и не позволяла уходить от жизненной правды.

Кроме того, сама тема до того жизненна, близка всем и каждому, понятна и героична, что извратить и исказить ее, неверно представить образ славного керченского пионера, партизана-разведчика Володи Дубинина — просто невозможно, недопустимо, немыслимо.

Но и в этой повести, к сожалению, немало словесных сорняков, портящих ее язык. Есть в ней и то, что можно назвать бытовизмом, натурализмом и эмпиризмом. Следует отметить, что и в прежних повестях Л. Кассиля псевдоромантика чередовалась с грубым натурализмом.

Книга в целом, несмотря на указанные недостатки, — несомненный шаг вперед в творчестве Л. Кассиля.

На XIII пленуме правления Союза советских писателей Л. Кассиль выступил с самокритичным заявлением, осудив свое увлечение ложной романтикой. Образцом, примером для детских писателей Л. Кассиль назвал двух писателей, близких и дорогих сердцу юных и взрослых читателей, В. Маяковского и А. Гайдара. Продолжение и углубление идейно-художественных и педагогических традиций В. Маяковского и А. Гайдара в детской литературе нужно только приветствовать.

IV.

Борьба с формализмом и антипедагогическими тенденциями в детской литературе есть борьба за марксистско-ленинскую теорию советской детской литературы, борьба за высокоидей-

ные, истинно художественные, в воспитательном отношении действенные книги для детей.

Детская литература есть часть общей литературы. Она отражает общелитературные направления и течения и подчиняется тем же требованиям и задачам, что и художественная литература для взрослых. Метод социалистического реализма — основной метод и детской литературы. Детский писатель, как и всякий истинный художник слова, — инженер человеческих душ. Детская литература не является частью педагогики, как это пытались доказать люди, у которых, по меткому выражению А. М. Горького, «уши заткнуты ватой».

Но детская литература всегда была связана с педагогикой, с воспитательными идеалами определенных классов, с требованиями, которые предъявлялись к воспитанию государством, школой, семьей. В истории русской детской литературы, как и в истории русской педагогики, шла борьба двух направлений — прогрессивного с реакционным, реалистического с формалистическим. Реалистические произведения детской литературы, отражавшие прогрессивные идеи русской педагогики, как правило, были намного выше в художественном отношении формалистических детских книг, отражавших крепостнические, реакционные воспитательные идеи.

Специфика детской литературы заключается в ее педагогической направленности, в учете возрастных особенностей юных читателей, в учете своеобразия психических функций детей и подростков, в требовании художественными средствами растить, обогащать и направлять подрастающее поколение в соответствии с марксистско-ленинским учением о целях и содержании коммунистического воспитания молодежи. Специфика детской литературы требует от писателя, чтобы он не только правдиво, жизненно описывал те или другие явления природы, человеческого общества, события из жизни детей, но чтобы он, писатель, инженер человеческих душ, проектировал и формировал сознание юного читателя, его мысли, чувства, волю, его поведение, так, как этого требует советская педагогика, но средствами художественного порядка.

Дальнейший рост и расцвет советской детской литературы может быть осуществлен «только при условии соблюдения в детской литературе принципа большевистской партийности и создания подлинно творческой атмосферы критики и самокритики, исключающей малейшие проявления семейственности и приятельского подхода в оценке литературных произведений». Так записано в постановлении XIII пленума правления Союза советских писателей.

Большевистская партийность в детской литературе, как и во всем советском искусстве, означает честное, открытое, самоотверженное служение делу построения коммунистического общества, делу Ленина—Сталина, беззаветного служения интересам народа, интересам советского государства.

«Гениальные идеи статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература» вдохновляли и вдохновляют писателей в борьбе против враждебной буржуазной идеологии, за развитие самой передовой, самой идейной социалистической литературы. В противоположность продажной буржуазной литературе Ленин выдвинул принцип литературы подлинно свободной, открыто связанной с пролетариатом, проникнутой идеями социализма. Эта литература призвана служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу ее будущность». В этом направлении развивается советская литература. У нее нет иных интересов, кроме интересов народа, советского государства.»[1]

Коммунистическая идейность и направленность есть основа советской литературы. Плодотворность творческой деятельности детского писателя зависит, главным образом, от степени его социалистической сознательности, от того, насколько глубоко он овладел идеями коммунизма, идеями марксизма-ленинизма. Чем глубже писатель проникается коммунистической идеологией, чем активнее он борется за осуществление осознанных им самых передовых идеалов человечества, тем свободнее он в своем творчестве, тем больше у него возможностей дать реалистическое и по-настоящему художественное произведение, ибо он знает объективные законы и тенденции развития человеческого общества, сознательно помогает претворению их в жизни, уверен в победе коммунизма. Писатель, руководствующийся принципом большевистской партийности, знает и понимает, что в настоящее время является наиболее важным и существенным в жизни социалистического общества, какие звенья этой жизни являются решающими, приближающими нас к коммунизму, поэтому темы его произведений всегда значительны, изображаемые им люди и события жизненны и типичны, хотя эти люди и события могут пока и не представлять массового явления. «Для диалектического метода, — пишет И. В. Сталин, — важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если

---

[1] «Против опошления литературной критики». «Правда» № 89 от 30 марта 1950 г.

даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него неодолимо только то, что возникает и развивается».[1]

Вот это новое, возникающее, развивающееся и вместе с тем уже типичное и должно быть в первую очередь для детского писателя предметом пристального изучения и творческого художественного изображения. Произведение, написанное в результате такого изучения, в свою очередь будет помогать новому, типичному, но не массовому, стать массовым, типичным явлением. В этом сущность социалистического реализма, который требует от писателя изучать и изображать жизнь в ее революционном движении и изменении, правдиво и действенно в соответствии с задачами коммунистического строительства.

Произведения В. Маяковского для детей, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Педагогическая поэма» А. Макаренко — книги, ставшие любимыми книгами наших подростков, а также детские произведения А. Гайдара и других писателей являются произведениями социалистического реализма, проникнутыми принципом большевистской партийности, отличающимися четкой педагогической направленностью.

В чем конкретно выражается педагогическая направленность лучших произведений для детей и подростков? В том, что авторы этих произведений стремятся художественными средствами, системой образов, доступным языком, в занимательной форме довести до сознания ребенка (дошкольного, младшего, среднего, или старшего школьного возраста) определенную идею, мысль, значения, заключенные в самих образах и в самой описываемой жизни. Эти образы и выраженные в них идеи, мысли, знания являются значимыми, важными и необходимыми для выработки у юных читателей коммунистического мировоззрения, для воспитания нового поколения «бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия».[2]

Дошкольники, школьники начальных классов, средних и старших, находятся на различных ступенях овладения знаниями и на различных стадиях овладения коммунистическими идеями. Детская литература и призвана способствовать выработке у детей коммунистических убеждений, коммунистической морали, сознательной дисциплины, идейной настроенности и направленности с учетом особенностей возраста.

---

1 История ВКП(б). Краткий курс, стр. 101.

2 Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. Ж. «Партийная жизнь», 1946 г. № 1, стр. 60.

Следовательно, детский писатель в любом произведении должен сознательно проводить ясную и четкую идею, сознательно воздействовать на юного читателя с целью вызвать у него глубокие моральные переживания, стремление следовать положительным героям произведения, писатель должен помогать ребенку и подростку приобщаться к большевистским идеям, полюбить свою Родину, свой народ, включиться в посильный общественно-полезный труд.

В книгах для детей должны преобладать положительные герои и «совершенно ясные и совершенно здоровые картины отношений» (А. Макаренко). Герои должны быть ясными, прямыми и цельными людьми. Прав А. Макаренко, когда он говорит: «Наши дети должны вырастать цельными личностями, не нужно очень рано знакомить их с неясностью и неопределенностью человеческого типа... Симпатии читателя должны без всяких колебаний становиться на сторону положительного героя».[1] Этого требует наша жизнь, этого требует наша педагогика, это требование находит свое оправдание в психике детей, охотно идущих в жизни и в литературе за людьми ясными, четкими, определенными. Советские дети подражают тем, кто знает свое дело в совершенстве, кто работает умело, страстно, самозабвенно, у кого правильная цель, у кого все получается так, как нужно. Но если человек в жизни, или герой в книге своего дела не знает, если он вместо дела занимается пустыми разговорами, жалобами, нытьем, то такой человек никогда симпатиями детей не будет пользоваться. Большевистские черты характера и воли, твердость убеждений, ясность цели, действенность и мужество, квалификация и мастерство, жизнерадостность, оптимизм, — вот что в наибольшей степени увлекает наших детей и подростков в героях нашей жизни и литературы.

Поэтому наиболее любимыми и чтимыми героями наших учащихся являются: Павел Корчагин, Олег Кошевой, Ульяна Громова, Любовь Шевцова, Сергей Тюленин, Зоя Космодемьянская, Алексей Мересьев, Гуля Королева, Тимур Гараев и многие другие славные патриоты, люди нового склада и нового типа, созданные сталинской эпохой.

Детский писатель — это настоящий художник слова, талантливый мастер своего дела, инженер детских и юношеских душ, умеющий подойти к своим героям и своим читателям с оптимистической гипотезой, создающий преимущественно положитель-

---

1 А. Макаренко. «Стиль детской литературы». Ж. «Детская литература» № 17, 1938 г., стр. 11.

ные советские характеры, положительные типы советских людей, в борьбе и напряжении сил строящих коммунизм. Подлинный детский писатель, обладающий талантом, знающий советских детей, их жизнь, учебу, понимающий задачи марксистско-ленинской педагогики, всегда сумеет искусно, занимательно, увлекательно и правдиво, на живом материале, в положительных, запоминающихся и волнующих образах показать определенную общественно-политическую идею.

Но писатель должен помнить заветы В. Белинского: «Не искажайте действительности ни клеветами на нее, ни украшениями от себя, но показывайте ее такой, какова она есть в самом деле, во всем ее очаровании и во всей ее неутолимой суровости». Не следует также забывать ни одной стороны воспитательного дела, ибо в воспитании нет мелочей. Мы против Л. Кассиля, утверждающего, что не дело писателя говорить детям о школьных партах, о сохранении школьного имущества. Мы целиком на стороне В. Белинского, страстно призывающего писателей для детей: «Не упускайте из вида ни одной стороны воспитания: говорите детям и об опрятности, о внешней чистоте, о благородстве и достоинстве манер и обращении с людьми, но выводите необходимость всего этого из общего и высшего источника... а не из условных понятий о приличии».[1]

А. М. Горький, требуя от детской книги высокой идейности и художественности, писал о ее педагогических задачах: «Детские книги должны способствовать развитию в малышах интереса и вкуса к знанию, должны облегчать им постижение школьной науки... Дети должны быть культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира... И для этого мы обязаны вооружить их с малых лет всей силой знаний»....[2]

Детская книга силой образного и эмоционального воздействия должна учить, воспитывать, направлять юных читателей. Истинно художественное произведение всегда дидактично, то есть поучительно, содержательно, но дидактизм этот выражается не в отвлеченных рассуждениях и надоедливых нравственных сентенциях, а действенных образах, в высоких моральных качествах и моральном поведении положительных героев, в живости и динамичности характеров героев, в теплоте, задушевности, правдивости и искренности всего тона и стиля художественного произведения.

---

[1] В. Белинский. Избранные педагогические сочинения. Изд. АПН. 1948 г. стр. 59.

[2] М. Горький. «О молодежи и детях». Изд. «Молодая гвардия» 1938, стр. 142.

А. М. Горький писал: «Я не знаю искусства, лишенного дидактики, и не думаю, что дидактизм способен понижать силу влияния искусства на воображение, на разум и волю читателя. Лично меня всю жизнь учили и продолжают учить».[1]

Если принять во внимание, что советская дидактика по своим целям и содержанию коренным образом отличается от буржуазной и что она в основе своей имеет ленинскую теорию познания, то слова Горького о дидактизме всякого искусства приобретают особый смысл и дают новое освещение дидактизму в советском искусстве в целом, в детской художественной литературе в частности и особенности. Лучшие советские детские книги педагогичны и открыто дидактичны. Возьмем стихи для детей В. Маяковского. Все они зовут детей к определенной цели, в них открыто проводится полезная тенденция, морально-политическая идея; стихи Маяковского учат детей, направляют, мобилизуют их силы на выполнение той или другой общественно-полезной задачи.

«Моя цель, — говорит В. Маяковский, — внушить детям некоторые самые элементарные общественные понятия, но, разумеется, я делаю это очень осторожно... Скажем, рассказ о лошадке на колесиках. Так вот, я пользуюсь случаем, чтобы объяснить ребенку, сколько людей работало, чтобы такую лошадку сделать (этому и посвящено стихотворение «Конь — огонь»). Таким образом, ребенок получает представление об общественном характере труда. Или описываю путешествие и таким образом знакомлю ребенка не только с географией, но и с тем, что например, одни люди — бедные, другие — богатые» (об этом и ведет речь В. Маяковский в стихотворении «Прочти и катай в Париж и Китай»).[2]

В. Маяковский в стихах для детей всегда выступает в роли учителя, воспитателя, проводящего определенную общественно-политическую идею. У него всегда ясные и точные разграничения светлых и темных сторон жизни, положительных и отрицательных героев, «буржуев» и «пролетариев». Но эти положительные и отрицательные герои — не манекены с надписями на них: «добродетель», «порок», а живые, полноценные образы живых представителей определенного типа людей. В «Сказке о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» В. Маяковский знакомит маленького читателя со сложными понятиями «буржуй», «пролетарий» в резко-контрастных, но живых образах Пети и Симы, дает представление о классовой борьбе, призывает ребят сделать вывод из сказки:

[1] М. Горький. «О молодежи и детях», стр. 126.

[2] «За рубежом» № 10, 1936 г.

«Полюбите, дети труд —
как написано тут.
Защищайте
всех, кто слаб,
От буржуевых лап.
Вот и вырастете
истыми
Силачами коммунистами».

В. Маяковский следовал лучшим русским народным сказкам, сказкам Пушкина, в которых всегда одни герои неизменно вызывают симпатии детей (падчерица — в народных сказках, работник Балда — у Пушкина), а другие — ненависть (мачеха — в народных сказках, поп — у Пушкина). В ответ на обвинения в дидактичности и моралистичности его детских стихов В. Маяковский говорил: «Я люблю до конца в своих стихах указывать кто сволочь».

Не в пример В. Шкловскому, А. Ивичу, как огня боящимся таких педагогических понятий, как учебник, школа, учеба, В. Маяковский в сильных и ярких стихах обращается с призывом к советскому школьнику:

«Вооружись
учебником — книгой!
С детства
мозги
развивай и двигай!
Помни про школу
только с ней
Станешь
строителем
радостных дней!»
(«История Власа, лентяя и лоботряса»).

Все творчество В. Маяковского по хорошему, по революционному тенденциозно и дидактично. От этого поэзия Маяковского только выиграла. Недаром советская молодежь поэзию В. Маяковского считает своей, родной, кровно близкой и самой любимой поэзией.

Дидактичны и педагогичны «Стожары» А. Мусатова, «Звездочка» И. Василенко, «С тобой товарищи» М. Прилежаевой, стихи С. Маршака, С. Михалкова и др.

В. Белинский писал, что дидактизм в поэзии выражается в том, что сознание художником основной идеи произведения предшествует акту творчества, и что главное в дидактическом произведении — это мысль, «а форма только как бы средство для ее выражения». Настоящие дидактические произведения, к которым В. Белинский в первую очередь относит гениальную комедию А. Грибоедова «Горе от ума» и некоторые детские про-

изведения Дедушки Иринея (псевдоним В. Ф. Одоевского), «выходят из живого и пламенного вдохновения, а не мертвого и холодного рассудка, берут у поэзии все ее краски, говорят душе образами, не отвлеченными идеями»[1].

Дидактические произведения — это глубоко и открыто идейные произведения, в которых на первом месте — высокая идея, поучительное содержание, правда жизни, ясная морально-политическая цель, «но эта цель высказывается в живых картинах, в увлекательном рассказе, в проникнутых чувством и одушевлением мыслях, а не в холодных аллегориях, не в моральных сентенциях и ходячих истинах... которые всем надоели и никого не убеждают».[2]

Буржуазные эстеты и формалисты всегда были злейшими врагами революционной идейности, тенденциозного и дидактического характера передовой поэзии для детей. Они защищали и проводили в жизнь реакционные идеи, крепостнические тенденции, дидактизм и мораль эксплоататорских классов, называя это «чистым искусством», или «искусством для искусства». Самые, на первый взгляд, безобидные и пустые стишки какого-нибудь Б. Федорова или С. Глинки были всегда тенденциозны и дидактичны: всем своим содержанием, тоном, стилем, хотя и бездарно, но учили стоять в стороне от общественно-политических интересов (крепостникам было невыгодно знакомить молодежь с политическими вопросами), учили подчиняться существующему самодержавному строю и установленным крепостническим государством общественным порядкам, призывали уходить в свои личные переживания, в любование самодовлеющей красотой, увлекали эротическими картинами, обещаниями материальных благ за послушное и раболепное поведение и беспрекословное подчинение «власть имущим». В этих стихах всегда была тенденция, но только гнусная тенденция, всегда был дидактизм, но только гнусный дидактизм. По Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову, ничтожные по идее, по тенденции произведения не могут быть настоящими художественными произведениями. «Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении»,[3] — писал Н. Чернышевский. Но произведения, проникнутые большой передовой идеей, зовущей общество вперед, написанные талантливыми писателями, всегда высокохудожественны и доставляют читателю глубокие эстетические наслаждения, явля-

1 В. Белинский. Собрание сочинений в 3-х томах. Том II, Огиз. 1948, стр. 62.

2 В. Белинский. Сочинение в трех томах. Том II, 1948, стр. 64.

3 Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Гослитиздат, 1934, стр. 164.

ясь для него одновременно и «учебником жизни». Таковы лучшие советские детские книги, о которых мы говорили выше.

Идейные детские произведения, высокохудожественные, с коммунистической педагогической направленностью требуют от писателя знания жизни советских детей, большого искусства жизнь эту изучать, искренно, разумно, без сентиментов, любить и уважать детей, будущих граждан коммунистического общества. Детский писатель должен знать все, что писали и говорили о детях, о воспитании, о педагогике Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Он должен знать все достижения современной советской школы, ее самый передовой опыт, опыт А. С. Макаренко, знать историю и теорию марксистско-ленинской педагогики, советскую психологию, теорию и практику семейного воспитания.

Такое знание является гарантией от формалистических выкрутасов и антипедагогических извращений в детской литературе, которая должна целиком отвечать требованиям коммунистического воспитания молодого поколения. «Не только критики, а и издательства не должны пропускать того, что не отвечает задачам социалистического воспитания детей»,[1] — говорил А. А. Андреев на совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ 19 января 1936 г.

Специфика детской литературы требует от писателя, чтобы он учитывал наглядно-действенный и конкретно-образный характер мышления детей младшего школьного возраста, эмоциональность их восприятий, действенность и практическую направленность их воображения, интерес к простым, ясным и цельным людям, к живому, быстро развивающемуся действию. Идея любого произведения для детей должна быть воплощена в ярких образах положительных героев, в быстрой смене картин, событий, в простой, но занимательной и увлекательной фабуле. Живость рассказа, движение, развитие, становление образа, характера, события — вот что привлекает в книге детей. Статичные описания природы, умозрительные рассуждения, сложные символы и аллегории, обыкновенно, читателями этого возраста выпускаются. Многие библиотечные работники и учителя начальных классов отмечают, что дети 9—10 лет мало интересуются пейзажами И. Тургенева в его «Записках охотника». Это объясняется не только особенностями психики детей, но и недостаточным развитием у них литературного эстетического вкуса. Но писатель и педагог, как воспитатели наших детей, должны развивать у них здоровый литературный вкус,

---

[1] А. А. Андреев. «О коммунистическом воспитании молодежи», изд. «Молодая гвардия» 1937, стр. 72.

глубокие эстетические чувства. Об этом прекрасно писал В. Белинский:

«Развивайте также в них и эстетическое чувство, которое есть источник всего прекрасного, великого, потому что человек, лишенный эстетического чувства, стоит на степени животного. Но как должно развивать в детях эстетическое чувство? — вот вопрос, на который должны обращать особенное внимание писатели для детей. Мы думаем, что для этого одно средство: давать детям произведения сколько возможно доступные для них, но изящные, но согретые теплотою чувства и ознаменованные большею или меньшею степенью истинного таланта».

У некоторых советских детей, при всех их замечательных качествах, их острой наблюдательности и живой любознательности, литературные запросы и вкусы могут быть ограниченными, неразвитыми, недостаточно глубокими и не всегда оправданными нашими целями воспитания. Литературные интересы детей могут быть и бывают иногда случайными. Несколько лет тому назад нередко можно было встретить подростков, читавших «с интересом» Конан-Дойля, Л. Чарскую. Такого рода интересы и вкусы иногда культивировались отсталыми родителями, родственниками, знакомыми, старшими товарищами при попустительстве и невнимании к чтению детей школы, учителей.

Встречаются и в наши дни мальчики и девочки, увлекающиеся такими халтурными романами Игоря Всеволожского как «Собака полковника», «Судьба прозорливца». Читают подростки и «Поющее дерево» Н. Саконской и «Приключения капитана Врунгеля» А. Некрасова и «Арктический мост». А. Казанцева, произведение, в котором раболепие и низкопоклонство перед иностранной техникой показаны совершенно открыто.

Книги эти в идейном отношении порочны, антихудожественны и антипедагогичны.

Не могут иногда даже ученики старших классов без помощи преподавателя литературы разобраться в идейно-художественных недостатках таких романов, как «За власть Советов» В. Катаева, «Далекие годы» К. Паустовского, «Зелен камень» И. Ликстанова, «Открытая книга» В. Каверина, «Великое противостояние» Л. Кассиля. Поэтому читательские интересы наших учащихся нужно не только изучать, чем обыкновенно занимаются библиотекари, отдельные классные руководители, издательства детской литературы (это нужное дело), но, главным образом, необходимо систематически формировать и развивать у детей литературные интересы, направлять их в надлежащее русло, расширять и углублять требования юных читателей к детской книге, воспитывать вкус к высокохудожествен-

ной и идейно выдержанной литературе, борясь с дурным вкусом и погоней за внешней занимательностью и дешевыми эффектами.

В этом отношении весьма поучительна деятельность И. Н. Ульянова, отца В. И. Ленина, по руководству чтением своих детей. И. Н. Ульянов в выборе книг для детей и руководстве их чтением исходил из указаний на этот счет Белинского, Чернышевского и Добролюбова, что подтверждается составом личных библиотечек детей и многочисленными свидетельствами Анны, Марии, Дмитрия Ульяновых и Н. Крупской. В выборе произведений и книг для детей соблюдалась определенная система, последовательность, постепенность; прочитанное обсуждалось, объяснялось, интересы и литературные вкусы детей воспитывались в демократическом и реалистическом духе. А. Н. Ульянова вспоминает: «Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил мое внимание ...на «Песню Еремушки» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились»... Таким образом, отец, одушевленный лучшими идеями конца шестидесятых и начала семидесятых годов, рано направлял в смысле общественных идеалов Сашу...»[1]

А вот еще одно свидетельство А. И. Ульяновой о том, как И. Н. Ульянов воспитывал у детей самые передовые литературные интересы и здоровые вкусы. «Всех русских классиков, пишет А. И. Ульянова, — мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными и пошлыми романы, которыми зачитывались наши одноклассники. Помню, как я начала читать «Петербургские трущобы», которыми бредили в нашем классе, и бросила скоро, ибо они вызвали во мне лишь скуку и отвращение».

Одной из задач наших педагогов, библиотечных работников, родителей является систематическая работа с детьми по воспитанию у них интересов к высокоидейной и истинно художественной литературе и отвращения к безидейным, пошлым и вредным книжонкам, которые иногда случайно попадают в руки детей.

Такая работа проводится во многих школах библиотекарями, классными руководителями и преподавателями русского языка и литературы. В 1 мужской средней школе им. В. И.

---

[1] А. И. Ульянова — Елизарова. «Воспоминания об Александре Ульянове». Изд. «Молодая гвардия», 1930 г., стр. 65.

Ленина гор. Ульяновска большую и плодотворную работу по формированию читательских интересов учащихся и воспитанию эстетического вкуса у них проводит заведующая школьной библиотекой, она же и преподавательница русского языка и литературного чтения А. Ф. Виноградова. Новые и весьма удачные формы пропаганды хорошей книги среди учащихся применяют учительница русского языка и литературного чтения 4-й женской средней школы гор. Ульяновска Е. П. Мухина и заведующая библиотекой М. А. Свечкина. По их инициативе каждое пионерское звено еженедельно выпускает газету-листовку, в которой говорится о самой интересной книге,прочитанной той или другой ученицей за последние два—три месяца. Одна листовка посвящается книге Д. Медведева «Это было под Ровно», другая — повести М. Прилежаевой «С тобой товарищ», третья — «Степному солнцу» П. Павленко и т. д.

К сожалению, работа по руководству внеклассным чтением и формированию читательских интересов изучается и обобщается далеко недостаточно и весьма немногими.

Каждое произведение для детей в основном должно быть понятно, доступно и соответствовать общему развитию ребенка. Но не нужно дело упрощать, не следует думать, что ребенку доступны только книги, точно соответствующие запасу его знаний и не выходящие за пределы тех представлений об окружающем, которые у него имеются, только книги, написанные языком, строго соответствующем «как речевому запасу, лексике школьника, так и степени его грамматических познаний».[1] Это неверно. Ни одно произведение не может и не должно строго соответствовать кругу представлений, запасу знаний и степени грамматических познаний ребенка определенного возраста. Такие ограничения, если бы их удалось ввести в жизнь (но это дело невозможное), искусственно культивировали бы инфантильность, задерживали бы рост детей, расширение и углубление их знаний, тормозило бы развитие и обогащение их активного и пассивного словаря. Детский писатель должен приобщать юного читателя к новым знаниям, идеям, к новым понятиям, к правильному литературному языку, который исправляет и обогащает недостаточно развитую детскую речь, писатель должен все это делать, учитывая основные особенности детского возраста, но не приспосабливаясь к детскому

[1] О. И. Рута, кандидат педагогических наук. «Об источниках материала для этических бесед в начальной школе». Ж. «Советская педагогика» № 12, 1949, стр. 54.

лепету и к детским наивным представлениям об окружающем мире. Детская книга, как правильно об этом говорит А. Макаренко, не должна «строго следовать за возрастным комплексом психики, она должна быть всегда впереди этого комплекса, должна вести ребенка вперед, к тем пунктам, на которых он еще не был».[1]

* * *

Борьба с формализмом и антипедагогическими тенденциями в детской литературе является одной из важнейших задач, стоящих перед детскими писателями. Борьба эта будет тем успешнее, чем активнее и шире будет участие в детской литературе учительской, научно-педагогической и родительской общественности.

Учителя, библиотекари, научные работники, доценты и профессоры педагогики и литераторы, наряду с детскими писателями и критиками, должны участвовать в разработке теории советской детской литературы, в критических обзорах и разборах детских книг, в их редактирования, в конкурсных комиссиях, в совещаниях и съездах детских писателей.

Нужно усилить работу по изучению детской литературы, ее воспитывающего влияния на юных читателей, по пропаганде и правильному использованию в педагогических целях лучших произведений детских писателей, по изучению и воспитанию читательских интересов учащихся, по руководству детским чтением, детскими и школьными библиотеками.

Велика, почетна и ответственна роль советского детского писателя, воспитателя, учителя и друга юного поколения.

Растет и ширится круг талантливых писателей, посвятивших свое творчество детям. С каждым годом, с каждым туром конкурса на лучшую художественную книгу для детей появляются все новые и новые имена писателей, дающих новые книги на самые разнообразные темы.

Но всего этого мало. С каждым днем растут запросы и требования к писателям наших школьников, ищущих в книгах ответы на все новые и новые вопросы, которые ставит перед ними наша, поистине, сказочно богатая и прекрасная жизнь. Чтобы удовлетворить многообразнейшие интересы и творческую пытливость многомиллионной армии юных читателей, необходим большой отряд талантливых детских писателей, необходимо ог-

---

[1] Макаренко. «Стиль детской литературы», Ж. Д. Л. № 17. 1948, стр. 10.

ромное количество талантливых, ярких и умных книг, удовлетворяющих самым высоким требованиям идейно-художественного и педагогического характера.

Вооруженные идеями марксизма-ленинизма, знанием жизни, методом социалистического реализма, последними достижениями советской педагогики, советской науки в целом и прежде всего гениальным учением И. В. Сталина о языкознании, имеющим прямое отношение к деятельности инженеров человеческих душ, наши детские писатели при дружеской помощи педагогов и поддержке всей советской общественности создадут книги, достойные сталинской эпохи.

А. Чевелев,
кандидат исторических наук

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ГОРОДА УЛЬЯНОВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(1941-1945 годы)*

Среди актуальнейших проблем в изучении истории советского общества важнейшее место занимает Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии и империалистической Японии.

Коварный и жестокий враг, вероломно напавший на нашу страну, ставил своей целью захват наших земель, политых потом и кровью советских людей, восстановление власти помещиков и капиталистов, разрушение национальной культуры и национальной государственности народов Советского Союза. В этой войне речь шла «...о жизни и смерти народов СССР, о том, — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение».[1]

По призыву партии и правительства, по призыву великого Сталина народы Советского Союза поднялись на Отечественную войну. Целью этой всенародной войны против фашистских угнетателей являлась «... не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма».[2]

Эта возвышенная и благородная цель войны руководила советскими людьми на фронте, вдохновляя их на беспримерные подвиги и массовый героизм. Она руководила советскими людьми в тылу, вдохновляя их на самоотверженный труд и многообразную помощь фронту.

---

* Автореферат диссертации, защищенной на степень кандидата исторических наук.

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-ое стр. 13.

[2] Там-же, стр. 16.

В годы Великой Отечественной войны со всей силой была продемонстрирована гениальность марксистско-ленинского учения о социалистическом обществе, о его движущих силах. Война подтвердила правильность мудрой политики большевистской партии и подвела итоги гигантскому пути, пройденному советским народом. Она показала всему миру жизнеспособность, преимущества и несокрушимость советского общественного строя, советского государственного строя, дружбы народов нашей страны, мощь советских вооруженных сил, морально-политическое единство советского народа, животворную силу советского патриотизма.

Наша победа в Отечественной войне означала спасение великих завоеваний социалистической революции, спасение народов Советского Союза и всего человечества от ужасов фашизма. Она вместе с тем обеспечила победу народам стран народной демократии над фашизмом и вывела их на путь строительства социализма.

Изучение истории Великой Отечественной войны Советского Союза приобретает огромное научно-теоретическое, политическое и воспитательное значение.

Из всей суммы многочисленных проблем, связанных с изучением названной темы, автор взял на себя скромную задачу: на примере одного из средних городов нашей страны, города Ульяновска, показать роль советского тыла и патриотического движения советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Марксистско-ленинское учение о войне включает в себя как составную часть учение о роли тыла в войне. Такой великий знаток военного дела, как Фридрих Энгельс, глубоко интересовавшийся военными вопросами, неоднократно подчеркивал решающую роль экономики в войне. В своем гениальном произведении «Анти-Дюринг», написанном во второй половине семидесятых годов прошлого века и направленном против немецкого реакционного философа и экономиста Дюринга, Ф. Энгельс писал: «Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия находятся в прямой зависимости от данной степени развития производства и средств сообщения».[1]

Энгельс указывал далее, что «...вся организация армии и способа борьбы, а вместе с ним и победы и поражения оказыва-

[1] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1932 г., изд. 6-е, стр. 119.

ются зависимыми от материальных, то-есть экономических условий, от свойства людей и оружия, следовательно, — от качества и количества населения и от развития техники».[1] «Одним словом, — подводит итог Энгельс, — «сила» всегда и везде одерживала победы не иначе, как при помощи экономических условий и средств».[2]

Первостепенное значение роли тыла в войне придавали вожди и организаторы большевистской партии и советского государства Ленин и Сталин. На основе глубокого научного анализа опыта войн и особенно опыта гражданской войны в СССР они пришли к выводу о решающей роли тыла в современных войнах. «Для ведения войны *по-настоящему*, — писал Ленин в 1918 г., — необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены. Это настолько ясно, что не требует пояснения».[3]

Эту мысль В. И. Ленин неоднократно подчеркивал и в последующих своих работах. Выступая с докладом на II-м Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 года, он говорил: «Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации... Мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий...».[4]

Наконец, в статье «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи» Ленин писал: «Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще».[5]

Ученик и соратник великого Ленина, организатор победы советского народа в войне против иностранных интервентов и сил внутренней контрреволюции товарищ Сталин, извлекая уроки из опыта этой войны, уже в те годы неоднократно подчеркивал решающую роль тыла в войне. «Армия, — писал товарищ Сталин, — не может долго существовать без крепкого тыла».[6]

Еще более полно формулирует эту свою мысль тов. Сталин в статье «Новый поход Антанты», написанной в 1920 году. «Ни одна армия в мире, — писал товарищ Сталин, — не может

---

[1] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1939 г., изд. 6-е, стр. 122.
[2] Там же.
[3] Ленин. Соч., т. 26, стр. 54, изд. 4-е.
[4] Ленин. Соч., т. 30, стр. 136. изд. 4-е.
[5] Там же, стр. 55.
[6] И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 150.

победить (речь идет, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми-бойцами, настроениями и идеями. Неустойчивый, а еще больше враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную армию».[1]

Наконец, в 1928 году в своей речи «О трех особенностях Красной Армии» товарищ Сталин говорил: «Что такое армия без крепкого тыла? Ничто. Самые большие армии, самые вооруженные армии разваливались и превращались в прах без крепкого тыла, без поддержки и сочувствия со стороны тыла, со стороны трудящегося населения».[2]

Руководствуясь этими указаниями Ленина и Сталина, наша партия и правительство в годы мирного социалистичского строительства неустанно заботились об укреплении как советских вооруженных сил, так и советского тыла. Это тем более было необходимо, так как Советскому Союзу, окруженному капиталистическими странами, постоянно грозила опасность интервенции, забывать о которой было нельзя. «Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике».[3]

Мудрая ленинско-сталинская политика индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, нашедшая свое практическое воплощение в сталинских пятилетках, превратила нашу страну в могучую индустриальную державу с независимой экономикой, способной производить все современные средства войны.

Экономическая победа Советского Союза в годы мирного строительства социализма обеспечила нашему народу победу в Отечественной войне. Советский тыл с честью выдержал все испытания, связанные с войной, и сыграл решающую роль в разгроме врага.

Показать на примере города Ульяновска значение тыла в Великой Отечественной войне Советского Союза — такова первая задача диссертации.

В грозные годы Великой Отечественной войны советский народ проявил такое высокое сознание долга перед своей Родиной и такой массовый героизм, на который оказались способ-

---

[1] И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 323.
[2] И. Сталин. Соч., т. 2, стр. 23.
[3] Ленин. Соч., т. 26, стр. 49, изд. 3-е.

ны только люди страны победившего социализма. Источником многочисленных и разнообразных подвигов тружеников советского тыла, как и советских воинов на фронте, являлся советский животворный патриотизм.

Патриотизм — явление историческое. Это — чувство любви к Родине, возникающее на определенной ступени развития человеческого общества, в период образования и развития обособленных отечеств. Характеризуя досоветский патриотизм, Ленин указывал, что это — «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств».[1]

Патриотизм, как явление социально-историческое, всегда имел определенный классовый характер, поэтому у различных общественных классов были и различные формы патриотического сознания, определяемые их экономическими и политическими интересами.

Подлинными носителями горячей любви к Родине, истинными патриотами являются только трудящиеся массы. Самым искренним и бескорыстным защитником своей Родины, самым стойким и последовательным борцом против внешних и внутренних угнетателей, самым верным стражем патриотических традиций является рабочий класс. Он никогда не относился и не мог относиться безразлично к судьбам своей страны, к ее свободе и независимости.

В знаменитой статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин, разоблачая буржуазию и ее лакеев-кадетов и меньшевиков, обвинявших большевиков в отсутствии чувства национальной гордости, писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 её населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...»[2].

Своей подлинной, высокоидейной патриотической сознательностью трудящиеся нашей страны обязаны великой партии Ленина—Сталина. Партия большевиков слила воедино прису-

---

[1] Ленин. Соч., т. 28, стр. 167, изд. 4-е.
[2] Ленин. Соч., т. 21, стр. 85, изд. 4-е.

щие всем трудящимся патриотические чувства любви к своей Родине и направила их на борьбу за свержение гнета помещиков и капиталистов, за освобождение от иностранных интервентов, за построение социализма в нашей стране.

Советский патриотизм коренным образом отличается от патриотизма дореволюционного, хотя он воспринимает и свято хранит лучшие черты этого дореволюционного патриотизма. Советский патриотизм — это качественно новый и высший тип патриотизма, принципиально отличающийся от любого другого, несоветского патриотизма. Это патриотизм людей, освобожденных от капиталистической эксплоатации и являющихся полновластными хозяевами своей страны. Особенностью советского патриотизма является то, что он гармонически сочетает любовь к родине с преданностью советскому общественному строю. Наш народ любит свою социалистическую Родину глубоко и осмысленно. Это не просто любовь к стране, где человек родился, вырос и воспитался, это любовь к *социалистическому* Отечеству. Такая любовь сочетает в себе гордость за свою страну и ее строй с готовностью отдать все свои силы на укрепление могущества своей Родины, на ее процветание. Отсюда вытекает действенный характер советского патриотизма.

Советский патриотизм оказывает могучее воздействие на нашу экономическую, политическую и культурную жизнь и является движущей силой развития советского общества.

«Сила советского патриотизма, — учит товарищ Сталин, — состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза».[1] Действенность и необоримая сила советского патриотизма наиболее ярко и полно проявилась в годы Великой Отечественной войны против фашистской Германии и империалистической Японии. Ярчайшим выражением патриотических чувств советских людей в тылу в годы войны явились их разнообразные трудовые подвиги.

«Трудовые подвиги советских людей в тылу, — говорил товарищ Сталин, — равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий животворный советский патриотизм».[2]

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947, изд. 5-е, стр. 160—161.

[2] Там же, стр. 160.

Ратные и трудовые подвиги советских людей в тылу и на фронте и наша победа в Отечественной войне еще больше усилили патриотическое сознание советского народа, влили в него новые силы для борьбы за полное торжество коммунизма в нашей стране.

Показать на примере трудящихся города Ульяновска могучую силу патриотического движения советского народа в годы Отечественной войны и важнейшую роль этого фактора в обеспечении победы над врагом — такова вторая задача диссертации.

Руководящие и направляющие указания автор почерпнул из гениальных произведений Ленина и Сталина. Они помогли правильно понять тему и дать научное решение выдвигаемых проблем.

В основу диссертации была положена книга товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Выступления и приказы товарища Сталина за годы войны, составившие книгу «О Великой Отечественной войне Советского Союза», вошли в сокровищницу марксистско-ленинской теории как гениальное обобщение богатейшего опыта минувшей войны.

В этой книге товарищ Сталин сделал новые выводы и обобщения о советской экономике, о великой исторической заслуге советского народа перед всеми народами мира, показал способность советского народа творить чудеса стойкости, мужества и выходить победителем из самых трудных испытаний. Он развил дальше учение о животворном советском патриотизме — источнике подвигов советских людей в тылу и на фронте.

В речи 9 февраля 1946 года, произнесенной на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, товарищ Сталин дал глубокое объяснение причин и характера второй мировой войны, подвел ее итоги, показал источники наших побед в Отечественной войне и развернул грандиозную программу дальнейшего продвижения страны по пути к коммунизму.

В трудах товарища Сталина с исчерпывающей полнотой научно сформулированы все основные положения выдвигаемых в диссертации проблем.

Большую научную ценность имеют выступления руководителей партии и правительства в печати и перед народом в годы Отечественной войны и после нее. В выступлениях т. т. Молотова, Жданова, Калинина и других имеются ценнейшие руководящие указания, помогающие правильнее и глубже осмыслить изучаемые проблемы.

Специальной литературы по вопросам роли тыла в Великой

Отечественной войне и о патриотическом движении трудящихся пока что нет, если не считать небольших популярных брошюр и журнальных статей.

При написании диссертации были использованы материалы Ульяновского областного партийного архива и Ульяновского Государственного архива.

Ценные материалы извлечены из газет: «Пролетарский путь» — органа Ульяновского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся и «Ульяновская правда» — органа Ульяновского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся.

II.

22 июня 1941 года без объявления войны, грубо нарушив пакт о ненападении, гитлеровская Германия напала на нашу социалистическую Родину. Неслыханное и беспримерное по своей чудовищности и вероломству разбойничье нападение на страну социализма, занятую мирным созидательным трудом, вызвало глубокое возмущение советского народа и всего прогрессивного человечества.

Народы Советского Союза вступили в смертельную схватку со своим злейшим врагом, с врагом всего человечества — германским фашизмом. «Период мирного строительства кончился. Начался период освободительной войны с немецкими захватчиками».[1]

В первый же день войны, после выступления по радио товарища Молотова, по всей стране прокатилась волна митингов. Рабочие, крестьяне, интеллигенция — все советские люди, выступавшие на митингах, обрушили всю силу своего гнева на головы фашистских захватчиков и заявили о своей верности партии и правительству, о полной поддержке их политики и о готовности отдать все силы и самоё жизнь в борьбе за Родину, за победу над заклятым врагом.

Митинги прошли и на родине В. И. Ленина — городе Ульяновске. Рабочие и служащие промышленных предприятий и учреждений города в своих выступлениях клеймили позором зарвавшуюся клику гитлеровских человеконенавистников и выражали свою готовность отдать все силы на разгром врага.

В резолюции, принятой на общегородском митинге в саду им. Свердлова, говорилось о том, что трудящиеся г. Ульяновска вместе со всем советским народом еще теснее сплотятся

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 19.

вокруг партии и правительства, усилят бдительность, еще выше поднимут производительность труда и тем окажут помощь Красной Армии.

Лучшие стахановцы промышленных предприятий встали на стахановские вахты. В партийные и комсомольские организации, в горвоенкомат стали приходить один за другим добровольцы-патриоты с просьбой немедленно зачислить их в ряды Действующей армии.

Чувством глубокого патриотизма проникнуто письмо в редакцию газеты «Пролетарский путь» доктора медицинских наук, заслуженного врача РСФСР, семидесятилетнего Григория Ивановича Сурова, широко известного не только трудящимся города, но и далеко за его пределами своим честным служением народу, спасшего зрение тысячам советских людей. В своем письме доктор Суров писал:

«Подлые фашистские правители совершили разбойничье нападение на нашу страну. Пролилась кровь мирных советских граждан. Нам навязали войну... Озверевшая фашистская клика просчиталась. Эта война, навязанная нам сумасшедшим Гитлером, приведет фашизм к окончательной гибели...

...Я готов нести двойную и тройную нагрузку, чтобы облегчить страдания людей и возвратить им здоровье. Если потребуется, я, семидесятилетний старик, готов к тому, чтобы отправиться на фронт. Я верю в нашу мощь, в наш великий народ, нашему учителю и другу Иосифу Виссарионовичу Сталину. Мы боремся за правое дело и мы победим».[1]

Вместе со всем советским народом трудящиеся города Ульяновска с первых дней войны подчинили все свои дела и действия интересам обороны страны.

В целях быстрейшей мобилизации всех сил народа решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР 30 июня 1941 года был создан под председательством товарища Сталина Государственный Комитет Обороны, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в стране.

Решающую роль в мобилизации всех сил нашей страны на священную войну за свободу и независимость сыграла историческая речь товарища Сталина, произнесенная им по радио 3 июля 1941 года. В этой речи товарищ Сталин дал глубокий анализ происходящих событий, определил характер навязанной нашему народу войны и поставил перед советскими людьми конкретные задачи.

Речь товарища Сталина нашла горячий отклик в сердцах

---

[1] Газета «Пролетарский путь», № 147, за 25 июня 1941 г.

советских людей и стала их программой в борьбе за победу. Программой действия стала она и для трудящихся города Ульяновска.

* * *

Война является всесторонним испытанием всех материальных и духовных сил каждого народа. Для того, чтобы воевать и победить, необходимо иметь многочисленную армию, морально стойкую и вооруженную в достаточной степени новейшими средствами ведения войны. Но для этого нужно иметь хорошо развитую тяжелую, оборонную и легкую промышленность, которая обеспечила бы армию вооружением, боеприпасами, обмундированием. Нужно иметь хорошо развитое сельское хозяйство, чтобы обеспечить армию продовольствием. Нужно иметь хорошо развитый транспорт, чтобы во-время и в нужных размерах снабжать фронт всем необходимым.

Современная война — это война моторов, то-есть война, в которой не только в небывалых ранее размерах применяется старая, уже известная военная техника, но и такие новые виды оружия, как танки, самолеты, самоходная артиллерия, моторизованная пехота, новейшие образцы автоматического оружия и т. д.

Нападая на Советский Союз, гитлеровская Германия заранее тщательно подготовилась к этой войне. Она отмобилизовала все свои силы и обрушила на нашу страну огромную военную технику. Кроме того, нацисты бросили на нас многочисленную военную технику покоренных ими западно-европейских стран.

Чтобы выстоять перед этими страшными по своей силе ударами врага, чтобы ликвидировать его количественное превосходство в технике, а затем создать перевес в военной технике в свою пользу, для этого потребовалось не только многократное увеличение ранее производимого, но и коренная перестройка всего народного хозяйства на работу для фронта.

Однако перестройка промышленности на военный лад — дело чрезвычайно сложное. Освоение новых видов военной продукции требует разработки новой технологии производства, новой расстановки сил и организации труда, а часто и совершенно нового оборудования. Приходилось производить коренную ломку всей производственной деятельности, заново переучивать рабочих, давать им совершенно новые производственные квалификации.

Военная перестройка потребовала нового распределения сырьевых ресурсов страны, новых схем кооперирования предприятий и т. п.

Все эти и другие в высшей степени важные и сложные эко-

номические проблемы пришлось решать с величайшей быстротой и решительностью в ходе самой войны, в условиях наступающего врага.

Никакое правительство, оказавшись в такой сложной обстановке, не было бы способно произвести эту грандиозную перестройку и в такой короткий срок, как это сделало наше, советское правительство.

Общественная собственность на средства производства, советский государственный строй, плановое ведение хозяйства, глубокое понимание народом справедливого характера войны, руководящая роль партии — все это позволило в трудных военных условиях осуществить перестройку народного хозяйства в соответствии с требованиями войны.

Уже к средине 1942 года задача военной перестройки была успешно решена. Промышленность переведена на производство вооружений и боеприпасов, эвакуированные предприятия в основном восстановлены. «Это была труднейшая и сложнейшая организаторская работа большого масштаба».[1]

Трудящиеся Ульяновска вместе со всем советским народом с первого же дня войны приступили к перестройке всей своей работы на военный лад.

Родина В. И. Ленина — город Ульяновск, как и все города Советского Союза, за годы советской власти значительно вырос и был способен решать большие государственные задачи в деле оказания помощи правительству в борьбе за победу.

В дореволюционном дворянском Симбирске было около 70 тысяч жителей и два десятка небольших промышленных предприятий кустарного типа. Большинство этих предприятий в 1913—1915 г.г. насчитывало по одному — по два десятка рабочих, выпускало самую примитивную продукцию и влачило жалкое существование. Тридцать четыре процента всей валовой продукции промышленности города падало на производство свечей. В 1913 году на всех промышленных предприятиях города было занято всего 649 рабочих, а в 1915 году это число сократилось до 434 чел.[2]

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела город из длительного экономического застоя и открыла перед ним неограниченные возможности социалистического роста.

В 1924 году постановлением советского правительства город Симбирск был переименован в город Ульяновск.

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 62.

[2] Обзоры Симбирского губернатора за 1913—1915 гг.

За годы сталинских пятилеток советский Ульяновск значительно изменился. В 1940 г. в городе имелось 38 различных промышленных предприятий с тысячами индустриальных рабочих.[1] Старые заводы были расширены и реконструированы. Возникла легкая, пищевая промышленность. Число жителей города в 1939 году составляло 102,1 тыс. человек.

К началу Отечественной войны в городе имелась разнообразная промышленность, способная внести существенный вклад в дело снабжения фронта.

Перестройка работы городских предприятий на военный лад началась в первые же дни войны и проходила под руководством городской партийной организации. Все предприятия за счет повышения производительности труда рабочими, за счет более рационального использования сырья и оборудования резко увеличили выпуск той продукции, которую они производили до войны. Одновременно с этим началась реконструкция цехов и целых предприятий для выпуска новых видов продукции, которые требовала война. Развернулась работа по введению и освоению новой технологии производства, по созданию нового технического оснащения предприятий. Резко изменилось цеховое планирование и организация материально-технического снабжения. Неиспользованное оборудование, годами лежавшее на заводских и фабричных складах, устанавливалось и пускалось в дело.

Развернулась борьба за внедрение четкого графика и поточной системы работы, за совершенствование техники и технологии производства, за улучшение конструкций, за снижение себестоимости, за ликвидацию брака, ненужных производственных потерь.

Уже в первые недели войны предприятия г. Ульяновска давали самый разнообразный ассортимент изделий для Красной Армии.

Все предприятия резко увеличили выпуск промышленной продукции. Коллективы отдельных предприятий добились поразительных результатов. Так, коллектив швейной фабрики № 5, изготовлявший обмундирование для Красной Армии, выполнил план 1941 года на 248,8%.[2]

Вот данные о работе промышленных предприятий города (без оборонной промышленности) в первые 3 месяца войны:[3]

---

[1] Ульяновский областной партийный архив (в дальнейшем УОПА), ф. 13. опись 13—2, связка 282, д. 3763, л. 5.

[2] УОПА, ф. оп. 13—2, св. 246, д. 3242, листы 52—53.

[3] УОПА, ф. 13, оп. 13—2, св. 235, д. 108, л. 337, св. 238, д. 3147, л. 107, св. 250, д. 3206, л. 2.

	% выполнения к месяч. плану	в % % к июню 1941 г.
Июль	110,1	103,0
Август	118,3	146,8
Сентябрь	133,4	177,8

В целом объем промышленной продукции (без оборонной) в 1941 году превысил уровень 1940 года на 27,7%.[1]

Процесс перестройки на военный лад не только не вызвал снижения темпов производства или топтания на месте, а сопровождался значительным увеличением выпуска продукции. Резкое возрастание промышленного производства на предприятиях Ульяновска, как и во всех восточных районах страны, было особенно важно в условиях, когда немецко-фашистские захватчики, уже заняв значительные районы нашей страны, рвались к Москве, окружили Ленинград, а тысячи предприятий западных промышленных районов находились на колесах и двигались на восток, когда в силу этого общий уровень промышленного производства в стране временно сократился.

Работа промышленных предприятий города Ульяновска полностью подтверждала слова товарища Сталина, сказанные им в речи на Красной площади 7 ноября 1941 г. о том, что вся наша страна «...организовалась в единый боевой лагерь...», что «...все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов».[2]

* * *

Вторжение гитлеровской Германии в пределы СССР сопровождалось в начале войны определенными тактическими успехами немецких войск. Эти успехи были временными и объяснялись, главным образом, тем, что фашистская Германия еще задолго до нападения на СССР отмобилизовала все свои силы, придвинула их к нашим границам и вероломно, порвав подписанный между СССР и Германией в 1939 году договор, напала на нас. Кроме собственной армии и техники, немецкие фашисты бросили против нас армии и технику стран-сателлитов и покоренных европейских государств.

В неравных и неблагоприятных для СССР условиях начавшейся войны Красная Армия, ведя тяжелые и упорные бои, вынуждена была отходить в глубь страны, оставляя врагу

[1] Ульяновский областной государственный архив (в дальнейшем УОГА), фонд. 634, опись 13, д. 119, лл. 171—172.

[2] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947, изд. 5-е, стр. 38—39.

важнейшие экономические районы с развитой промышленностью, железнодорожным транспортом и сельским хозяйством. Это обстоятельство заставило партию и правительство принять меры к эвакуации промышленности из районов, занимаемых противником или находящихся под угрозой его вторжения.

Эвакуация огромных материальных ценностей проводилась советским правительством в обстановке привлечения к этому важнейшему государственному мероприятию широких народных масс и носила организованный и планомерный характер. Дело перемещения социалистической промышленности в восточные районы взял в свои руки Государственный Комитет Обороны.

В невиданно короткий срок было эвакуировано «...свыше 1300 крупных предприятий».[1] Успешно проведенная эвакуация важнейших промышленных предприятий позволила сохранить для обороны основную часть производственных мощностей, расположенных ранее на территории, временно занятой врагом.

Основными районами размещения эвакуированной промышленности явились Западная Сибирь, Урал, Средняя Азия и Среднее Поволжье. Часть предприятий, эвакуированных в район Средней Волги, была размещена в г. Ульяновске.

Поступление в город эвакуированных предприятий началось в августе 1941 года и продолжалось до ноября месяца того же года. Размещение эвакуированных предприятий и их рабочих коллективов производилось за счет уплотнения площадей местных предприятий и использования основного жилого фонда населения города.

Перемещенным в Ульяновск промышленным предприятиям, учреждениям, наркоматам, учебным заведениям, рабочим и специалистам с их семьями и неорганизованному населению было предоставлено в общей сложности около 250000 квадратных метров производственных, культурно-бытовых и жилых площадей.[2] Ценой резкого уплотнения город смог обеспечить эвакуированные предприятия и население необходимыми помещениями и создать для них нормальные условия для жизни и работы.

Прибывшие в город предприятия надо было немедленно восстанавливать и пускать в ход. К выполнению этой трудной и сложной, но государственной важности задачи приступили как коллективы эвакуированных предприятий, так и все трудящиеся города. Работа велась по планам Государственного Комитета Обороны. Непосредственное руководство осуществлял

---

[1] Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946/50 гг., Ульяновск, 1946 г, стр. 5.

[2] УОГА, ф. 634, оп .13, д. 203, л. 913.

городской комитет ВКП(б). Решающая роль в этом невиданном созидательном труде принадлежала коммунистам, которые своим личным примером самоотверженного труда вдохновляли весь коллектив рабочих и технической интеллигенции на быстрейшее восстановление и ввод в эксплоатацию этих предприятий.

Усилиями рабочих коллективов эвакуированных фабрик и заводов и трудящихся города под руководством партийных и советских организаций к половине 1942 года вся эвакуированная в город промышленность была восстановлена и, наращивая из месяца в месяц темпы производства, давала все больше продукции.[1] Большинство же промышленных предприятий было восстановлено еще в 1941 году, а некоторые из них вступили в строй через 3—5 дней после начала восстановления.

Таким образом, в гигантской работе по перебазированию промышленности на восток и ее восстановлению, проведенной советским народом, трудящиеся города Ульяновска приняли активное участие и этим оказали существенную помощь стране в мобилизации сил для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

* * *

К осени 1941 года немецко-фашистским войскам, ввиду отсутствия против них второго фронта и ввиду временного количественного превосходства в танках и самолетах, удалось захватить значительную территорию Советского Союза и создать серьезную угрозу Москве. Весь советский народ переживал тогда чувство глубочайшей тревоги за судьбу своей социалистической Родины.

6 ноября 1941 года с докладом, посвященным 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, выступил товарищ Сталин. Он подвел итоги первым четырем месяцам войны, со всей большевистской прямотой указал на грозную опасность, нависшую над Родиной, вскрыл причины наших временных неудач на фронте и поставил конкретные задачи перед советским народом в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Подчеркнув, что «...никогда еще советский тыл не был прочен, как теперь...», товарищ Сталин вместе с тем потребовал не только «... увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране...», но и «...резко увеличить производство противотанковых самолетов, противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и минометов...»[2] Товарищ

[1] УОПА, ф. 13, оп. 13—2. св. 260, д. 3428, л. 11.

[2] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 22, 26.

Сталин закончил свой доклад выражением уверенности в том, что «... победа будет за нами!»[1]

Октябрьские и ноябрьские дни 1941 года были необычайно тяжелыми днями для нашей Родины. Но советские люди не унывали, ибо они были уверены в своих силах.

В декабре месяце 1941 года товарищ Сталин, лично руководивший обороной Москвы, отдал приказ советским войскам о переходе в наступление. Не выдержав могучего натиска Красной Армии, немецко-фашистские войска под Москвой начали поспешно отступать. За зиму 1941—1942 г. г. Советская Армия прогнала противника на запад местами до 400 километров. Этим нашим наступлением был развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии и навсегда похоронен план гитлеровского командования о молниеносной войне. Война теперь приняла затяжной характер. Ход и исход войны теперь решался не таким привходящим моментом, «...как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии»,[2] которые действовали в пользу Советского Союза.

Исторический доклад товарища Сталина 6 ноября 1941 года, его речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года и блестящая победа советских войск под Москвой вдохновили советских тружеников тыла на новые трудовые подвиги.

В развернувшейся перестройке всей промышленности страны на военный лад промышленность Ульяновска с каждым месяцем занимала все более значительное место. Автор подробно рассматривает работу промышленности города в период от разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой до их катастрофы под Сталинградом и показывает, какую роль она играла в деле снабжения фронта всем необходимым. Он анализирует работу каждого промышленного предприятия, показывает рост объема промышленной продукции, строительство новых промышленных предприятий, расширение ассортимента продукции и ее значение для фронта.

Показ работы промышленности г. Ульяновска осуществляется на фоне развертывающихся военных событий, а промышленность г. Ульяновска рассматривается как составная часть промышленности всей страны.

Автор уделяет внимание анализу трудностей, которые сто-

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 36

[2] Там же, стр. 43—44.

яли перед промышленностью (недостаток электроэнергии, сырья, квалифицированной рабочей силы и т. п.) и подробно исследует пути, по которым шло преодоление этих трудностей.

Промышленность Ульяновска в 1942 году из месяца в месяц наращивала темпы и увеличивала выпуск готовой продукции по отношению к 1941 году более чем в два раза.[1]

Такое бурное увеличение объема промышленного производства характерно было и для других восточных районов страны. Значение этого факта для обороноспособности нашего государства станет особенно понятным, если вспомнить, что именно в 1942 году враг держал в блокаде героический Ленинград, вступил в предгорья Северного Кавказа и напрягал все свои усилия, чтобы овладеть Сталинградом. Он держал в своих руках важнейшие промышленные районы страны, а эвакуированные на восток тысячи фабрик и заводов находились еще (особенно в первую половину 1942 г.) в стадии восстановления.

Промышленность Ульяновска в один из наиболее напряженных и ответственных периодов Великой Отечественной войны работала вместе со всей промышленностью восточных районов Советского Союза полным ходом, по принципу расширенного социалистического воспроизводства и занимала существенное место в системе всей промышленности по обеспечению фронта всем необходимым.

В докладе о 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин указал, что теперь наши заводы, «...несмотря на все трудности военного времени, работают бесспорно удовлетворительно».[2]

Затем автор рассматривает работу промышленных предприятий г. Ульяновска в период от разгрома немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом до победы над фашистской Германией и империалистической Японией.

Небывалая в истории войн по своим масштабам, ожесточению и последствиям Сталинградская битва закончилась полной нашей победой и последующими замечательными успехами на протяжении всего 1943 года. За сталинградской победой последовал разгром гитлеровцев под Орлом и Курском. Эта новая крупная победа Красной Армии переросла вскоре в мощное летнее наступление советских войск. Войска фашистской Германии оказались в катастрофическом состоянии.

---

[1] УОПА, ф. 13, оп. 13—2, св. 260, д. 3428, л. 11, св. 267, д. 3534, л. 28.

[2] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». 1947 г., изд. 5-е, стр. 62.

«Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой».[1]

Эти успехи Красной Армии коренным образом ухудшили «...хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, поставив ее перед глубочайшим кризисом»[2] и создали благоприятные условия для еще более грандиозных наступательных операций Советской Армии в 1944 году.

1943 год товарищ Сталин назвал «...переломным годом Отечественной войны». Но «истекший год, — говорил далее товарищ Сталин, — был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе нашего тыла».[3]

Успехи Советских Воооруженных Сил были бы невозможны без поддержки всего советского народа, без его самоотверженного труда в тылу. Советские труженики тыла, преодолевая многочисленные и величайшие трудности, обеспечивали свою армию всем необходимым во все возрастающих размерах и тем способствовали ее успехам. В свою очередь, успешное наступление Красной Армии создавало все более благоприятные условия для работы тыла и вдохновляло его тружеников на новые трудовые подвиги. Так в единстве советского тыла и вооруженных сил ковалась победа над врагом.

В 1943 и последующих годах вся промышленность Советского Союза работала уже в значительно более благоприятных условиях, чем в 1941—1942 годах. Необходимая военная перестройка промышленности уже закончилась, не проводилось больше перемещения производительных сил на Восток, эвакуированные предприятия были восстановлены и работали на полную мощность. В строй вступали новые предприятия, построенные за время войны в небывало короткие сроки. Советское государство располагало теперь хорошо слаженным и быстро растущим военным хозяйством, действующим на основе расширенного социалистического воспроизводства. Товарищ Сталин указывал, что напряженный труд советских людей, направленный на оказание помощи фронту, был настоящим проявлением трудового героизма и что этот «...самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины».[4]

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 114.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 110, 116.

[4] Там же, стр. 116.

Переломный для нашей страны 1943 год для трудящихся города Ульяновска совпал с образованием Ульяновской области. Создание мощной и разнообразной промышленности в Ульяновске, возникновение новых, развитие и реконструкция старых промышленных предприятий в районах и городах, примыкавших к Ульяновску, развитие сельского хозяйства в этих районах — все это побудило советское правительство на создание новой, Ульяновской области за счет районов Куйбышевской и Пензенской областей.

19 января 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Ульяновской области в составе РСФСР.[1]

Создание Ульяновской области дало возможность приблизить советское и партийное руководство к промышленным предприятиям, советским учреждениям и общественным организациям и усилить его, помогло шире и всесторонне использовать местные материальные возможности для еще более активного усиления помощи фронту.

Трудящиеся города и области в этом акте правительства видели новое проявление заботы партии и правительства о всестороннем и наиболее полном развитии важного в экономическом отношении района Среднего Поволжья и горячо приветствовали его. На образование области трудящиеся города Ульяновска ответили новым производственным подъемом.

На втором этапе войны происходил процесс нарастания темпов производства и увеличения объема промышленной продукции, выпускаемой предприятиями города. Наиболее значительных успехов в этот период достигли предприятия машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Неуклонным ростом выпуска готовой продукции характеризовалась и работа предприятий легкой, пищевой и местной промышленности.

Подводя итоги работы за 1943 год, трудящиеся Ульяновской области накануне двадцатилетия со дня смерти В. И. Ленина обратились с письмом к товарищу Сталину, в котором писали:

«Мы рады доложить Вам, Иосиф Виссарионович, что рабочие и работницы, инженерно-технические работники и служащие оборонной и местной промышленности, исполненные сознания своего гражданского долга перед Родиной, соревнуясь в трудовой доблести, перевыполнили годовые производственные программы 1943 года».[2]

---

[1] Газета «Пролетарский путь», № 18, за 21 января 1943 г.

[2] УОПА, ф. 9, оп. 8—4, св. 1, д. 1, л. 1.

Успешная работа промышленных предприятий города Ульяновска, как часть грандиозной работы всего народного хозяйства советской страны, была большим вкладом в общее дело победы.

Затем автор подробно освещает работу промышленных предприятий Ульяновска в 1944 году и в первой половине 1945 г.

При характеристике работы промышленности в конце 1944 г. и в первой половине 1945 года обращено особое внимание на начавшуюся перестройку промышленности на мирный лад.

Существенную роль в деле оказания помощи фронту сыграла местная и кооперативная промышленность, дававшая фронту спецобмундирование, общее армейское обмундирование, обозно-вещевое имущество для армии, шанцевый инструмент и многое другое и обслуживавшая нужды населения.

В результате исследования документальных материалов автор пришел к выводу, выраженному в приведенной нами таблице, из которой видны итоги работы промышленности г. Ульяновска за годы войны.[1]

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Вся промышленность	100 %[2]	157,7 %	352,2%	508,7%	449,3%

В конце первой главы автор рассматривает работу железнодорожного и водного транспорта г. Ульяновска в годы Отечественной войны.

Война в несколько раз увеличила и усложнила работу транспорта. В невиданных размерах возросшие военные перевозки, обеспечение заводов и фабрик сырьем и топливом, перевозка эвакуированной промышленности и населения — все это зависело, прежде всего, от четкой, слаженной и оперативной работы транспорта.

«Транспорт, — говорил товарищ Сталин, — является, как известно, важнейшим средством связи между тылом и фронтом. Можно производить большое количество вооружения и огнеприпасов, но, если они не доставляются во-время фронту при помощи транспорта, они могут остаться бесполезным грузом для дела фронта. Нужно сказать, что в деле своевременного подвоза

[1] Табл. составлена на основании данных УОПА, ф. 13, оп. 13—2. св. 276, д. 3669, л. 1, св. 282, д. 3763, л. 5 и УОГА, ф. 634, оп. 13, д. 119, лл. 171—172.

[2] Вся промыш. в 1940 г. условно принята за 100%. Последующие годы даны в отношении к 1940 году.

на фронт вооружения, огнеприпасов, продовольствия, обмундирования и т. д. роль транспорта является решающей».[1]

Являясь родным братом Советской Армии, железнодорожный транспорт с первых же дней включился в Отечественную войну и сыграл большую роль в деле оказания помощи фронту. Советские железнодорожники, работники морского, речного, воздушного и автомобильного транспорта проявили образцы героизма и самопожертвования и своим самоотверженным трудом в огромной степени способствовали успехам Советской Армии. Если, несмотря на все трудности, нам удалось снабжать фронт всем необходимым, «...то в этом, — говорит товарищ Сталин, — надо признать, прежде всего, заслугу наших *транспортных рабочих и служащих*».[2]

Автор показывает, как Ульяновский участок железнодорожной магистрали Рузаевка—Уфа, соединяющей центр страны с Уралом и Сибирью, резко увеличил объем своей работы. Решение правительства о строительстве железной дороги, проходящей вдоль Волги и соединяющей Казань со Сталинградом, еще больше увеличило работы на Ульяновском железнодорожном участке. Сооружение этой рокадной волжской магистрали, в котором приняли участие и жители Ульяновска, имело огромное экономическое и стратегическое значение.

Большое место в работе волжской водной магистрали заняла Ульяновская пристань, принимавшая и отправлявшая различные и, главным образом, военные грузы, идущие вверх и вниз по Волге. Пристань производила перевалку грузов с железной дороги на баржи и с барж на железную дорогу, переправляла сотни тысяч тонн этих грузов, перевозила сотни тысяч пассажиров. На протяжении всех лет войны Ульяновская пристань успешно справлялась с возложенными на нее задачами. Ее рабочий коллектив, значительно обновленный за счет женщин и подростков, своим самоотверженным трудом добивался ежегодного систематического перевыполнения производственных планов. За годы войны значительно возросла механизация погрузо-разгрузочных работ. Если в 1942 г. механизированная переработка грузов составила 44% к общему объему погрузо-разгрузочных работ, то в 1944 году переработка грузов при помощи механизмов составила уже 86%.[3]

Успехи работников железнодорожного и водного транспор-

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 117—118.

[2] Там же, стр. 118.

[3] УОПА, ф. 8, оп. 11, св. 3, д. 18, л. 1.

та дали право трудящимся г. Ульяновска в своем письме к товарищу Сталину в связи с семидесятипятилетием со дня рождения В. И. Ленина сказать, что «...рабочие и служащие железнодорожного и водного транспорта Ульяновской области самоотверженно работают по доставке грузов для нужд Красной Армии и промышленности».[1]

На основании изученных материалов автор делает следующие выводы из первой главы:

1. Великая Отечественная война привела к коренным изменениям в народном хозяйстве СССР. Она перестроила всю нашу экономику в интересах победы и создала ее особый период — период военной экономики. Программа военной перестройки была изложена товарищем Сталиным в его историческом выступлении по радио 3 июля и в докладе 6 ноября 1941 года. Эта перестройка проходила при поголовном участии всего советского народа и направлялась Государственным Комитетом Обороны, возглавлявшимся товарищем Сталиным. Вместе со всем нашим народом в военной перестройке народного хозяйства приняли участие и трудящиеся родины В. И. Ленина — города Ульяновска.

2. Руководствуясь исторической речью товарища Сталина 3 июля 1941 года, трудящиеся города с первых дней войны приступили к переводу всех промышленных предприятий и транспорта на обслуживание нужд фронта. Уже в первые месяцы войны промышленные предприятия г. Ульяновска давали фронту самую разнообразную продукцию во все возрастающих размерах. Это особенно важно иметь в виду, потому что именно в первые месяцы войны народное хозяйство СССР понесло исключительно большие потери в результате временной оккупации фашистскими захватчиками ряда наших западных промышленных районов. В самые тяжелые в истории нашей военной экономики месяцы войны промышленность восточных районов, в том числе и промышленность г. Ульяновска, играла решающую роль в обеспечении всех потребностей фронта.

3. Проведенное по инициативе товарища Сталина перемещение промышленных предприятий из фронтовых и прифронтовых районов в восточные, тыловые районы сопровождалось размещением части их в г. Ульяновске. Усилиями трудящихся города эвакуированная промышленность была быстро восстановлена и стала давать во все возрастающих размерах самую разнообразную продукцию.

---

[1] Газета «Ульяновская правда», № 78, за 21 апреля 1945 г.

4. Развитие советской экономики в годы Великой Отечественной войны осуществлялось на основе расширенного социалистического воспроизводства. Но если по всей стране в целом в первые полгода войны из-за потерь западных промышленных районов наблюдалось временное сокращение валовой промышленной продукции, то промышленность восточных районов и в том числе промышленность г. Ульяновска не только не знала этого сокращения, но именно в это время наращивала темпы. За годы Отечественной войны промышленность города значительно выросла и дала фронту тысячи эшелонов различных грузов. Объем валовой промышленной продукции города за годы войны возрастал из года в год, и с 1940 по 1944 год он вырос в 4,5 раза. Наибольший прирост объема промышленной продукции в целом падает на первые три года войны, т. е. на самый трудный период в Великой Отечественной войне. Высшим уровнем развития промышленности г. Ульяновска был 1943 год, когда объем валовой продукции превысил уровень 1940 г. более чем в 5 раз.

5. Трудящиеся города Ульяновска своим самоотверженным трудом за годы войны внесли существенный вклад в дело победы советского народа в Великой Отечественной войне. Город Ульяновск значительно вырос, стал крупным промышленным городом Среднего Поволжья с развитой машиностроительной, металлообрабатывающей, легкой, пищевой и местной промышленностью.

III.

Вторая глава диссертации посвящена самоотверженному труду рабочих в годы Отечественной войны. В ней исследуются такие вопросы, как источники пополнения рабочей силы, социалистическое соревнование и стахановское движение, рационализаторские предложения и изобретения и другие.

Война с самого начала оторвала значительную часть рабочих и призвала их на фронт. Миллионы людей, занятые раньше в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, теперь ушли защищать Родину. Между тем перестройка промышленности на военный лад и резкое увеличение военных заказов вызвали усиленный спрос на рабочую силу. Перед партией и правительством встала задача изыскания источников пополнения рабочей силы, замены ушедших на фронт новыми рабочими и их производственного обучения. Советский тыл нашел в себе эти новые источники. Движимые любовью к родной стране, на производство пошли женщины, молодежь, пенсионеры.

«В настоящий момент, — писал М. И. Калинин в ноябре 1941 года, — если человек—истинный патриот, он не может находиться вне работы, быть пассивным созерцателем происходящих великих событий; он должен принимать посильное участие в той или иной работе и в общественной жизни».[1]

Решающую роль в пополнении рядов рабочего класса сыграли советские женщины. «Женщины, — писал В. И. Ленин, — могут трудиться и в условиях военных, когда дело идет о помощи армии».[2]

Раскрепощенная Великой Октябрьской социалистической революцией советская женщина и до войны играла большую роль в экономической и политической жизни нашей страны. Отечественная война еще больше активизировала широкие массы советских женщин. Высокое чувство долга перед Родиной привело на производство сотни тысяч советских патриоток. Они шли на фабрики и заводы, чтобы заменить ушедших на фронт отцов и мужей, братьев и сыновей, стать на их место, овладеть их специальностями... они с честью выдержали все испытания войны.

«Всё предыдущее бледнеет перед великой эпопеей нынешней войны, перед героизмом и жертвенностью советских женщин, проявляющих гражданскую доблесть, выдержку при потере любимых и энтузиазм в борьбе с такой силой и... величественностью, каких никогда не наблюдалось в прошлом».[3]

В постановлении ЦК ВКП(б) «О международном женском дне 8 марта» 1942 года указывалось, что «уже к октябрю 1941 года число женщин, занятых в промышленности, достигло 45 % по отношению ко всем рабочим промышленности... Советские женщины успешно овладевают производственными профессиями, заменяя мужчин, ушедших на фронт».[4]

Женщины г. Ульяновска вместе со всеми советскими женщинами с первых дней войны отдали себя делу служения фронту. Они шли на производство, приобретали мужские профессии, вставали на большую государственную, партийную, хозяйственную работу и выполняли ее с честью, мужественно перенося все трудности и лишения. Женщины-производственницы с начала войны и до ее победоносного окончания занимали важное и почетное место на предприятиях города, принимали

---

[1] М. Калинин. «Что значит быть патриотом в наши дни». «Пролетарский путь», № 280 за 28 нояб. 1941 г.

[2] Ленин. Соч. т. 24, стр. 471, изд. 3-е.

[3] М. Калинин. «О моральном облике советского народа». Журнал «Большевик», № 1, за 1945 г., стр. 23.

[4] Газета «Правда» № 66 за 7 марта 1942 г.

активное участие в социалистическом соревновании, в движении многостаночников, фронтовых бригад, вносили свои рационализаторские предложения и снискали любовь и уважение всего советского народа.

За годы Отечественной войны удельный вес женского труда на предприятиях города Ульяновска значительно вырос и достигает 70%, а в отдельных цехах женщины составляли 80—90% всего числа рабочих.

Через всю Отечественную войну прошла богатая, многогранная и многотрудная жизнь советских женщин-патриоток, скромно и безотказно совершавших свои славные дела в тылу и на фронте с искренним стремлением помочь Родине.

Товарищ Сталин высоко оценил подвиги советских женщин в Отечественной войне. Он говорил:

«Неоценимые заслуги в деле защиты Отечества имеют советские женщины, самоотверженно работающие в интересах фронта, мужественно переносящие все трудности военного времени, вдохновляющие на ратные подвиги воинов Красной Армии — освободителей нашей Родины».[1]

Важнейшим источником пополнения рабочей силы явились созданные по инициативе товарища Сталина накануне Отечественной войны трудовые резервы.

Государственные трудовые резервы оказали серьезную помощь в разрешении проблемы рабочей силы и сыграли большую роль в обеспечении предприятий квалифицированными рабочими. За годы войны в производсто влилось свыше двух миллионов молодых рабочих, обученных в ремесленных и железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения.[2]

Промышленные предприятия и транспорт Ульяновска через систему государственных трудовых резервов в годы войны получили свыше 10 тысяч квалифицированных рабочих.[3]

Движимые чувством советского патриотизма, на производство стали возвращаться пенсионеры. Имея за плечами десятки лет работы на производстве, эти высококвалифицированные рабочие становились к станкам, брали себе учеников для передачи им своего опыта и знаний.

Эти старые рабочие сыграли большую и благородную роль в годы войны. Они выполняли важнейшие и срочные заказы, перевыполняли свои нормы, выносили на своих плечах трудности обу-

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 144.

[2] П. Москатов. «Героический рабочий класс нашей Родины», 1946 г., стр. 40.

[3] УАПА, ф. 13, оп. 13—2, св. 282, д. 3763, лл. 146—147.

чения молодых рабочих, а в нужный момент оставались на производстве по суткам и даже по несколько дней.

Пополнение рабочей силы шло также за счет привлечения к работе инвалидов Отечественной войны и инвалидов труда, которым через хозяйственные предприятия, райсобесы и госпитали помогали повышать или приобретать заново ту или иную квалификацию.

На работу были устроены тысячи человек из эвакуированного в город населения.

Большую роль в пополнении рабочей силы сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», опубликованный 13 февраля 1942 года. Издание такого Указа диктовалось насущной необходимостью. В. И. Ленин указывал в свое время, что интересы обороны Родины, защиты ее от вторгшегося врага дают право и обязывают «...поголовно мобилизовать население для войны, кого на военную работу в прямом смысле, кого на всякого рода подсобную для войны деятельность».[1]

Затем автор останавливается на вопросе производственного обучения вновь пришедших на производство. Он анализирует различные формы обучения производственным квалификациям: бригадное и индивидуальное обучение, курсы по повышению квалификации без отрыва от производства, курсы целевого назначения, стахановские школы и курсы, экзамены по техническому минимуму и другие формы обучения, давшие промышленным предприятиям Ульяновска за годы войны около 23 тысяч квалифицированных рабочих.

Большое внимание уделено показу работы партийных и комсомольских организаций по политическому воспитанию нового пополнения рабочих, что способствовало росту политического самосознания рабочих, их организованности, подтянутости, дисциплинированности, воспитания добросовестного отношения к труду.

* * *

Изложив вопрос об источниках пополнения рабочей силы, автор подробно исследует социалистическое соревнование и стахановское движение трудящихся г. Ульяновска в годы Отечественной войны, показывая это на фоне всей страны.

Социалистическое соревнование, рожденное Великой Октябрьской социалистической революцией и победой социализма

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 417, изд. 4-е.

в нашей стране, и до Отечественной войны было тем методом, который обеспечивал выполнение и перевыполнение наших производственных планов. Осенью 1935 года социалистическое соревнование поднялось на новую, более высокую ступень, породив стахановское движение.

Как дело вполне назревшее, имеющее под собой прочную почву, стахановское движение с величайшей быстротой распространилось по всей нашей стране.

С началом Великой Отечественной войны стахановское движение приняло еще большие размеры и сопровождалось возникновением многообразных форм его проявления. Такие формы социалистического соревнования и стахановского движения, как стахановские вахты, стахановские бригады, движение двухсотников и трехсотников, движение совместителей профессий, многостаночников, фронтовые бригады, бригады двухсотников, комсомольско-молодежные бригады и другие, имели самое широкое распространение в промышленности в годы войны. Они способствовали росту производительности труда, увеличению выпуска продукции и помогали советскому народу в борьбе за победу.

Социалистическое соревнование и стахановское движение в годы Отечественной войны носило ярко выраженный всенародный патриотический характер.

Трудящиеся г. Ульяновска вместе со всем советским народом с первых дней войны еще шире развернули социалистическое соревнование и стахановское движение и сделали его основным методом своей работы. Социалистическим соревнованием и стахановским движением было охвачено до 90% всех рабочих предприятий Ульяновска. На некоторых предприятиях в социалистическом соревновании участвовало 100% коллектива.

Каждая новая победа Советской Армии на фронтах Отечественной войны, каждая революционная дата, каждое выступление товарища Сталина сопровождались новым производственным подъемом, новой, еще более мощной волной социалистического соревнования и стахановского движения.

В 1942 году из сознания патриотического долга перед Родиной, из желания оказать еще большую помощь родной Красной Армии у советских людей родилась идея организации Всесоюзного социалистического соревнования. 7 мая 1942 года в ответ на первомайский приказ товарища Сталина коллектив Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина выступил с обращением об организации Всесоюзного социалистического соревнования работников черной металлургии. В тот же день коллектив самолетостроительного ордена Ленина завода № 18 и

моторостроительного ордена Ленина завода № 26 выступили с обращением об организации Всесоюзного социалистического соревнования работников авиационной промышленности. 9 мая в газетах было опубликовано обращение работников трижды орденоносного Кировского завода ко всем работникам танковой промышленности об организации Всесоюзного социалистического соревнования танкостроителей.

Призыв кузнецких металлургов, передовиков танковой и авиационной промышленности, нашел немедленный отклик на заводах и фабриках страны. Эта патриотическая идея была поддержана партией и правительством.

Государственный Комитет Обороны установил свои переходящие Красные знамена для победителей во Всесоюзном социалистическом соревновании ряда отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Центральный Комитет ВКП(б) учредил переходящие Красные знамена для победителей в соревновании работников промышленности вооружения и боеприпасов. Переходящие знамена учредили также ВЦСПС и Наркоматы. В печати были опубликованы условия социалистического соревнования, предусматривающие ежемесячное подведение итогов и вручение переходящих Красных знамен и денежных премий победителям.

Всесоюзное социалистическое соревнование явилось выражением воли всего советского народа ускорить разгром немецких оккупантов и очистить от них советскую землю.

Трудящиеся г. Ульяновска приняли самое активное участие во Всесоюзном социалистическом соревновании. Коллективы ульяновских промышленных предприятий в годы войны много раз занимали первые, вторые и третьи места во Всесоюзном социалистическом соревновании в системе соответствующих наркоматов и держали Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. Зачинателями и вожаками во Всесоюзном социалистическом соревновании выступали коммунисты. Своим личным примером они увлекали за собой беспартийных рабочих.

На предприятиях Ульяновска широко распространились охватившие всю страну передовые методы труда, примененные знатным стахановцем одного из заводов тов. Агарковым, предложившим создать укрупненные бригады и реорганизовать производственный процесс. Ценное предложение тов. Агаркова внесло большие изменения в производственные процессы промышленных предприятий страны, позволило высвободить тысячи квалифицированных рабочих, сотни инженеров и техников, упростило и облегчило управление производством, повысило производительность труда, улучшило качество выпускаемой продук-

ции и дало стране и фронту на сотни миллионов рублей дополнительной продукции.

Инициатива Егора Агаркова с большим подъемом была встречена на предприятиях Ульяновска. Бюро городского комитета ВКП(б) специально обсудило на своем заседании вопрос о распространении метода т. Агаркова и обязало секретарей партийных организаций, директоров фабрик и заводов Ульяновска широко пропагандировать метод Агаркова среди рабочих, работниц, бригадиров, мастеров, инженеров и техников.

К началу марта месяца 1945 года[1] на предприятиях Ульяновска по методу Егора Агаркова работало 100 бригад. Только по одному заводу агарковские бригады высвободили 36 инженерно-технических работников, 18 бригадиров, десятки мастеров и сотни квалифицированных рабочих.[2].

Исключительную роль в трудовых подвигах советского народа, сыграла наша советская молодежь. Взращенная и выпестованная большевистской партией и советским правительством, не знающая ужасов капиталистической эксплуатации, нищеты и бесправия, получившая вместе со всеми гражданами страны социализма гарантированное право на труд, на отдых и на образование, наша молодежь высоко ценила завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и отдавала все свои молодые силы на защиту этих завоеваний.

Большевистская партия возложила на советскую молодежь «основное бремя работы в дни войны», и она «с честью оправдала это доверие партии».[3]

Сотни тысяч юношей и девушек с первых дней войны пришли на фабрики и заводы, встали к станкам, чтобы заменить своих братьев и отцов, ушедших на фронт, и своей самоотверженной работой помочь отстоять советскую власть, обеспечить себе счастливое будущее.

Молодые патриоты становились на самую сложную и трудную работу, осваивали по несколько профессий, становились многостаночниками, выполняли по две-три и более норм за смену, выступали инициаторами многочисленных и разнообразных форм стахановского движения, направленных, в конечном счете, к повышению производительности труда, к увеличению выпуска продукции для фронта.

«Нет такой отрасли промышленности, где бы наши юноши и

---

[1] Агарковское движение началось в декабре 1944 года.

[2] УОПА, ф. 8, оп. 8—3, св. 1, д. 1, л. 13.

[3] Калинин. «О моральном облике советского народа». Журнал «Большевик», № 7, 1945 год, стр. 23.

девушки, организованные в молодежные бригады, не выполняли своего патриотического долга, повышая производительность труда, высвобождая квалифицированных рабочих для других отраслей промышленности, рационализируя производственные процессы».[1]

Крупную роль в обеспечении фронта важнейшей продукцией сыграла и молодежь г. Ульяновска. Ульяновский городской комсомол шел в ногу со всем Ленинско-Сталинским комсомолом страны в борьбе против чужеземных захватчиков и вел за собой всю несоюзную молодежь. За годы войны ульяновский комсомол не только дал фронту тысячи воинов, но и вырастил тысячи комсомольцев—стахановцев, передовиков производства, рационализаторов и изобретателей, мастеров высокой производительности труда и культуры производства.

Особенно широкое развитие на предприятиях Ульяновска получили комсомольско-молодежные фронтовые бригады.

Участники состоявшейся в июне месяце 1944 г. 17-й городской комсомольской конференции в письме к товарищу Сталину писали:

«Молодежь нашего города самоотверженным трудом помогает Красной Армии бить гитлеровских мерзавцев. С каждым днем ширится замечательное движение комсомольско-молодежных бригад».[2]

К началу марта 1945 года на предприятиях города насчитывалось 579 комсомольско-молодежных бригад, в которых работало 937 комсомольцев и 3320 человек несоюзной молодежи. Только за 1944 год комсомольско-молодежными бригадами было высвобождено 464 высококвалифицированных рабочих.[3] Всего же молодежные бригады высвободили 1990 человек.[4]

Неоценимую роль сыграла наша советская молодежь в годы Великой Отечественной войны. Ее патриотические трудовые подвиги вошли в историю войны как одна из самых ярких страниц самоотверженного труда советских людей.

«Напряженный труд советской молодежи, наблюдавшийся повсюду и ежедневно, — писал товарищ Калинин, — говорит о том, что наше молодое поколение в суровое время войны очень выросло в политико-моральном отношении. И в этом немалая заслуга Ленинского комсомола, сумевшего привить молодежи

---

[1] Калинин. «О моральном облике советского народа». Журнал «Большевик», № 1, 1945, стр. 12.

[2] УОПА, ф. 1079, оп. 1, св. 14, д. 183, л. 44.

[3] УОПА, ф. 8, оп. 8—3, св. 1, д. 1, л. 13.

[4] УОПА, ф. 13, оп. 13—2, св. 276, д. 3663, л. 10.

идеи большевистской партии, ее традиции, беззаветную любовь к Родине, к своему народу».[1]

Товарищ Сталин, говоря о великом подвиге, совершенном советским народом в Отечественной войне, подчеркивал выдающуюся роль, которую сыграли в этом подвиге наши женщины и советская молодежь. В докладе о 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин говорил:

«Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин и нашей славной молодежи, вынесших на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Во имя чести и независимости Родины советские женщины, юноши и девушки проявляют доблесть и геройство на фронте труда. Они оказались достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищающих Родину от немецко-фашистских извергов».[2]

* * *

Последний раздел главы посвящен рационализаторским предложениям и изобретениям, борьбе за экономию сырья, топлива и электроэнергии.

На основе полной победы социализма во всех сферах народного хозяйства произошли глубочайшие изменения в рабочем классе СССР, приведшие к небывалому росту его идейно-политического и культурно-технического уровня. Успехи, достигнутые в нашей стране в деле поднятия культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда, позволили нашим советским рабочим и прежде всего стахановцам внести ценнейший вклад в дело совершенствования техники производства и повышения производительности труда.

В деле повышения производительности труда, роста и совершенствования техники в годы Отечественной войны большую роль сыграла и наша советская интеллигенция.

Победа социализма в СССР создала в нашей стране «многочисленную, новую, народную, социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику».[3]

[1] Калинин. «О моральном облике советского народа». Журнал «Большевик», № 1, за 1945 год, стр. 23.

[2] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 160.

[3] И. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 11, стр. 608.

Эта новая социалистическая интеллигенция, являясь равноправным членом нашего общества, в одной упряжке с рабочими и крестьянами ведет строительство социалистического общества.

В Великой Отечественной войне наша интеллигенция оказывала «прямую руководящую помощь рабочим и крестьянам в деле разворота производства и удовлетворения нужд Красной Армии»,[1] «обогатила советскую науку и технику... новыми выдающимися достижениями и открытиями».[2]

В ответ на призыв товарища Сталина «проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственную нашему народу»,[3] рабочие и техническая интеллигенция в годы войны настойчиво искали пути увеличения производства промышленной продукции. Высокое чувство советского патриотизма нашло свое воплощение в развитии творческой инициативы, в широком размахе рационализации и изобретательства.

Рабочие, инженеры и техники совершенствовали технологический процесс, изобретали новые, более производительные инструменты, конструировали новые станки и модернизировали старые, находили заменители недостающих, дефицитных промышленных материалов. Разнообразные рационализаторские предложения и изобретения шли по линии повышения производительности труда, улучшения качества продукции, высвобождения рабочей силы, облегчения условий труда, экономии сырья, топлива, электроэнергии, удешевления себестоимости продукции и т. д.

В г. Ульяновске, как и по всей стране, не оказалось ни одного промышленного предприятия, где бы не работала рационализаторская мысль. Лучшие изобретатели и рационализаторы были удостоены звания лауреатов Сталинских премий. За годы войны рабочие и техническая интеллигенция города реализовали тысячи различных рационализаторских предложений и усовершенствований, сэкономили многие тонны различных металлов и других видов сырья и материалов, сэкономили много топлива, электроэнергии, что дало стране более 50 миллионов рублей экономии.

Анализ документов привел автора к следующим выводам из второй главы:

1. Советский народ совершил великий трудовой подвиг в Великой Отечественной войне. В основе этого подвига лежал жи-

---

[1] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947, изд. 5-е, стр. 138.

[2] Там же, стр. 144.

[3] Там же, стр. 14.

вотворный советский патриотизм. Трудящиеся города Ульяновска вместе со всем советским народом отдавали свои силы на защиту Родины и своим самоотверженным трудом помогали Красной Армии громить врага.

2. На основе резкого расширения производства, строительства новых и ввода в эксплоатацию эвакуированных предприятий в городе резко увеличилась численность рабочих. Увеличение шло за счет прихода на производство женщин, молодежи, мобилизации неработающего ранее населения, возвращения к производственному труду пенсионеров.

3. Пришедшие на производство новые рабочие через разнообразные формы производственного обучения приобретали квалификации, осваивали сложную технику и становились мастерами своего дела. В деле пополнения рабочего класса квалифицированной рабочей силой существенную роль сыграли трудовые резервы.

4. Движимые чувством советского патриотизма, трудящиеся города Ульяновска, как и все советские люди, показали высокие образцы труда. В основе борьбы за высокую производительность труда лежал испытанный метод социалистического соревнования. Разнообразные формы стахановского движения, рожденные советскими патриотами в годы войны, широко применялись и на предприятиях города Ульяновска.

Благодаря широко развитому социалистическому соревнованию, массовому движению многостаночников, двухсотников и трехсотников, совместителей профессий, созданию фронтовых и комсомольско-молодежных бригад, внедрению методов работы известных всей стране стахановцев тт. Барышниковой и Агаркова и применения других форм стахановского движения, рабочие ульяновских предприятий дали фронту много эшелонов сверхплановой продукции.

5. Рабочие, инженеры и техники предприятий города Ульяновска непрестанно совершенствовали технику производства, увеличивали мощность промышленных предприятий, творчески применяли в производстве достижения современной науки.

Лучшие изобретения и технические усовершенствования ульяновских инженеров и техников были удостоены Сталинских премий. Сотни стахановцев — рационализаторов производства получили высокие правительственные награды.

IV.

Третья глава посвящена исследованию проблем единства фронта и тыла. Она начинается с вопроса подготовки кадров для фронта.

Исходя из сталинского положения о том, что «наша армия есть единственная в мире, которая имеет сочувствие и поддержку со стороны рабочих и крестьян»[1], автор вскрывает глубокую связь и единство между советским народом и его армией, между фронтом и тылом, проявившуюся с особой силой в годы Великой Отечественной войны.

В основе этого единства лежало всенародное стремление отдать все свои силы и средства для дела победы над врагом. Советский народ проявлял постоянную и искреннюю заботу о своей родной Красной Армии и ничего не жалел для обеспечения ее успеха.

Любовь нашего народа к Советской Армии в годы войны выражалась в самых разнообразных формах: в пополнении фронта свежими, хорошо обученными резервами, в активной подписке на военные займы и денежно-вещевые лотереи, в сборе средств на строительство танков и самолетов, в патриотических письмах, шедших из тыла на фронт и укреплявших моральный дух бойцов и командиров, в сборе теплых вещей и посылке подарков на фронт, в заботе о семьях фронтовиков и инвалидов Отечественной войны, в помощи госпиталям по обслуживанию раненых и т. д.

Советские воины на фронте постоянно сознавали, что за их спиной стоит могучий советский народ, способный дать фронту все необходимое для победы, заботящийся о каждом солдате и офицере и об их семьях. И это давало воинам Красной Армии необычайную силу уверенности в победе.

Одной из центральных задач, вставших перед советским тылом с самого начала войны, была задача непрерывного пополнения фронта людскими резервами. В речи по радио 3 июля 1941 года товарищ Сталин говорил: «Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов».[2] Эту же мысль товарищ Сталин неоднократно подчеркивал и в последующих своих выступлениях в годы войны. Так, в приказе о 24-й годовщине Красной Армии он писал: «Необходимо, чтобы в нашей стране ни на минуту не ослабевала подготовка резервов на помощь фронту. Необходимо, чтобы все новые и новые войсковые части шли на фронт ковать победу над озверелым врагом».[3]

На призыв товарища Сталина об организации всесторонней

---

[1] И. Сталин. Соч., т. 11, стр. 23.

[2] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 14.

[3] Там же, стр. 45.

помощи Красной Армии и об усиленном пополнении ее рядов советский народ ответил массовым потоком заявлений о добровольном вступлении в ряды действующей армии. В партийные и комсомольские организации, в военкоматы и на призывные пункты бесконечной чередой пошли люди, прося послать их на фронт. М. И. Калинин оценил «добровольное вступление в ряды Красной Армии» в дни Отечественной войны, как «наиболее яркое проявление советского патриотизма».[1]

В этом патриотическом движении приняли участие и трудящиеся г. Ульяновска. Среди желающих добровольно поехать на фронт были люди различных возрастов и профессий. Заявления шли и от мужчин и от женщин.

В первых рядах советских патриотов, изъявивших желание добровольно пойти на фронт, выступала советская молодежь. Воспитанная правительством, партией и комсомолом, она с полным сознанием своего долга перед социалистической Родиной стремилась с оружием в руках отстаивать честь и независимость своей страны.

Сотни тысяч молодых патриотов, юношей и девушек ушли в ряды Советской Армии, Советской Авиации и Советского Военно-Морского Флота и мужественно боролись против ненавистного врага. Особенно велика была тяга у нашей молодежи служить в Советской Авиации.

В июле—сентябре месяцах 1941 года проходил набор молодежи в авиационные училища. Тысячи комсомольцев и несоюзной молодежи изъявили свое желание добровольно посвятить себя службе в Сталинской авиации. Бессмертный подвиг капитана Гастелло, направившего свой горящий самолет в колонну немецких танков, и героический поступок Виктора Талалихина, протаранившего фашистский самолет и не допустившего его до Москвы, служили вдохновляющим примером для всей советской молодежи. Много заявлений о желании служить в войсках авиации было подано и молодежью Ульяновска.

Наряду с посылкой на фронт добровольцев, проведением общих и специальных партийных и комсомольских мобилизаций, давших фронту за годы войны десятки тысяч бойцов, в Ульяновске широко развернулась работа по созданию народного ополчения. С 8 июля 1941 года на всех предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях города началось организованное создание отрядов народного ополчения, а с 29 июля по большинству предприятий и учреждений начались военные занятия.

[3] М. Калинин. «Что значит быть советским патриотом в наши дни». Газета «Пролетарский путь» № 280 за 28 ноября 1941 г.

Война потребовала не просто посылки на фронт большой массы людей, а квалифицированных воинов, обладающих высокой боевой подготовкой. В связи с этим перед советским тылом встала задача обучить военному делу каждого гражданина страны, способного носить оружие с тем, чтобы Красная Армия получала обученные резервы, боеспособное пополнение, людей, умеющих воевать. Боец, отправляющийся на фронт, еще в тылу должен знать строй, уметь метко стрелять, метать гранату, вести штыковой бой, бороться против танков противника, уметь маскироваться, укрываться от артиллерийского и минометного огня, от налетов авиации, уметь пользоваться средствами противовоздушной химической обороны. Это особенно было важно на первом этапе войны, когда враг держал в своих руках инициативу наступления и обладал количественным перевесом в военной технике.

18 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Согласно этому постановлению лица в возрасте от 16 до 50 лет в обязательном порядке должны были проходить военное обучение. Таким образом, делу подготовки обученных резервов для фронта Государственный Комитет Обороны сразу же придал организованный характер.

Как и по всей стране, занятия по всеобщему военному обучению в г. Ульяновске приняли широкий размах. Партийные, советские и хозяйственные органы подошли к выполнению этого важнейшего мероприятия партии и правительства со всей ответственностью и создали все условия для всеобуча в городе.

В подготовке кадров для фронта большую работу во время войны проделали Осоавиахим, РОКК и физкультурные организации города.

Через систему военного обучения, через кружки и курсы добровольных оборонных и спортивных организаций город подготовил для фронта десятки тысяч стрелков, снайперов, пулеметчиков, гранатометчиков, автоматчиков, истребителей танков, летчиков, саперов, телефонистов, телеграфистов, радистов, механиков, шоферов, мотоциклистов, медицинских сестер и других специалистов Красной Армии.

В боях за Родину на фронтах Отечественной войны ульяновцы проявили стойкость, мужество и покрыли себя неувядаемой славой. Двадцати трем ульяновцам было присвоено звание Героя Советского Союза, тысячи — получили ордена и медали.

Между трудящимися Ульяновска, самоотверженно работавшими в тылу, и их земляками, храбро сражавшимися на фронте, на протяжении всех лет Отечественной войны непрерывно под-

держивалась теплая, братская переписка. В письмах на фронт своим землякам ульяновцы рассказывали о своих трудовых победах и заботе о родной Красной Армии, о патриотических подвигах героев тыла и заботе о семьях фронтовиков.

В письмах с фронта шли горячие слова благодарности за заботу о Красной Армии и о семьях ее воинов, рассказывалось об успехах и о трудностях войны, шли наказы землякам еще лучше работать и этим ускорять победу над врагом.

И эта небывалая и невозможная в капиталистических странах связь тыла с фронтом вдохновляла обе стороны на новые трудовые и ратные подвиги. Письма из тыла укрепляли моральное состояние армии, крепили ее боевой дух, а письма с фронта способствовали новым трудовым успехам.

Проявление советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны вылилось и в такие замечательные формы, как широкое всенародное движение за создание фонда обороны, сбор средств на строительство танков с самолетов, активное участие в подписке на военные займы и денежно-вещевые лотереи, посылка на фронт теплых вещей и подарков, собранных населением, ремонт и пошивка фронтового обмундирования и т. д.

В основе этого патриотического движения лежало ленинское указание о том, что «помогать Красной Армии всем, чем только может помогать каждый,—таков первый основной и главнейший долг всякого сознательного рабочего и крестьянина».[1]

«Гражданин нашей великой страны, — писал М. И. Калинин, — в минуту опасности для своего отечества должен уметь приносить в жертву все личное и все, что создано общественным трудом. В этом суть патриотизма».[2]

В июле месяце 1941 года в ответ на призыв товарища Сталина отдать «все наши силы, — на поддержку нашей героической Красной Армии»[3] по всей стране развернулось широкое движение за создание фонда обороны. Сдавались денежные средства, облигации государственных займов, золото, серебро, драгоценности, цветные металлы, ценные предметы, сельскохозяйственные продукты. Рабочие и служащие производили дополнительную работу и заработанные деньги сдавали в фонд обороны, отчисляли часть своего заработка, проводили воскресники. Изобретатели вносили в фонд обороны свои изобретения, уче-

---

[1] Ленин. Соч., том 29, стр. 512, изд. 4-е.

[2] Калинин. «Что значит быть советским патриотом в наши дни». Газета «Пролетарский путь», № 280 за 28/XI—1941 г.

[3] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 17.

ные, писатели, художники, композиторы, артисты отдавали свои гонорары и Сталинские премии. Женщины сдавали свои золотые украшения и драгоценности.

Такого сплочения, такого всенародного единения, такого великого патриотического движения еще не знала история.

В этом общенародном патриотическом движении активное участие приняли и трудящиеся г. Ульяновска.

В городской государственный банк и в сберегательные кассы ежедневно приходили мужчины и женщины, молодежь и престарелые люди и сдавали наличные деньги, облигации госзаймов, золотые и серебряные часы, портсигары, кольца и серьги, драгоценные камни, серебряные монеты и т. д. На 10-е ноября 1941 г. госбанком и сберегательными кассами от населения города было принято 4.529,333 рубля наличными деньгами на 2,5 миллиона рублей облигаций госзаймов и несколько килограммов золота и серебра.[1]

Следуя примеру тамбовских колхозников и саратовского колхозника Ферапонта Головатого, трудящиеся Ульяновска развернули широкую кампанию по сбору средств на строительство боевых самолетов и танков.

Товарищ Сталин высоко оценил это всенародное патриотическое движение. В первомайском приказе 1943 года он писал:

«Советский народ проявляет величайшую заботу о своей Красной Армии. Он готов отдать все силы дальнейшему усилению военной мощи Советской страны. Менее чем за 4 месяца, народы Советского Союза внесли в фонд Красной Армии более 7 миллиардов рублей. Это еще раз показывает, что война против немцев является действительно общенародной войной всех народов, населяющих Советский Союз».[2]

С огромным успехом проводилась подписка на военные займы и денежно-вещевые лотереи, средства от которых шли на усиление обороны страны.

За годы Отечественной войны трудящиеся г. Ульяновска внесли из своих сбережений по подписке на военные займы 101 миллион рублей, по четырем денежно-вещевым лотереям — 21 миллион рублей и сборам на строительство танков и самолетов — 30 миллионов рублей. Всего за войну ульяновские патриоты дали на усиление нашей Родины и ее Красной Армии из своих личных сбережений 152 миллиона рублей.[3]

---

[1] УОПА, ф. 13, оп. 13—2, св. 221, д. 3028, л. 129.

[2] И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 1947 г., изд. 5-е, стр. 101.

[3] УОПА, ф. 8, оп. 8—3, св. 1, д. 1, л. 4.

О проявлении тесной связи тыла с фронтом, о кровной любви советского народа к своей армии и о стремлении помочь своему государству свидетельствовала кампания сбора среди населения и посылки на фронт теплых вещей, белья и обмундирования. Население городов и сел Советского Союза приняло самое широкое участие в обеспечении теплыми вещами Красной Армии.

Кампания по сбору теплых вещей для фронта развернулась в Ульяновске в первых числах сентября месяца 1941 года. На всех предприятиях и в учреждениях, в школах и среди неорганизованного населения сбор теплых вещей для действующей армии проходил, как важнейшее государственное мероприятие. Трудно было найти завод или фабрику, учреждение или семью, где бы не принимали участие в этом всенародном патриотическом стремлении помочь правительству одеть в добротные теплые вещи героических защитников социалистической Родины.

За период с 1 сентября 1941 года по 1 января 1944 года по Ульяновску было собрано и отправлено на фронт 60 с лишним тысяч теплых вещей и около 36 тысяч других различных предметов.[1]

Неразрывная связь между армией и народом, тесная сплоченность всех советских людей проявилась и в посылке на фронт праздничных подарков. В этих подарках священный долг советских граждан сочетается с великой любовью, с их безграничной преданностью своей Родине, своей любимой Красной Армии. Бойцы на фронте, получая эти подарки, чувствовали великую спайку и сплоченность советских людей, объединенных вокруг партии и правительства. Они знали, что советские люди отдают свое кровное, и это придавало советским воинам новые силы и увеличивало стойкость, необходимые в борьбе с озверелым врагом.

Посылка подарков на фронт к революционным праздникам или к новому году стала традицией советских людей. В коллективных и индивидуальных посылках были продукты питания, вина, белье, принадлежности туалета, письменные принадлежности, папиросы, табак, кисеты и многое другое.

За время войны из Ульяновска на фронт было отправлено 70 тысяч посылок общим весом в 150.000 килограммов. Бойцы и командиры в своих письмах с фронта горячо благодарили тружеников тыла за их заботу о Красной Армии.

Наконец, помощь выразилась и в кампании помызки и ремонта фронтового обмундирования силами населения, что дало

---

[1] УОПА, ф. 13—2, св. 265, д. 3504, л. 3.

возможность государству сэкономить многие миллионы рублей и высвободить большое количество рабочей силы. За 1942 и 1943 годы населением Ульяновска было выстирано и отремонтировано около 3 миллионов единиц разного фронтового обмундирования.[1] Эту большую и нужную работу провели наши советские женщины-патриотки, которые в свободное от работы время выполняли это важное правительственное задание.

* * *

Далее автор подробно анализирует ту огромную работу, которую проводило правительство и само население, работу, направленную на оказание помощи семьям фронтовиков, эвакуированному населению и инвалидам Отечественной войны.

Забота о материальном благополучии советского человека — закон советского государства. «Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции».[2]

Наряду с огромными затратами на капитальное строительство, на развитие промышленности, транспорта и сельского хозяйства, наше правительство ежегодно расходует десятки миллиардов рублей на социально-культурные мероприятия. Неустанная сталинская забота партии и правительства о повышении материального благосостояния и культурного уровня трудящихся является законом развития социалистического общества.

В довоенные годы партии и правительству удалось добиться значительных успехов в этом большом государственном деле. Ни в одной капиталистической стране трудящиеся не могли и не могут мечтать о таком высоком жизненном уровне, который был достигнут в стране победившего социализма.

Война принесла нашему народу многочисленные трудности и лишения. Однако забота правительства о нуждах населения не была снята. Более того, появилась категория людей, которые в связи с войной особенно нуждались в материальной помощи государства. В такой помощи со стороны государства нуждались прежде всего семьи фронтовиков, инвалидов Отечественной войны, эвакуированное население.

Война явилась кровным делом всего советского народа, поэтому забота о семьях фронтовиков, раненых, инвалидах Оте-

---

[1] УОПА, ф. 13, оп. 13—2, св. 250, д. 3293, л. 73, св. 264, д. 3496, лл. 52—53.

[2] И. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 11, стр. 499.

чественной войны, эвакуированном населении была не только заботой государства, но и каждого гражданина нашей страны. Советские люди в тылу понимали, что на них лежит задача не только своим самоотверженным трудом давать все необходимое фронту, но и повседневно заботиться о семьях тех, кто с оружием в руках отстаивал свободу и независимость социалистического Отечества.

«... Всякий шаг помощи, — говорил В. И. Ленин в 1920 году, — которая оказывается Красной Армии в тылу, сейчас же сказывается на настроении красноармейцев... Всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращается в усиление Красной Армии, в укрепление их настроения... и в увеличение наступательной боеспособности».[1]

Забота о семьях фронтовиков была постоянной и многогранной. Она проявлялась в обеспечении их государственными пособиями и пенсиями, в выдаче единовременных пособий из средств предприятий, учреждений, профсоюзов и средств, собранных или заработанных на воскресниках самими трудящимися. Забота проявлялась в обеспечении квартирами, обувью, одеждой, продовольствием, топливом, в устройстве трудоспособных членов семей на работу, в первоочередном размещении детей фронтовиков в школы, детские сады и ясли, в организации различных школ и курсов по приобретению профессий и т. д.

Воины Красной Армии знали, что их семьи не брошены на произвол судьбы, что о них неустанно заботится советское государство и весь советский народ, что им создают необходимые удобства, окружают их вниманием и помогают легче переносить трудности войны. И это чувство спокойствия за свою семью повышало моральную стойкость героев фронта, вдохновляло их на ратные подвиги во имя защиты социалистического Отечества.

Вероломное вторжение фашистской Германии на территорию СССР привело к необходимости эвакуировать в глубь страны миллионы советских граждан и прежде всего детей, женщин и стариков.

В начале июля 1941 года эшелоны с эвакуированным населением стали прибывать и в город Ульяновск. За период эвакуации Ульяновск принял несколько тысяч эвакуированного населения, обеспечил его жилищем, питанием, обувью и одеждой, топливом, работой, медицинским и культурно-политическим обслуживанием.

---

[1] Ленин. Соч., том, 31, стр. 288, изд. 4-е.

Забота об эвакуированном населении была частью общей заботы советского народа о воинах Красной Армии, так как подавляющее большинство эвакуированных семей являлось в то же время и семьями фронтовиков.

Большую заботу и внимание партия, правительство и весь советский народ проявили к инвалидам Отечественной войны. Всем инвалидам войны были установлены государственные пенсии. Многие инвалиды через госпитали и профессионально-технические школы приобретали себе новые профессии и таким образом не прекращали своей общественно-полезной деятельности.

Великая любовь трудящихся к доблестным защитникам нашей Родины нашла свое выражение в той заботе и внимании, которыми окружили советские люди раненых бойцов и командиров, находящихся на излечении в тыловых госпиталях. «Пусть каждый в тылу, — писал В. И. Ленин, — помнит о своем долге — помогать всем, чем можно, раненому красноармейцу».[1]

Выполняя этот Ленинский завет, советские люди отдали для военных госпиталей лучшие помещения и медицинские кадры, организовали шефство предприятий и учреждений, помогали госпиталям материально, проводили в них большую политико-воспитательную и культурно-просветительную работу.

В годы войны в Ульяновске действовало несколько военных госпиталей, располагавшихся в лучших зданиях города и полностью обеспеченных высококвалифицированными медицинскими кадрами.[2] Промышленные предприятия и общественные организации города помогали госпиталям транспортом, топливом, строительными материалами, рабочей силой и проводили большую воспитательную работу с находящимися на излечении ранеными бойцами и командирами. Важную роль в помощи госпиталям сыграло широко развернувшееся шефство предприятий и учреждений над госпиталями.

* * *

В этой же главе рассматриваются вопросы, связанные с оказанием помощи населению освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов. Автор приводит разнообразные конкретные данные о той материальной помощи, которую оказали трудящиеся г. Ульяновска Сталинградскому тракторному заводу и подшефному городу Мозырь, Белорусской ССР.

---

[1] Ленин. Соч., том, 31, стр. 159, изд. 4-е.

[2] УОПА, ф. 13—2, св. 282, д. 3763, л. 2.

Третья глава заканчивается следующими выводами:

1. Великая Отечественная война была всенародной войной. Она подняла на борьбу все слои советского общества и создала невиданное в истории человечества единство между фронтом и тылом, между правительством и народом. Она подняла на новую более высокую ступень советский патриотизм и сделала его могучим оружием в борьбе за победу. Патриотические чувства советских людей в тылу в годы Отечественной войны нашли свое выражение не только в массовых и разнообразных трудовых подвигах, но и в стремлении помочь Красной Армии как материально, так и духовно. Забота народа о своей армии, любовь к ней, желание во что бы то ни стало победить врага и отстоять честь, свободу и независимость социалистической Отчизны побуждали советских людей идти на материальные лишения во имя оказания помощи фронту.

2. Трудящиеся города Ульяновска, как и весь советский народ, отдавали все свои силы и средства для победы. Активным участием в подготовке резервов для фронта, в сборе средств в фонд обороны, в посылке на фронт теплых вещей, подарков, в заботе о семьях фронтовиков, инвалидах Отечественной войны и эвакуированном населении и, наконец, в помощи населению освобожденных районов — всем этим трудящиеся родины В. И. Ленина продемонстрировали свою горячую любовь к социалистической Родине, преданность и верность большевистской партии, советскому правительству.

3. Постоянная и всенародная материальная и духовная помощь, оказываемая советским народом фронту, укрепляла моральный дух нашей армии, вдохновляла ее на ратные подвиги. Отечественная война показала всему миру невиданное единство и сплоченность советского тыла и фронта, невозможное в капиталистических странах.

* * *

В заключение автор подводит итоги исследования и делает вывод, что наша победа в Великой Отечественной войне означала победу советского общественного строя, советского государственного строя, советских вооруженных сил, политики дружбы народов СССР, мудрой политики большевистской партии, руководимой великим Сталиным.

В великой Отечественной войне советский народ совершил ратный и трудовой подвиг. Все советские люди, независимо от пола, национальности, профессии, объединились вокруг партии

и правительства и подчинили всю свою деятельность одной задаче: одержать победу над врагом.

В эту великую победу советского народа внесли свой вклад и трудящиеся города Ульяновска. Они, как и все советские люди, совершили трудовые подвиги во имя победы над врагом и выступали горячими патриотами своей социалистической Отчизны.

Н. Гриценко,
доцент, кандидат исторических наук

ВОЛНЕНИЯ РАБОЧИХ НА ФАБРИКЕ АКЧУРИНА

(К истории рабочего движения 60-х гг. XIX в.)

Суконная промышленность Симбирской губернии XIX века как по числу предприятий, так и по количеству продукции занимала ведущее место среди других отраслей промышленности губернии.

Суконные помещичьи мануфактуры стали развиваться в 20—30 годах XIX века при наличии таких благоприятных факторов, как даровая рабочая сила (крепостные крестьяне) и развивающееся овцеводство в Среднем Поволжье, в близлежащих районах Нижнего Поволжья и восточного Заволжья. По одному только вотчинному хозяйству 40-х годов прошлого века — по Усольской вотчине графа Орлова-Давыдова, насчитывавшей до 13 тысяч овец, давалось ежегодно свыше 1300 пудов шерсти. Подобные овчарки были в с. Промзино у графини Потемкиной, в с. Тетюшском у кн. Вяземского, в с. Ундорах у помещика Ивашева.[1]

Крупные симбирские помещики владели как большим количеством пастбищ, так и средствами для развития и содержания крупных отар овец. В 1861 году в Симбирской губернии насчитывалось 846 тысяч овец, из них тонкорунных около 50 тысяч. Все овцеводческие хозяйства давали свыше 84 тысяч пудов шерсти в год. По подсчетам Липинского[2], суконные предприятия Симбирской губернии ежегодно потребляли шерсти до 140 тысяч пудов; следовательно, они обеспечивались местным сырьем на 61%.

До 40-х годов XIX века господствующее положение в губернии занимали помещичьи мануфактуры, число купеческих фаб-

---

[1] ГАУО, ф. 274, дело 8, Куйбышев, госархив, ф. 3, оп. 12, д. 4; листы 32—33.

[2] Материалы для географии и статистики России, Симбирская губ. ч. II, Липинский, Симб. 1868 г., стр. 40.

рик было незначительным. С конца 40-х годов появляются крупные купеческие предприятия, принципиально отличные от вотчинных мануфактур, так как они были основаны на новой машинной технике и вольнонаемном труде. Так, в 1849 году в селе Старо-Тимошкино Сенгилеевского уезда купцом Акчуриным была построена суконная фабрика. В 50-х годах эта фабрика по количеству рабочих и выпускаемой продукции стояла впереди других суконных предприятий губернии, кроме помещичьей Румянцевской мануфактуры в Карсунском уезде. В Сенгилеевском уезде в середине 50-х годов насчитывалось всего 10 суконных предприятий, на которых было занято до 2-х тысяч рабочих. Одно из этих предприятий (Старо-Тимошкинская фабрика) с количеством рабочих свыше двухсот человек и принадлежало купцу Акчурину.

Все помещичьи мануфактуры Сенгилеевского уезда вырабатывали годовой продукции на 435 тысяч рублей, а фабрика купца Акчурина давала продукции на 60 тысяч рублей. И если помещичьи мануфактуры не расширялись, не росли, выпускали продукцию из года в год в одном и том же количестве, то акчуринская фабрика в то же время росла и расширялась. Например, она только за один 1855 год увеличила оборотный капитал с 30 до 80 тысяч рублей. Выпуск продукции стал на 144 тысячи рублей «более противу 1854 года, — поясняла фабричная контора Акчурина, — по случаю увеличивающегося числа аппаратов, разного рода машин и рабочего народа».[1]

Преимущества акчуринской фабрики перед помещичьими мануфактурами заключались, во-первых, в том, что она производила сукна для удовлетворения нужд массового потребителя; во-вторых, в том, что имела механические станки, более совершенное оборудование и паровую машину в 35 лошадиных сил; вотчинные же предприятия покоились на рутинной технике; в-третьих, в том, что на акчуринской фабрике применялся вольнонаемный труд, а на помещичьих — труд крепостных крестьян.

После Крымской войны сократилась потребность в солдатских сукнах, следовательно — сократились и заказы казны. Поэтому помещичьи мануфактуры, жившие за счет казенных заказов, стали влачить жалкое существование. Лишившись в 1861 г. даровой рабочей силы, они или прекратили свое существование в первые же пореформенные годы, или перешли в руки купцов-предпринимателей. Так, в руки купцов перешли суконные предприятия, расположенные в селениях Симбирской губернии:

---

[1] ГАУО, ф. 763, д. оп. 1, 97, л. 175.

Ундоры, Полдамасово, Кезьмино, Языково, Феоктистово, Гурьевка, Усть-Урень, Репьевка и др.

Реформа 1861 года расчистила путь для капиталистического развития России. На сцену вышли новые люди, новые хозяева — Ижбурдины, Палохвостовы. Их картинно изобразил Щедрин в «Губернских очерках». Они кормились ранее от казенных подрядов и поставок вместе с «крапивным семенем» — чиновниками всех рангов. Теперь же Ижбурдины и Палохвостовы получили простор для своей деятельности. Быстро ориентируясь в новых условиях, они умело приспособились к жизни. Еще не так давно Христашка, герой сатиры Щедрина «Опять в дороге», служил приказчиком, а сейчас он уже не Христашка, а Хрисанф Петрович, господин Полушкин-с, как его величают местные обыватели. Хрисанф Петрович, так хватает, будто у него не две, а четыре руки, он всю окружную местность «под свою державу подвел». П. Лященко писал об источниках наживы и накопления капитала для таких людей: «Источником этого накопления и объектом эксплоатации являлась для них в основном полукрепостническая деревня, закабаляемый крестьянин, частью разоряющийся помещик, иногда мелкое городское ремесло. На почве диференциации и расслоения деревни в ней вырастают новые слои русской мелкой буржуазии — сельский ростовщик, земельный спекулянт, кулак, мелкий скупщик и прасол — те «чумазые», яркие типы которых были созданы пером Успенского, Горького и из которых выходили затем строители заводов, мануфактур и пр. («Братья Артамоновы» и др.)».[1]

Такие люди перестают по копеечке сколачивать капиталы, а, по-волчьи бросаясь на добычу, неимоверно быстро обогащаются. Их обогащение прежде всего шло за счет «освобожденного» крестьянина, выброшенного из деревни, ставшего рабочим-пролетарием на капиталистических предприятиях.

Реформа освободила 10 миллионов «крепостных крестьян от личной зависимости и от значительной части принадлежавшей им земли, она тем самым разрешила и основной для капитализма вопрос — о требующейся для него «свободной» рабочей силе».[2] В результате реформы до 4 миллионов крестьян обоего пола оказались без земли; они сразу попали в новую кабалу — в кабалу капиталистам. Новые хозяева по-новому стали эксплоатировать народ. Новизна приемов эксплоатации—исключи-

---

[1] Л. Лященко—История народного хозяйства СССР. 1939, стр. 347, изд. 1939 г.

[2] Л. Лященко—История народного хозяйства СССР. 1939, стр. 347.

тельна по своей беззастенчивости. Самые свирепые крепостники— ничто в сравнении с капиталистическими хищниками. Эти хищники зверски жестоки к людям, к тем, кто строил для них новые фабрики и заводы, кто работал без отдыха по 12—16 часов в день на новых предприятиях, создавал миллионные богатства для их владельцев, голодая, нищенски существуя сам.

Незаконное удлинение рабочего дня до 15—18 часов в сутки, произвол в установлении заработной платы, мошеннические плутни при выдаче заработной платы, обсчеты и обманы рабочих, незаконные штрафы, избиение и зуботычины, увольнение с фабрик, отдача под суд, тюрьмы, каторжные работы — вот новые приемы и формы капиталистической эксплоатации. О постоянных издевательствах над рабочими, отвратительных бытовых условиях их жизни, антисанитарном состоянии самих фабрик и заводов и особенно жилищ рабочих и говорить не приходится.

Для хозяина-фабриканта, заводчика—рабочий был только рабочей силой, в нем они не хотели видеть человека. Пока рабочий был здоров, пока он рабски покорялся, он нужен капиталисту; пошатнулось здоровье рабочего или он посмел возразить хозяину — тогда вон его с фабрики, пусть умирает и он и его семья. «Даже при рабстве и при крепостном праве, — писал В. И. Ленин, — никогда не было такого страшного угнетения рабочего народа, до какого доходят капиталисты если рабочие не могут оказывать им сопротивления, не могут завоевать себе законов, ограничивающих произвол хозяев».[1]

Так было во всей России, так было и в Симбирской губернии. О жестокой эксплоатации рабочих одним симбирским купцом, владельцем Старо-Тимошкинской фабрики, говорят подлинные документы прошлого.

Владельцем Старо-Тимошкинской суконной фабрики был выходец из среды удельных крестьян-кулаков — Акчурин. Отец его Курамша Абдулов Акчурин из деревни Алексеевки Сенгилеевского уезда в 1839 году за выход в Симбирское мещанство заплатил в Департамент уделов за себя и свое семейство 8200 рублей.[2] Сын его, после выхода в мещанство становится симбирским 1-й гильдии купцом и фабрикантом, именитым Сулейманом Акчуриным. В 1849 году ему удалось в с. Старо-Тимошкине открыть суконную фабрику, которая явилась дальнейшим шагом его обогащения.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., стр. 288, изд. 4-е.
[2] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 99, лист 111.

Современник 60-х годов Липинский, знавший акчуринскую фабрику в первые годы после реформы, писал:

«Здесь собирался народ, которому не было места на помещичьих фабриках, — преимущественно отставные и бессрочно отпускные солдаты... Были, впрочем, здесь и постоянные работники вроде крепостных: это задолжавшиеся тимошкинские татары, которые составляют на фабрике не менее половины всего числа рабочих».[1]

Разнородный состав фабричных рабочих в первые годы после реформы — обычное явление не только для Симбирской губернии, но и для всей России. В эти годы рабочие набирались из самых различных слоев населения: из обездоленного городского люда — разорившихся ремесленников и мелких торговцев, из числа «временно-обязанных» крестьян, крестьян государственных и удельных, вынужденных зарабатывать ради куска хлеба, для уплаты податей, налогов, или задолжавших, подобно тимошкинским татарам, о которых говорит Липинский.

Тимошкинские татары — это удельные крестьяне, ограбленные «императорской фамилией», разоренные местными кулаками-мироедами.

Существует предвзятое мнение, ошибочное утверждение в ряде исторических исследований о том, что удельная деревня—благополучная деревня. Документальные свидетельства об удельной деревне Симбирской губернии, где удельное хозяйство было одним из самых крупных, утверждают обратное. Они говорят не «о благополучии» удельных деревень, а о сильном расслоении, о неравенстве крестьян, об обнищании их.

Не от «благополучия» же удельные крестьяне должали, не «благополучие» их гнало на сторону, а нищета. Крайняя нужда гнала бедноту удельной деревни на промыслы, в бурлачество, на фабрики, заводы — куда угодно, лишь бы добыть средства к жизни.

Купец Акчурин, прекрасно зная и положение, и нужды удельных крестьян, живших в ближайших к его фабрике селениях, очень умело наживался на крестьянской нужде. Он «помогал» крестьянам, «благодетельствовал», ссужая их в критические минуты деньгами, а за свои «благодеяния» умело драл с тех же крестьян три шкуры.

На акчуринской фабрике, кроме симбирских бывших удельных крестьян, как сказано выше, работали выходцы из других мест, отдаленных от Симбирской губернии.

После 1861 года, побросав насиженные места, побрели в по-

---

[1] Липинский. цит., стр. 87.

исках заработка русские крестьяне-бедняки по всей необъятной «раскрепощенной» России. Хотя крестьяне и не были теперь крепостными, а были только «временно-обязанными», помещики, идя в ногу с веком, делали из временных обязательств соответствующие выводы и закабаляли «временно-обязанных» крестьян. Временно-обязанные крестьяне в результате реформы еще более обезземеливались, пролетаризировались и стали основною силою, которая питала промышленные предприятия, обслуживала того же помещика, кулака, только на новой, капиталистической основе. Такие крестьяне, чтобы не умереть голодною смертью и уплатить налоги, уходили в поисках работы в отдаленные уголки страны.

В 1863 г. на фабрике Акчурина появляются новые рабочие— московские текстильщики. Вот документальные сведения о некоторых из них. «Временно-обязанный» крестьянин Калужской губернии, Мало-Ярославского уезда, деревни Миличкиной г-жи Копосовой Василий Иванов; бывший дворовый человек князя Волкинского Владимирской губернии, Ковровского уезда, села Спас-Юрцы Сергей Ильин; экономический крестьянин Калужской губернии и уезда, деревни Турыниной Петр Федоров; временно-обязанная крестьянка Смоленской губернии, Аржатского уезда (повидимому Гжатский — Н. Г.), деревни Вороновой Анна Кузьмина; богородский мещанин Козьма Гаврилов... отставной Иван Булин»[1] и т. д. и т. п.

Жизнь Старо-Тимошкинской фабрики — зеркало общих условий фабричного труда и быта того времени. Об этом свидетельствует очень объемистое судебное дело, содержание которого будет приведено ниже.

Фабрика работала круглосуточно, в две смены. Проработав у станка 12 часов, рабочие не заканчивали свой трудовой день, а обязаны были чистить машины, убирать помещение, выполнять по приказу хозяина любые работы, что удлинняло рабочий день до 15, а то и более часов. Если рабочий не справлялся с работами, его не только штрафовали, но и наказывали.

В 1860 году на фабрику поступил удельный крестьянин 18-летний юноша Абдулов за 100 рублей ассигнациями в год (или 8 рублей в месяц). Нужда вынудила Абдулова согласиться на кабальные условия. Проработав 9 месяцев, Абдулов получил только 21 рубль. Несвоевременно выдать деньги рабочим, обмануть, обсчитать их было для Акчурина делом обычным.

---

[1] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 135.

В один из июльских дней 1861 года рано утром Акчурин, «найдя меня спящим, — показывал на следствии Абдулов, — бил меня за эго кнутом, взявши таковой у кучера, с коим приехал из дома на фабрику, ударил раз шесть или семь довольно сильно, так, что на теле были видны багровые знаки».[1] Купец не потрудился даже узнать, почему рабочий заснул. «Спал я потому, — объяснил Абдулов, — что с половины дня и до половины ночи работал.» Акчурин несколько дней преследовал рабочего, бил и истязал его, Абдулов не вытерпел и потребовал расчета. Акчурин ответил, что он «расчет даст мне, когда убьет меня, как собаку».[2] Такие факты в жизни Старо-Тимошкинской фабрики были обычными.

В погоне за прибылью, Акчурин и ему подобные не только не заботились о безопасности людей, а пренебрегали даже самыми элементарными правилами охраны рабочих от увечий. По приказанию Акчурина в 1864 году была построена кузница и построена так, что вскоре развалилась, и при этом погибло несколько рабочих. За смерть рабочих отвечал однако не купец, а крестьянин Карсунского уезда, который вместе с другими строил ее.[3]

В особенно тяжелых условиях находились рабочие, пришедшие из отдаленных районов страны. Они получали скудную заработную плату, ютились в жалких лачугах, по настоянию хозяина покупали недоброкачественные продукты в его лавке. Их обманывали, оскорбляли, не считали за людей; положение их ухудшалось с каждым днем, доходило до крайности. Так было по всей России. Об этом писал Ленин: «И вот, чтобы не дать довести себя до такого крайнего положения, рабочие начинают отчаянную борьбу. Видя, что поодиночке каждый из них совершенно бессилен и что ему грозит гибель под гнетом капитала, рабочие начинают поднимать сообща восстания против своих хозяев. Начинаются рабочие стачки».[4]

В силу политической отсталости рабочих, вчерашних крестьян, стачки первоначально носили стихийный характер, не достигали цели.

* * *

О стачках рабочих 60-х гг. XIX века в России мы имеем мало сведений. Даже то немногое о стачках, что напечатано, иногда неточно. Например, о стачке на суконной фабрике в с.

---

[1] ГАУО, фонд 124, опись 3, дело, 1292.

[2] Там же

[3] ГАУО, ф. 340, оп. 5, д. 205.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 288.

Старо-Тимошкине Э. Н. Корольчук пишет: «...в июне 1864 г. бастовали рабочие фабрики Акчурина в Симбирской губернии из-за удержания фабрикантом заработной платы. Дело дошло до особого присутствия правительствующего сената, которое постановило закончить его в гражданском порядке».[1] Вот и все, что об этом сказано и к тому же неточно: стачка была не в 1864 г., а на год раньше; рабочие объявили стачку не из-за удержания фабрикантом заработной платы, а боролись за повышение ее, за улучшение бытовых условий.

В действительности дело происходило так. Зимою 1863 года в Москву приехал сын купца Акчурина вербовать рабочих на свою фабрику. В это время, как показывали впоследствии завербованные, «работая на московских фабриках, они, по случаю закрытия некоторых фабрик и от того умножения на прочих фабриках числа рабочих, оставались без работы».

Повидимому, в это время закрывались помещичьи мануфактуры, и масса рабочих — крестьян этих мануфактур хлынула на заработки в города, в промышленные районы, даже в отдаленные от промышленных районов фабрики и заводы. Акчурин, учитывая благоприятную для него обстановку, начал немедленно вербовать рабочих на Старо-Тимошкинскую фабрику, «говоря будто бы, — так записано в судебных документах, — что там хороший работник может заработать от 18 до 23 руб. серебром в месяц».[2] Акчурин во время найма говорил рабочим, что на его фабрике ткач за половину изделия в 45 аршин из русской шерсти получает 2 руб. серебром в зимнее время, а в летнее время — на 50 коп. дороже. Больше того, купеческий сын «так расхвалил свою фабрику, обольщая их (рабочих —Н. Г.), что ткач московский в месяц выделывает 12-ть половинок, следовательно, и заработанных денег получит 24 руб. и то только в зимнее время, а в летнее даже больше, но это работник из лучших, а средний — не менее 10-ти половинок».[3]

Нанимавшиеся рабочие (их было 46 человек) предупредили молодого Акчурина, что они на суконных фабриках не работали, что они мастера—ткачи по шелковым и льняным материалам. На это предупреждение Акчурин ответил, что «на фабрике его отца, не одни суконные работы, а производятся и другие и что дело найдется».[4]

---

[1] Э. Н. Корольчук. Рабочее движение семидесятых годов, М. 1934, стр. 7.
[2] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809.
[3] ГАУО, ф. 124, оп. 1, д. 809, л. 131.
[4] Там же, лист 131.

Рабочие, прежде чем согласиться и отправиться в далекое Поволжье, хотели все выяснить. Акчурина подробно расспрашивали о жизненных условиях, о продовольствии. «Но и на это сказал (Акчурин — Н. Г.), что содержание в Тимошкине дешевое и обещался... на словах возвратить им путевые издержки». Рабочие поверили Акчурину во всем и договорились, что за работу им будут платить так: ткачам по два руб. серебром с половинки в 45 аршин, прядильщикам 25 и 31,5 коп., мотальщицам 18 коп. с пуда пряжи. Акчурин при этом заверил нанимаемых рабочих, что они будут работать на хорошем материале: на пряже русской, а не ордынской шерсти. Рабочие искренне поверили Акчурину и согласились поехать в Симбирскую губернию. Железной дороги еще не было, путь лежал трудный. Не имея ни копейки, рабочие попросили у Акчурина денег на дорогу. Акчурин выдал им деньги и заставил грамотных (кто умел написать свою фамилию) расписаться на бумаге в получении денег. Письменного же условия рабочие с Акчуриным не заключили, «потому, что верили в честное слово купца, так как и в Москве у фабрикантов условий с рабочим не делается, а работают по книжкам».[1]

Получив каждый в качестве задатка по 10 рублей и на проезд по 5 рублей, рабочие отправились в далекое Тимошкино, предполагая найти хорошую работу и сносный заработок. После долгого, изнурительного пути они прибыли на Тимошкинскую фабрику.

Приступив к работе, рабочие сразу же поняли, что их обманули. «Сам», Акчурин старший, установил, что рабочие должны вырабатывать половину сукна не в 45, а в 60 аршин «и работать не из русской, а ордынской шерсти, — показывали на следствии рабочие, — и то самого худого сорта, чем и навлек на них весьма излишнее и отяготительное в работе затруднение и самую цену изменил, назначив уже только по 6 руб. серебром в месяц».[2] Руководитель стачки Иван Афанасьев показывал суду, что как только они увидели, что работу им дали не ту, которую обещали, что сукна приходится делать из плохой ордынской шерсти, немедленно заявили хозяину об обмане их его сыном. Заявление это так и осталось только заявлением, рабочим же пришлось попрежнему работать. Через несколько дней работы, они окончательно убедились, что при всем их старании им не заработать не только 23-х рублей, но и 10 рублей в месяц, что они «не в силах заработать забранных вперед денег, не только что отправить на родину для уплаты оброков и на содержание

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 1, д. 809.

[2] Там же, лист 129.

семейств».[1] Поэтому, естественно, рабочие просили рассчитать их и отправить обратно в Москву, как это было условлено при найме. Сулейман Акчурин (хозяин) на просьбу рабочих ответил, что он не знает, на каких условиях их приглашал сын Василий, что он также не знает, какую работу предлагал он им при найме, и просил обождать приезда сына. Рабочие не оставили фабрику и продолжали работу до приезда Василия Акчурина. Вскоре он приехал. При первой же встрече с ним рабочие прямо заявили ему, что он обманщик и что тех работ, которые были им обещаны, на фабрике нет. Чтобы оттянуть время, Василий обещался поговорить с отцом и на второй день дать окончательный ответ. На второй день, к удивлению рабочих, Василий куда-то опять уехал, а сам хозяин снова предложил ожидать Василия.

В томительном ожидании своей участи рабочие проработали еще месяц. Только безвыходным положением и тяжелой нуждой можно объяснить их терпение, когда они уже понимали, что их обманывают и над ними издеваются. Кроме обмана, кроме произвольно назначенной суммы заработка — 6 рублей в месяц, их обсчитывали, не выдавали полностью заработанных денег, кормили плохой пищей.

Прибыв в Старо-Тимошкино, рабочие просили у хозяина денег, чтобы послать их домой на уплату оброка. Акчурины притворно согласились выполнить просьбу рабочих. «Сам Акчурин и сын его Василий, — говорили на следствии рабочие, — хотя и велели всем им, чтобы написать письма в дома свои, которые отправит из Симбирска сын Василий вместе с деньгами 95 руб. серебром и тогда же заверил их, что деньги те им, Акчуриным, отправлены, а расписку, полученную из почтовой конторы, сын Акчурина забыл в Симбирске в своем доме в комоде».[2] Потом оказалось, что Василий не отправлял ни писем (которые он уничтожил), ни денег. В этом он сам признался при становом приставе Шульгине и в его присутствии зачеркнул в конторской тетради записи о будто бы отправленных деньгах.

Акчурины в самой прямой, ничем не прикрытой форме, грабили рабочих, грабили постоянно, ежедневно, оптом и в розницу. 95 рублей, принадлежавших группе рабочих, фабриканты присвоили сразу, но они не гнушались и мелочами, без зазрения совести, систематически разными путями обкрадывая отдельных рабочих.

На следствии выяснилось, что выписывались книжки не работающим на фабрике женам рабочих. Фабричная контора за-

[1] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 126.
[2] Там же.

писывала в такие книжки деньги, якобы выданные в счет заработка. Ирина Агеева заявила, что она «вовсе не работала и денег 2 руб. 53,5 коп. серебром не брала и с чего он (Акчурин — Н. Г.) написал это не знает». Рабочий Артемий Фролов просил Акчурина отправить домой его письмо, 15 рублей денег и паспорт. Купец обещал, а выполнить обещанное и не подумал: деньги положил в карман, письмо уничтожил, оставил без куска хлеба и Фролова и его семью. Акчурин обязан был выдавать рабочим харчевые деньги, но не выдавал: их «накопилось за ним 176 руб. 5 коп. Хозяин, — рассказывали рабочие, — приневолил их брать съестные припасы у него же в лавке, а вместе с тем, ко вреду дал им маслить кашу сурепного масла из поганого чана, отчего они сделались нездоровыми».[1]

Отказавшись от таких продуктов Акчурина, рабочие покупали продукты на стороне, Акчурин же вычитал за них деньги, т. к. продукты, якобы были взяты у него. Рабочий Иван Афанасьев для своей артели «закупал на свой счет разные харчи, всего на 30 рублей серебром. Деньги эти купец Акчурин у всех рабочих... вычел, а ему, Афанасьеву, не отдал. Через это он вынужден был заложить свои собственные вещи бесштановскому купцу Дмитрию Яковлеву, а именно: чапан из черной русской шерсти, дубленый полушубок, две рубашки розового ситца, двое шаровар... двое кожаных сапог... что все стоит 25 руб. серебром, о чем известно поставщику харчей Дементию Максимову».[2]

Неизвестно, где жили московские рабочие на фабрике Акчурина, но зато известно, что на многих симбирских мануфактурах и фабриках рабочие жили или в коморках, на скорую руку сколоченных, или спали у станка, где работали.

Обманутые московские рабочие продолжали работать в ожидании Василия Акчурина, «что их вынудило быть в крайне жалком и даже бедственном положении». Наконец, сын Акчурина появился на фабрике, но вразумительного ответа рабочие от него не получили и написали на него властям жалобу. На жалобу никто не обратил внимания.

Терпение рабочих лопнуло, и они 4 июня 1863 года объявили стачку — отказались работать.

На жалобу рабочих никто не реагировал, но на отказ рабочих работать на фабрике местное начальство немедленно обратило внимание. Уже 8 июня 1863 года пристав 2-го стана Сенгилеевского уезда доносил уездному исправнику: «Тимош-

---

[1] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 129.
[2] Там же, лист 133.

кинской суконной фабрики почетный гражданин Сулейман Абдулов Акчурин нанял к себе в работники более 40 человек с московских фабрик... Эти рабочие, находя получаемую плату малою, перестали работать, требуют надбавки цены и принятия хозяином на свой счет издержек, употребляемых ими на проезд от Москвы до Тимошкина. Фабрикант Акчурин со всеми ими имел условия, хотя нигде не засвидетельствованные, но за собственноручным подписом некоторых рабочих в условиях этих определена плата за работу и сказано, что рабочие не могут оставить работ, не заработав забранных денег». По утверждению пристава, все рабочие забрали много денег вперед, хотя на «внушения его, пристава, продолжать работы, рабочие отказались решительно и требуют паспортов для отправления в Москву».[1]

Пристав, судя по донесению, даже не пытался разобраться в существе дела, а сразу стал на сторону Акчурина против рабочих. Больше того, его донесение — преднамеренная, прямая ложь: он писал, что рабочие-де подписали такие-то и такие-то условия с фабрикантом. По этим условиям рабочим была определена и плата за работу и рабочие обязаны были не уходить с работы до тех пор, пока они не отработают взятых авансом у хозяина денег и т. д. и т. п.

Ничего подобного в действительности, как мы видели, не было.

За приставом, естественно, встал на сторону фабриканта-эксплоататора и исправник. «Над рабочими и крестьянами, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских, стражников, которые защищали царя, капиталистов, помещиков, против трудящихся, против эксплоатируемых».[2]

Защищая хозяйские интересы, пристав в том же своем донесении сообщал, что действия фабриканта совершенно правильны и законны. Заставить Акчурина отпустить рабочих — значит принести ему убытки, во-первых, потому, что взятые деньги рабочими не могут быть ему, Акчурину, возвращены; во-вторых, если московским рабочим повысить плату, то фабрикант должен повысить заработок и другим рабочим, а их у него до 400; в-третьих, с приближением уборки урожая достать рабочих очень трудно и даже невозможно, потому что все уходят на полевые работы за Волгу, а отпуск московских рабочих приведет к тому, что фабрика остановится, и Акчурин не выполнит большого подряда в казну.

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 1, д. 809, л. 34.

[2] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 6.

Третий пункт мотивировки пристава особо красноречиво говорит о тяжелом положении рабочих на акчуринской фабрике. Удельные крестьяне, составлявшие основную массу рабочих на этой фабрике, несмотря на постоянный там заработок, в летнее время оставляли фабричную работу и уходили на сельскохозяйственные работы, где они зарабатывали значительно больше, чем у Акчурина. Это говорит еще и о том, что удельные крестьяне, вытесняемые пролетаризировавшейся деревней, еще не находили своего места в новых условиях. Искони связанные с землей (на ней жили и кормились деды и прадеды), удельные крестьяне мучительно покидали эту землю — родные места, метались с фабрики на поля, с полей на фабрику.

В своем донесении пристав сообщал начальству, что Акчурин все же может принять на себя израсходованные рабочими деньги в пути из Москвы в Старо-Тимошкино: по 8 рублей на каждого рабочего. Рабочие категорически отказались от акчуринского «благородного» предложения, «и как объяснил Акчурин — *подбивают и других рабочих требовать надбавки цены и бросить* работу». (Подчеркнуто мною—Н. Г.). Замечательно в этом движении московских рабочих то, что они требуют повышения платы, улучшения условий труда не только для себя, но и для других рабочих. Тут проявляется какое-то чувство общности классовых интересов, чувство того, что только сообща, общей борьбой всех 400 человек можно добиться каких-либо результатов, только общими силами можно улучшить свое экономическое положение. Остальные рабочие, в основной своей массе — удельные крестьяне, имея постоянное жительство вблизи фабрики и боясь последствий, открыто не перешли на сторону московских рабочих, не хотели оставлять работы, но втайне были солидарны с москвичами, даже небольшими группами бросали фабрику и уходили в другие места.

Пристав не в силах был заставить рабочих работать на фабрике. На помощь купцу пришел сам уездный исправник. Он установил и донес начальству, во-первых, что прекратили работу не рядовые, не подсобные рабочие или чернорабочие, а квалифицированные ткачи, прядильщики, мотальщики; во-вторых, что московские рабочие в силу своей квалификации нанимались на работу не на общих условиях, существовавших на фабрике, а на особых. Так, в частности прядильщики Иванов и Корнишин согласились работать — первый за 75 руб. в год (6 руб. 25 к. в месяц); второй за 100 руб. в год (8 руб. 35 коп. в месяц).

Однако, вопреки им же установленным фактам, исправник исказил их. Подобно приставу, исправник лгал и доносил

начальству, что Акчурин нанимал рабочих на обычных, а не на заранее договоренных условиях. «В условиях этих обязанности найма одинаковы, и в них определена плата; по условию рабочие подчиняются порядку, заведенному на фабрике Акчурина, и не должны оставлять фабрики, не заработавши забранных денег».[1]

Правда, исправник, прежде чем констатировать эти факты, уведомляет свое начальство, что «условия эти нигде не засвидетельствованы, некоторые незарукоприкладствованы и написаны на простой бумаге». Написание даже самых обычных прошений, не говоря уже о каких-либо договорных актах, на простой, а не на гербовой, не на «заорленой» бумаге, по законам того времени являлось не формальным, а существенным поводом считать эти прошения (а тем более договоры) недействительными и не давать им ходу. Но представленные Акчуриным нигде не засвидетельствованные условия найма работы, явились для блюстителей порядка действительными. Кроме указанных «условий», Акчурин представил исправнику долговой список рабочих. В этом списке значилось, что московские рабочие забрали вперед 2223 руб. 11,5 коп. В среднем каждый рабочий, по акчуринской бухгалтерии, должен был фабриканту 65 руб. 40 коп.

Нет никаких сомнений в том, что список был фиктивным. Здесь был умышленный подлог с целью удержать рабочих на фабрике. Но начальственные глаза приставов и исправников не открыли его.

Список должников-рабочих исправником был принят во внимание и признан законным документом. «Проверив» обстановку на фабрике, исправник предложил рабочим приступить к работе. Но рабочие ответили ему тоже, что и становому приставу: Акчурин обманул их, поэтому они «не желают оставаться на фабрике и продолжать работу, если не будет принято Акчуриным на его счет по 15 руб. серебром на человека путевых издержек от Москвы и если он не надбавит цены, какую они назначат за работу».[2]

Выслушав с явным предубеждением одну сторону—рабочих и сделав вывод, что они во всем виноваты сами, желая еще более «основательно» установить действительные причины, исправник обратился за разъяснением к управляющему фабрикой. Последний услужливо разъяснил исправнику, что «отговорка рабочих от незаключения условия есть пустая потому, что плата в

[1] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 129.
[2] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 127.

сих условиях назначенная есть не ложная, получаемая всеми рабочими фабрики и других условий сын его доверителя предложить не мог». Что же касается выдачи денег рабочим, то они «записывались в выданные им от фабрики книжки». Об этих книжках исправник вынужден был сказать, что «в них, как бы следовало из закону, не объяснено условий, которые должны соблюдаться фабрикантом и рабочими».

Управляющий фабрикой, глубоко равнодушный к жизни рабочих, но не равнодушный к своему собственному карману, выслуживаясь перед хозяином, во всем винил только московских рабочих. Они, по его словам, вырабатывали меньше других рабочих «от собственной лености», а денег расходовали на продовольствие более других, т. к. они позволяли себе излишества «в употреблении вина и этим накопили на себе значительный долг фабрике».

Обвинение в «лености и пьянстве» — старый, испытанный эксплоататорский прием. Как в крепостное время помещики обвиняли в «нерадивости» своих крестьян, если последние не могли уплатить во-время податей, оброков, или не могли выполнить барщинных работ, так и новые хозяева обвиняли своих рабочих в «лености и пьянстве», если рабочие возражали против обманов, плутней, издевательств хозяев. Малейший протест рабочих, самые скромные их требования улучшить условия их жизни и быта вызывали хозяйский гнев и обвинение в лености.

Не ограничившись клеветой на рабочих, управляющий Акчурина продолжал подличать и дальше. Выгораживая своего хозяина, он заявил исправнику: «хотя и не следовало входить с рабочими в соглашение и тем не менее делать им уступки, однако доверитель его готов принять на себя путевые издержки рабочих по 10 руб. серебром на человека, если они будут работать хорошо и прилежно до декабря месяца. Плату за работу так же прибавить на два рабочие летние месяцы июль и август, по примеру подобной надбавки прочим рабочим, как делалось, и всегда делается, на его фабрике».

В словах управляющего рабочие почувствовали какую-то новую уловку, новый обман и решительно в один голос заявили, что «они не хотят работать более и желают оставить фабрику».

Закончив расследование, «взвесив доводы» за и против, исправник, конечно, пришел к заключению, что требования рабочих не только не основательные, но даже — «злонамеренные». А поэтому он приказал рабочим приступить к работе для отработки долга «тем более, что уход их расстроит фабричную деятельность Акчурина, обязанного по контракту весьма значи-

тельною поставкою сукон в казну и вовлечь в убытки при невозможности в то время полевых работ, а так же может иметь влияние и на остальных рабочих при отпуске московских рабочих».

Рабочие отказались работать, заявив исправнику, что они не только не приступят к работе на фабрике, но и напишут на Акчурина жалобу губернскому начальству.

В жалобе губернатору рабочие изложили все свои злоключения, рассказав о том, какие обещания давал Василий Акчурин при найме их на работу, с какими трудностями они добрались до Старо-Тимошкинской фабрики и как здесь их обманывали в расценках, как задерживали деньги и какие с них производились незаконные вычеты, как их обсчитывали и т. д. Указав при этом, что их пригласили «на разные работы, а именно на бумажные, каких на фабрике вовсе не производится», рабочие просили губернатора, чтоб он понудил Акчурина удовлетворить их законные требования.

Для подачи жалобы рабочие избрали из своей среды делегацию в составе Ивана Афанасьева, Артемия Фролова, Владимира Лукьянова и Настасьи Трофимовой. Делегация отправилась в Симбирск.

Между тем исправник представил свое донесении губернатору и спрашивал его, нужно ли настоящий случай передавать судебному расследованию. Губернатор передал жалобу рабочих и дознание исправника на рассмотрение губернского правления. 10 июля 1863 года правление предписало сенгилеевскому уездному исправнику: «все производство по настоящему делу на основании 21 ст. X т. 2 части (свода законов — Н. Г.) передать в надлежащее судебное место», короче — рабочих предать суду.

17 июля 1863 года дело поступило в сенгилеевский уездный суд.

20 августа суд, рассмотрев дело, и, несмотря на явно незаконные действия Акчурина и совершенную правоту рабочих, несмотря на полную ясность предмета спора, нашел дело недостаточно исследованным и предписал сенгилеевскому полицейскому исправнику «немедленно» затребовать от Акчурина подписанные с рабочими условия и рабочие книжки, выданные фабрикой рабочим.

Не стремление установить истину (ее устанавливать было нечего — она была ясна) руководило судом. Классовый суд прежде всего защищал интересы имущих. Кроме этого, дело тут не обошлось без взяток. Поэтому суд и решил «исследовать» совершенно ясные факты, а в действительности затянуть дело и

этой затяжкой помочь Акчурину вынудить изнуренных, голодных рабочих приступить к работе.

Пока судебные власти вели между собою переписку, доведенные до отчаяния рабочие, полагая, что у губернатора они найдут правду, отправились все вместе в Симбирск к начальнику губернии «домогаясь разбирательства... с хозяином».[1] Губернатор отказался выслушать рабочих и приказал им немедленно оставить Симбирск и на месте ожидать решения суда.

Ответ начальника губернии, которому так верили, на которого так надеялись рабочие, отрезвил их. Рабочие «отказались исполнить это приказание, *упорно*[2] объявляя, что они не выйдут из Симбирска до окончания их дела. Почему г-н начальник губернии, признав необходимым прекратить такое неповиновение, препроводил их в г. Сенгилей под особым конвоем казаков».[3] Особый конвой с особым усердием выполнил губернаторский приказ: под казацкими нагайками плелись измотанные рабочие по дороге от Симбирска до Сенгилея.

Губернатор приказал сенгилеевскому исправнику «разъяснить» рабочим, что они должны работать у Акчурина на фабрике до решения дела». Но и после «внушения» исправника рабочие снова «упорно отказались работать у Акчурина, требуя платы мужчинам 23 руб. и не менее 20 руб. серебром в месяц, а женщинам — 12-ти и не менее 10 руб.».

Поощряемый местными властями и самим губернатором, Акчурин переходит в наступление. Он подает прошение в суд о привлечении к ответственности рабочих за самовольный уход с работы и о взыскании с рабочих взятых ими денег. «А за стачку их целою артелью остановить преждевременно работы с причинением ему (Акчурину — Н. Г.) вреда и убытков по неимению возможности выполнить обязательства его Акчурина с казною по поставке занаряженных сукон поступить с ними по законам»,[4] т. е. привлечь уже к уголовной ответственности.

В числе «веских» документов Акчуриным была представлена в суд и фальшивая ведомость на полученные якобы рабочими деньги в счет будущей работы. При допросах рабочие показали суду то же самое, что было ими сказано приставу, исправнику, изложено в жалобе губернатору. От своих требований они не отказывались, а заявляли: «больше продолжать работу на фабрике Акчурина не будут, если он не заплатит следующих им по договору денег со дня поступления по настоящее время». Что

---

[1] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 130.
[2] Подчеркнуто нами (Н. Г.).
[3] Там же, лист 130.
[4] Там же.

же касается до предъявленных Акчуриным якобы обоюдно подписанных условий, то рабочие не признают их потому, что «у них с Акчуриным никаких бумажных условий не было, а если и значатся на бумаге подписи их рук, то это относится только к получению денег».[1]

23 сентября 1863 года суд снова рассмотрел все материалы и снова нашел их для окончательного решения недостаточными. В третий раз сенгилеевское полицейское управление приступило к «исследованию» дела.

Видя, что судебному разбирательству не будет конца, рабочие просили начальство выдать им паспорта и отпустить в места постоянного их жительства, «так как они остаются без всяких средств к пропитанию и поставлены в крайне затруднительное положение».

Суд решил выдать им паспорта и отпустить их по домам до решения дела, но при условии, если не будет препятствий со стороны полицейского управления.

Чиновник полицейского управления, прочтя рабочим решение суда спросил их: 1-е, не желают ли они до решения дела снова возвратиться на фабрику Акчурина с той платой, какая существовала на фабрике; 2-е, не желают ли они получить паспорта и итти с ними по домам или в другие места на заработки; 3-е, потребовал от них подписки в том, что если они будут работать на других фабриках, то об этом известили бы полицейское управление на тот случай, если при решении дела будут нужны.

Рабочие полагали, что вместе с паспортами они получат и какую-то сумму денег на дорогу. Выслушав же издевательское решение суда, они заявили, что ни работать на фабрику Акчурина не пойдут, ни паспортов не возьмут. После дальнейших полицейских «разъяснений» только пять человек согласились взять паспорта, остальные категорически отказались.

Последовало распоряжение — несогласных рабочих отослать этапом на места их жительства, а для сего — отправить их в тюрьму. И эта издевательская мера не помогла властям: даже идя в тюрьму, рабочие говорили: «письменных видов они не возьмут до тех пор, пока Акчурин не заплатит ту плату, по которой он рядил их в Москве за все время по день, в который они получат от Акчурина расчет. Из этого числа они ему отдадут все деньги, которые ими забраны».[2] Кроме того, рабочие заявили, что покинут Сенгилеевский уезд только после получе-

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 1, д. 809, л. 130.
[2] Там же, лист 132.

ния денег, т. к. им не в чем ходить, «у некоторых нет сапог и по одной только рубашке, почему им нужно изготовить здесь одежду».

Полицейское управление просило вышестоящие власти разъяснить, где взять для рабочих одежду и деньги на питание во время пути. Снова началась волокита с перепиской.

Акчурин, узнав, что рабочих все же могут отпустить по домам, подал на них новую жалобу, где писал, что он считает себя обиженным, и будучи обеспокоен «расстройством фабрики по случаю самовольства, буйства и заговора ушедших с фабрики рабочих людей, о коих идет настоящее дело, имеющее исход такого рода, что... у него уходят с фабрики и другие рабочие и тем наносят ему невозвратные убытки».

И действительно с фабрики люди начали уходить. 12 сентября 1863 года бросила работу еще одна группа рабочих, ранее нанятых также в Москве. Эти рабочие явились в полицейское управление «и предъявили на Акчурина ту же самую претензию, как и прочие рабочие, говоря что работать на фабрике Акчурина не хотят потому, что сын его Василий обманул их так же, как и других, поэтому просили понудить Акчурина сделать с ними расчет».[1] В. Акчурина обвиняли в обманах не одиночки, а целые артели рабочих, поэтому полицейское управление вынуждено было поручить приставу 2-го стана провести расследование и допросить В. Акчурина. При допросах последний так же лгал, как и его отец, объясняя, что на их фабрике рабочие обычно работают по словесным договорам, но, нанимая в Москве рабочих, он заключил с ними письменный договор. Этот договор был полностью и по добровольному согласию принят всеми нанимавшимися рабочими и подписан ими собственноручно. При заключении присутствовали якобы московский нотариус Богданов, управляющий делами Федоров, купец 2-ой гильдии Назаров и сын одного московского муллы, которые все это могут подтвердить. Василий дополнил свое показание, сообщив, что в этом договоре будто бы было написано, что рабочие обещались работать на фабрике сдельно. По его словам, нельзя было нанимать рабочих за высокую плату и тем более помесячно, «ибо на таких условиях никто не может вести фабричное дело, не только с этакими неблагонадежными и недобросовестными людьми. Везде на фабрике работают изделъно, дабы всякий рабочий старался для себя больше заработать, а помесячно не только из 23,20 и 18 руб., но даже из 3-х руб, никто ткача не наймет».[2] Нагло лгали и изворачивались отец и

[1] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 135.
[2] Там же, л. 135—136.

сын Акчурины, но их поверенный Патрикеев перещеголял во лжи своих хозяев и договорился до того, что даже жалобу, поданную симбирскому губернатору самими рабочими, счел подложной, так как подписей под ней было только две. Да и вообще во всей жалобе будто бы нет никакой правды. Например, рабочие жалуются на отпуск им сурепного масла из поганого чана. Ничего подобного, по показанию Патрикеева, не было. Сурепное масло, ни из чистого, ни «из поганого чана им не отпускалось, да и нет расчета давать вместо конопляного сурепное, потому, что первое (сурепное — Н. Г.) для фабрики нужнее и по цене дороже».[1]

Так лгали и сами хозяева и их слуги, нарочито запутывая при покровительстве полицейских и судебных властей дело.

После длительных разбирательств на месте, рабочих, участвовавших в стачке, этапом отправили в Симбирск, где и посадили в тюрьму.

Рабочие, не чувствуя за собой никакой вины, просили, чтобы им разрешили работать в губернском городе до окончания дела. Губернское правление согласилось на это. Но оказалось, что арестованные рабочие были совершенно раздеты, на них не было ни одежды, ни обуви, а на дворе стояла суровая зима. Когда рабочим объявили о решении губернского начальства, «они вопреки изъявленного ими согласия отказались воспользоваться свободою и пожелали остаться в тюремном замке по той причине, что не имеют одежды».[2] Губернское начальство прекрасно знало, что рабочие раздеты. Но, делая «благородный» жест, согласилось на просьбу рабочих отнюдь не из благородства, не потому, что хотело как-то облегчить участь рабочих, а «в прекращении напрасной траты казенной суммы на их содержание»... Было предписано «смотрителю» симбирского тюремного замка снабдить их теплою казенною одеждою, какая окажется для них необходимою по зимнему времени на счет виновных».[3]

Рабочие решительно ни в чем не виновные, не хотели одевать арестантской одежды, тем более, что за нее они должны будут уплатить. «От принятия одежды, — говорится в документе, — они отказались, а вслед за тем симбирское городское полицейское управление представило в губернское правление их подпи-

---

[1] ГАУО, ф. 124, оп. 1, д. 809, л. 135—136.
[2] Там же, лист 137.
[3] ГАУО, фонд 124, опись 1, дело 809, лист 138.
[4] ГАУО, ф. 124, оп. 1, д. 809, л. 188.

ску, в которой они выразили, что *одежды не возьмут и на волю не пойдут, а куда хотят туда и девают*».[1]

Издевалось над рабочими губернское начальство. Фабрикант Акчурин также не унимался. Он продолжал настойчиво и мстительно преследовать рабочих, превратившихся из справедливых, законных обвинителей в незаконно обвиняемых. На имя губернатора от Акчурина поступила очередная жалоба на рабочих. Начальник губернии и этой кляузе фабриканта дал ход и направил в Старо-Тимошкино чиновника особых поручений Графа, о котором известный сатирик Минаев в «Губернской фотографии», характеризуя симбирское дворянско-чиновничье общество, сказал: «С кого начну? Хоть с фата Графа».[2]

И даже этот чиновник особых поручений, фат, вынужден был сообщить губернатору, что по собранным им сведениям «обнаружилось, что на фабрике Акчурина более всего обращено внимание на выгоды фабриканта и весьма немного на рабочих, которые при этом пользуются самым грубым обращением приказчика Патрикеева».[3]

Рабочие не сдавались, они отстаивали свои требования и 8 января 1864 года подали новое прошение в сенгилеевский суд, в котором снова и также веско обличали Акчурина в обмане и требовали «взыскать с него 200 руб. серебром каждому убытков».

В январе 1864 года начался пересмотр дела, тянувшийся несколько месяцев. Опять допросы, исследования, объяснения, очные ставки. Все было направлено к тому, чтобы обелить полностью Акчурина и очернить рабочих.

Во время последнего следствия выяснилось, что Акчурин и его приказчики занимались мордобитием, истязанием рабочих. Однажды рабочий Климов обратился к Акчурину старшему с жалобой на Акчурина младшего, но Акчурин приказал вывести жалобщика из конторы, добавив при этом: «хорошенько его». Когда Климов вышел в сени, приказчик Селихов «ударил его по уху толстою палкою, и она разлетелась на две, а потом кто-то ударил его в бок, от чего он едва мог дойти до кухни».[4]

Следует отметить, кроме всего прочего, еще и то, что сыновья Акчурина издевались над девушками-работницами, насиловали их. При расследовании таких фактов было установлено несколько[5]. Следствие шло, были пущены в ход кле-

---

[1] Там же. (Подчеркнуто мной — Н. Г.).
[2] Д. Д. Минаев. Стихотворения, Куйбышев, 1947, стр. 173.
[3] ГАУО, фонд 124, оп. 1, дело 809, лист 139.
[4] ГАУО, ф. 124, оп. 1, д. 809, л. 141.
[5] Там же, лист 141.

ветники, подставные свидетели, штрейкбрехеры и т. д. Все эти лица, покровительствуемые Акчуриным и следователями, показывали, конечно, только в пользу Акчурина, называя его фабрику чуть ли не райским местом на земле. Сам же Акчурин называл своих рабочих бунтовщиками, а также наделял их различными оскорбительными эпитетами. На одной очной ставке с рабочими он назвал их «мошеннической шайкой». Он начисто отрицал все, в чем его совершенно справедливо обвиняли рабочие.

Ровно через год закончилось следствие, и 30 июня 1864 года состоялся окончательный суд над рабочими.

Сенгилеевский уездный суд «по делу о самовольном прекращении московскими рабочими на фабрике купца Акчурина работ», на основании «законов» мнение своим «положил: бывших рабочих на фабрике купца Акчурина — Ивана Афанасьева с прочими в стачке между собою прекратить работы на фабрике, с целью вымогательства Акчурина по повышению им за день платы... оставить в сильном подозрении».[1]

Нанимаясь в Москве, рабочие надеялись получить сносный заработок и хотя бы немного улучшить свою жизнь, помочь своим семьям. С этой надеждой они оставили свои родные места и отправились в далекий и нелегкий путь до Старо-Тимошкинской фабрики. А в итоге лишений, холода и голода рабочие не только ничего не заработали, но прожили даже и то, что у них было, попали под суд, год просидели в тюрьме, и были «оставлены в сильном подозрении» по обвинению в целом ряде преступлений, которых они не совершили.

Но суд — охранитель самодержавных устоев и капиталистического рабства — не ограничился только указанным решением. Он пошел дальше. Чтобы прекратить даже малейшие попытки протеста рабочих, «пресечь зло в корне», суд в назидание другим постановил, конечно, подобрав «законное основание»: «А за сопротивление, оказанное ими губернскому начальству ..., Ивана Афанасьева, Владимира Лукьянова и Никифора Семенова, как зачинщиков и главных ходателей по сему делу... поместить в смирительный дом на два года, а затем всех прочих заключить в тюрьму на шесть месяцев, по истечении срока водворить в жительства».[2]

Но и этого мало для царских сатрапов. Им нужно было не только засудить, посадить рабочих в тюрьму, но и по выходе их на свободу заставить их работать бесплатно на тех же тюремщи-

[1] ГАУО, фонд 346, опись 5, дело 9, лист 1—3.
[2] ГАУО, фонд 340, опись 5, дело 9, лист 1—3.

ков и фабрикантов. В этом же решении значится: «И при том взыскать с них или их имений, взамен выданных им из казны на одежду, а также и на удовлетворение купца Акчурина деньги».[1] В решении точно поименованы «должники»-рабочие, кто и сколько из них каждый обязан был уплатить по выходе из тюрьмы. За одежду и питание в тюрьме со всех рабочих решено взыскать 1319 руб. 09 коп. или с каждого в среднем по 36 руб. Если перевести эту сумму на рабочее время, то окажется, что за то, что рабочие сидели в тюрьме, они должны были отработать казне около 7 месяцев.

Но даже и этим суд не ограничился. Он решил: «И сверх сего взыскать с них же по равной части порционные и прогонные деньги, выданные чиновнику особых поручений Графу».

Какое же мнение положил суд в отношении действительных преступников—фабрикантов Акчуриных? «Самого же Акчурина и сына его Василия Семенова по предмету обмана этих рабочих, 1-го в неотсылке к их жительств денег, а последнего в невыполнении сделанных будто бы с этими рабочими при ряде договоров... учинить от дела свободными, представя первому право просить на рабочих о взыскании с них убытков, понесенных от непроизводства фабричных работ этими рабочими..., а также представить право и поставщику харчей к-ну Демину Кондратьеву взыскать с рабочих за забранную провизию и начать особый иск»...[2]

Следственные материалы, даже подтасованные, собранные взяточниками, следователями, исправниками и другими полностью изобличали Акчуриных и в обмане рабочих, и в издевательстве над ними, и в беззастенчивом грабеже их, в побоях и во многих других преступлениях. И все же хозяева оказались «от дела свободными», т. е. полностью обеленными —правыми.

Своим решением царский суд благословил капиталистов Акчуриных на дальнейшую эксплоатацию рабочих и на мошенничества.

Это была расправа над рабочими, а не суд.

Дело о стачке рабочих на Старо-Тимошкинской фабрике рассматривал правительствующий сенат. Даже непосредственные и высокие защитники трона усмотрели в действиях симбирских гражданских властей существенные нарушения. «Что касается до обвинения губернским правлением рабочих людей в упорстве и неповиновении — правительствующий сенат находит

---

1 ГАУО, ф. 340, оп. 5, д. 9., л. 1—3.

2 Там же.

излишним назначать об этом следствие, так как отказ рабочих воспользоваться свободою из тюремного заключения объясняется бедственным положением, в которое они были поставлены».[1]

Однако и в сенатском решении не сказано ни слова о привлечении Акчурина к ответственности. Правительствующий сенат также предписал губернскому правлению, что «если в личности означенных рабочих людей при производстве дела не представляется надобности, и они притом остаются без всяких занятий, то выслать их в места жительства по этапу, не вроде арестантов, а независимо от сего принять меры к безотлагательному окончанию дела их с купцом Акчуриным».[2]

Решение сената состоялось в конце сентября 1864 года, а в Симбирске его получили в октябре того же года. Таким образом, сенатское решение пришло в Симбирск после того, как рабочие пробыли около 4-х месяцев в заключении, сверх того срока, какой они находились в нем во время следствия.

Документов о дальнейшей судьбе рабочих, к сожалению, не имеется.

Анализируя движение рабочих на фабрике Акчурина, прежде всего следует отметить стойкость, упорство рабочих. Вместе с этим чувствуется политическая незрелость рабочих, неорганизованность стачки, стихийность всего движения. Московские рабочие, хотя и были более сознательными, чем остальная масса рабочих фабрики, но они еще не сумели втянуть в борьбу всех рабочих, ограничившись только своими «артельными» требованиями. Московские рабочие — бывшие крестьяне еще не порвавшие связей с деревней, еще не изжившие своей крестьянской психологии. У них еще была глубокая вера в царя. в закон, вера в губернаторов, от которых рабочие ждали справедливости. Классовое сознание их было очень низким, оно было еще ниже у других рабочих акчуринской фабрики.

И это понятно: «русское движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме»,[3] рабочие еще не видели ясно методов борьбы и ее конечных целей.

И все же стачки являлись школой политического воспитания рабочих: «Итак, стачки, — писал В. И. Ленин в своей статье «О стачках», — приучают рабочих к объединению, стачки показывают им, что только сообща могут они вести борьбу против капиталистов, стачки научают рабочих думать о борьбе

---

[1] ГАУО, фонд 88, опись 27, дело 1398, лист 1—2, фонд 124; опись 1, дело 799, листы 570—573.

[2] Там же.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 236—237.

всего рабочего класса против всего класса фабрикантов и против самовластного, полицейского правительства».[1]

В. И. Ленин, хотя и придавал стачкам большое значение, в то же время говорил, что одними стачками нельзя добиться цели. «Стачки, это — *одно* из средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, но не единственное средство, и если рабочие не обратят внимания на другие средства борьбы, то они замедлят этим рост и успехи рабочего класса».[2]

Стачка на фабрике Акчурина в 1863 году носила стихийный характер, но она имела в жизни, в борьбе рабочих Симбирского края большое значение. «И примитивные бунты, — писал В. И. Ленин в работе «Что делать?», — выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством».[3] Развивая эту мысль, В. И. Ленин писал: «Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки».[4]

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IV, стр. 293.
[2] Там же.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 346—347.
[4] Там же, стр. 347.

И. Н. Трегубов,
доцент, кандидат экономических наук

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА И РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В конце прошлого века в гениальном труде «Развитие капитализма в России» и в статье «Некритическая критика» В. И. Ленин заложил основы учения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве: прусском и американском.

Это учение было развито В. И. Лениным в период первой русской революции 1905—1907 годов. Разработка этого очень важного вопроса именно в этот период объясняется тем обстоятельством, что аграрный вопрос являлся основой буржуазной революции в России. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России», написанном в 1907 году, В. И. Ленин писал:

«На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс, благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества».[1]

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 10—11, изд. 4.

Первый путь буржуазной аграрной эволюции В. И. Ленин назвал прусским путем, второй — американским, по названию тех стран, где они проявились наиболее ярко.

При прусском пути буржуазного развития сельского хозяйства, помещичьи хозяйства превращаются в буржуазные, которые постепенно заменяют крепостнические формы эксплоатации буржуазными.

Производство товаров в таких хозяйствах ведется ради прибыли. Конкуренция принуждает помещиков постепенно заменять малопроизводительный труд крестьян, которые обрабатывали нередко помещичьи поля своим примитивным инвентарем, трудом наемных рабочих.

В процессе превращения помещичьих хозяйств в буржуазные долгое время во всем хозяйственном строе сохраняются пережитки крепостничества, и прежде всего отработки и кабала, обусловленные наличием помещичьих латифундий.

Прусский тип буржуазной эволюции сельского хозяйства неизбежно порождает зависимость крестьянина, как мелкого земледельца от соседнего помещика, «который эксплуатирует его не только, как наемного рабочего (это уже начало капитализма), но именно как мелкого земледельца (это — продолжение барщины)».[1]

В центре России, где преобладал прусский путь развития сельского хозяйства, широко была распространена *отработочная система*, при которой крестьянин за клочок арендованной помещичьей земли обязан был своим примитивным инвентарем обрабатывать помещичье поле.

Отработочная система, представлявшая из себя не что иное, как «прямое продолжение и пережиток барщинной системы хозяйства», наряду с другими формами кабальной зависимости крестьян от помещиков (ссуда денег под работу, зимняя наемка и прочее), задерживала развитие производительных сил сельского хозяйства.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что крепостнические латифундии оказывают самое губительное влияние на развитие земледелия, на жизненный уровень крестьянских масс, на все общественное развитие.

Из-за крепостнических латифундий, которые держали русских крестьян в придавленном состоянии разложение крестьянства на пролетариат и буржуазию шло крайне медленно.

При американском пути развития капитализма в сельском хозяйстве «помещичьего хозяйства нет или оно разбивается ре-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 225, изд. 4.

волюцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья».[1]

Земля — основное средство производства в земледелии — переходит к крестьянам, и разложение последних на сельскохозяйственный пролетариат и сельскую буржуазию идет быстрыми темпами.

Основным содержанием американского типа буржуазной эволюции сельского хозяйства является превращение патриархальных крестьян (меньшей части) в буржуазных фермеров и большей части — в их батраков.

Развитие производительных сил при американском типе буржуазной эволюции сельского хозяйства совершается сравнительно быстро.

Оба пути капиталистического развития сельского хозяйства —и прусский и американский—ведут к обнищанию и разорению мелких и средних хозяйств, к превращению их владельцев в пролетариев. Но второй путь более приемлем для крестьян, чем первый. Если первый путь несет крестьянам отработки, кабалу, голодовки, нищенское убогое существование, массовое вымирание от систематического недоедания, то второй путь создает «наилучшие (какие только возможны вообще в обстановке товарного производства) условия существования крестьянской массы».[2]

В России шла длительная и упорная борьба между двумя путями развития капитализма в сельском хозяйстве—прусским и американским.

Помещики боролись за прусский путь аграрной эволюции, т. е. за сохранение своих имений, своих классовых привилегий, кабальных приемов эксплуатации, средневековых методов получения доходов.

Крестьяне боролись за американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, за уничтожение помещичьих латифундий и крепостнических кабальных приемов эксплоатации, за расширение свободного от средневековых пут крестьянского землевладения.

Вследствие подавления самодержавием революционных выступлений крестьянства против крепостного права накануне 1861 года и вследствие поражения первой русской революции преобладание получил прусский путь аграрной эволюции.

Только этим можно объяснить, что крепостнические латифундии — самая крепкая опора остатков крепостничества — со-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216, изд. 4.
[2] Там же, стр. 220.

хранились в России вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин указывал, что средневековым, феодальным является в России не только помещичье землевладение, но и надельное крестьянское землевладение.

Искусственное сохранение общины в России, с принудительным прикреплением крестьян к земле, с ограничением права выхода из общины и свободным перемещением по необъятным просторам России — несомненно являлось пережитком средневековья в капиталистической России.

Почему же самодержавие, отменив крепостное право, решило сохранить общинное земледелие? Для этого у него были немаловажные причины, как политического, так и экономического характера. Укажем некоторые из них, которые, по нашему мнению, являются наиболее важными.

1. За землю, которой пользовались крестьяне веками, они должны были платить огромные выкупные платежи, превышавшие рыночные цены на землю. Правительство, представлявшее интересы помещиков, не без основания опасалось, что крестьяне из-за высоких цен на землю, откажутся выкупать ее в собственность. Исходя из этого, самодержавие первоначально разрешило крестьянам выходить из общины лишь после уплаты выкупных платежей.

Один из наиболее крупных столпов самодержавия С. Ю. Витте писал, что, при сложившихся в России «условиях, когда арендовать землю можно было дешевле, чем платить за надельную, следовало ожидать массовых отказов крестьян от надела в период временно-обязанных отношений».[1]

И самодержавие сохранило прикрепление крестьян к земле, чтобы предупредить, как выразился Витте, «легкомысленный отказ от их драгоценного права, составляющего лучший залог обеспечения в будущем».[2]

2. «Общинное устройство, — как заявил накануне реформы председатель редакционных комиссий Ростовцев, — необходимо России, во-первых, потому, что народу нужна еще сильная власть, которая заменила бы власть помещика, а во-вторых, потому, что без мира помещик не собрал бы своих доходов ни

---

[1] Витте С. Ю. «Записка по крестьянскому делу» 1905 г., стр. 57 (издание неофициальное)

[2] Там же, стр. 58.

обреком, ни трудом, а правительство—своих податей и повинностей».[1]

В этих словах Ростовцева выражено коллективное мнение помещиков-крепостников.

3. Правящие круги решили сохранить общину с ее уравнительным землевладением, так как она, по их мнению, способна была предотвратить концентрацию надельных земель в руках зажиточного крестьянства на одном полюсе и образование пролетариата — на противоположном полюсе.

На примере Запада самодержавие видело какую опасность для общества, основанного на частной собственности на средства производства и эксплоатации человека человеком, представляет пролетариат — самый революционный класс общества. Боязнь пролетариата и неразрывно связанного с ним революционного движения побудила правительство изобрести такие средства, которые предотвратили бы появление пролетариата и его рост в России. Одним из таких простейших средств самодержавие считало сохранение общины.

4. Наконец, последней по счету, но не по важности, причиной сохранения общины является стремление помещиков обеспечить свои хозяйства дешевой рабочей силой. Община была сильным средством сохранения относительного перенаселения в деревне, в котором кровно были заинтересованы помещики.

В. И. Ленин указывал, что крестьянский «надел» является способом обеспечения помещика рабочими руками и не только рабочими руками, но и инвентарем, который как бы жалок он ни был, служил для обработки помещичьей земли.[2]

В декабре 1893 года правительство отменило вторую часть 165-ой статьи положения о выкупе земель, по которой крестьяне, уплатившие выкупные платежи, могли выделиться из общины. Витте, стоявший за сохранение общины, называл вторую часть 165-ой статьи опасной лазейкой, которая могла привести крестьян к «беспутью». Правительство решило закрыть эту лазейку. Выдел из общины был поставлен в зависимость от решения общего собрания членов общины (схода) и земского начальника.

Искусственное сохрание общины задерживало развитие производительных сил сельского хозяйства, замедляло темпы разложения крестьянства на пролетариат и буржуазию.

[1] Материалы редакционных комиссий, П. 1859 г. т. 1, кн. 1, стр. 250.
[2] В. И. Ленин. Соч. том 18, стр. 58, изд. 4.

Таким образом, политика самодержавия, проводившаяся в интересах класса помещиков, была реакционной политикой. Она шла в разрез с экономическими потребностями общества, задерживая его развитие.

Революция 1905—1907 гг. заставила самодержавие изменить свою аграрную политику. При этом правительство из одной крайности метнулось в другую крайность, а именно, от политики искусственного сохранения общины самодержавие перешло к политике искусственного ее разрушения.

Поворот в аграрной политике самодержавия был обусловлен революционными выступлениями пролетариата и его боевого союзника — крестьянства против помещиков и самодержавия.

Причина революционных выступлений крестьянства против своих угнетателей лежит в невероятно тяжелых условиях жизни крестьян, в их бесправии. Крестьяне Симбирской губернии были опутаны пережитками крепостничества больше, чем в какой-либо другой губернии России. В результате реформы 1861 г. у них отрезали только по официальным данным до 28% плодородных земель, а им оставили песочки и суглинки. И за эти песочки и суглинки крестьяне обязаны были платить огромные *выкупные платежи*.

Тяжелым бременем ложились на крестьянские хозяйства бесчисленные налоги и сборы. Они обязаны были платить государственный поземельный налог (39 копеек с десятины), земский сбор (14 копеек с десятины), мирской сбор (примерно 1 рубль с десятины).[1]

Принимая во внимание, что доход с одной десятины составлял в среднем 7 рублей, перечисленные налоги и сборы поглощали более 20% крестьянского бюджета.[2]

Малоземелье и нужда заставляли деревенскую бедноту арендовать земельные участки у помещиков. Последние же, пользуясь безвыходным положением крестьян, назначали непомерно высокую арендную плату в 12—13 рублей за десятину.[3]

Из-за плохого качества земли, низкой техники, отсталых приемов земледелия, в села Симбирской губернии очень часто приходили неурожайные годы и их неизбежные спутники-голодовки.

В церковных летописях, которые велись при каждой церкви консервативно настроенными священниками, отражена тяжелая жизнь крестьянства дореволюционной России. Даже верноподдан-

[1] Госархив Ульяновской обл. ф. 2, оп. 1. ед. хр. 8, 31 лист.
[2] Госархив Ульяновской обл. ф. 2, оп. 1. ед. хр. 8, 2 лист.
[3] Там же, фонд 2, опись 1, ед. хранения 2, лист 6.

нически настроенные к самодержавию священники не в состоянии были скрыть тяжелой нечеловеческой жизни крестьян Симбирской губернии.

Так, священник села Нечаевки, Карсунского уезда, в церковной летописи за 1903 год записал, что село постиг сильный недород хлеба.

«С начала осени, — писал он, — очень многие остались без куска хлеба, а потому в настоящее время прихожане большей частью довольствуются сборами насущного хлеба по добрым людям».[1]

За этими скупыми строками летописи стоят пухнущие от голода, умирающие от недоедания крестьяне и их дети, которые уже с осени не имели куска хлеба, чтобы поддержать свою жизнь.

Прошло только три года и тот же священник снова пишет о страшном несчастье, постигшем нечаевцев в 1906 году.

Вследствие неурожая в селе снова началась голодовка.

«Скотину большей частью продали, — пишет священник, — а оставшуюся скотину кормили соломой с крыш.. Купить было не на что, да и цена на корм-неимоверная... Народ большей частью уходил на заработки, но вскоре возвращался и оттуда без денег и без здоровья».[2]

Огромные подати и выкупные платежи, малоземелье, частые неурожаи, а вместе с ними и голодовки — вот те причины, которые побудили крестьян Симбирской губернии вместе со всем крестьянством России подняться на священную борьбу против самодержавия и помещиков за землю и волю.

Революционные выступления крестьян против самодержавно-помещичьего ига усилились в Симбирской губернии в конце 1905 г. под влиянием революционных выступлений пролетариата в промышленных центрах страны. Активные массовые выступления крестьян продолжались до середины 1907 года.

Главными причинами революционнных выступлений крестьян против помещиков и самодержавия, — как об этом сообщали добровольные корреспонденты Симбирской губернии в Вольно-экономическое общество, — были малоземелье, бедность и бесправие крестьянского сословия.

Крестьянским выступлениям способствовала большевистская

---

[1] Госархив Ульяновской обл. «Церковная летопись села Нечаевки, Карсунского уезда, Симбирской губернии за 1882—1913 гг. лист 55.

[2] Там же, 13 лист.

литература, попадавшая в деревню в виде газет, прокламаций, брошюр и т. д. Революционизирующее воздействие на крестьян оказывали агитаторы-большевики, работавшие среди крестьянских масс.

Влияние революционных идей на крестьянские массы, агитацию социал-демократов заметили даже симбирские помещики. Они писали царю, что крестьян поднимают на борьбу против существующего строя «освобожденные из заключения и вернувшиеся на родину лица, высланные за возбуждение населения к беспорядкам и за распространение вредных политических учений».[1]

Под влиянием большевистской агитации и пропаганды крестьяне Симбирской губернии собирались на сходки и выносили постановления, «... об учреждении демократической республики; о национализации частной земельной собственности и т. п.».[2]

Большевики звали крестьян к свержению самодержавия, уничтожению помещичьей собственности на землю, установлению демократической республики.

Большевистские лозунги находили живительную почву среди крестьянских масс.

И масса крестьян, — как об этом с горечью упоминают помещики в письме к царю, — «большей частью сельская молодежь, последовала призыву революционеров».[3]

Симбирские крестьяне, как и крестьяне других губерний, жгли помещичьи усадьбы, захватывали помещичьи и удельные земли, луга, леса, отказывались платить подати и налоги.

Крестьяне добивались изгнания помещиков из их имений и раздела помещичьих и удельных земель между крестьянской беднотой. «Земля—божий дар и должна принадлежать тем, кто на ней трудится, а не господам», — так писал в Вольно-экономическое общество корреспондент из Сызранского уезда, зная настроения широких масс крестьянства Симбирской губернии.

«Аграрные беспорядки», — т. е. революционные выступления крестьян против самодержавия, помещиков, носили повсеместный характер и охватили все уезды Симбирской губернии. Об этом прежде всего свидетельствуют многочисленные корреспонденции в Вольно-экономическое общество, об этом говорят и другие документы. Писарь Ардатовского уезда сообщал в Вольно-экономическое общество, что революционное движение крестьян носит характер... «протеста против сущест-

[1] «Аграрный вопрос в Совете Министров» М. Л. 1924 г., стр. 23.
[2] Там же, стр. 23.
[3] Там же, стр. 24.

вующего государственного строя, поддерживаемого, по мнению крестьян, помещиками».[1]

В Алатырском уезде выступления крестьян против помещиков начались с весны 1905 года и быстро распространились по всему уезду. Крестьяне самовольно рубили удельные и помещичьи леса, запахивали удельные и помещичьи земли, отказывались платить подати и налоги.

Корреспондент из Сызранского уезда писал, что аграрное движение в уезде началось осенью 1905 года. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы (Аскульская, Паньшинская и др. волости), увозили сено с помещичьих лугов, рубили помещичьи леса. Порубки леса происходили, прежде всего, в крупных имениях, как например, у князей Долгоруких, графа Орлова-Давыдова, у Самарина, Ушакова и других крупных помещиков, размер имений которых колебался от 6 до 30 тысяч десятин.

В Сенгилеевском уезде крестьяне села Чиркова, Чертановской волости в июле 1906 года сожгли усадьбу, уничтожили бахчу, порубили фруктовый сад. Во многих селениях Симбирской губернии крестьяне изгоняли из имений своих вековых поработителей-помещиков.

Крестьяне боролись против малоземелья, против голода и нищеты. Так например, крестьянам села Труслейки, Карсунского уезда, при передаче общинной земли в 1904 г. на каждую душу пришлось «по 13 сажень во всех 3-х полях», при этом земля «песчаная или очень плохая».

И в то время, как крестьяне голодали, испытывали острую нужду в лугах и лесах, рядом находилось удельное именье, в котором, по утверждению корреспондента, «гниет лес, пропадает трава и жолуди».

Весной 1907 года труслейские крестьяне, не взирая ни на что, начали производить в лесу, принадлежавшему уделу, массовую порубку леса. Против крестьян-порубщиков были вызваны казаки и рота солдат. Немедленно был созван сход, на котором от крестьян потребовали прекратить порубки и возвратить лес. Крестьяне отказались выполнить требование властей. Тогда мирный сход был «атакован» казаками. Началось избиение безоружных крестьян нагайками, оружием. В итоге этой «атаки» много крестьян было тяжело ранено и изувечено».[2]

---

[1] Аграрное движение в России в 1905—1906 гг. ч. 1, стр. 127.
[2] Там же, стр. 128.

Так слуги самодержавия и помещиков ликвидировали «аграрные беспорядки» и устанавливали «покой» в селениях Симбирской губернии.

Но крестьяне не всегда пассивно отступали перед вооруженными карателями. Вооружившись чем попало, — чаще всего топорами и вилами, реже охотничьими ружьями и самодельным огнестрельным оружием — крестьяне оказывали энергичное сопротивление правительственным войскам и казакам. Причем случалось, иногда, что плохо вооруженные крестьяне повергали в бегство вооруженные отряды правительства.

Об одном таком случае, происшедшем весной 1907 года, рассказывает «Волжский вестник». По словам газеты дело происходило следующим образом.

У крестьян села Анненково шли долгие споры с управляющим помещичьим именьем из-за прогона скота. Весной 1907 года, на пасху, крестьяне сняли загородь, поставленную по указанию управляющего на пути к выгону. Управляющий, увидев пасущийся крестьянский скот, распорядился загнать его к себе во двор. Узнав об этом, крестьяне ударили в набат и подступили к усадьбе. Однако управляющий успел скрыться. Возмущенные крестьяне избили до смерти попавшихся под руку помещика и урядника. Для усмирения восставших была вызвана стража. Стражники дали залп вверх, но крестьяне не испугались. Вооружившись кольями, вилами, они вступили в борьбу со стражниками. Опешивших карателей крестьяне загнали в сарай и обезоружили. В столкновении трое стражников были убиты. К ночи крестьяне разгромили помещичью усадьбу. Из Анненково движение немедленно перекинулось в соседние местности, в села Чуфарово, Насакино, Кротовку и другие селенья, где было уничтожено несколько помещичьих усадеб.[1]

Вследствие массовых выступлений крестьян против помещиков, Симбирская губерния была объявлена на положении усиленной охраны.

Некоторые крупные помещики, опасаясь разгрома своих имений, вызывали казаков, содержали их за свой счет в течение нескольких месяцев. Так, например, один из крупнейших помещиков Симбирской губернии граф Орлов-Давыдов содержал на свои средства отряд казаков на протяжении двух лет революции, до конца 1907 года.

---

[1] «Волжский вестник», 1907 г. апрель, описание изложенного события дается также в журнале «Образование» за 1907 г. № 8 стр. 16.

Эти факты говорят о том, что помещики чувствовали себя в своих родовых имениях, как в осажденных крепостях.

Напуганные ростом революционных выступлений крестьян, симбирские помещики собрались в декабре 1905 года на чрезвычайное собрание, на котором речь шла «о мерах к успокоению сельского населения».

Чрезвычайное собрание помещиков решило обратиться с письмом к царю, в котором оно жаловалось на «бесчинства, грабежи и погромы», «повсеместно» совершаемые крестьянами Симбирской губернии.

«В Симбирской губернии, — писали, напуганные до смерти, помещики царю, — разгромлен и разграблен целый ряд имений *во всех уездах*, в особенности же в уездах *Ардатовском, Алатырском,, Курмышском*».[1]

Помещики просили царя принять энергичные меры против революционных выступлений крестьян, которые «несомненно вызваны революционной крамолой».

Правительство не могло не реагировать на подобные письма помещиков, в которых сквозило опасение, что если правительство не примет срочные меры по усмирению «взбунтовавших мужиков», то в огне революции может сгореть весь помещичье-самодержавный строй.

Царскому правительству в море крови восставших удалось утопить первую русскую революцию. Тюрьмы и места ссылки были переполнены революционерами. Черносотенный террор свирепствовал во-всю. Царский министр Столыпин покрыл страну виселицами. Однако самодержавие хорошо понимало, что если и можно в нужный момент опереться на штыки, но усидеть на них продолжительное время совершенно невозможно.

«Подавляя революционное движение рабочих и крестьян,— говорится в сталинском Кратком курсе, — царское правительство не могло ограничиться одними репрессиями, карательными экспедициями, расстрелами, тюрьмой, каторгой».[2]

В целях ослабления и предотвращения возникновения революционного движения в будущем самодержавие вынуждено было прибегнуть к некоторым преобразованиям, в частности пересмотреть свою аграрную политику.

Инициатором преобразований явился Петр Столыпин — один из главных палачей первой русской революции.

Столыпин понимал, что наиболее больным вопросом в России является аграрный вопрос. Его врачеванием и занялся он

---

[1] «Аграрный вопрос в Совете Министров» М. Л. 1924 г., стр. 24.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 94.

в первую очередь. Правительство предприняло попытку решить аграрный вопрос по-помещичьи, ограничившись лишь ломкой средневекового крестьянского надельного землевладения, сохранив при этом средневековое помещичье землевладение, которое было главным тормозом в развитии производительных сил сельского хозяйства и которое, следовательно, в первую очередь требовалось упразднить.

Аграрную реформу Столыпин начал с разрушения общины.

«Каждому крестьянину предлагалось взять свой надел в личное владение, выделиться из общины».[1]

Крестьянин, выделившись из общины, мог свободно распоряжаться по своему усмотрению укрепленным участком земли, чего прежде, находясь в общине, он *не имел права делать.*

Столыпинская ломка общины способствовала захвату лучших общинных земель кулаками, которые выделяясь из общины, имели право получить хорошую землю в одном месте (отруб, хутор).

К кулакам же перешли и наделы деревенской бедноты. Последняя продавала свои «укрепленные» участки кулакам, так как не имела средств их обрабатывать.

В. И. Ленин в статье «Новая аграрная политика» писал: «Помещичья ломка старины означает насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков».[2]

Самодержавие, ломая общину, стремилось ускорить рост «новых помещиков» — кулаков, на которых можно было бы опираться в борьбе против революционных выступлений деревенской бедноты.

Таким образом, новая аграрная политика царского правительства была направлена на экспроприацию деревенской бедноты в пользу кулачества, на укрепление класса кулачества, на расширение социальной базы самодержавия в деревне, на сохранение крупного помещичьего землевладения.

Посмотрим, как происходила ломка общины в Симбирской губернии и какое она оказала влияние на процесс разложения крестьянства.

Осуществление столыпинской аграрной реформы было возложено на специально созданные для этой цели землеустроительные комиссии. Комиссии по землеустройству, или как их вскоре в народе прозвали, «комиссии по землерасстройству», представляли из себя государственные органы с широкими

---

[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 94.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 420, изд. 4.

почти неограниченными правами, на которые самодержавие возложило обязанность — упразднить любыми способами, в том числе, насильственными, фельдфебельскими методами крестьянскую общину.

Землеустроительная комиссия Симбирской губернии, как заявили сами ее члены, начала свою работу, «... при исключительных условиях тяжелого, смутного времени, когда под влиянием агитации, в народе распространялись слухи о даровой прирезке земли и права собственности не признавались».[1]

Крестьяне Симбирской губернии враждебно относились к столыпинской реформе и ее проводникам на местах—землеустроительным комиссиям. Столыпинское решение аграрного вопроса ни в какой мере не удовлетворяло крестьян. Крестьяне, выделяясь из общины, не получали «прирезки» земли, о которой они мечтали, и за которую они, борясь, проливали кровь. Реформа была направлена не на увеличение земли у крестьянской бедноты, а на сокращение.

Поэтому крестьяне игнорировали деятельность землеустроительных комиссий и земств, которым надлежало разрабатывать мероприятия «в целях оказания содействия стремлениям правительства к насаждению среди крестьян мелкой земельной собственности и постепенной ликвидации крестьянского общинного землевладения».[2]

Представители крестьян в губернской и уездных землеустроительных комиссиях не являлись на заседания комиссий, не видя в них абсолютно никакой пользы.

В делах Симбирской губернской землеустроительной комиссии имеется запись о том, что член губернской комиссии от крестьян Кочин в течение минувшего 1908 года являлся на заседание комиссии всего лишь один раз — в январе месяце. На этом основании комиссия решила «...назначенное вознаграждение за 1908 г. Кочину не выдавать».[3]

Уездные землеустроительные комиссии, признавая незначительные результаты своей работы за первый год действия столыпинского закона, указывали в своих отчетах в качестве основной причины на «...недоверие крестьян к новым улучшенным формам землепользования».[4]

Отношением крестьян к столыпинской реформе заинтересовалось Вольно-экономическое общество. На вопрос анкеты Воль-

---

[1] Справочная книга и адрес-календарь Симбирской губернии на 1910 г., стр. 233.

[2] Гос. архив Ульяновской обл. фонд № 2, опись 3, дело 3, лист 1.

[3] Там же, фонд 2, опись 3, дело 2, лист 45.

[4] Там же, фонд 2, опись 1. ед. хранения 10, лист 148.

но-экономическое общество, как крестьяне относятся к правительственным мероприятиям, один из корреспондентов Сызранского уезда ответил, что «к правительственным мероприятиям,— крестьянскому банку, землеустроительным комиссиям среди крестьян царит полное недоверие».[1]

Точно такой же ответ прислали в общество из Ардатовского уезда. Оттуда сообщалось, что правительственные мероприятия не внушают крестьянам «ни малейшего доверия».[2]

В Паньшинской волости, Сызранского уезда,—писал корреспондент в общество, — крестьяне говорят, что в банке и землеустроительных комиссиях «один обман», и что помещики желают вытянуть из крестьян последние соки».[3]

Из Аскульской волости, Сызранского уезда, сообщали в Вольно-экономическое общество, что крестьяне не пожелали выбирать своих представителей в землеустроительную комиссию.[4]

Таким образом, симбирские крестьяне, даже по утверждению корреспондентов, организацию землеустроительных комиссий не без основания рассматривали, как попытку помещиков выжать из крестьян последние соки. Не видя в деятельности комиссий ничего кроме обмана, крестьяне не пожелали принять участия в их работе. Бойкотирование деятельности землеустроительных комиссий является ярким показателем отрицательного отношения крестьян Симбирской губернии к столыпинской реформе.

Вольно-экономическое общество через посредство анкет пыталось также выяснить, какая форма землевладения — общинная или частновладельческая — выгоднее для крестьян.

На поставленный обществом вопрос: где лучше крестьянам в общине или вне ее, крестьянин Карсунского уезда, Симбирской губернии ответил: «Не знаем как лучше перейти, или же оставаться всем в общине? Как не думай, а с обеих сторон плохо, на одной десятине и в общине плохо и на отрубе».[5]

Ответ карсунского крестьянина выражал мнение о столыпинской реформе не только крестьян Симбирской губернии, но и крестьян всей России. Этим, между прочим, объясняется, что ответ карсунского крестьянина часто цитируется в нашей историко-экономической литературе.

Несмотря на отрицательное отношение крестьянской массы к

---

1 «Аграрное движение в России в 1905—6 гг.» част. 1, стр. 127 С. П. Б. 1908 г.

2 Там же, стр. 128.

3 Там же.

4 Там же.

5 Чернышев. «Община после 9 ноября 1906 года», Петроград, 1917 г.

столыпинской реформе, часть крестьян и в первую очередь крайние социальные группы общины—крестьянская буржуазия и пролетарии с наделами — использовали право выхода из общины и закрепили надельную землю в частную собственность.

Поспешили выделиться из общины и закрепить в частную собственность лучшие общинные земли зажиточные хозяйства. Правда, крестьяне, остающиеся в общине, пытались препятствовать захвату лучших общинных земель, но, как правило, безуспешно, так как зажиточных хозяев поддерживали землеустроительные комиссии и уездные съезды помещиков.

В Ульяновском архиве, в делах Симбирской губернской землеустроительной комиссии, имеется много документов, на которых обозначено: «Добровольного соглашения об условиях выдела между сторонами не последовало». Это значит, что выделяющиеся хозяйства требовали лучшей общинной земли, на что не могли согласиться остающиеся в общине крестьяне.

Так, например, в Ардатовском уезде кулаки стали захватывать лучшие общинные земли, пытаясь закрепить их в частную собственность. Крестьяне-общинники своего согласия на выдел не давали, точнее они соглашались на выдел, но не соглашались отдать лучшую землю выделяющимся.

Дело перешло на рассмотрение уездного съезда.

Ардатовский уездный съезд 9 июля 1909 года рассматривал конфликт, возникший между крестьянами, остающимися в общине и выделяющимися из нее.

На съездах видную роль играли земские начальники, стоявшие всегда на стороне зажиточных крестьян, всячески помогая им в грабеже общины.

Так было и на сей раз.

Земский начальник Гарыков, несмотря на энергичные протесты общинников, сообщил уездному съезду, что, по его мнению, «та часть надела, которую указывают просители, самая подходящая для выдела, так как не нарушает интересов общества».[1]

Хотя представители общины доказывали на съезде, что отвод лучшей общинной земли выделяющимся наносит большой ущерб крестьянам-общинникам, съезд все же, не считаясь с интересами общины, вынес решение: «выдел признать возможным».

Подобных случаев было очень много.

Приведем еще один пример. Зажиточные крестьяне Ардатовского уезда Ромоданов и Радюшкин захотели выделиться из общины и потребовали от общества, чтобы им был отведен уча-

---

[1] Гос. архив Ульяновской обл. Дело Симбирской губернской землеустроительной комиссии. Фонд № 2, опись 3, ед. хранение 4.

сток «Сосновский», отличающийся от других участков лучшим качеством земли.

Крестьяне отказались удовлетворить незаконные притязания на лучшую землю *Ромоданова* и *Радюшкина*.

Дело перешло на рассмотрение уездного съезда. Выделяющиеся заявили съезду, что участок «Сосновский» граничит с землями банка и они могут потом прикупить себе еще земли от банка. Однако уполномоченные общества своего согласия на проект отвода не дали, так как выделяющиеся претендовали на землю лучшего качества.

Помещики и чиновники, заседавшие на этих съездах, руководствовались не интересами большинства крестьян, а правительственными циркулярами, в которых предписывалось осуществлять мероприятия, направленные «к образованию поселкового и хуторского владения землей, могущего вызвать материальное благосостояние части крестьянского населения». Заметьте: «части(!) крестьянского населения». Столыпин прямо заявил, что он делает ставку на сильных!

И в данном случае съезд решил в пользу сильных. В решении съезда говорилось: «... Просители Ромоданов и Родюшкин сами идут навстречу этим благим начинаниям (т. е. правительственным мероприятия — И. Т.) и переход их от общинного пользования землей к хуторскому, должен быть признан весьма желательным».[1]

Итак, в тех случаях, когда крестьяне сопротивлялись захвату кулаками лучших общинных земель, или как это на официальном языке землеустроительных комиссий значилось: «добровольного соглашения об условиях выдела между сторонами не последовало», дело переходило в уездный съезд. Уездный съезд, руководствуясь правительственными циркулярами «всемерно содействовать... выполнению наиважнейшей государственной задачи — устройства крестьянских хозяйств на началах единоличного владения»,[2] всегда становился на сторону кулаков и выносил решения: «выдел признать возможным».

О случаях захвата лучших общинных земель кулаками сообщалось нередко и в печати. Так, в газете «Народные вести», издававшейся в Симбирске, была помещена заметка следующего содержания:

«В селе Камышенке около 15 семей пожелали выселиться на

---

[1] Гос. архив, фонд № 2, опись № 3, ед. хранения 4.

[2] Циркулярное письмо Симбирского губернатора Д. Н. Дубасова от 18 сентября 1909 г. см. Гос. архив Ульяновской обл. Дело Симбирской губернской землеустроительной комиссии. Фонд № 2, опись № 3, ед. хранения 4.

хутора и подали прошение в землеустроительную комиссию, прося вырезать им землю в местности, называемой «Ключи», принадлежащей обществу села Камышенки и считающейся у них лучшей землей.

Общественники сами имели право назначить участок и просить землеустроительную комиссию вырезать его для хуторян, но кто-то внушил крестьянам, что вызов землемера будет дорого стоить и прошение хуторян было удовлетворено, а общество лишилось лучшей земли. В общем крестьяне очень неодобрительно смотрят на выселяющихся на хутора своих общественников».[1]

Политика захвата лучших общинных земель кулаками не могла не вызвать и действительно вызвала сопротивление со стороны широких масс крестьянства. Однако правительство решительно встало на сторону кулаков, энергично помогая им разрушать общину и захватывать лучшие крестьянские земли.

Если в результате реформы 1861 года лучшие крестьянские земли были захвачены помещиками, то в результате столыпинской аграрной реформы лучшие общинные земли были захвачены кулаками.

Столыпинская реформа представляла собой новый значительный шаг в сторону массовой экспроприации, т. е. насильственного отделения крестьянства от основного средства производства в сельском хозяйстве — от земли.

Право выхода из общины и закрепления земли в частную собственность использовали не только зажиточные хозяйства, но и деревенская беднота. Бедняки, выделяясь из общины, преследовали совершенно другие цели, нежели представители крестьянской буржуазии. Пролетарии наделом «укрепляли» надельную землю в частную собственность, для того, чтобы продать ее.

Если нет в хозяйстве скота, сельскохозяйственного инвентаря, то такому «хозяину» земля уже не нужна. Он не в состоянии ее обработать. Его «пользование» «укрепленной» землей состояло в том, что он продавал ее, как правило, за бесценок, «хозяйственному мужику», т. е. зажиточному крестьянину.

При этом продавец земли превращался из пролетария с наделом в «чистого» пролетария — пролетария без надела.

По данным подворной переписи 1910—1911 годов у крестьян Симбирской губернии было зарегистрировано 631.520,5 земельных наделов, а из них укрепленных в частную собственность по закону 9 ноября 1906 г. — 90.522, т. е. 14,3% общего числа земельных наделов губернии.

[1] Газета «Народные вести» № 1 от 4 ноября 1911 г. Заметка подписана «Бывший».

Нужно считать, что за 5 летний срок действия столыпинского закона закреплено было в частную собственность сравнительно небольшое количество земельных наделов, хотя Симбирская губерния в этом отношении шла впереди многих губерний Поволжья.

Вследствие сопротивления крестьянства аграрной политике самодержавия разрушение общины шло не так быстро, как это хотелось бы правительству.

«Укрепленные» в частную собственность наделы беднота сплошь и рядом за бесценок продавала.

Как происходила продажа наделов по годам можно видеть из следующей таблицы:[1]

Продажа наделов по годам	до 1906 г.	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	В неизв. время	Всего продано наделов
Продано наделов	622	54	241	956	2282	2821	1300	3423	653	12.352
В 0/0 к итогу	5,0	0,5	2,0	7,7	18,5	22,8	10,5	27,7	5,3	100

Из приведенной таблицы видно, что начиная с 1906 г. после издания столыпинского закона продажа наделов в Симбирской губернии из года в год возрастала, за исключением 1911 г.[2] Особенно резко увеличилась продажа наделов в 1912 году. Объясняется это неурожаем и последовавшим за ним страшным голодом, который ускорил процесс розорения деревенской бедноты. За небольшой отрезок времени действия столыпинского закона (1906—12 гг.) деревенская беднота продала, по далеко не полным официальным данным около 12 тыс. наделов (11. 190), что составляет свыше 35 тысяч десятин земли.

До столыпинского закона продажа наделов была запрещена. Крестьянин-бедняк, не имея возможности обработать свой надел, мог сдать его в аренду, но не имел права продать его.

Общинное землеустройство в значительной степени задерживало процесс разложения крестьянства, но не исключало его, как это утверждали некоторые буржуазные экономисты.

Возможность закрепления надельной земли в частную собственность и возможность распоряжаться ею по своему усмот-

---

[1] «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г.», стр. 85.

[2] Данные за 1911 г. неполные, так как подворная перепись закончилась в основном в 1-ой половине 1911 года, данные за 2-ое полугодие сюда не вошли. Указанную цифру, по меньшей мере нужно удвоить.

рению привела к тому, что на земельный рынок была выброшена и общинная земля. Укрепленная в частную собственность общинная земля окончательно превратилась в товар, в предмет купли и продажи. Недвижимая собственность пришла в движение.

Что же побуждало крестьян Симбирской губернии продавать «укрепленные» участки?

О причине продажи наделов мы имеем много письменных сообщений от добровольных земских корреспондентов, а так же сообщений сельских старост. Несомненно, что сообщения сельских старост и добровольных корреспондентов носят субъективный характер. Но совокупность их показаний, в общем и целом, позволяет нам, в известной мере, правильно уловить основные причины, побуждавшие крестьян к продаже земли.

На разосланную симбирским земством анкету о причинах продажи надельной земли получены от добровольных корреспондентов следующие ответы:[1]

Причины продажи наделов	Число сообщений	В % к общему числу
1. Бесхозяйственность	162	26,9
2. Постоянный заработок на стороне	105	17,5
3. Отсутствие рабочей силы в семье	104	17,4
4. Переселение в Сибирь	75	12,5
5. Нужда, бедность	58	9,6
6. Разгульная жизнь, нерадение	41	6,8
7. Долги	31	5,1
8. Желание улучшить хозяйство	15	2,5
9. Переселение на хутора	4	0,7
10. Выход замуж в другие селенья	3	0,5
11. Малоземелье	3	0,5
	601	100

Из перечисленных причин продажи наделов можно выделить две основные причины:

Первая причина состояла в том, что обедневшие, разорившиеся, задолжавшие крестьяне не могли заниматься земледелием как самостоятельные хозяйства и вынуждены были полностью или частично, продать свои наделы. Сюда следует отнести: «бесхозяйственность», «постоянные заработки на стороне», «неимение рабочей силы в семье», «нужда», «бедность», «малоземелье», «долги» и др.

[1] «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г.» стр. 88, Симбирск, 1914 г.

Вторая причина продажи наделов коренным образом отличается от первой. Зажиточные крестьяне продавали наделы, чтобы завести хорошее хозяйство на хуторе. Некоторые зажиточные крестьяне продавали часть наделов, чтобы улучшить хозяйство на оставшейся земле.

С закреплением надельной земли в частную собственность значительно улучшился уход за землей в зажиточных хозяйствах.

У зажиточного крестьянина появилась уверенность, что произведенными капиталовложениями воспользуется он сам, а не другие лица. Вследствие большей затраты труда и капитала, даже с сократившихся земельных участков, крестьянская буржуазия получала больший урожай.

Таким образом, сокращение укрепленной в частную собственность надельной земли в зажиточных хозяйствах нередко означало не сокращение масштаба производства, а увеличение его.

Однако, крестьянская буржуазия к продаже наделов прибегала сравнительно редко. Чаще всего продавцами наделов выступали разорившиеся крестьяне.

Продажей надела получал свое логическое завершение процесс превращения крестьянина в пролетария.

Нижеприведенная таблица дает возможность представить, как шла распродажа надельной земли выделившимися из общины крестьянами.[1]

Группировка продавцов по доли проданных наделов	Число лиц продавших землю	В % к числу продав.	Число проданных наделов	В % к общему числу наделов
Продали всю надельную землю.	2 052	78,7	3.216,5	83,7
Продали более половины земли.	70	2,7	135,5	3,5
Продали менее половины земли.	486	18,6	419	12,8

Таким образом, среди продавцов наделов преобладали такие хозяева, которые полностью, продав землю, окончательно ликвидировали свое хозяйство.

О продаже надельной земли деревенской беднотой сообщают земству многие добровольные корреспонденты.

Так, из Сызранского уезда, Паньшинской волости корреспондент Королев И. М. пишет: «Заставила продать надельную

[1] Таблица заимствована из статистического ежегодника по Симбирской губернии за 1912 г.

землю нужда, вследствие постигшего в 1911 г. неурожая и недорода в 1912 г. всех хлебов».[1]

Ту же причину указывает корреспондент Кузнецов из Карсунского уезда, Каргинской волости: «Некоторых заставляет нужда: продают землю, надеясь произвести расчет с нуждой, но, конечно, ошибаются: нужда еще крепче садится на шею».[2]

Таким образом, продажа части надельной земли являлась у бедняков первым шагом по пути окончательной ликвидации хозяйства.

Очень часто деревенская беднота продавала свои наделы из-за малоземелья.

«Продают землю ввиду того, что прокормить свою семью на такой безделице невозможно»,—сообщает корреспондент Тарасов из Карсунского уезда, Уренско-Карлинской волости.[3]

Корреспондент Тюрин из Алатырского уезда пишет: «Продают более по бесхозяйственности и за неимением дохода с земли; продают те, у которых лишь один надел...»[4].

Многие продавали закрепленные в частную собственность наделы, надеясь на вырученные средства переселиться за Урал, на свободные земли.

Так, корреспондент Антонов из Буинского уезда, Тархановской волости, пишет: «Многие крестьяне нашего села и окрестных переселяются за Урал, почему продают укрепленную землю навечно».[5]

Корреспондент Можаев (Ардатовский уезд, Козловская волость) также сообщает, что надельную землю «продают те лица, которые намерены переселиться в Сибирь».[6]

Об этом же сообщает корреспондент Ибрагимов из Симбирского уезда, Никулинской волости: «Продают свои наделы более всего проживающие на стороне и переселившиеся в Сибирь».[7]

Столыпинская аграрная реформа усилила поток переселенцев из Симбирской губернии в Сибирь.

Переселение крестьян на свободные земли, как это блестяще доказал В. И. Ленин в своем гениальном труде «Развитие капитализма в России», является значительным фактором, который ускоряет процесс разложения крестьянства.

---

[1] «Статистический ежегодник по Симбирской губ. за 1912 г.» стр. 91.
[2] Там же, стр. 91.
[3] Там же, стр. 91.
[4] Там же, стр. 90.
[5] Там же, стр. 91.
[6] Там же, стр. 91.
[7] Там же, стр. 90.

Чтобы переселиться и завести хозяйство на свободной земле, нужны средства, которыми располагали, главным образом, середняки. Переселение середняков на новые земли способствовало «вымыванию» средних слоев крестьянства и, следовательно, росту крайних полюсов в деревне — крестьянского пролетариата и крестьянской буржуазии.

Столыпинская реформа увеличила количество переселенцев из числа бедняков, которые, продав свои наделы, выручали некоторую сумму денег, достаточную, по их мнению, чтобы переселиться в Сибирь и на свободной земле завести свое собственное хозяйство.

Иллюзии бедняков быстро рассеивались при первом столкновении с действительностью.

Очень многие переселенцы, не устроившись в Сибири, возвращались обратно в Симбирскую губернию совершенно без средств, пополняя ряды пролетариата.

Каков же источник существования у окончательно «раскрестьянившихся», т. е. продавших свои наделы крестьян?

Ответ на этот вопрос дает нижеследующая таблица, составленная Симбирским земством по сообщениям добровольных корреспондентов.[1]

Продавшие наделы	Число ответов	В % к общему числу
1. Уходят на заработки на сторону	149	32,8
2. Ищут заработков на месте	89	19,6
3. Переселяются в Сибирь	109	24,0
4. Переселяются в своей губернии на хутора	14	3,1
5. Нищенствуют, бродяжничают	44	9,7
6. Живут на вырученные от продажи земли деньги	32	7,0
7. Обрабатывают оставшуюся от продажи землю	14	3,1
8. Вышли замуж или в зятья	3	0,7
ИТОГО:	**454**	**100,0**

Из перечисленных ответов видно, что большинство крестьян, распродав землю, превратилось в «чистых» пролетариев, источником существования которых является продажа единственного товара, которым они обладают — своей рабочей силы.

Значительная часть деревенских пролетариев уходила в города, где она рассчитывала найти постоянную работу. Другие оставались в деревне. О чрезвычайно тяжелом положении про-

[1] «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г.», стр. 93.

летариев, оставшихся в деревне, рассказывают в своих ответах земству многие корреспонденты.

Так, корреспондент Борисов из Симбирского уезда пишет: «Некоторые постоянно живут на стороне, а некоторые остались в обществе и живут заработками. Последние живут плохо, чуть не христовым именем кормятся».

«Есть такие крестьяне, — сообщает Кузнецов из Карсунского уезда, — которые, продав свой душевой надел богатому мужику, сами идут к нему же в работники».

Корреспондент Демкин из Карсунского уезда пишет: «Продавшие свои наделы нанимаются в работники и ходят на отхожие заработки».

«Живут крайне бедно и пасут скот», — сообщает учитель Ермилин из Курмышского уезда про крестьян, распродавших наделы.

Корреспондент Съедулин из Сызранского уезда, Томашевской волости, сообщает, что крестьяне, продавшие наделы, «уходят на сторону в города, на фабрики, некоторые работают на месте».

Из Сенгилеевского уезда корреспондент писал: «Ищут заработков, уходя на сторону, а при неимении таковых занимаются сбором милостыни...»[1]

В крайне тяжёлое положение попали обезземелившиеся пролетарии. Не находя заработков на месте, они пытались найти их на стороне. Но и «на стороне», т. е. в городах, неграмотные; неквалифицированные жители деревни не всегда могли найти работу.

Возвратившись в деревню некоторые из них, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были прибегнуть к нищенству.

Количество нищих после издания столыпинского закона так увеличилось, что земская статистика стала включать их при переписях в число «промышленников», т. е. лиц, занимающихся промыслами. Таким образом, нищенство официально было узаконено в России как промысел, как профессия.

Посмотрим теперь, кому же деревенская беднота продавала свои участки, кто выступал в роли собирателей наделов?

Нижеприведенная таблица дает нам ответ на поставленный вопрос.[2]

---

[1] Ответы корреспондентов взяты из «Статистического ежегодника по Симбирской губернии за 1912 г.» стр. 93—95.

[2] «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г.» стр. 96. Приведенные в таблице данные относятся к 1912 г.

Покупатели наделов	% покупщиков	% купленных наделов
1. Крестьяне своих общин:		
а) наличные	88,0	85,2
б) отсутствующие	0,7	0,7
2. Крестьяне чужих общин	6,4	7,9
3. Посторонние	4,9	6,2

Из таблицы видно, что покупателями наделов были крестьяне своих же общин, свои же односельчане и в меньшей степени крестьяне из чужих, главным образом, соседних общин.

К какой же социально-экономической группе можно отнести покупателей надельной земли? Ответом на поставленный вопрос служит следующая таблица:

Группы хоз-в по размерам посевной площади	Надельн. хоз/в 7 уезд/	Всего хоз-в в купл. недел	В % к проч. по группе	Площадь на купл. надельн. земли (дес.)
1. Несеющие	11,739	68	0,7	1146,8
2. Засевающие до 1 дес.	11,440	15	0,1	29,7
3. » от 1—2 дес.	35,818	86	0,2	255,3
4. » от 1—4 »	68,716	320	0,5	1203,0
5. » от 4—6 »	43,901	484	1,1	2008,3
6. » от 6—8 »	24,215	419	1,7	2159,6
7. » от 8—10 »	12,784	314	2,5	1699,4
8. » от 10—15 »	13,370	561	4,2	3630,2
9. » от 15 и более	6,633	621	9,4	8505,1
Итого по 7 уездам	228616	2888	1,3	20637,4

Сравним для большей наглядности вторую группу «хозяйств», куда вошли «крестьяне», засевающие до 1 десятины, с последней группой зажиточных хозяев, имеющих 15 и более десятин посева.

Нет необходимости доказывать, что наибольшую потребность в земле испытывают хозяйства второй группы, но землю покупают из них очень немногие. Из 11,5 тыс. пролетариев с крошечным наделом купили надельную землю только 15 хозяйств в общей сложности около 30 дес., следовательно, менее 2-х дес. на одно хозяйство.

Таблица имеет тот недостаток, что не показывает, какое количество хозяйств в каждой группе продало землю. Если бы такая графа была в таблице, то мы наверняка увидели бы, что землю продали из второй группы значительно больше чем 15 хозяйств.

В последней же группе хозяйств землю купили 621 хозяин, почти десятая часть хозяев группы. При этом на одно хозяйство приходилось купленной надельной земли около 14 десятин.

Таким образом, в роли собирателей наделов выступили зажиточные крестьяне. Столыпинская земельная реформа помогла им по дешевке скупить у деревенской бедноты наделы, значительно увеличив свои посевные площади.

Процесс концентрации надельных земель в руках зажиточного крестьянства происходил внутри общины и до столыпинского закона 9 ноября 1906 г. Однако общинное землевладение тормозило переход надельной земли от бедноты к кулачеству. Возможность закрепления общинной земли в частную собственность и свобода отчуждения закрепленной земли значительно ускорили процесс концентрации надельных земель в руках зажиточного крестьянства. О процессе мобилизации надельной земли в руках зажиточного крестьянства свидетельствует простое сопоставление числа продавцов и покупателей земли.

Так, в Симбирской губернии к 1913 г. зарегистрировано было статистикой 8.362 продавца надельной земли, тогда как покупателей было зарегистрировано всего лишь 6.843. Следовательно, за небольшой отрезок времени число владельцев надельной земли сократилось по Симбирской губернии почти на 1,5 тыс.[1]

В действительности же число покупателей наделов, согласно сообщениям корреспондентов, значительно меньше указанной цифры.

Объясняется это, во-первых, тем обстоятельством, что одни и те же скупщики, покупая землю в разных крестьянских общинах, учитывались как разные лица.

Во-вторых, согласно закону об ограничении покупки наделов одним и тем же лицом, крупные кулаки стали приобретать надельную землю через посредство других лиц, например, на имя членов семьи, родственников, близких знакомых.

О подобных фактах, имевших место в селах Симбирской губернии, сообщали в земство многие добровольные корреспонденты. Так, корреспондент Петров из Буинского уезда, Бурундукской волости, пишет, что «крестьяне-скупщики деревни Кищак теперь покупают землю уже на имя членов своей семьи, преимущественно сыновей».[2]

Корреспондент Захаров из того же уезда сообщает, что некий

---

[1] «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 год», стр. 97.

[2] Там же, стр. 100.

Макарычев «накупил на свое имя установленное количество земли и теперь начал покупать на имя жены».[1]

Учитель Никаноров из Мемуршинской волости того же уезда сообщает о том, что местный скупщик приобрел на свое имя «около 15 наделов и на имя жены столько же».[2]

В. И. Ленин в статье «Мобилизация крестьянских земель», заклеймил крепостнические действия царских чиновников, которые ограничивали или запрещали мобилизацию крестьянских земель.

«С точки зрения демократии, — писал В. И. Ленин, — одно уже допущение мысли о том, что крестьянам —взрослым людям и полноправным гражданам — можно запрещать или затруднять продажу их земли, является самым бесстыдным издевательством над крестьянами».[3]

Но ограничение мобилизации крестьянских земель представляет большой вред развитию сельского хозяйства, так как задерживает рост крупно капиталистических хозяйств в земледелии. «При сколько-нибудь сносных условиях жизни, — писал В. И. Ленин, — никогда крестьянин не продает своей земли. А если нужда или другие условия (переселение, смерть работника и т. п.) *заставляют* продать, то *никакой закон* не удержит. Закон всегда будут обходить, и запрещения только ухудшат условия продажи земли».[4]

Мы уже видели, как зажиточные крестьяне Симбирской губернии различными путями обходили закон от 14 июня 1910 г., который запрещал крестьянам скупать свыше 6 наделов. Рассмотренные нами примеры являются добавочными иллюстрациями к глубоко верным положениям В. И. Ленина, что никакие законы в капиталистическом обществе не могут приостановить мобилизации наделов, ибо распределение земли среди крестьян, не может происходить иначе как по капиталу.

В зависимости от размера капитала крестьянская буржуазия расширяет свое землевладение путем скупки наделов у деревенской бедноты.

Большинство корреспондентов в своих сообщениях земству указывает, что скупка наделов происходит с целью увеличения размеров производства.

Так, корреспондент Бурлаков Д. С. из Симбирского уезда, Те-

---

1 «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 год», стр. 100.

2 Там же, стр. 100.

3 В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 504, изд. 4.

4 Там же, стр. 504.

тюшинской волости, писал: «Крестьянин Малого Сиуча, Тагаевской волости, М. Г. Вехов скупил до 130 дес. и засевает все сам, в аренду не сдает».[1]

Указание корреспондента, «засевает все сам» не следует понимать, что вся обработка поля производится руками хозяина и членов его семьи. При таких размерах производства совершенно невозможно обойтись без наемного труда. Перед нами — капиталистическое предприятие, где производство ведется с помощью наемных рабочих. Цель производства — получение прибыли.

Корреспондент Кочетков из Сызранского уезда, Старо-Рачейской волости пишет. «Крестьяне, купившие наделы, — местные жители. Василий Миронов купил 10 наделов, Андрей Чирков 10 наделов... обрабатывают сами».[2]

Однако, некоторая часть деревенских богатеев, как это видно из ответов добровольных корреспондентов, скупленные наделы, полностью или частично, сдавала в аренду.

Корреспондент Кузнецов из Ардатовского уезда, Бузавской волости, сообщает, что наделы «покупают кулаки местные жители; часть земли обрабатывают сами, а часть сдают в аренду местным жителям по цене 20 руб. за один посев за десятину».[3]

Корреспондент Ломовцев из Симбирского уезда пишет: «В селе Салдатской Ташле крестьянин Александр Нестеров имеет купленных наделов до 20 и хутор. Наделы ежегодно сдает в аренду».[4]

Среди покупателей наделов имелись и перекупщики. О существовании последних в Симбирской губернии сообщает корреспондент Клюшников из Ардатовского уезда. «В деревне Княжухе, — пишет он, — П. С. Киселев скупил 6 наделов; из них 1 надел продал за 240 руб., а купил его за 180 руб.»[5]. Однако, сообщений о перекупщиках наделов, спекулировавших землей, не много. Из этого можно сделать вывод, что спекуляция наделами в Симбирской губернии не получила широкого распространения.

Среди скупщиков наделов было немало таких, которые земледелие сочетали с торгово-промышленной деятельностью.

Корреспондент Авров из Ардатовского уезда писал: «В Та-

---

[1] «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г.» стр. 104.

[2] Там же, стр. 105.

[3] Там же, стр. 104.

[4] Там же, стр. 104.

[5] Там же, стр. 104.

лызине один «собиратель земли» имеет ресторан, другой — ведет торговлю. Скупил свыше 10 наделов и еще скупает».[1]

Значительная часть собирателей земли купленную землю не обрабатывала, а сдавала ее в аренду. Пользуясь крестьянским малоземельем, арендную плату они устанавливали в 2—3 раза выше средней арендной платы от губернии. Некоторые кулаки прибегали к испольщине, требуя от арендатора взамен предоставленной в пользование земли, части урожая и выполнения некоторых работ в хозяйстве кулака. Корреспондент Черников из Сенгилеевского уезда, Новодевичьей волости, пишет: «В других селениях есть «собиратели земли», которые сами живут белоручками, а купленную землю сдают в аренду по цене вдвое увеличенной, или же сдают исполу, получая от испольщика чистое зерно, при этом выговаривают еще от испольщика какую-либо услугу, например, подводы в город, работы при доме и т. д.[2]

«...Столыпинская ломка, — писал В. И. Ленин, — не может устранить кабалы и отработков».[3]

В обществе, где капиталистические производственные отношения придавлены пережитками крепостничества, неизбежно сохранение отработков, испольщины и других форм кабальной зависимости мелкого земледельца от крупного земельного собственника.

В Симбирской губернии в огромной степени обремененной пережитками средневековья имелись такие кулаки, которые «действовали» как помещики, по-крепостнически эксплоатируя задавленного нуждой, голодного крестьянина.

Столыпинская аграрная реформа не упразднила в Симбирской губернии пережитков крепостничества, не уничтожила отработков и кабалы. Она не улучшила, а ухудшила положение деревенской бедноты, не усилила, а ослабила большинство середняцких хозяйств.

Подавляющему большинству крестьян Симбирской губернии столыпинская реформа принесла неисчислимые бедствия и страдания.

Особенно тяжелым было положение крестьян в неурожайные годы.

Издававшаяся в Симбирске газета «Народные вести», в заметке «Из голодных мест», сообщала о невыносимо тяжелом положении крестьян Поволжья в неурожайном 1911 году.

---

[1] «Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г.», стр. 104.

[2] Там же, стр. 104.

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 131, изд. 4-ое.

В ней дается описание одной из башкирских деревень. «В деревне, состоящей из 120—150 дворов, в 10—12 еще есть хлеб; остальные буквально сидят без куска. Пробовали собирать милостыню.

— Обойдешь две—три деревни за день; подадут кусок—два. Сами голодные сидят».

Голод заставляет распродавать сельскохозяйственный инвентарь, скот.

В той же заметке сообщается: «Местные кулаки дают за лошадь 3—4 рубля; это едва-едва 3 пуда хлеба. Семье на месяц нехватит, если в проголодь есть. Но выхода нет и лошадь идет кулаку.

— Уж не до хлеба. Хоть бы лебеды... И та восемь гривен пуд. Да еще и её поискать надо».

Автор заметки сообщает, что и из других деревень идут подобные вести: «Сидят без хлеба. Распродают последний живой и мертвый инвентарь. Все заработанные на общественных работах деньги прожиты. Положение ухудшается с каждым днем».[1]

Страшные бедствия, незнакомые крестьянству Западной Европы со времен средних веков, испытывали крестьяне Поволжья в голодные годы.

Эти голодовки представляли собой результат столыпинской перестройки деревни.

В проекте резолюции о задачах социал-демократов в борьбе с голодом В. И. Ленин в 1912 году писал: «...Настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков...»[2]

В. И. Ленин в голодовках видел одну из ярких форм проявления провала аграрной политики Столыпина.

Частые голодовки являлись следствием экономической отсталости сельского хозяйства, и в то же время они были причиной, которая ускорила процесс пролетаризации крестьянства.

Однако положение крестьян было тяжелым не только в неурожайные годы. Симбирская газета «Волжские вести» в заметке от 18 декабря 1912 г. писала о тяжелом положении крестьян и в урожайные годы.

«Несколько уже годов подряд были неурожайные годы, и в

---

[1] Газета «Народные вести», № 1 от 4 ноября 1911 г.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 410, изд. 4-ое.

эти-то вот годы мужик до того себя и свое хозяйство подорвал, что и представить трудно. Во время голодных годов мужик промотал не только лишние, но и необходимые в домашнем обиходе предметы; так же распродана вся скотина. Кроме того, масса задолженности в такие годы и казне. Теперь у крестьян за несколько лет неоплачены подати, не только поземельные казенные оклады, но и мирские. В особенности много задолженности имперскому (продовольственному) капиталу. Все это лежит на обязанности мужика. У некоторых крестьян числится долгу имперскому капиталу более 200 руб., да и недоимки около 100 руб. Текущий же 1912 г. считается плодородным *по урожаю хлебов, но этот урожайный год—год трудный и тяжелый для крестьян,* потому что в нынешнем году с мужика берут все подати, недоимки имперскому капиталу, в общественные магазины и т. д. Словом, собирают теперь с крестьян все, что он мог задолжать в голодные годы. Благодаря крайней принудительности сборов податей и недоимок теперь большинство крестьян распродало не только лишний, но и необходимый семенной хлеб...»[1]

Таким образом, и урожайный год, — год благоприятный в сельскохозяйственном отношении, — не приводил к сколько-нибудь заметному улучшению положения крестьян. Как и в голодный год, они вынуждены продавать еще уцелевший скот,
сельскохозяйственном отношении, — не приводил к сколько-
возможность прокормить себя и рассчитаться с многочисленными податями, налогами и долгами, накопившимися в неурожайные годы.

Следовательно, тяжелое положение крестьян Симбирской губернии представляло собой в дореволюционной России перманентное состояние.

Столыпинская аграрная реформа не укрепила социальной базы самодержавия в деревне. Она ухудшила положение малоземельных крестьян и вместе с тем революционизировала их.

Деревенская беднота и малоземельные крестьяне повели активную борьбу как против старых, так и против «новых помещиков» — кулаков.

Таким образом, ближайшим последствием столыпинской аграрной реформы явилось обострение классовой борьбы в деревне.

В. И. Ленин, заканчивая статью «Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы» писал: «И еще неизвестно, не научит ли русский народ столыпинская ломка, как

---

[1] Газета «Волжский вестник». № 1. 087 от 18 декабря 1912 г.

следует производить более решительную ломку. Учит она этому несомненно. Научит ли, — поживем, увидим».[1]

Мы теперь знаем, что крестьянство, руководимое пролетариатом, поняло, как следует решительно производить ломку всего старого, отжившего, что мешает народу идти к светлому будущему.

Свое уменье ломать отжившее, старое трудящиеся массы России под руководством коммунистической партии показали в Великой Октябрьской социалистической революции.

В послеоктябрьский период трудящиеся Советского Союза, руководимые великой партией Ленина—Сталина, показали народам всего мира, что помимо двух буржуазных путей развития сельского хозяйства—прусского и американского — существует *качественно новый*, советский, социалистический путь развития сельского хозяйства, который состоит в добровольном объединении крестьянских хозяйств в производственные кооперации, основанные на коллективном владении средствами производства и совместном труде.

Социалистический путь развития сельского хозяйства принципиально отличается от буржуазных путей развития сельского хозяйства.

Если буржуазные пути развития сельского хозяйства — прусский и американский — ведут к обнищанию мелких и средних крестьянских хозяйств, то социалистический путь развития сельского хозяйства ведет к улучшению материального положения крестьян, к повышению их культурного уровня.

Богатый опыт, накопленный народами Советского Союза в борьбе за построение и укрепление колхозного строя, успешно применяется в странах народной демократии, прочно вставших на светлый путь строительства социализма.

Народы Советского Союза — авангард прогрессивного человечества — руководимые великой партией Ленина—Сталина, твердой поступью идут к коммунизму, служа примером для трудящихся всего мира, как нужно строить счастливую жизнь.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 131.

П. Бейсов,
доцент, кандидат филологических наук

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ВЛАДИМИРА РАЕВСКОГО*

В декабре 1950 года исполнилось 125 лет со дня восстания декабристов. «Лучшие люди из дворян», так называет В. И. Ленин декабристов, выступили против разлагающегося феодально-крепостнического строя, против крепостного права и самодержавия.

В. И. Ленин в статьях «Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительном движении» и «Из прошлого рабочей печати» начинает периодизацию русского революционного движения с декабристов. Он указывает на то, что этот этап революционного движения сменяется этапом разночинским и, наконец, эпохой революционного движения пролетариата. «...Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции, — писал В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена». — Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году».

Начиная периодизацию русского революционного движения, В. И. Ленин указывает на то, что выступление декабристов было первым революционным движением против царизма, в котором приняли участие «лучшие люди из дворян», «дворянские революционеры».[1]

*) Статья написана на основании материалов, опубликованных автором в «Пушкинском юбилейном сборнике», Ульяновск, 1949, стр. 210—346.

Одним из ярких революционеров дворян был Владимир Федосеевич Раевский, вошедший в историю декабристского движения под именем «первого декабриста». Кишиневский друг Пушкина, единомышленник Пестеля был не только видным революционным деятелем первого этапа освободительного движения, но также незаурядным представителем русского материализма 10—20-х годов XIX века, крупным поэтом и публицистом.

Большинство его произведений было написано в крепости и в сибирской ссылке. Это во многом определило судьбу литературного наследства «первого декабриста» и наложило отпечаток на изучение его творчества. Произведения декабриста, написанные в крепости и в Сибири, в ссылке, не могли появиться в печати, а распространялись рукописным путем. Они стали достоянием потаенной русской литературы. Николай I и Бенкендорф вели решительную борьбу против поэзии Раевского, которая оказывала «живое и молодящее влияние» на русское общество. Об этом свидетельствуют архивы жандармского управления, судебные дела, в которых долгое время находился литературный архив декабриста. Раевский был погребен в Сибири. Его имя было вычеркнуто из жизни. Молчание о нем нарушил Герцен, который в «Рассказах о временах Николая», напечатанных в «Полярной звезде на 1862 год», дал описание дела братьев Раевских, Владимира и Григория, поддержав этим декабриста в его борьбе против реакционных сил Сибири, против Бакунина. После смерти Раевского появляются скупые биографические сообщения о нем и публикуются некоторые его произведения, изуродование цензурой. Работа П. Е. Щеголева, первого биографа декабриста, появившаяся в 1903 году, крупный вклад в дело изучения В. Ф. Раевского, но в ней использован далеко не весь материал, а о литературной деятельности сказано только на основании изуродованных цензурой произведений Раевского, напечатанных в «Русской старине».

Попытка в 1904 году популяризировать материалы «Полярной звезды» окончилась неудачей. Книга «Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских. Политические процессы Николаевской эпохи», в которой воспроизводился материал из вольной русской печати, была присуждена к уничтожению. Цензура нашла, что предисловие к этой книге «носит явные признаки дерзостного неуважения к верховной власти». Материалы о первом декабристе оставались под запретом.

Работа советских литературоведов была направлена на разрешение текстологической проблемы, которая в основном разрешена. Это дает возможность раскрыть значение Раевского в истории

русской литературы, в истории русской общественной мысли и этим исправить историческую несправедливость, которая выпала на долю непреклонного борца-революционера и талантливого «певца в темнице».

* * *

Владимир Федосеевич Раевский родился 28 марта 1795 года в с. Хворостянке, Новооскольского уезда, Курской губернии, в семье отставного майора Екатерининской службы. По словам сына отец его был человеком живого ума, деятельный враг насилия. Это была незаурядная семья. Сам глава семьи был не только общественным деятелем, но пробовал свои силы в литературе. Стихи старшего сына, Андрея Федосеевича, печатались в «Вестнике Европы», «Украинском журнале», альманахе «Венера». Младший сын Григорий тоже занимался литературой: писал стихи и делал переводы из Гете. Петр также не чуждался литературы. Образование Раевский получил в Московском благородном университетском пансионе, который оказал благотворное влияние на его духовное развитие. В пансион он поступил в 1803 г. и был в нем до 1811 года, а потом перешел в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе.

Пансион был тесно связан с жизнью Московского университета. В годы пребывания Раевского пансион и Московский университет были центрами общественной мысли. Вместе с Раевским воспитывались многие будущие декабристы, с которыми ему суждено было встретиться уже в Южном обществе: И. Г. Бурцов, Ф. Ф. Вадковский, Н. А. Крюков, А. З. Муравьев, А. Черкасов и другие. Здесь же в это время воспитывался и Грибоедов. Идейная атмосфера, в которой жило московское студенчество, характеризуется развитием пламенной любви к России, критическим отношением к крепостнической действительности, интересом к отечественной истории и литературе. Студенты и воспитанники знали запрещенную литературу, знакомились с произведениями Радищева и Пнина, увлекались Вольтером и Руссо. Изучали Плутарха, историю греков и римлян, воспламеняясь подвигами героев древности.

«Вопрос об идейной атмосфере, в которой жило московское студенчество до 1812 года, — утверждает профессор М. В. Нечкина, — представляет большой интерес и многое поясняет об истоках декабризма».[2] Его истоки необходимо отнести к кануну 1812 года. Идейная атмосфера Московского университета многое поясняет и в формировании мировоззрения В. Ф. Раевского. Его развитие происходило на той же родной почве, на которой

развивались и другие будущие декабристы. В. Ф. Раевский учился серьезно. В пансионе были заложены основы глубоких знаний в области математики, физики, русской и древней истории. Он слушал лекции «Российской словесности» профессора российской поэзии и красноречия, члена Вольного общества любителей словесности, наук и художеств А. Ф. Мерзлякова, что прошло далеко не бесследно для будущего декабриста. И сами лекции, и деятельность Мерзлякова в области поэзии и критики, и его дружба с Жуковским — все это создавало ему авторитет, вызывало живой интерес к поэзии. Литературная жизнь Московского университета и пансиона, печатание сборников произведений воспитанников университета и пансиона, заседания литературного общества воспитанников и студентов, проводимые не менее одного раза в неделю, издание рукописных журналов, наличие богатой рукописной литературы — все это способствовало углублению литературного интереса, включало в литературную жизнь. Было еще одно обстоятельство, благодаря которому Владимир Раевский не мог быть в стороне от литературной жизни. Его брат Андрей Федосеевич студент Московского университета, принимал деятельное участие в литературе, печатался в «Вестнике Европы». В пансионе будущий декабрист, повидимому, познакомился с другом брата, членом Вольного общества любителей словесности Милоновым, стихи которого позже он будет пропагандировать среди юнкеров и солдат ланкастерской школы. В Московском благородном пансионе закладываются основы дружбы, которая сыграет немаловажное значение в жизни Владимира Раевского. Комаров и Бурцов были, надо думать, его близкими товарищами. Дружба эта принесет свои плоды позднее: Комаров примет Раевского в «Союз Благоденствия», а Бурцов во время следствия уничтожит список членов общества, захваченный во время ареста первого декабриста.

Юноша Раевский развивался в напряженной идейной атмосфере, свойственной Московскому университету этих лет. Здесь складывалось его юношеское мировоззрение. Уже в эти годы его разум был

Встревожен мыслию мятежной,
Забавы детства презирал.

Результаты этого воспитания немедленно сказались.

В 1811 году, сейчас же после выхода из университетского благородного пансиона, Раевский определился в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе. Здесь завязывается глубокая и прочная дружба между Раевским и Батеньковым, которую они пронесли через всю свою бурную жизнь. Ее не погасило горе и страдание,

выпавшие на их долю. Они сохранили эту дружбу до конца своей жизни, до могилы. Батеньков, характеризуя свою дружбу с Раевским, говорил, что они «проводили целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года. Мы развивали друг другу свободные идеи, и желания наши, так сказать, поощрялись ненавистью к фронтовой службе. С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, ярко о человеке, и осуждать поступки с нами цесаревича... В разговорах с ним бывали минуты восторга, но для меня всегда непродолжительного. Идя на войну, мы расстались друзьями и обещались сойтись, дабы в то время когда возмужаем, стараться привести идеи наши в действо».[3] Эти знаменательные слова декабриста Батенькова, произнесенные им перед следственным комитетом в 1826 году, имеют исключительно важное значение для раскрытия основ идейного содержания жизни юноши Раевского. В них выражена, правда еще робко, жизненная программа юных друзей: мятежность мысли, свободные идеи, патриотический восторг и зарождение критической мысли, которая поднялась уже до того, что осуждались действия царя и цесаревича. Но этого мало. Зрелость мысли достигла такого состояния, что уже намечается план ее практической реализации, план приведения «идей в действо». Юные друзья объединяются и клянутся приложить свои силы для изменения жизни. Это содружество открывает политическую биографию будущего декабриста. В этом первом жизненном шаге раскрывается идейное содержание студенческой жизни.

По выходе из Дворянского полка Раевский действительно реализует эти идеи, стремится «к известной цели»: он создает тайное содружество, а затем вступает в Тайное общество декабристов. Совершенно очевидно, что формирование юношеского мировоззрения будущего декабриста начинается в Московском благородном университете и в Дворянском полку. Оно возникло и развивалось на той же общественной почве, на какой совершалось духовное развитие и его товарищей, будущих декабристов. «Гроза двенадцатого года» завершила это развитие.

По словам Владимира Раевского его жизнь состояла из трех переходов: военная жизнь (1812—1822), тюремная жизнь (1822—1827), и ссыльная жизнь (1828—1872).[4]

Мы примем это разделение на периоды, каждый из которых знаменует соответствующее состояние декабриста, и обратимся к их характеристике.

Военная жизнь определяется Раевским как светлая, общественная жизнь. Не случайно поэт-декабрист такими словами характеризует этот период, охватывающий 1812—1822 годы. Его жизнь в это время—действительно светлый, высокий патриоти-

ский, гражданский подвиг. Она подчинена служению родине и на Бородинском поле и в Тайном обществе декабристов. И в том и в другом случае им руководил патриотизм, который он называл светильником жизни.

25 мая 1812 года семнадцатилетний Владимир Раевский был выпущен прапорщиком и принял деятельное участие в Отечественной войне 1812 года. Это было его вступление в жизнь. Он говорил об этом в «Послании к дочери Саше» :

Среди молений и проклятий,
Средь скопища пирующих рабов,
Под гулами убийственных громов
И стонами в крови лежащих братий
Я встретил жизнь, взошла заря моя...

Огромное значение для духовного созревания Раевского, как общественного деятеля, имело непосредственное участие в Отечественной войне 1812 года. «Мы были дети 1812 года», — говорил декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Эти слова относятся ко всему поколению великой эпохи. Относятся они и к Раевскому, приурачивающему к этому году восход зари своей жизни.

Сразу же после выпуска из Дворянского полка в чине прапорщика артиллерии Раевский уехал в действующую армию, за границу. Он был участником одиннадцати сражений. За Бородинское сражение он был награжден золотой шпагой «За храбрость», а за участие в двух сражениях имел два военных ордена и два повышения в чине.

В эти годы (1812—1816) Раевский написал: «Песнь воинов перед сражением», «Песнь воинов перед битвой», «Песню», «Давно ль сей юноша щастливый», («Мой жребий»). «Послание И. С. Ахметову», «Князю Андрею Ивановичу Горчакову» и др.

Мощный подъем патриотизма, вызванный Отечественной войной 1812 года, оказал огромное влияние на развитие и углубление освободительного движения в России. С этим неразрывно связано развитие и расцвет русской поэзии 20—30-х годов XIX в. Русская поэзия ярко откликнулась на события 1812 года произведениями Пушкина — «К Александру» «Воспоминания в Царском селе», Рылеева — «На погибель врагов», «Любовь к Отчизне», Жуковского — «Певец в стане русских воинов» и др. Слова Пушкина—«В каждом ратнике ты зришь богатыря, их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья» раскрывают общую направленность патриотической поэзии, вызванной к жизни «Грозой двенадцатого года». Указанные произведения В . Ф. Раевского относятся к этой же группе патриотической поэ-

нии. Их тема — 1812 год. Ее раскрытие дано в словах «Песни воинов перед сраженьем»:

Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярмо и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?
Нет, нет! Судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить:
Мила за Родину могила,
Без Родины поносно жить!

Песня заканчивается клятвенным обещанием воинов-патриотов:

Друзья!.. В пылу огней сраженья
Обет наш! Пасть иль победить![5]

Это произведение по своей идейной направленности близко к произведениям Пушкина. Патриотический пафос свойственен и стихотворению «Давно ль сей юноша», которое первоначально называлось «Мой жребий». В нем повествуется о смерти бесстрашного юноши, который «мечом и грудию стальною» путь к победе пролагал, но пал в гибельном бою. Стихотворение заканчивается призывом к друзьям юноши: «С первой бранною трубою в рядах врагов—долг отдать!»—отомстить за смерть бесстрашного героя.[6]

В этих же произведениях поэт — декабрист ставит антинаполеоновскую тему,разоблачая нового Ксеркса, который «стопою силы притек» в Россию:

Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок...

В своих ранних стихотворениях Раевский разрабатывает патриотическую тему, которая получает более глубокое разрешение в произведениях тюремного периода.

В 1816 году Раевский возвращается в пределы России. В этом же году в «Духе журналов» появляются его первые печатные произведения (Послания Ахматову, Горчакову). Этот журнал был проводником прогрессивных идей. В доносе «Нечто о царскосельском лицее и его духе» он назван «отголоском либерального духа лицея, духа вольномыслия». Характеристика знаменательная. Журнал просуществовал недолго. Он прекратил существование вследствие преследования цензуры за прогрессивное направление. Сотрудничество в этом журнале не было, конечно, случайным эпизодом в жизни Раевского.

Четырехлетнее пребывание в армии, а самое главное пробуждение дремавших сил России, которая в борьбе на смерть с Наполеоном увидела «в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала» (Белинский) способствовали даль-

нейшему идейному росту первого декабриста. Возвращение в страну феодально-крепостнического рабства довершило идейное созревание, привело к новым понятиям, к понятию о связи национально-патриотического движения с революционным. Раевский прекрасно понимал национально-освободительный характер Отечественной войны, освободительную роль русских. «Сотни тысяч русских своею смертью искупили свободу целой Европы», — писал он. После возвращения на Родину герои-освободители Европы становились бесправными рабами. Большинство из них возвращалось под палки господина.

Патриотические идеи, идеи национальной свободы, вдохновлявшие на борьбу за свободу отечества от наполеоновских полчищ, обогащаются идеей борьбы за свободу от тиранов, от «самовластительного злодея».

Тревожась о судьбе родины, передовые люди того времени выступили против самодержавия и крепостничества. В показаниях, письмах и воспоминаниях декабристов указывается на роль Отечественной войны в развитии свободомыслия в России. Об этом говорят М. И. Муравьев-Апостол, Александр Бестужев, И. Н. Пущин, Волконский, Якушкин, М. Тургенев и др. Однако надо признать, что только у Раевского мы находим развернутую характеристику социальных причин, способствовавших развитию политического свободомыслия. Отметив национально-освободительный характер Отечественной войны («Сотни тысяч русских своею смертью искупили свободу целой Европы»), он переходит к характеристике крепостнической действительности того времени: «Армия, избалованная победами и славою, подчинилась неслыханному угнетению, на военных поселениях забивали солдат под палками, усиленное взыскание недоимок, увеличившихся в связи с войной, строгость цензуры, новые наборы рекрут и пр. приводили к глухому ропоту. Власть Аракчеева, ссылка Сперанского, неуважение знаменитых генералов и таких сановников, как Мордвинов, Трощинский — сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновления, улучшений, благоденствия, исцеления тяжелых ран своего отечества... И вот причины, которые заставили нас высказаться решительно и безбоязненно: дело шло о будущности России об оживлении, спасении в настоящем».[7] Таковы причины, побудившие Раевского принять участие в деятельности Тайного общества декабристов. Другими словами, им названы причины, которые привели его к дальнейшему идейному росту и развитию, определили превращение патриота-воина в яркого революционного деятеля 20—30-х г. г. XIX века, поэта-воина, в «Певца в темнице». Одновременно это высказывание является глубокой и всесторонней характеристикой тех причин,

которые привели к революционной деятельности не только Раевского, но и других декабристов.

Будущий декабрист рос и формировался в процессе развертывания освободительной революционной борьбы этих лет. Созревание его как поэта и революционного деятеля связано с вызреванием революционной ситуации 1815—1825 гг.

С возвращением Раевского в 1816 году на родину из-за границы начинается новый период его военной жизни, которая характеризуется самим Раевским как общественная жизнь. И это не случайно. Он становится другом свободы, борцом против самодержавия и крепостничества. Патриотизм и свободолюбие для него становятся неразрывными. Раевский развивает активную деятельность, направленную на приведение «идей в действо». С этой целью он организует содружества, а затем вступает в Тайное общество декабристов. Еще в 1816 году в Каменец-Подольске по его инициативе было создано содружество, в которое вошли подполковник Кисловский, штабс-капитан Приклонский, штабс-капитан Губин, губернский доктор Диммер. Члены этого общества носили железные гладкие кольца. «Общество железных колец», содружество молодых людей, было объединено общностью мыслей и чувств. В нём интересовались политическими, мировоззренческими вопросами, увлекались литературой. Об интересах содружества мы узнаем из писем Раевского к Приклонскому. Поэт-декабрист отдал поэтическую дань обществу железных колец. Эта деятельность, однако, не удовлетворяла декабриста. Он видел и чувствовал, что реакция торжествует. Это должно было привести к столкновению, что и случилось: 30 января 1817 года Раевский вышел в отставку. Политические мотивы, которыми руководствовался будущий декабрист, ясны из его «Записок»: «Железные кровавые когти Аракчеева сделались уже чувствительны повсюду. Служба стала тяжела и оскорбительна... Требовалось не службы благородной, а холопской подчиненности. Я вышел в отставку».[8] Этой отставке предшествовал дерзкий рапорт на имя высшего начальника, в котором было сказано, что, определяя себя единственно службе Отечеству, он не может допустить притеснений и холопского унижения, а посему требует, сохраняя свое честное имя, изменения к нему несправедливого отношения. Рапорт остался без последствий. Раевский ушел в отставку. Таким образом, борьба с аракчеевской реакцией закончилась уходом Раевского из армии. Немногим больше года он прожил в родном своем имении Хворостянке, и в 1818 году по настоянию отца вернулся в армию, в пехоту.

Творческая деятельность Раевского в эти годы (1816—1818) довольно интенсивна. Ряд произведений связан с «Содружеством

железных колец»: «Ода другу», «Послание к Приклонскому», «Мое прости друзьям» и др. В них воспета священная дружба, очерчен широкий круг вопросов, которые волновали Раевского и его друзей, дана характеристика содружества и его интересов. При встречах «в кругу прямой свободы» раздавался «любви и дружбы глас священный»; честь, истина с добром почитались долгом жизни. Здесь, в дружеском кругу, принималось только то, что вело «по пути чести благородной», культивировалось «презрение к рабской стезе, ведущей к почестям». «Послание Петру Григорьевичу Приклонскому», в котором изложены эти принципы, характеризуется пафосом независимости и утверждения свободной личности. Слова Раевского из этого послания —

Но равенства мечтатели желают!
В природе равенства не может быть и нет —

свидетельствуют, что поэт критически относился к теории естественного права, что он начинает осознавать его ограниченность. В послании появляются те разоблачительные мотивы в адрес «сословия невежд, гордящихся породой», которые полнее и глубже будут выражены в «Гласе правды», в «Сатире на нравы» и других произведениях, написанных позднее.

Ко времени «Содружества железных колец» необходимо отнести и развитие мотивов легкой, анакреонтической поэзии. В многочисленных произведениях воспевается вино, любовь, нежные девы, зовущие к наслаждению, застольные друзья, кубок полный вина и пр. Наиболее полно эти мотивы раскрываются в «Обете» и в «Вакхической песне». Мотивы легкой поэзии в эти годы занимают видное место в творчестве Раевского. Позднее он скажет об этом периоде: «Я пел и Вакха и любовь». Воспевая наслаждение жизнью, Раевский следует батюшковской поэтической традиции. В батюшковской манере им написаны («Вакхическая песня», «К моим пенатам», «К ней же», «Обет») и многие другие. Обращение к Батюшкову понятно. Эту «новую школу поэзии» прошли многие поэты 20-х годов. Её прошел и Пушкин. Но и в этих произведениях ощущается своеобразие Раевского. У Батюшкова произведения легкой поэзии пронизаны элегическим чувством, чувством обреченности. У Раевского же воспеваются земные наслаждения, радости жизни, среди них дружба и вино, любовь к страстным девам и чувство сладострастия, как проявление духа полного свободой. Это не культ «прожигания жизни», а форма утверждения свободы личности. Такая жизнь противопоставляется жизни «слепцам под сединой».

Увлечение «резвыми шалостями» уживалось с свободолюбивыми идеями, являлось своеобразной формой протеста, противо-

поставлением идеалу «рабов, отживших под луной», которые «с завистью взирают на сей свободы полный дух». Таким путем шли многие. Им шел молодой Пушкин, Чаадаев, Рылеев. Этим путем шел также и Раевский. Декабрист нашел в себе силы, чтобы преодолеть влияние такой жизни и этим самым преодолеть влияние легкой поэзии. Поэтизация разгула и эротики сменилась у него критическим отношением к этим явлениям. «Признание» поэта подвергает злому осмеянию всё то, что привлекало его как «Певца Вакха и ветренных цирцей». «Признание» не биографическое произведение. В нем дано сатирическое изображение прожигателей жизни, носящих на челе печать разочарованности, томящихся духом уныния. Во всем непривлекательном виде показаны земные причины этой разочарованности... Натуралистическое изображение «сладостной жизни» заключается полемическим обращением—укором к Аристипу и Эпикуру, учившим, что цель жизни в наслаждении. «Признание» заканчивается разоблачением подлости, сияющей в венце, а также безумцев, унижающих таланты, разум, правду и честь. Поэт спешит под кров родины святой, где с пером и книгами в беседе найдет утраченный покой. «Признание» заключает анакреонтические стихи Раевского. Этим заканчивается его увлечение легкой поэзией. В литературе первой четверти XIX века нет произведения с такой откровенной антианакреонтической направленностью.[9]

В 1817—18 гг. в творчестве Раевского начинают преобладать мотивы ухода под кров сельского убежища, где поэт, далекий от сует и славы, «в старом красном колпаке», находит примиренье с собой, где его живит огонь свободы. Поэт-отшельник возносит хвалебную песнь природе и отдается натуральному чувству непорочной любви. Тема ухода поставлена в «Признании» и «Мое прости друзьям», а полно разрабатывается в стихотворениях «Путь к счастью», «К сельской хижине», «К моим пенатам», «Песнь природе», «Пришлец, здесь родина твоя», «Непорочность любви», «Свидание» и др. В них рисуется образ бездомного утомленного странника, который в поисках истинной свободы и счастья уходит в объятия природы, на лоно святой, всеблагой природы. Владимир Раевский продолжает в этом случае поэтическую традицию Вольного общества (Борна, Попугаева). Начав с традиционного образа «смиренных душ приюта», охраняемого пенатами («К сельскому убежищу», «К моим пенатам»), он переходит к реалистическому описанию хижины простой («Послание к другу»). «Беглец забавы в старом красном колпаке» видит жизнь во всей её сложности. Литературный образ «безбедного приюта» распадается, и поэт, приобщившийся

к реальной жизни, разоблачает нравственное убожество представителей господствующего класса, рисует злодейские ужасы крепостного права. Другими словами, «безбедный приют» раскрылся ему так же, как раскрылся «приют спокойствия» для Пушкина в «Деревне» (1819). Этот процесс был обусловлен самой жизнью: «Железные кровавые когти Аракчеева сделались чувствительны уже повсюду», — писал Раевский. Уход из армии расширил рамки социального опыта поэта. Он убедился в том, что аракчеевщина запустила «железные кровавые когти» во всё тело России. Раевский убедился в том, что феодально-крепостной гнет усилился не только в армии, но во всей стране. Декабрист увидел отвратительные факты крепостнической действительности: продажу и покупку людей своим отцом и соседом помещиком, зверские формы эксплоатации: работу крестьян в железах на плантациях помещика Тюфер Махера; он узнал о многочисленных злодеяниях помещика — изверга Ширкова, об острогах фельдмаршала Каменского и о его судьбе (он был убит топором своими крестьянами); ему было известно о помещице, которая вырезала груди у своих крепостных девушек и ела их. По его словам, он видел сотни таких ужасных злодеяний. Но он видел также и другое. Раевский был свидетелем восстания крестьян, для подавления которого были вызваны войска, применялись пушки. Под влиянием страшных жизненных злодеяний, которые он наблюдал на своей родине, будущий декабрист еще в большей мере укрепляется в мысли «привести свои идеи в действо». Так вызревает мысль о необходимости скорого преобразования в России, о необходимости уничтожения рабства, о важности борьбы против этих ужасных злодеяний. Сама жизнь толкала на путь активной борьбы. Так закончился уход поэта от жизни «под смиренный кров хижины простой».

В 1818 году Раевский пишет «Послание к Приклонскому» и «Послание к Батенькову». Этим намечается резкий перелом в его творчестве. Поэт-декабрист переходит к социальной сатире, к политической и философской лирике, что свидетельствует о его политическом и художественном созреваниии. «Послание Петру Григорьевичу Приклонскому» характеризуется пафосом независимости и утверждением свободной личности, преобладанием общественно-политических интересов. В каком направлении шла разработка показывают имена Франклина и Кромвеля—эти символы борьбы за свободу. По иному разрабатывается тема дружбы. Непременным условием является «не чаша круговая» и наслаждения, а патриотические подвиги на полях сражения с полчищами Наполеона, высокие гражданские идеалы, идеи свободы и ожидание перемен, дух независимый и сладкая мечта жить

для пользы ближнего. Они, и только они, сплачивают дружбу. Особенно полно эта тема раскрывается в «Послании к Батенькову». Темы, намеченные в этих посланиях, получают дальнейшую углубленную разработку в сатирической, гражданской лирике Раевского.

2-го июля 1818 года Раевский возвращается на службу, но не в артиллерию, а в пехоту, в 32 егерский пехотный полк, расположенный в Бессарабии. В декабре этого года он был произведен в штаб-ротмистры Малороссийского кирасирского полка. В связи с этим Раевский опять вернулся в родные места, в Курск, а затем в Харьковскую губернию. Здесь он связывается с «Украинским Вестником» и «Украинским журналом», где печатались его произведения в 1817—1824 г. г. Странствование по России обогатило его жизненный опыт, способствовало дальнейшему духовному росту.

В 1818 году по инициативе Раевского в 32 егерском полку составляется дружественный лист среди офицеров. В феврале 1819 года Раевский был принят Комаровым в Союз Благоденствия. В январе 1821 года декабрист опять пытается ввести дружеский лист среди офицеров своего полка, обещав им железные кольца, какие были в Каменец-Подольском содружестве, что должно было привести к созданию тайного союза. В эти же годы он обращается к Батенькову с приглашением принять участие в деятельности общества. Последний отказался. Раевский ответил «Посланием Батенькову», в котором с горечью напоминает беспечному другу о юношеских мечтах:

Ужель разлуки свинцовый час
Покрыл прошедшее невозвратимой тенью?
Ужель он заглушил влеченья тайный глас,
Который юношей нас соединил с тобою?

Первый декабрист не ограничился работой среди офицеров. Основная работа в эти годы велась декабристом среди солдат и юнкеров. Она увеличилась в связи с назначением его в августе 1821 года преподавателем ланкастерской школы. В пропагандистской работе проявился незаурядный талант массовика-пропагандиста и организатора солдатской массы. Декабрист готовил их к будущим революционным выступлениям. Владимир Раевский в солдатах видел основную силу армии. Они были для него частью народа. Таким образом, деятельность В. Ф. Раевского, начавшего свою политическую биографию с полудетского-полуюношеского содружества, с наивного плана о проведении своих «идей в действо», закономерно привела его в Союз Благоденствия, а затем в Южное общество декабристов. В духовном развитии первого декабриста большую роль сыграли идеи русских просветителей, в первую очередь Радищева, радищевцев. Нуж-

но назвать также Кантемира, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Крылова. Раевский с увлечением изучал Руссо, Вольтера, Монтескье.

Творческая деятельность Раевского этих лет пошла по двум направлениям: он выступает как поэт и как публицист. Голос поэта мужает. Он разрабатывает сатирическую, гражданскую и философскую лирику. Сатирические стрелы направляются в сторону подлости, которая сияет в венце и крестах. Он рисует надменного и бездушного вельможу-сибарита, пресыщенного жизнью «злодея-друга царя», безразличного к стону сирых, к слезам темничных страдальцев и к простому народу, изнывающему «под гибельным законом рабства». Поэт обличает порок под багряницей («Глас правды», «Послание другу»). В «Сатире на нравы», «Безумцы, оградясь обрядами» дается широкое и разностороннее изображение светского общества, тупого и самодовольного, безразличного к судьбам Родины. Поэт показывает, что порок гнездится не только под багряницей и крестами, но он присущ всему господствующему классу. С горечью и сарказмом он говорит о возвышении «инославных подлецов», об унижении заразительных умов, о чуме иноплеменной, об увлечении иноплеменными модными уставами, «о преклонении светских вертопрахов перед «творителями помад». Поэт—патриот разоблачает «обезьян тупоголовых», космополитов дворян. Он говорит о нравственной опустошенности дворянства, «самого невежествующего и развращеннейшего» класса России. «Сатира на нравы» характеризуется высоким патриотизмом, презрением к «обезьянам пустоголовым» — космополитам. Раевский так определяет политический вред космополитизма:

Из всех гражданских зол, всего опасней, злей,
Для духа нации есть чуждым подражанье.

Разоблачая шутов и обезьян, поэт-декабрист отмечает рост гражданских чувств. «Гражданства искра в нас зажглась», говорит он. И это приведет к тому, что «русское любить пройдет безумный страх».

Раевский выступает как представитель русского просветительства. Он продолжает традицию поэтов-радищевцев, которые были убеждены в том, что «вольность и равенство идут вслед за просвещением», что просвещение ведет к изменению законов (Пнин, Борн, Попугаев).

Разоблачая дворянство, показывая его нравственное убожество, поэт заявляет о том, что он предпочитает роскошным палатам и обществу венценосных князей простую хижину и простоту — простых людей («Послание к другу»). Это не литературная

отписка. Раевский действительно обращается к жизни простого народа. К реалистическому изображению крестьянской хижины присоединяется изображение жизни крепостного обездоленного крестьянства.

Сначала крестьянская тема ставится робко, условно («Осень», «Картина бури», «Меликл»). Крестьянин — деталь сельского пейзажа. В «Плаче негра» и «Песне невольника» поэт-декабрист, следуя радищевской традиции (Попугаев), подходит ближе к разрешению темы. В образе негра, несчастного сына степей, который рисуется одновременно гордым сыном свободы, бичём белых, завуалированный и слабый еще протест против крепостничества. Здесь начальная стадия того процесса, который завершится в 1821 году созданием стихотворений «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами» и «Запиской о рабстве крестьян и о необходимости скорого преобразования в России».

Наиболее полно своеобразие Раевского в эти годы проявлялось в философской лирике. Философские проблемы, мотивы легли в основу и разрабатываются в ряде его произведений: «Вот наш удел», «Элегия 1-я», «Элегия 2-я», «Элегия 3-я», «Час меланхолии», «Смеюсь и плачу», «Послание к Батенькову» и др. Особый интерес представляют его философские элегии («Элегия 1-я», «Элегия 2-я» и др.). В них дано разрешение тех философских проблем, которые волновали русское общество начала XIX века: о месте и роли человека в природе, о значении разума, о смерти и бессмертии, о законах природы и общества, о борьбе с тиранией. Раевский говорит о вечном движении как о всеобщем законе, которому подчиняется и природа, и общественная жизнь. Поэт восхваляет «могущество ума, дух сильный, дар свободы», присущие человеку, могущему проникнуть в самые сокровенные тайны природы. Он верит в могущество человеческого разума, поднявшего человека до Прометея. Философские элегии декабриста — подлинный гимн человеку. Рисуя картины социальной несправедливости, что персонифицировано в образе тирана, поэт высказывает уверенность в том, что в «бездну упадет железной злобы трон, отверзутся врата свободы и спокойства», восторжествует светлая радость и правда. В элегиях Раевского утверждается философское свободомыслие, воспевается могущество человеческого разума, бессмертие его дел. Особенностью философской лирики является то, что, утверждая материалистическое и атеистическое начало, поэт придает ей, в соответствии с радищевской традицией, гражданскую направленность. Оправдывая перед следственной комиссией гражданскую направленность своего

творчества, Раевский называл Державина. В таких произведениях декабриста как «Глас правды», «Элегия 1-я», «Элегия 2-я» и др. державинское гражданское начало очевидно.

1820—1821 годы имеют исключительное значение в политической и творческой биографии Раевского. Активное участие в деятельности тайного общества, более глубокое знакомство с жизнью крестьян во время пребывания на Украине, общение с солдатской массой, связь с видными декабристскими деятелями (Пестелем) и Пушкиным оказали огромное влияние на его творчество.

Раевский занимал в Южном обществе видное место, и по своим взглядам он близок к Пестелю, который видел в нем единомышленника. Об этом красноречиво свидетельствуют показания последнего. Пестель заявил следственному комитету, что вторым пунктом программы восстания было освобождение Раевского из Тираспольской крепости.[10] Это самое убедительное доказательство того, как высоко он ценил первого декабриста и свидетельство, что в нем Пестель видел своего единомышленника. В 1821—22 гг. Раевский развернул широкую пропаганду, массовую работу среди солдат и офицеров. Против него объединились силы реакции: «киселисты», как их называл Раевский по имени их вдохновителя и покровителя начальника штаба 2-й армии генерала Киселева. Зато солдаты души не чаяли в своем заботливом командире, видевшем в них прежде всего людей. Донесения тайной военной агентуры, созданной Киселевым, раскрывали деятельность «первого вольнодумца в армии и разрушителя дисциплины». Так писал генерал Киселев в своем донесении.[11]

Первый декабрист не подчинился Московскому съезду, постановившему ликвидировать Союз Благоденствия, а вошел в Южное общество, возглавляемое Пестелем и создал в 32 егерском полку декабристскую организацию, в которой, по словам Комарова, был «новый ряд идей, идущий от Раевского».[12]

Разгром революционного движения на юге начался с ареста Раевского, разгрома Кишиневской организации. Тайная военная агентура следила за деятельностью «первого вольнодумца в армии и разрушителя дисциплины», известного начальству «вольнодумством, совершенно необузданным». Киселев и Сабанеев, заклятые враги декабриста, были уверены в том, что для раскрытия «злодейской шайки» необходимо было арестовать Раевского. Этому предшествовало два события, ускорившие трагическую развязку. В июне 1821 года в Аккермане, где служил декабрист до перевода его в Кишинев, возникло судебное дело, по которому Раевский обвинялся в потворстве нижним чи-

нам. Корпусный командир генерал Сабанеев, который следил за революционной деятельностью Раевского, выехал в Аккерман, где получил донос на декабриста от местного полицмейстера и попа. Затем поступил донос от полкового священника, узнавшего на исповеди от солдат о крамольных речах Раевского, а потом — от ректора бессарабской духовной семинарии Иринея, впоследствии архиепископа Иркутского, который ставил себе в заслугу, что «впервые открыл зловредное учение Раевского, которое он преподавал юнкерам в Бессарабском лицее»[13]. Не дремали и политические враги Раевского в полку. Они подкупили юнкеров, которые выкрали бумаги у Раевского и сделали на него донос. Наконец вспыхнуло дело Камчатского пехотного полка, которое рассматривалось царской ставкой и штабом армии как повторение семеновской истории, но в условиях Бессарабии. В этом деле совершенно справедливо усматривалось влияние деятельности «первого вольнодумца в армии и разрушителя свободы». Это решило судьбу Владимира Раевского. Само волнение было подавлено: солдаты забиты палками, сосланы в Сибирь, а 6 февраля 1822 года был арестован и «первый вольнодумец в армии». А. С. Пушкин, случайно узнав о готовящемся аресте, предупредил своего друга об этом и декабрист сумел уничтожить важнейшие компрометирующие материалы. С момента ареста начинается тюремный или подземный, как он сам называл, период жизни Раевского.

В 1820—22 гг. были написаны «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами», «Послание (Батенькову)», «Повесть о Р». Большое внимание уделяется публицистике, философии. Раевский обращается также к литературной критике. В эти годы были созданы «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России», «Рассуждение о солдате», «О существе законов Монтескье», «Вечер в Кишинекрепостную поэзию, являющуюся вершиной творчества Раевского этих лет становится более зрелым. Центральное место в поэзии заняли большие социальные проблемы. Она стала частью благородной патриотической деятельности. В лирике Раевского все отчетливее слышится голос поэта-гражданина. Она сращивается с революционной деятельностью поэта, становится ее частью. Лирика 1820—22 гг. подготовляет тюремную, крепостную поэзию, являющуюся вершиной творчества Раевского. По своей антикрепостнической направленности «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами», «Повесть о Р» тесно связаны с смелым «Рассуждением о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России». Сам поэт подчеркивал эту связь, утверждая, что антикрепостническая мысль

«Смеюсь и плачу» подчеркнуто им из «Рассуждения». В этом стихотворении с чувством глубокого сострадания говорится о судьбе бедных поселян, которых «знатный вертопрах, бездушный пустослов гнет на двойку, меняет на пуделя иль сойку». Негодующе звучит голос поэта, когда он рассказывает о страданиях невинных жертв в гареме лицемера-ханжи, который «правом знатности везде уважен».

По своей направленности «Смеюсь и плачу» совпадает с «Горе от ума», задуманном Грибоедовым в эти же годы. В нем звучат элегические мотивы, раскрывается большая душа поэта, охваченная грустью за человечество.

«Безумцы, оградясь обрядами» по своему политическому пафосу стоит ближе к «Рассуждению о рабстве», чем первое произведение. Можно даже сказать, что оно является поэтическим изложением рассуждения. В нем даны картины ужасных преступлений, показан «рабства гибельный ярем, терзающий народ жезлом постановлений». С большой силой нарисован и несчастный раб:

Кровавый пот с лица и смутный взор,
Согбенны рамена и впалые ланиты,
И дряхлость ранняя и вкруг детей собор;
То раб, истлевшим рубищем покрытый;
Шалаш от вьюг и холода, от бури и ненастья,
Незащищаемый и кровлею простой,
И вкруг следы нужды, печалей и несчастья...

Дальше идут картины рабства и бесправного положения раба, которому на уста кладется «ударами молчанье». По своей общей направленности это произведение примыкает к «Деревне» Пушкина.

В «Безумцы, оградясь обрядами» Раевский выдвигает важное требование: «человек среди высоких дум должен зреть истину, прелестну наготою». Это стремление к «нагой истине» определяется антикрепостнической направленностью борьбы, активным участником которой был поэт. Стремление к «нагой истине» объясняет и попытку перейти к прозе. Интерес к прозе обостряется в начале 20-х годов. Он культивировался в декабристской и околодекабристской среде. Эта проблема беспокоила Пушкина, Вяземского, Орлова. Она была темой кишиневских дискуссий между Пушкиным и Раевским. Неоконченную «Повесть о Р» и нужно рассматривать в плане разрешения этой важной литературной проблемы. Повесть полемична. Она направлена против сентиментальных путешествий карамзинского типа. В ней разоблачается духовная нищета дворянства,

оправдываемая аристократизмом происхождения, сословными привилегиями. В этом плане повесть перекликается с «Рассуждением о рабстве крестьян». Раевский рассказывает о судьбе Петра, крепостного человека, ставшего вольным человеком. История рефлектирующего дворянина-самоубийцы, признавшего бессмысленность бытия и нашедшего успокоение в смерти, противопоставлена в повести истории крепостного человека. Сюжетная линия повествования о разочаровавшемся Р. оттесняется на второй план. Чувство внутреннего достоинства и человечности ставят Петра не только выше «бездушных безумцев», но и выше «страдальца Р»... Раевский в крепостном, а затем вольном человеке сумел увидеть такие благородные черты характера, которые возвышали его над представителями господствующего сословия. Мы можем назвать только два произведения этих лет, в которых дано подобное раскрытие характера крепостного. Это набросок плана пьесы Грибоедова «1812 год» и Послание Вяземского «Сибирякову» (1819). Неоконченная повесть декабриста в идейном плане тесно связана с «Рассуждением о рабстве», «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами». Все они являются антикрепостническими произведениями. Повесть интересна еще и в том отношении, что она реализует требование «нагой истины», выдвинутое Раевским в 1821 году в одном из ярких произведений этого года «Безумцы, оградясь обрядами». Раевский переходит к прозе, стремится к реализму.

Антикрепостническая тема является ведущей темой этих лет, но ею не исчерпывается творчество декабриста. Показательно в этом отношении «Смеюсь и плачу», которое может быть названо программным произведением декабриста. В нем выражено отношение поэта к основным вопросам политики, философии и литературы. В этом многотемном произведении выражено антикрепостническое настроение автора, выявляется устойчивый интерес поэта к представителям материалистической, естественно-научной мысли, раскрывается положительное отношение к национально-освободительным движениям в Мексике, Перу, Бразилии, Канаде. Слова «За веру предают огню, мечу» ясно говорят, что речь идет о беспощадных мерах, применяемых колонизаторами — англичанами и испанцами, в странах, поднявших знамя национально-освободительной борьбы. Симпатии поэта—на стороне угнетенных, ведущих борьбу против колонизаторов, стоящих в одном ряду с «терзателями человечества» — Калигулой и Нероном. Последняя строфа «Смеюсь и плачу» раскрывает литературные симпатии поэта-декабриста. Им названы Сумароков, а также Фонвизин и сатирик Крылов, представители художественного реализма.

Из сказанного видно, что поэтическое творчество Раевского связано с его публицистической и революционной деятельностью. Наиболее убедительно это проявилось, пожалуй, в создании «Песни по поводу смерти подполковника Адамова». Она была написана Раевским и Пушкиным на одном из кишиневских вечеров. Поводом для написания послужила смерть «профессора шагистики» Адамова, выписанного из Петербурга. Раевский отнес подполковника к числу тех злодеев, которые тиранили благородного русского солдата. Была еще одна причина такого внимания к Адамову. Он был командиром Камчатского полка и при нем разыгралась Камчатская история. Следовательно, Раевский имел веские причины для того, чтобы ненавидеть Адамова. Песня, написанная на мотив малопристойной песенки о Мальбруге, скончавшем живот свой «смертью поносной», бьет не только самого «героя носка» — Адамова, но она метит и в его покровителей: генералов Киселева и Вахтена, прямо названного в песне. Она целила также в Аракчеева, вдохновителя «героев носка». Песня была поэтическим откликом на Камчатские события. Естественно, что она стала популярным произведением рукописной литературы 20-х годов. О ее остроте свидетельствует тот факт, что в обвинительном акте военного суда, приговорившего декабриста к смертной казни, есть специальный пункт, признающий её криминальным произведением. Возможно, что это произведение, написанное Раевским и Пушкиным, ускорило трагическую развязку. Песня — последнее произведение поэта-декабриста перед арестом. «Песня по поводу смерти подполковника Адамова» наглядно показывает, что литература стала средством политической борьбы.

Как не интересна лирика Раевского, но он полнее раскрылся в эти годы как политический деятель и как публицист.

Можно сказать, что он переключается на эти виды деятельности. Раевский провел большую работу по разработке философской проблематики и социологии.

Он был ярким представителем русского активного философского материализма 10—20-х годов XIX века. Он придерживался тех материалистических традиций, которые были заложены русскими просветителями. Раевский понимал общественный характер человека, что вооружало его на активную общественную деятельность, на активную борьбу. Его философские взгляды тесно слиты с революционной борьбой, его философия имеет наступательный характер. Она оправдывает революционную деятельность. Философская проблематика разрешалась как в философских элегиях, так и в философских работах. («Предисловие

к истории Петра 1», «О духе законов Монтескье»). Философская система Раевского была связана с его социологическими взглядами, с его политической борьбой. В 1820—1822 гг. (до крепости) им были написаны «Рассуждение о рабстве крестьян и о необходимости скорого преобразования в России», «Рассуждение о солдате», «О существе законов Монтескье», «Вечер в Кишиневе», а также создан «Курс поэзии».

В этих работах изложена социально-политическая программа декабриста, которая характеризуется антикрепостнической, демократической направленностью.

В «Рассуждении о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России» дается обоснование революционных преобразований в России. Это произведение является программным документом Южного общества, идеологом-публицистом которого выступал Раевский. Мужественно обрушивается он на владельцев-тиранов, кои торгуют, меняют, продают, дарят и тиранят подобных себе людей. С гневом и ненавистью говорит декабрист о русском помещике, который «вспоен слезами и кровавым потом своих поданных». Яркими красками рисует он развращенность и невежество русского дворянства, которое «погрязло в роскоши, разврате и бездействии». Сама атмосфера, которой «дышут эти изверги и тираны, составлена из вздохов несчастных поселян». Русский народ был свободным народом. Мало этого. Он рожден быть свободным народом. Само величие русского народа является доказательством против его рабского положения. Раевский поднимается до понимания классовой сущности крепостничества. Говоря о том, что народ в России разбивается на различные классы, он не жалеет красок для того, чтобы изобразить дворянство, этот «невежествующий и развращеннейший класс». О крестьянах он говорит: «Это самый несчастный и беднейший класс в целой империи». Раевский доказывает, что уничтожения рабства требуют интересы нации, ее благоденствие. Только свобода делает человека человеком и развертывает человеческие способности. Для предприимчивого русского народа необходимы свободные права. Доказывая необходимость уничтожения крепостничества, публицист обосновывает это исторически, экономически, с точки зрения требований естественного права. Но рассуждение не является экономическим трактатом на тему о невыгодности крепостного труда. Нет! Оно написано кровью сердца человека, глубоко переживающего судьбу народа. Это размышление патриота о судьбах России. Сам автор указывает, что на борьбу против «бесчувственных эгоистов и тиранов народных» его ведет «патриотизм, сей светильник жизни гражданской». «Могу ли видеть порабощение народа,

моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны... и не сострадать им», — пишет он. Все декабристы были борцами против крепостничества. Борьба против него проходит через всю историю тайного общества декабристов, что нашло свое выражение в работах Пестеля, сочинениях Тургенева, конституции П. Муравьева. Но только одно произведение декабристской литературы с публицистической заостренностью и пропагандистской направленностью рассматривает этот вопрос: это «Рассуждение о рабстве крестьян» Владимира Раевского. Оно имело своей целью не только осветить данный вопрос, но и призвать к действию. Во время следствия было установлено, что рассуждение распространялось рукописным путем. «Рассуждение о рабстве» является одним из памятников пропагандистской литературы Южного общества декабристов, его программным произведением, продолжающим радищевскую традицию. Таким же программным произведением является «Рассуждение о солдате», в котором идет речь о «русском крестьянине, одевшем мундир», о «благородном русском солдате, участь которого вверена жалким офицерам». «Рассуждение о солдате»—отклик на события в Камчатском полку. Оно имело целью обобщить факты в такой же системе, как это было сделано в «Рассуждении о рабстве крестьян». Это было естественно. Для Раевского — солдаты — часть народа. Ему нужно было показать положение народа, трудом которого живет погрязшее в роскоши дворянство, народа, «возведшего Россию на степень гигантской славы».

Поэт-публицист приходит к знаменательному выводу: «Миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры». Для них, крестьян и солдат, для России, необходимо скорое преобразование. Этого требует благоденствие отечества. Каким же путем должно итти преобразование? Раевский видит два пути: путь реформ сверху и путь революционного преобразования. Уверившись в том, что путь реформ в духе Петра I явно не по плечу «плешивому щеголю», Александру I, который медлит, потому что «дворянство русское с ужасом смотрит на скорую необходимость потерять тираническое владычество над нещастными поселянами», связав политику царя с реакционным классом рабовладельцев, Раевский приходит к выводу, данном в его призыве: «Граждане! тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар!». Он не произносит слова Революция, но он приходит к пониманию её необходимости. Свое указание на искру, которую ждут миллионы отчаявшихся русских поселян, Раевский расшифровал ссылкой на «гипотезу историческую». Он говорил о возможности крестьянской войны, подобной той, во главе которой стоял «яикский казак Пугачев». Оказывается,

декабрист изучал жизнь Пугачева, раздумывал о его судьбе, о путях крестьянской революции. Укажем на необычный факт. В 1826 году дело Раевского поступило в Следственный комитет. После ответов декабриста великий князь Михаил Павлович, член этого комитета, спросил Раевского, где он учился. Узнав, что декабрист учился в Московском благородном пансионе, князь злобно воскликнул: «Вот, что я говорил! Эти университеты! Эти пансионы!»... Не дав закончить ему, Раевский бесстрашно отпарировал: — «Ваше высочество Пугачев не учился ни в пансионе, ни в университете»... Можно представить какая реакция последовала за этим смелым, дерзким ответом. Михаил не забудет этих слов. Будет помнить их и Николай I.

Ответ интересен не только тем, что характеризует гражданскую мужественную стойкость декабриста, но он интересен и тем, что раскрывает политические взгляды Раевского. В сопоставлении революционной деятельности декабриста и деятельности Пугачева можно видеть указание на одни и те же социальные причины, побудившие выступить и воспитанника благородного дворянского пансиона и яикского казака. Это не значит, что Раевский ставит знак равенства между тем и другим. «Для правительства всегда Пугачев опаснее Пестеля и Рылеева», — сказал он. Это было сказано, правда, на склоне жизни, но надо думать, что и в разгар своей революционной деятельности декабрист понимал, что есть мужицкая революция, беспощадная и кровавая, есть также дворянская революция. Он понимал дворянскую ограниченность декабристских революционеров. Не будем насиловать факты и рядить первого декабриста в мужицкого демократа. Раевский был дворянским революционером, но таким, который уже понимал ограниченность дворянской революционности, который не только теоретически, но и практически рвал с своим классом, ориентировался на народную массу в большей мере, чем кто бы то ни было из дворянских революционеров. Естественно отсюда и раздумье о путях мужицкой революции, естественна ссылка на Пугачева. Демократические тенденции, свойственные Раевскому, ставят его в исключительное положение среди дворянских революционеров.

Итак, первый декабрист стоял за революционное преобразование России. На какие же силы он расчитывал? В «Рассуждении о рабстве» он ссылается на миллионы русских поселян, которые скрывают свое отчаяние до первой искры. Здесь же он обращается к гражданам, убеждая их в том, что нужны не слабые меры, но решительность и внезапный удар. Под гражданами Раевский понимал «класс людей вольных». Гражданином он

называет Минина. Можно понимать так, что к борьбе с самовластием декабрист призывает патриотов отечества, которые выступят подобно Минину, Бруту и Вашингтону. Следовательно, в «Рассуждении» только поставлена проблема народа-решающей силы, а основное внимание уделяется деятельности патриота. Тема народа полностью будет решена всего через год —два в «Послании к друзьям» и в «Певце в темнице». Пока же он делал практическую ставку на солдата, в котором, в отличие от других декабристов, видел крестьянина, одевшего мундир, защитника отечества. Солдатская масса для него была частью народа. Итак, «Рассуждение о рабстве крестьян» и «Рассуждение о солдате» являются программными декабристскими документами, дающими теоретическое обоснование необходимости уничтожения крепостничества, необходимости скорого преобразования России и обоснованием основных сил «в будущих происшествиях», в революции. Деспотическое правление должно замениться республиканским строем, который приведет к благоденствию отечества, благоденствию нации. Под благоденствием понимается уничтожение рабства и деспотического, тиранического правления. В «Замечаниях о политике», написанных в 1823 году в Тираспольской крепости, окончательно устанавливается, что «цель политики есть *благоденствие народное*». Следовательно, у первого декабриста была законченная система социально-политических взглядов, которая характеризуется антикрепостническими, демократическими, республиканскими тенденциями. Имея законченную философскую и социологическую концепцию, вооруженный передовой мыслью, Раевский активно боролся за утверждение прогрессивных идей, за их популяризацию. Он большое значение придавал просвещению, которое «спасительной рукою» распространяло знания, революционные идеи. У декабриста была широко задуманная система пропаганды этих идей среди юнкеров и солдат, в ланкастерской школе. Раевский был глубоко и разносторонне образованным человеком. Свои многосторонние знания он подчинил революционному делу. Им были составлены особые прописи по русскому языку. Курсы географии, истории, поэзии для ланкастерских школ (юнкеров и солдат) составлены им же. Курсы охватывали все стороны политической подготовки учащихся школ. Эта подготовка начиналась с уроков правописания. В качестве примеров им давались слова: «Свобода, Равенство, Конституция» и имена деятелей, о которых «прогремела история из рода в род»: Брут, Вашингтон, Франклин, Мирабо; назывались также имена из русской истории: Владимир, Святослав, Александр, гражданин Минин, Пожарский, законодатель и строитель Петр,

Суворов, Кутузов. Все это были «славные имена людей, кои должны быть начертаны в памяти всех людей просвещенных». Такой подбор имен должен был направить мысль юношей, солдат в определенную сторону, вызвать желание подражать этим славным деятелям. Имена расшифровывались, знания о них углублялись на занятиях по истории, географии, литературе. На уроках истории освещались события, раскрывающие величие русского народа, его славу, борьбу за национальную независимость и вольность. С особой любовью говорилось о Новгороде. На географических уроках шла речь о формах государственного управления. Здесь говорилось о деспотическом, тираническом характере русского монархического правления и внедрялась мысль о конституционном правлении, «самом лучшем правлении, управляемом законами, клонящимися ко всеобщему благу». Заодно объяснялось, что величайшее тиранство в армии вызвано отсутствием конституции и равенства. На следствии Раевский даже не отрицал предъявленных ему в этом направлении обвинений. Он только ссылался на то, что на уроках географии, когда шла речь о конституции, не было указаний на насильственные меры к ее достижению и он не говорил о революции, ее причинах и последствиях.

Декабрист был прав, заявляя это. На уроках географии об этом действительно не говорилось. К этому подготовляли, подводили уроки поэзии, его «Курс поэзии». Обучая юнкеров поэзии, Раевский брал такие примеры, которые внедряли в их сознание свободные мысли и ненависть к самодержавному тирану. Литература была полностью использована декабристом как средство воспитания свободолюбия, патриотизма, национальной гордости. Таким образом, ясна целенаправленность учебных занятий по русскому языку, истории, географии и поэзии в ланкастерских школах, руководимых Раевским. Впервые в истории русского революционного движения он использовал школу для внедрения республиканских, конституционных идей. Впоследствии, уже в Сибири, сам декабрист говорил путешественнику Эрману, что «сослан в Сибирь за распространение взглядов либеральной партии в солдатской школе, которой заведывал».[14]

Кроме работы в школе Раевский проводил революционную работу среди солдат в подразделениях, деятельно готовя их к «возможной перемене». Декабрист добился значительных результатов. «Раевщина» распространялась в дивизии успешно. Об этом свидетельствует Камчатское дело. В глазах Сабанеева Раевский был «бунтовщиком», «главой злодейской шайки извергов». Против него и против «Раевщины» были приняты крутые меры. Прогрессивное движение было разгромлено, солдат

жестоко наказали, а декабриста заключили в крепость и приговорили к смертной казни. Так закончился общественный период жизни Раевского.

В этот период развернулась кипучая и многообразная деятельность поэта, публициста, идеолога Южного общества декабристов. Его произведения «Элегия 1-я», «Элегия 2-я», «Глас правды», «Послание Приклонскому», «Послание другу», «Послание Батенькову», «Сатира на нравы», «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами» и др. характеризуются политической заостренностью и злободневностью. Они являются образцами ранней поэзии декабристов, продолжавшей традиции Радищева, поэтов — радищевцев (Пнин, Борн, Попугаев). В эти годы им написаны «Рассуждение о рабстве крестьян...», «Рассуждение о солдате», «О существе законов Монтескье», «Вечер в Кишиневе» и другие блестящие произведения публицистики декабризма. Публицистическая деятельность не могла не сказаться на лирике. Она подготовила тюремные стихи поэта. Революционная деятельность Раевского, его деятельность, как организатора и пропагандиста среди солдат и юнкеров, показательна для характеристики его демократических симпатий. Она ставит этого видного деятеля декабристского движения и единственного пропагандиста — массовика в исключительное положение среди декабристов. Она же объясняет его развитие в демократическом направлении, в направлении преодоления ограниченности, свойственной дворянской революционности.

С 6 февраля 1822 года наступает новая, подземная, тюремная жизнь Раевского. Она продолжалась шесть лет. Декабриста перевозили из крепости в крепость: сначала в Тираспольскую, потом в Петропавловскую и наконец в Замостье, в царстве польском.

Здесь решалась будущность первого дакабриста. За шесть лет было проведено два следствия и три суда. Его дело рассматривалось в военно-судебной комиссии, приговорившей Раевского к смертной казни, в Полевом аудиториате, признававшем его «Протест» справедливым, в Аудиториатском департаменте, в Следственном Комитете 1826 года, затем в «новой высочайше утвержденной комиссии» под председательством великого князя Константина Павловича, заключение которого было признано Николаем I слабым и, наконец, в Военном суде при Литовском корпусе под председательством великого князя Михаила Павловича, сумевшего понять, чего хотелось венценосному жандарму, тюремщику декабристов. Он вынес такое решение, которое было одобрено Николаем I. С этого момента начинается новая жизнь декабриста, жизнь ссыльная, жизнь поселенца в Сибири.

Эпиграфом ко второму, тюремному или крепостному периоду жизни первого декабриста могли бы служить его слова: «Тайна оставалась тайной и только 14 декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади». Годы жизни в крепости— это годы борьбы за сохранение тайны, которую пытались вырвать у него тюремщики: сначала Александр I, Сабанеев и Киселев, а затем Николай I, Михаил и Бенкендорф. Но тщетны были их усилия. Узник с «терпением мраморным» сносил свою «судьбу сурову» и нигде ни в чем не изменил. Он не только боролся за свою жизнь, он боролся за общее дело, в торжество которого верил. Декабрист не только боролся с врагами, но вёл революционную деятельность в стенах крепости. В крепости же он создал своеобразное публицистическое произведение «Протест», «Заметки о политике» и др. В крепости мужает его поэтический талант и он становится «Певцом в темнице», поэтом декабризма в период нарастания революционного подъема. Рылеев выступает на поэтическом поприще после Раевского. В крепости первый декабрист написал «Послание друзьям в Кишинев», «Певец в темнице», «Послание Пушкину», «На смерть моего скворца» и др. Присматриваясь к фактам, характеризующим его политическую и творческую деятельность этих лет, приходим к выводу, что активность и страстность борьбы в этот период не падает, а увеличивается. Его голос мужает, творчество совершенствуется. Декабрист приходит к глубоким и законченным социологическим и эстетическим выводам. И это понятно. Творческая деятельность первого декабриста была органически связана с революционным движением этих лет. Он и в эти годы был революционным деятелем, не прекращал борьбы. Военно-судная комиссия обратила исключительное внимание на предосудительную связь декабриста с солдатами, на Раевского «бунтовщика и главу злодейской шайки». «Протест» Раевского и «Замечания генерала Сабанеева» к нему раскрывают борьбу между различными группами в армии, указывают на объединение реакционных сил, приведшее к разгрому Кишиневской организации декабристов. В них же находим факты, характеризующие борьбу против этих реакционных сил. Арест Раевского был встречен всеобщим ликованием «киселистов», «рыцарей палки и носка». Но были люди, которые отказались принять участие в разнузданной кампании, организованной «киселистами» (Вяземский, Бучевский, Ревазов и др.) Сабанеев расправился с ними, а остальным пригрозил: «Те, кои ничего не покажут против Раевского, будут взяты государем императором на особое замечание и обойдены в представлении, а полк раскассирован». Генерал при этом сослался на «вышнюю волю».

После отстранения Орлова от командования дивизией, Таушева, Охотникова от службы, ареста полковника Непенина сопротивление было окончательно подавлено. «Киселисты» могли торжествовать, но на их пути неожиданно оказалась сила, которую они не могли сломить. Это были солдаты. В «Протесте», «Дополнении к протесту», «Оправдании» и в следственном деле Раевского раскрывается благородная роль солдат, втянутых в развернувшуюся борьбу. «Раевщина», как их злобно называл Сабанеев, с особой силой обнаружила себя во время следствия и суда над декабристом. Солдаты отказывались показывать против Раевского. Их пороли, били палками на допросах, не скупились на угрозы Камчатского кнута, сулили Сибирь, но они упорствовали. Раевский говорил: «они защищали свою честь и совесть». Добавим: они защищали также декабриста. Их пытались уговорить. Генералы Сабанеев, Вахтен, усердствующие офицеры, а также члены Военного суда, окружив песельников и солдат роты Раевского говорили: «Он уже погиб и без того! Говорите, показывайте; он будет сослан в Сибирь, а вы останетесь! Вы его не спасете, а сами погибнете!». Солдаты упорствовали. В 1826 году Николай I сделал на полях доклада такое замечание: «Из всех разнообразных показаний нижних чинов и запирательства некоторых, ясно видна их приверженность к Раевскому». Эта приверженность раскрыла тесную связь между бунговщиками-солдатами и бунтовщиком-офицером, подготовляющим их к бунту, к восстанию.

Раевский и был приговорен к «лишению живота» за подготовку к бунту и возмущению. В ответ на этот приговор был написан «Протест» (1823), в котором с большой силой проявились демократические симпатии декабриста. Он восхищен представителями «нижнего класса», солдатами, разоблачает наглый произвол, поправший законы, и заканчивает его словами: «Приговор недействителен, ибо нагло против прав есть». Красочность и эмоциональность, а главное — политическая целеустремленность «Протеста», этого своеобразного публицистического произведения, обеспечили ему успех в рукописной литературе. «Протест» очень тесно связан с «Посланием к друзьям в Кишинев». Он является реальным комментарием к посланию.

В крепости Раевским были сделаны также «Заметки о политике», в которых выражается положительное отношение автора к республиканскому правлению и ставится вопрос о *народном* (подчеркнуто Раевским) праве.

В Тираспольской крепости им были написаны: «Послание к друзьям в Кишинев», «Певец в темнице», «Послание А. С. Пушкину», «На смерть скворца». Политическая страстность и ху-

дожественная зрелость этих произведений обеспечили успех и распространение их в тайных рукописных списках. Они-то и создали Раевскому славу «Певца в темнице».

«Послание к друзьям в Кишинев», написанное вскоре после ареста первого декабриста,—один из ярких памятников потайной русской литературы. Оно известно в рукописной традиции также под названием «Певец в темнице» и «Рылеев в темнице». Искренность и сила чувства, романтическое воспевание подвига сочетаются в послании с непреклонностью поэта, его страстным протестом против произвола и насилия. Впечатляющая сила стихотворения увеличивалась еще и благодаря тому, что с ним связывалась мысль о судьбе поэта, о друге Пушкина. Послание ставит ряд животрепещущих вопросов. Голос поэта, раздающийся из мрачных стен заточенья, зовет к борьбе и подвигу. Он борется за «закон — гранит народных зданий», за закон, стоящий выше монарха. Так поэт-декабрист подходит к осмыслению царского произвола. Это позволяет углубить проблему, давно волновавшую его — проблему народа. В «Послании к друзьям» он говорит о царе-народе, основной силе.

Разрешение темы царя-народа исторически мотивировано, подтверждено историей. Отметив, что народ, подвластный страху, не смеет даже шопотом роптать, поэт, обращаясь к своим друзьям, призывает их «вызвать из мрака век полночной славы царя-народа»:

Пора, друзья, пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя – народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена[15].

Царь-народ противопоставлен царям кичливым. И он, народ, а не они, цари, основная сила.

В «Певце в темнице», написанном вслед за «Посланием к друзьям», Раевский осовременивает эту проблему. От истории он переходит к современности, к царской династии:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бачей кровавых род
И мысль и взор казнит на плахе,
И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный[16].

Читая эти строки, Пушкин признал, что «никто до Раевского не изображал ещё так сильно тирана: «И мысль и взор казнит на плахе». Хорошо выражение и о династии: «Бичей кровавых род»[17].

Поэт отмечает пассивность народа. «Немой народ под игом дремлет в тайном страхе», — горестно говорит он. Смущенный взор поэта обращается к истории, и перед ним раскрываются картины свободной народной жизни Новгорода и Пскова, сияют бессмертные имена богоподобной Борецкой и гордого республиканца Вадима. История вселяет уверенность в душу поэта, и он посвящает царю-народу вещие слова, проникнутые глубоким историческим оптимизмом:

Он пал на край могилы,
Но рано-ль, поздно-ль — опять
Восстанет он с ударом силы!

Как можно иначе понять этот «удар силы» как не образное выражение мысли о народной революции? Пусть народ задавлен «невежествующими и развращенными дворянами русскими», пусть он доведен «чуждым племенем» и «кровавыми бачами» до такого состояния, что о нём можно сказать: «он как тень», «немой народ», не смеющий даже шопотом роптать, что он даже «пал на край могилы!», но это временное явление. Он восстанет с ударом силы! Народ—решающая активная сила. В этом убеждает история.

Тема древней русской вольности, образы вольного Новгорода, Пскова и героев древности не случайно приковывают внимание Раевского. Обращение к ним являлось средством возбуждения и воспитания национальной гордости, свободолюбия. Поэт верит в народное пробуждение не только на основании осмысления исторического опыта. Он находит подтверждение своей мысли в современных ему фактах международной жизни. Национально-освободительная борьба в Греции рассматривалась им в таком именно плане:

Там вакхальный звон
Поколебал подземны своды!
И пробудил народный сон
И гидру дремлющей свободы.

Поэтому-то поэт обращается с призывом к друзьям, напоминает им, что их зовет «под сень священную знамен, на поле славы боевое» — долг, добро святое. В борьбе Греции за свою независимость поэт-декабрист видит пробуждение народной силы.

Образ народа неразрывно связан в «Послании к друзьям» и в «Певце в темнице» с образом поэта-певца. Поэт обязан

воспеть не только «подземные стоны и цепи», страдания жертв царской—зверской власти, но и воззвать к народу, напомнив ему «священны времена», славное историческое прошлое. Он должен развеять тайный страх и пробудить народ к деятельной жизни. Названные произведения являются вершиной литературно-эстетической мысли поэта-декабриста. В них он высказался о роли искусства, о роли гражданской поэзии. К этому программному высказыванию, адресованному Пушкину, Владимир Раевский шел последовательно и неуклонно. Литературные взгляды поэта-декабриста развивались и зрели в неразрывной связи с развитием его как политического деятеля и художника. Одним из ранних проявлений теоретического интереса к литературе является его конспект по истории античной литературы «Поэзия», в котором литература рассматривается как средство образования нравов. В 1821 году в стихотворении «Безумцы, оградясь обрядами» Раевский выдвигает требование: человек должен «зреть истину, прелестну наготой». Одновременно он отрицательно высказывается о пассивном романтизме («Вечер в Кишиневе», высказывания о «Беглеце» Вельтмана). Литературно-критический фельетон «Вечер в Кишиневе» раскрывает важнейшие литературно-эстетические проблемы, вокруг которых шли споры на кишиневских вечерах-дискуссиях (о художественном методе, о романтизме, о правде в изображении, об ответственности поэта за свою продукцию, о связи литературной и исторической проблематики).

В 1821 году Раевский составил «Курс поэзии» для преподавания поэзии в ланкастерской дивизионной школе, в котором рассматривал поэзию как одно из средств общественного, патриотического, революционного воспитания. «Курс поэзии» реализовал программные статьи «Законоположения союза Благоденствия» в области литературной политики. Он возник на основе осмысления, обобщения опыта развития русской литературы, как реализация программных положений декабристов в области искусства. В этом значение «Курса поэзии», созданного первым декабристом.

Литературно-эстетические взгляды Раевского получили дальнейшее развитие в тюремный, крепостной период. Его «Послание к друзьям» и «Певец в темнице» — конденсированное выражение, законченная литературно-эстетическая программа. Обращение к Пушкину не случайное явление в творческой биографии Раевского. Он был кишиневским другом Пушкина. Последний выслушивал от своего друга довольно резкие замечания, но не обижался, а шел навстречу таким разговорам. Пушкин «искал выслушивать бойкую речь Раевского», утверж-

дает один из участников кишиневских дискуссий.[18] В лице декабриста Пушкин нашел талантливого поэта, выдающегося темпераментного революционного деятеля, человека разносторонней образованности, тонкого ценителя и знатока поэзии. Кишиневская встреча и дружба были далеко не безразличны для политического и художественного развития поэтов. Они их взаимно обогатили. Литературные вечера-дискуссии, обычно проходившие в доме Липранди или Раевского, были богатой и многообразной школой для ее участников, а в особенности для Раевского и Пушкина. Они принимали самое деятельное участие на таких вечерах и обычно бывали «в схватке» друг с другом. Спорили о языке, о русской песне, об античной мифологии и ее месте в русской поэзии, об исторической теме в поэзии. Именно здесь Раевский утверждал, что «в русской поэзии не должно приводить ни имен из мифологии, ни исторических лиц Греции и Рима, что у нас то и другое есть свое».[19] Схватывались по вопросам истории и географии. На таких вечерах обсуждались вопросы, связанные с литературно-политической борьбой, с литературной практикой своего времени. Литературно-критический фельетон Раевского «Вечер в Кишиневе», написанный по поводу произведения Пушкина «Наполеон на Эльбе», рассказывает об одном из таких вечеров-дискуссий. Литературные схватки иногда заканчивались совместной творческой деятельностью. Так, на одном из вечеров была задумана Раевским и написана совместно с Пушкиным «Песня по поводу кончины подполковника Адамова». Под влиянием первого декабриста Пушкин основательно занялся историей, а в особенности географией. Он обращается к глубокой разработке национально-исторической темы, приступает к работе над сюжетом о Вадиме Новгородском. Его «Узник», «Сеятель», «Послание Раевскому» — поэтический отклик на эту дружбу. Высокими требованиями дружбы поэтов вызвано обращение-завет поэта-декабриста к «Певцу Кавказа» — Пушкину. В обращении «из стен глухой темницы» слышится требовательный голос возмужавшего наставника и друга-соратника:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь!
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,

Царя — народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена[20].

В этих словах дана законченная литературно-эстетическая программа общественного служения, которая ставит «Певца в темнице» — Раевского и «Певца Кавказа» — Пушкина выше «Певца туманного Альбиона» — Байрона.

Признавая Пушкина главою русского романтизма, поэт-декабрист указывает ему путь общественного служения, что должно было поставить его выше байроновского субъективизма и объективизма. Поэтически реализуя эту программу, Раевский создает образ «Певца в темнице». Это суровый спартанец, непреклонный борец за свои идеалы, не склонявший «рамен с главою ни перед людьми, ни перед судьбою». Поэт — «страстей высоких юный жрец». Мужественный, исполненный сил его голос раздается даже «из стен глухой темницы». Поэт-певец воспевает царя-народ, его славное прошлое, он считает, что настало время воззвать его славу «из мрака» истории. Он бичует кровавую зверскую власть. «Певец в темнице» зовет друзей «на поле славы боевое», в Грецию, где просыпается свобода. Это был живой и волнующий образ, своеобразие которого было в том, что он впитал биографические черты поэта, был неразрывно связан с личностью, с судьбою первого декабриста. Заключение в крепость, пребывание в ней на протяжении ряда лет, борьба поэта за свободу и жизнь послужили материалом не для горестных раздумий и сетований, а для жгучего протеста, для страстного политического обличения произвола, для раскрытия высокого общественного значения певца. Поэт звал на борьбу с произволом и самовластием. Он указывал и путь—к народу. Описание переживаний и дум певца в темнице усиливало гражданский пафос, свойственный творчеству поэта-декабриста. Шла речь не об отвлеченном романтическом герое, а о судьбе поэта-друга Пушкина и единомышленника Пестеля. В то же время «Певец в темнице» — лирический герой. Он впитал положительные черты революционера. Образ певца в темнице — положительный образ декабристской поэзии начала 20-х годов, когда освободительное движение нарастало, развивалось. Хотя поэт и в темнице, но он верит в торжество своего дела. Отсюда пафос его творчества. В «Послании к друзьям в Кишинев» и в «Певце в темнице»—синтез мотивов творчества Раевского. Эти произведения являются вершиной его поэзии.

Что касается «На смерть моего скворца», написанного в

Тираспольской крепости в 1824 году, то это стихотворение было, правда, не столь популярным как другие произведения, но и оно распространялось рукописным путем. Тема дружбы занимает видное место в творчестве Раевского (Послания Приклонскому, Батенькову, «Ода другу», «Мое прости друзьям», «К другу» и др.). Для поэта она «дар небес бесценный». В темнице он остался верным ее заветам, что видно из «Послания к друзьям». Развивались события. Поэт остался в одиночестве. Его переживания в этот период и нашли отражение в произведении «На смерть моего скворца». В нём дана одинокая, но не сломленная личность. Его слова, адресованные жестоким сердцам друзей, которым он советует брать пример от скворца-друга заключенного, полны горечи, но в них нет озлобления. Мысли и чувства поэта устремлены

Туда, где блещут чисты воды,
Где веет сладкий ветр свободы.

Певец обращает свой взор к борющейся Греции, где он найдет нравственное удовлетворение.

Таковы основные произведения, написанные Раевским в Тираспольской крепости.

Вскоре после восстания декабристов дело Раевского попадает в Следственный комитет, а он сам—в Петропавловскую крепость. В день казни Пестеля и его соратников Раевскому было предложено взять свой «Протест» обратно и согласиться с заключением Военно-судной комиссии. Декабрист отказался и поэтому был переведен в крепость Замостье, где было проведено новое следствие и суд, решение которого также не удовлетворило тюремщика декабристов Николая I. Дело Раевского поступило на рассмотрение великого князя Михаила Павловича, который и вынес такое решение, которое удовлетворило царя.

Многолетнее пребывание в крепости, смертный приговор, угроза казни, нравственные пытки не сломили первого декабриста. Он до конца остался верным долгу чести. «С терпеньем мраморным» он сносил удары судьбы, происки врагов. Тайна оставалась тайной и открылась она только на Сенатской площади в декабре 1825 года, но не в судебных комиссиях, ведущих дело декабриста Раевского. Мужественное поведение декабриста спасло тайное общество от преждевременного разгрома. Борьба за общее дело, за тайну придавала ему силы атлета. Он боролся не за свою жизнь, а за общее дело и это вселяло в него силу, уверенность. Этим объясняется характер его поведения на следствии, в комитете, в крепости: декабрист не защищался, а нападал и обличал своих врагов, черный трибунал, наёмную

ложь, предателей. В Кишиневе было общеизвестно, что на первом же допросе в следственной комиссии Раевский «дерзко отделал в лицо Сабанеева». Он также «дерзко отделал» великого князя Михаила на заседании комитета в 1826 году. Нападая на своих обвинителей, защищая святую для него тайну, первый декабрист защищал и своих друзей — солдат. Он возвысил свой голос за них в «Протесте», «Дополнении к Протесту» и в «Послании к друзьям в Кишинев». Во время пребывания в Петропавловской крепости Раевский написал «Оправдание», в котором даёт характеристику «дряни Александровского времени» (Герцен) — базы аракчеевской реакции и с восхищением говорит о солдатах. «Во всём моём деле, — пишет декабрист, — солдаты составляли краеугольный камень, о который все попытки обвинителей и клевета дробились». «Оправдание» выходит за рамки узко-биографического документа и представляет широкий интерес. Оно характеризует борьбу декабриста в 1826 году. Общую образную характеристику творчества «Певца в темнице» дал «Певец Кавказа». Прочитав одно из произведений Раевского, присланных из крепостного заключения, Пушкин отметил необыкновенную художественную силу в обрисовке тирана и существующей династии, сказав при этом пророчески: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого спартанца». Помолчав он добавил: «Эти стихи написаны в духе Тираспольской крепости».[21]

До 1822 года поэт Раевский был известен небольшому кругу читателей. После заключения в крепость его произведения становятся достоянием потайной литературы, расходятся в многочисленных списках по всей стране. Этому способствовали друзья поэта: Пушкин, Липранди, Таушев, Алексеев. В крепости, в «глухих стенах заточенья», Раевский также нашел себе друзей. В камере декабриста происходили страстные споры о литературе. Здесь обсуждались «Северные цветы», «Полярная звезда», «Сын отечества», спорили о романтизме, о Пушкине. Спорили о «Чернеце», о повести «Оскар и Альтос». Раевский потешался над «Беглецом» Вельтмана и «шутил над вошедшим в моду сего рода подражаниями и над самой повестью».

В камере Раевский занимался с распропагандированными офицерами по истории, русскому языку, географии, литературе. На этих занятиях объяснялось значение слов Конституция, Карбунар, Республика, Марат, Вашингтон. Под диктовку Раевского переписывался его «Протест», «Послание к друзьям в Кишинев». Оригинальные ученики декабриста, покоренные правдой и силой его чувства, распространяли «между офицерами и частными людьми разрушительные сочинения... стремясь пригото-

вить волнение умов к будущему.[22] Так было сказано в одном из доносов Бенкендорфу. Благодаря помощи друзей, произведения Раевского расходятся далеко за пределы Тирасполя и Кишинева и создают ему славу «Певца в темнице». Заветные произведения Пушкина, Рылеева, Раевского оказывали «живое и молодящее влияние» на русское общество. Голос «Певца в темнице» будил высокие гражданские мысли и чувства читателей. Третье отделение,. Бенкендорф преследовали, заключали в крепость за распространение произведений Раевского, что свидетельствует о их большом общественном значении.

В 20-х годах XIX века поэзия первого декабриста целиком подчинена идее общественного служения. Раевский выступает как ранний и наиболее зрелый представитель поэзии декабристов. Творческая деятельность Рылеева в основном падает на то время, когда Раевский был лишён возможности открыто выступать в поэзии. Рылеев продолжает линию развития, намеченную «Певцом в темнице». Первый декабрист был представителем активного социального романтизма. Он нападал на безвольный, пассивный романтизм, уводящий от жизни. Романтизм Раевского не был враждебен реализму. Он шел к нему. Поэт-декабрист выдвинул требование «нагой истины» и реализовал его в своей творческой практике. Он пытался перейти к прозе. Общественная деятельность, работа в тайном обществе, с юнкерами и солдатами, заключение в крепость и революционная деятельность в «стенах глухой темницы», борьба с «черным трибуналом» захватили поэта-революционера. В это время им создаются лучшие публицистические и поэтические произведения. В это же время им был создан образ положительного героя—образ певца в темнице, страстного и целеустремленного борца за общественные идеалы.

* * *

15 октября 1827 года Николай I утвердил решение третьего по счету суда, проходившего под наблюдением великого князя Михаила. Оно гласило: «Поведение подсудимого, образ мыслей и поступки столь важны, что он по всем существующим постановлениям подлежал бы лишению жизни». В качестве особой милости и снисхождения суд нашёл возможным, «лишив Раевского всех знаков отличия, звания дворянина, удалить его, как вредного в обществе человека, в Сибирь, на поселение».

«Спокойно я выслушал мою конфирмацию, — писал впоследствии декабрист, — скинул мой военный мундир и как поселенец отправлен в Сибирь под строгим надзором, на почтовых. В Иркутске уже знали, ожидали моего приезда. Я был встречен с

любопытством, вниманием...».[23] Для Раевского началась тяжкая ссыльная жизнь.

Казнью пяти декабристов начинается николаевская эпоха, которую Герцен удачно назвал «моровой язвой». Это было время, когда, по его же словам, «всё передовое, и энергическое вычеркнуто из жизни». Так был вычеркнут из жизни и Владимир Раевский. Но «гордое терпение, скорбный труд и дум высокое стремленье» первого декабриста не пропали даром. Мужественный голос «Певца в темнице» продолжал звучать и тревожить сердца людей и в эпоху «моровой полосы». Шеф жандармов и венценосный жандарм полагали, что окончательно сломили эту поистине неукротимую натуру и вычеркнули декабриста из жизни. На деле было иное. Раевский следовал в Сибирь, а в России в это время возникло дело о харьковских студентах, среди которых распространялись «зловредные сочинения» Пушкина и Раевского. Почти в это же время поступил донос на штабс-капитана Мозевского, «рассевавшего возмутительные сочинения майора Раевского... чем стремился подготовить волнение умов к будущему». Затем возникло дело о тайном обществе в Курске, где опять-таки фигурировали стихи Раевского. Агент-провокатор Роман Медокс, донося о Союзе Великого дела, имевшего своей целью ниспровержение правительства, называл также Раевского. В 50-60-е годы Раевский вместе с Петрашевским возглавляет общественное движение в Сибири, борется с Бакуниным. Их поддержит Герцен. Письма и статьи Раевского появятся в «Колоколе». Первый декабрист жил и боролся. Николай I и Бенкендорф были бессильны помешать этому. Не сломила его и ссылка в Сибирь: «Я потерял чины, ордена, меня лишили наследственного имения, — писал декабрист своей сестре, — но умственные мои силы, физическая крепость, моё имя осталось при мне».[24] В этих словах весь Раевский, вся его неукротимая энергия, мужественный и стойкий характер.

Первый декабрист был поселён в с. Олонках, недалеко от Иркутска. Сестры отказали ему в помощи. Пришлось думать о жизни в новых условиях. Раевский приписывается к сословию крестьян, становится членом Олонского крестьянского общества, вступает на путь трудовой деятельности. Его усыновила крестьянская семья. Вскоре ссыльный декабрист женится по чувству на простой, неграмотной крестьянской девушке Евдокии Моисеевне Середкиной. Своей жизнью в Сибири Раевский бросил вызов сословной чопорности, классовым дворянским предрассудкам. Он не только одел крестьянский кафтан, но вошёл в крестьянскую жизнь. Он занялся хлебопашеством, огородничеством, наса-

дил сад, имел парники. Он построил дом, хозяйственные пристройки, купил лошадей, приобрёл скот, развел птицу. Купил мельницу. Работал он также подрядчиком от крестьянского общества по поставке чая, вина. Затем был подрядчиком по найму рабочих на сибирские золотые промыслы.

Первый декабрист с такой же неукротимой энергией вторгался в новую жизнь, с какой он боролся с тиранами, чёрным трибуналом, продажными злодеями. Он занялся ботаникой, сельским хозяйством. Декабрист оставил добрую память среди населения. Следуя его примеру, крестьяне занялись огородничеством и Олонки покрылись огородами и парниками, чего раньше не было. Впервые в Иркутске арбузы появились с огородов Раевского. Ссыльный декабрист мог с полным правом подписаться в письме к Батенькову: «Олонской крестьянин Владимир Раевский». Однако не только хозяйственная деятельность способствовала доброй славе первого декабриста. Он вёл среди населения культурную работу, отстаивал их интересы. Раевский был первым народным учителем в Олонках, бескорыстно нёс знания в крестьянские массы. Он начал с того, что по принципу ланкастерской системы обучил свою жену, её брата и сестру, а закончил созданием школы в с. Олонках. Крестьяне шли в нужде к Раевскому за помощью и советом. Он часто выступал в роли крестьянского заступника. «Пока Владимир Федосеевич жив был, эти заседателишки и сунуться к нам не смели»,—вспоминает старик-крестьянин.[25] Что же удивительного в том, если крестьяне величали некоторых декабристов: «наши князья», а о первом декабристе говорили: «Мы с Раевским». Для них он действительно был Олонским крестьянином. Добрая память о Раевском сохранилась в Олонках до наших дней. В 1924—1925 г. г. советские исследователи записали в этом селе воспоминания и предания о Владимире Федосеевиче. Школа в Олонках носит имя устроителя-декабриста: «Школа имени Владимира Федосеевича Раевского».

Связи Раевского с товарищами по ссылке немногочисленны. Он и его семья бывали у Трубецкого, Волконского, Пущина и А. Н. Муравьева. Среди декабристов он «слыл за человека весьма умного, образованного и острого, но озлобленного и ядовитого». Решительный, неприкрытый демократизм Раевского, его здоровый практицизм приводил к обособленности. Для большинства декабристов он был человеком, не принадлежавшим к их кругу. Что касается его отношения к Симбирской администрации, то оно характеризуется тем, что в 20—50 годы ссыльный декабрист играл значительную роль в Сибирской администрации, в качестве негласного советника. Сибирский период

жизни Раевского характеризуется напряженной хозяйственной, культурной и общественной деятельностью. Он все больше и больше проникается интересами своей второй родины, Сибири, включается в активную деятельность.

В ссылке Раевский не прекращал поэтической деятельности. В 30-е годы были написаны: «Послание К-ву», «Она одна казалась мне мила», «Костиньке», «Не с болию, а с радостью», «Когда ты был младенцем» и др. Поэзия этих лет связана с новой жизнью, отражает переживания ссыльного поэта и «стаи той орлиной, которая исторгнута одной судьбиной» (Кюхельбекер). Его произведения этих лет являются памятником декабристской поэзии, каторги и ссылки. Первый декабрист вносит в неё оригинальный вклад. В сибирских произведениях этих лет преобладают мотивы одиночества. Наиболее полно они проявились в «Послании К-ву», (1829). В нём выражена ненависть и презрение к господствующему классу, к существующему строю. Обращаясь к другу, поэт с презрением характеризует безумный и лукавый людской род:

Зачем я благ земных желал,
Сдружившись с жизнью неземною?
И примирения искал
С людьми и грозною судьбою?
О, если б сто подземных жерл
Дохнуло пламенною лавой
На этот род безумный и лукавый!
Без слез, без горести б смотрел
На гибель их, на огненные волны,
И провиденьем довольный,
Я б этот час благославлял.

Презрение переходит в ненависть, приобретает большую социальную насыщенность. Поэт дает широкую характеристику «немощным слепцам», удел которых «ярём невольный» и постыдное ярмо бесчувственности. Эта характеристика заканчивается такими словами, посвященными «роду безумному и лукавому»:

С людьми я мира не просил,
Я их узнал, я их, чуждался —
Приветов, ласки их боялся,
И дружбы, как вражды крамольной трепетал.
Я видел, как укрыв оточенный кинжал,
Мне руки жмет с улыбкою лукавой
И крест на грудь кладет рукой еще кровавой
По человечеству мой брат!
Везде я слышал плач и жалобные стоны
И видел, как в пыли потоптаны лежали
Права народные, щит слабого — законы.

Эти слова, характеризующие общество, основанное на праве штыка и креста, раскрывают причины социального одиночества

поэта. Пафос обличения, свойственный этим стихам, показывает, что Раевский порывает с презренным обществом. Естественно и оправдано звучат слова «Послания»:

> Нет! Нет! Не обменю моей жестокой доли
> На славное ярмо,
> На эту цепь приманчивой неволи.

Поэт считает, что даже смерть явится лучшим выходом из одиночества, чем возвращение и примирение с дворянским обществом. Отказавшись от возвращения к «немощным слепцам», порвав с ними окончательно и бесповоротно, поэт обращается к новой для него действительности и перед ним раскрывается «дивное для смелой кисти поле». Он ищет путей для сближения с новой социальной средой. Эти мучительные переживания, вызванные переходом к новой жизни, раскрыты в «Послании к К-ву». Поэт еще верит в человека. Для возрождения к деятельной жизни ему нужно только теплое человеческое участие, нужна рука друга и тогда-то жизненная страсть, неукротимая энергия, жажда добра и света опять восторжествуют и вернут его к деятельной жизни. Это человеческое участие поэт-изгнанник находит в крестьянской девушке. Ее любовь явилась для него залогом новой жизни и пробуждения. Эти новые настроения выражены в стихотворении «Она всегда казалась мне мила». Владимир Раевский впервые в русской литературе опоэтизировал девушку-крестьянку, которая «рука с рукою, как крепкое с звеном звено», пошла в жизнь с «темничным жильцом», сказав ему отрадное «живи и раны сердца залечила». Обаятельный образ «сожительницы младой» раскрывается и в стихотворении «Не с болию, но с радостью душевной». Здесь она уже «кроткая и юная супруга с дитятею страданий на руках». В этом произведении выражена вера в жизнь, надежда на которую засветилась в душе изгнанника.

Семья была для Раевского тем звеном, которое связывало его с новой жизнью, приводило к восприятию трудовой жизни. Поэтому смерть сына-первенца буквально потрясла декабриста. Тот мир, который он создал для себя, который связывал и примирял его с новой судьбою — рушился. Тихий мир таил в себе тяжкие беды. Это новое горе переполнило чашу страданий поэта-изгнанника и повлекло наплыв религиозно-мистического настроения. Душевный кризис отразился в стихотворении «Костиньке», «Молитве», в дневнике «В воспоминание моему сыну».

Раевский вскоре нашел в себе внутренние силы и религиозно-мистическое настроение было преодолено, что чувствуется в двух его лирических набросках «Ужасна смерть преступника на плахе» и «Когда ты был младенцем в колыбели».

В первые же годы пребывания в Сибири Раевский связался с группой сибирских, красноярских романтиков, объединившихся вокруг «Енисейского альманаха» (А. П. и Н. А. Степановы, И. М. Петров, А. Н. Кузьмин и др.). В альманах он послал «Послание к К-ву», которое не было пропущено московской цензурой. Остался испытанный путь — рукописная литература. Поэт-декабрист обогатил русскую бесцензурную литературу конца 20-х годов ещё одним интересным и своеобразным произведением.

В 40-е годы Раевский создает ряд новых произведений. В русской литературе этого времени происходят значительные изменения. Теряют свое значение произведения представителя романтизма Марлинского, но зато все большую и большую популярность приобретает реалистическое наследство Пушкина, Лермонтова, Кольцова, развертывается деятельность «натуральной школы», достигает расцвета деятельность В. Г. Белинского. В поэзии выступает Огарев, творчество которого является продолжением поэтических традиций декабристов. Из декабристов в эти годы творят только В. Кюхельбекер и В. Раевский. Их творчество продолжает линию гражданского высокого романтизма. Первым декабристом в 40-е годы написаны «Икугуан», «Предсмертная дума», «Послание дочери Саше». Им были пересмотрены также и вновь отредактированы произведения, написанные в крепости. Стихотворение «Икугуан» или «Дума», написанное в 1846 году, воспевает грозную и величественную природу Сибири. Любуясь ею, поэт дышит «силой и свободой». «Предсмертная дума» и «Послание дочери» связаны между собой. «Дума» оправдывает жизнь поэта-изгнанника, оставшегося верным до конца служению «высокой страсти». Поэт верит в то, что его жизнь вызовет одобрительную улыбку друзей. Через 30 лет декабрист еще раз вернется к «Предсмертной думе» и ею закончит творческий и жизненный путь.

«Послание дочери Саше» с особой силой развивает демократические мотивы. Оно преисполнено любви к людям. Обращаясь к дочери, вступающей в жизнь, поэт-отец рассказывает ей о своей жизни, раскрывает «книгу протекшего» и вот встают картины юных лет, борьбы «с бурей и грозой», сияет «свет зари», к которому стремился юноша-поэт, а затем идут ужасные картины суда, вероломство друзей, тяжкие годы в «стенах глухого заточенья» и наконец жизнь в Сибири, жизнь изгнанника. Заключая эту «книгу страданий», поэт заявляет:

Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил...

Отец предостерегает дочь от светской черни, живущей в вечно шумном маскараде, торгующей ложью. Широкая картина лишений и страданий нужна поэту-изгнаннику не для того, чтобы вызвать слезу сострадания из глаз дочери, а для другой, высокой цели. Она раскрывается в словах «Послания»:

И мысль и цель тебе передаю,
Тот знает их, кто знает жизнь мою...
Иди ж вперед к призванью смело,
Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.
Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеймил и рабством и позором...
Иди вперед...
Я знаю сам, трудна твоя дорога,
Но радостно по ней итти вперед[26].

Это слова завета молодому поколению. Поэт глубоко верит в то, что его дело не пропало, что дело декабристов будет продолжено новым, молодым поколением, которое «и делом и подвигом святым» заставит людей «чтить и понимать уроки». Эволюция творчества декабриста завершается тем, что демократические мотивы становятся господствующими мотивами его творчества. В нём появляются такие мотивы, которые позднее получат развитие в творчестве писателей народников.

В 50—60-е годы Раевский продолжает общественную и поэтическую деятельность в Сибири. Он не остался в стороне от общественно-политической борьбы и принял участие в борьбе с реакционными общественными силами, защищавшими явно изживающую себя феодально-крепостническую систему.

В 1856 году, в связи с общей амнистией декабристов, Раевскому и его детям было «даровано потомственное дворянство, только без права на прежнее имущество, с разрешением вернуться из Сибири и жить в России, за исключением столиц и столичных городов». Одновременно с этим указом было дано предписание об установлении тайного полицейского надзора за амнистированным декабристом. Через два года после «милости» Раевский предпринял поездку в Россию. Он побывал в Нижнем-Новгороде, Москве, Петербурге и Курске. В Москве первый декабрист восстановил связи с кишиневскими товарищами (Вельтманом, Горчаковым). Целью поездки было устройство судьбы детей (у него было три дочери и пять сыновей). Сестры, захватившие его часть наследства, почти отказали в по-

мощи брату. Только Вера Федосеевна, любимая сестра декабриста, усыновила Вадима. Раевский окончательно убедился в том, что родственные связи порваны. С тяжелым сердцем он покидает родные неприветливые места и возвращается на свою вторую родину, в Сибирь. Во время поездки им была написана «Собственноручная автобиографическая записка» и дневник, известный под названием «Возвращение». Он интересен как историко-психологический документ.[27]

Возвращение в Сибирь совпало с усилением общественно-политической борьбы прогрессивных сил Сибири с реакционерами,аманатами-опричниками, как называл их декабрист. Карьеристы и взяточники наводнили Сибирь и с 1857 года стали оказывать решающее влияние на её жизнь. Они установили в Сибири режим, напоминавший мрачные времена Анны и Бирона Раевский вынужден был признать, что он «не может быть адвокатом народным». «И тогда-то, — пишет декабрист, — я сошёл со сцены». Петрашевский и Раевский возглавили борьбу против этих аманатов-опричников. Им пришлось бороться также против Бакунина, который по словам Маркса, в эти годы «пользовался особыми милостями Муравьева Амурского».

В письмах к Герцену Бакунин обрушил громы и молнии на Раевского и Петрашевского, всячески клеветал на них, чернил, добиваясь того, чтобы «Колокол» выступил против них. «Колокол» ответил на эту враждебную деятельность Бакунина тем, что выступил в защиту Раевского и Петрашевского. Не случайно этот период деятельности Бакунина в Сибири привлёк внимание Маркса и Энгельса, которые в своей работе «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих», к главе «Альянс в России», дали добавление «Геджра Бакунина». Они разоблачили враждебную деятельность последнего, направленную против Петрашевского и прогрессивных сил Сибири. Статьи Раевского («Заметки в Сибири», «Письмо Колоколу» и др.) печатались в вольных русских изданиях. Есть основания полагать, что в Иркутске рукописным путем распространялись сатиры Раевского. Это вызвало бешеную злобу «опричников», преследовавших декабриста. Они наняли шпиона, который неотступно следовал за ним и строчил доносы. Реакция расправилась с прогрессивным движением Сибири: Петрашевский, петрашевец Львов были высланы из Иркутска. Либеральный чиновник Неклюдов, располагавший фактами и пригрозивший их обнародовать для разоблачения колониальной системы управления страной как Муравьевым, так и аманатами-опричниками, был злодейски умерщвлен под видом дуэли. Опасаясь за участь своих старших сыновей, служивших в управлении Сибири,

Раевский спешно переводит их при помощи Вельтмана в Россию. Декабрист и сам был не прочь выехать из Сибири. Он знал, чем может закончиться борьба: конец Неклюдова был перед глазами. И он не ошибся. В 1863 году на Раевского было организовано покушение. Во время одной из дальних поездок он подвергся нападению. «Убийцы не докончили убийства, но истязали меня жестоко», — писал он сестре. Памятниками этих бурных лет, кроме названных выше произведений, являются письма декабриста к Батенькову и Вельтману[28]. В них раскрываются общественно-политические взгляды Раевского на Россию и народ, на крепостничество, общественную жизнь и литературу. Они характеризуются прогрессивным, демократическим характером. Разоблачая представителей реакционной, славянофильской, либеральной мысли, Раевский связывает развитие идей, завещанных новому поколению декабристами, с демократическими силами.

Последние годы жизни Владимира Федосеевича Раевского складываются тяжело. Удар за ударом падает на плечи старика-декабриста. Он теряет былую жизненную стойкость. Больной, одинокий,—дети разлетелись из родительского гнезда,—доживал декабрист свою суровую жизнь. В эти годы он приступил к «Воспоминаниям». В 1872 году во время поездки по какому-то делу в Балагин Владимир Федосеевич Раевский умер в деревне Малышевке. «Не хороните меня в церковной ограде, а похороните на кладбище в степи: там просторнее, светлее и веселее»,—просил он. Его просьба была выполнена. Из Малышевки тело Раевского перевезли в с. Олонки и похоронили за селом, на светлом просторе.

Декабрист умер так же мужественно, как мужественно он жил. Перед кончиной, в минуты предсмертных страданий, он написал «Предсмертную думу», которая включает мотивы, образы и даже части его ранних произведений. Поэт озирает свой жизненный путь. Он говорит о своём безмолвном страдании во имя любви к людям, о тяжком труде во имя блистающей, светлой зари будущего. Умирая, поэт сказал:

Не для себя я в этом мире жил
И людям жизнь я щедро раздарил...
И жизнь моя прошла, как метеор.
Мой кончен путь, конец борьбе с судьбой,
Я выдержал с людьми опасный спор —
И падаю пред силой неземною!
К чему мне бесплодный плач людей?
Перед ними — ответ мой кончен без ошибки.
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

В этих предсмертных словах поэта-декабриста опять чувствуется несгибаемая воля борца. Они достойно заключают высокий гражданский подвиг поэта-патриота, певца в темнице, с благородной щедростью раздарившего яркую, светлую жизнь своей родине, народу.

* * *

В. И. Ленин указывает на то, что русское революционное движение начинается с восстания декабристов. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма», — говорит он. Против феодально-крепостного строя выступили «дворянские революционеры». Ярким представителем первого этапа революционного русского движения является Владимир Федосеевич Раевский. Его интенсивная революционная деятельность среди солдатской массы, деятельность в Сибири показывает, что он шагнул за рамки дворянской революционности. Демократом-просветителем он остался до конца своей жизни. Первый декабрист бесстрашно принял на себя первые удары самодержавно-крепостнического строя и своим мужественным поведением спас декабристское движение от преждевременного разгрома. Его поэтическая деятельность, его поэтическое наследство обогащают наши представления о декабристской поэзии.

Владимир Раевский занимает место в истории русского революционного движения как один из сподвижников Пестеля. В истории общественной мысли он сказал своё слово «Рассуждением о рабстве крестьян», «Рассуждением о солдате», «Протестом» и другими публицистическими произведениями, характеризующими публицистическую мысль первого этапа освободительного движения. В истории русской поэзии Раевский-поэт занимает определенное место. Его творчество является связующим звеном между поэтами-радищевцами и декабристами. Раевский — крупный поэт, он предвосхищает Рылеева, уступая последнему в разносторонности дарования, но превосходя его как певец в темнице. Им был создан положительный лирический герой и этим была разрешена проблема положительного героя, поставленная поэзией 20-х годов. Имя первого декабриста должно занять своё место и в истории русской философской и эстетической мысли. Он был представителем русской наступательной материалистической мысли 10—20-х годов XIX века. Раев-
жно занять своё место и в истории русской философской и эсте-
он впервые использовал школу для организованной пропаганды революционных идей в демократической среде. Владимир Раевский относится к числу тех русских деятелей, которые «щедро

раздарили свою жизнь» людям своей родины. Его жизнь и деятельность вызывают законное чувство национальной гордости.

В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» сказал: «Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».[29]

К числу таких «богатырей, кованных из чистой стали» и «воинов-сподвижников» принадлежит Владимир Раевский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. И. ЛЕНИН Соч., т. XV, стр. 468—469.

2. М. В. НЕЧКИНА. А. С. Грибоедов и декабристы. Академия Наук СССР, М. Госполитиздат, 1947, стр. 78.

3. П. Е. ЩЕГОЛЕВ. Исторические этюды. СПБ, 1913, стр. 166.

4. См. письмо декабриста к сестре Вере Федосеевне Поповой, датированное 21 мая 1868 г. — Русская старина, 1902, III, стр. 599.

5. Стихотворение опубликовано в Альманахе «Литературный Ульяновск», 1947, № 1, стр. 129. Цитируем по этой публикации.

6. Пушкинский юбилейный сборник (Ученые записки Ульяновского педагогического института), Ульяновск, 1949, стр. 256—257. Почти все цитаты из стихотворений, рассуждений, записок и писем С. Ф. Раевского, приводимые в настоящей статье, взяты из Пушкинского сборника («Новое о Раевском», стр. 210—346). В дальнейшем будут даваться ссылки только при использовании других источников.

7. Русская старина, 1902, III, стр. 599.

8. П. Е. ЩЕГОЛЕВ. Исторические этюды. СПБ, 1913, стр. 167—168.

9. См. «Неопубликованный Раевский»; Волжская новь, 1940, № 10, стр. 274.

10. Восстание декабристов. Материалы, т. IV, 1927 г, стр. 192.

11. Сборник русского исторического общества, т. 78, стр. 93.

12. М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. 1906, стр. 36.

13. Русская старина, 1882, III, стр. 102.

14. К. Ф. КУДРЯВЦЕВ. Первый декабрист В. Ф. Раевский в Олонках, сб. «Сибирь и декабристы», 1927, стр. 68.

15. Поэты-декабристы. Стихотворения, библиотека поэта, Л. 1949, стр. 251.

16. Там же, стр. 243.

[17]. М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому «Пушкин. Временник», № 6, стр. 47.

[18]. И. П. ЛИПРАНДИ. Из дневника и воспоминаний. «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников», ГИХЛ, 1936, стр. 206.

[19]. Там же, стр. 206.

[20] Поэты-декабристы, Л. 1949, стр. 250—251.

[21]. «Пушкин. Временник», № 6, стр. 47.

[22] Деятельность Раевского в крепости освещена в моей статье «Дело Мозевского», Пушкинский юбилейный сборник, Ульяновск, 1949, стр. 58—73.

[23]. Русская старина, 1902, III, стр. 599.

[24]. Там же.

[25]. Б. КУБАЛОВ. Симбирское общество и декабристы. «Каторга и ссылка», 1925, № 8.

[26]. Русская старина, 1890, № 5, стр. 365—380.

[27]. «Автобиографическая записка» опубликована в Пушкинском сборнике, а «Возвращение» опубликовано П. Е. Щеголевым под названием «Возвращение декабриста», «Современник», 1912, кн. XII; стр. 287.

[28]. Письма опубликованы в «Пушкинском сборнике».

[29]. Сб. «Ленин о литературе», ГИХЛ, М. 1941, стр. 10—11.

П. Бейсов

КУРС ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА РАЕВСКОГО

В 1820—22 годах Раевский интенсивно работает над крупными проблемами в области философии, социологии и эстетики. В эти годы он пишет: «Рассуждение о рабстве крестьян», «Рассуждение о солдате», «О существе законов Монтескье», «Вечер в Кишиневе». В эти же годы им разрабатываются курсы истории и поэзии. В этих работах, а также в практической революционной и пропагандистской деятельности Раевского, раскрывается система его социально-политических и эстетических взглядов. Первый декабрист был видным представителем активного материализма, ярким социологом и страстным борцом. Его социально-политическая программа характеризуется антикрепостнической, демократической направленностью. Раевский останавливается на важнейших проблемах своего времени: рабстве крестьян, необходимости скорого преобразования России, о путях преобразования, об основных движущих силах, о форме правления, о народе, о роли и значении поэта и литературы. Весь этот комплекс проблем неразрывен. Эстетические взгляды Раевского развивались в процессе его политической, революционной деятельности и являются частью его материалистической философской системы взглядов. В его статьях, критических высказываниях, относящихся к 1818—1822 гг., дана система взглядов на литературу. Одним из наиболее ранних свидетельств интереса декабриста к вопросам литературы является его конспект по истории античной литературы под названием «Поэзия» (1818). В философском фрагменте «Одинакая целость разума или ум» (1819) есть определение эстетики. Отношение декабриста к пассивному романтизму выражено в литературно-критическом фельетоне «Вечер в Кишиневе» (1821), а также в критических замечаниях о «Беглеце» Вельтмана (1823).[1] Деятельность первого декабриста в этом направлении завершилась созданием «Курса поэзии» (1821—22 гг.,), читаемого в ланкастерской школе. Развитие положений курса дается в «Послании к друзьям

в Кишинев» (1822) и в «Певце в темнице» (1822), вершинных произведениях декабриста. Существование «Курса поэзии» устанавливается на основе материалов из следственного дела Раевского. В рапорте военной судебной комиссии на имя кн. Михаила Павловича, вслед за первым и вторым пунктами, в которых Раевский обвиняется в распространении слов «Свобода, Равенство, Конституция» и имен «Квирога, Вашингтон, Мирабо», идет третий пункт, гласящий: «Показаниями юнкеров изобличен Раевский, что, обучая их поэзии, выбирал для сего примеры из стихов такие, кои хотя и пропущены цензурою, но содержат в себе свободные мысли»[2]. Примеры эти, воспроизведенные для комиссии прапорщиком Шпажинским, приводятся в разделе носящем название: «О правилах Раевского учения юнкеров поэзии, означающих в себе свободные мысли»[3]. И наконец—сам декабрист в своих показаниях пишет по этому поводу следующее: «Правила поэзии составлял сам, а примеры списывал из разных авторов»[4]. Другими словами, Раевский разработал курс поэзии, читаемый им в ланкастерской школе. Сами «Правила поэзии», к сожалению, не сохранились. Они, повидимому, были уничтожены или самим автором, или К. Охотниковым вместе с прописями, в которых были слова «Свобода, Равенство, Конституция». Следственные материалы, тетради юнкеров, примеры Шпажинского и дело Мозевского все же дают возможность установить общее очертание «Курса поэзии» Владимира Раевского.

Литературные взгляды первого декабриста формировались и зрели в неразрывной связи с развитием его как политического деятеля и поэта. В период увлечения легкой поэзией, когда он «пел и Вакха и любовь», Раевский пишет оду «К лире», в которой воспевается лира, верный друг задумчивых часов. Вдохновение уносит поэта в мир иной, его полет ума, восторг воображенья «ничтожной суеты превыше воспарит». Эти анакреонтически-сентиментальные взгляды соответствовали настроению автора, ищущего убежища в смиренной хижине. Вскоре это стремление уйти под сень «безбедной обители» преодолевается и поэт включается в активную борьбу, становится революционером. Соответственно изменяются и его взгляды на поэзию, на литературу. Он делает попытку теоретического осмысления литературы. Одним из ранних проявлений такого интереса Раевского к литературе является его тетрадь «Поэзия». В тетради дается конспективное изложение истории античной литературы. Она открывается общей характеристикой поэзии: «Одним из главнейших видов поэзии сначала было образование нравов». За этими словами идет характеристика различных жанров, оп-

ределяется их роль; эпические поэмы прославляют нас под видом аллегории; оды — прославляют дела великих мужей и возбуждают других подражать им; трагедии — вдыхают в нас презрение к порокам и почтение к добродетели; комедия и сатира — направляют нас, увеселяя и охуляя пороки и странности; элегия — дабы лить слезы на гробы людей, достойных сожаления; эклоги — воспевать невинность и забавы сельской жизни. Ясно, что в этих характеристиках выражено основное положение конспекта: поэзия была средством образования нравов.

Как понимал Раевский образование нравов покажет, пожалуй, выдержка из этого конспекта о Лукреции Каре. О гениальном поэте-философе Лукреции Каре, представителе атомистического мировоззрения в конспекте «Поэзия» сказано следующее: «Никогда человек с такою дерзостию (смелостию) не опровергал провидение как он. Он говорил о божестве с презрением и дерзостью. Во всех своих сочинениях он говорит, что бог не занимается и не вмешивается ни во что»[6].

В 1819—22 гг. (до крепости) литературные взгляды Раевского развиваются полнее, что соответствует интенсивной, творческой и общественно-политической деятельности первого декабриста. Он по-новому решает вопрос о роли и значении писателя, о роли литературы, как средстве общественного воспитания. Поэта интересует проблема художественного метода воспитания. В 1821 году он выдвигает требование «нагой истины» («Безумцы, оградясь обрядами») и одновременно отрицательно высказывается о пассивном романтизме. Весьма важен в этом отношении его критический фельетон «Вечер в Кишиневе», в котором дана зарисовка одной из творческих кишиневских дискуссий 1821—22 гг., происходивших обычно в доме Липранди или в квартире Раевского. На таких вечерах присутствовали В. Ф. Раевский, Пушкин, Охотников, Вельтман, Горчаков, Алексеев, Липранди и др. В спорах самое деятельное участие принимали В. Ф. Раевский и Пушкин, которые обычно бывали «в схватке» друг с другом. Спорили о языке, о русской песне, об античной мифологии и ее месте в русской поэзии, об исторической теме в поэзии. «Схватывались» по вопросам истории и географии. На таких вечерах не было карт и танцев, но шла шумная беседа. Иногда происходили забавные сценки. Один раз в квартире Раевского Пушкин ошибочно указал на карте местность в одном из европейских государств. Раевский кликнул своего крепостного человека и приказал ему показать на карте, висевшей на стене комнаты, пункт, о котором шел спор. Человек Раевского тотчас это исполнил. Пушкин при этом смеялся больше других но на другой день взял «Мальтебрюна»[7]. Пушкин

выслушивал от Раевского довольно резкие замечания, но не обижался, а шел навстречу таким разговорам. Желая удовлетворить свою любознательность, Пушкин «искал выслушивать бойкую речь Раевского», — утверждает современник. В лице Раевского Пушкин нашел талантливого поэта, выдающегося революционного, темпераментного деятеля, человека разносторонней образованности, тонкого ценителя и знатока поэзии. Под влиянием первого декабриста Пушкин основательно занялся историей, а в особенности географией. Кишиневская встреча и дружба, связывавшая поэтов, была далеко не безразлична для политического и художественного развития обоих поэтов, она взаимно обогащала поэтов. Под влиянием Раевского Пушкин обращается к глубокой разработке национально-исторической темы, приступает к работе над сюжетом о Вадиме Новгородском. Литературные схватки иногда заканчивались совместной творческой деятельностью. Так, на одном из таких вечеров была задумана и написана Раевским и Пушкиным «Песня по поводу кончины подполковника Адамова». Литературные дискуссии были богатой и многообразной школой для ее участников, а в особенности для Раевского и Пушкина. На них обсуждались вопросы, связанные с литературно-политической борьбой, с литературной практикой своего времени. Литературно-критический фельетон Раевского «Вечер в Кишиневе», написанный по поводу «Наполеона на Эльбе», раскрывает важнейшие литературно-эстетические проблемы, вокруг которых шла перепалка на одном из вечеров-дискуссий[8]. «Схватка» была по ряду вопросов, связанных между собой: о художественном методе, о романтизме, о правильности изображения, об ответственности поэта за свою продукцию. Критические замечания Раевского направлены не против «Наполеона на Эльбе», написанного Пушкиным в 1815 году, а против мечтательного, элегического романтизма Жуковского, под влиянием которого было написано критикуемое стихотворение. Первый декабрист был сторонником активного социального романтизма, в котором уже отчетливо проявилась тенденция — «Зреть истину прелестну наготою». Это одно из требований реализма. В критическом фельетоне он выступает также с требованием правдивости поэзии. Не нужно забывать, что пушкинская теория реализма сложилась в основных чертах в 1825 году. Следовательно положение первого декабриста, высказанное в 1821 году, имеет важное значение. Уже в эти годы в «схватках» с первым декабристом нащупывалось решение этой важнейшей художественной проблемы. Выступая против элегического романтизма, Раевский боролся против враждебного

ему литературного направления. Это не единственное выступление Раевского. Несколько позднее, уже в крепости, он с таких же позиций будет критиковать «Беглеца» Вельтмана. Попутно отметим, что споры по литературно-эстетическим вопросам перемежались, были связаны с обсуждением «исторических вопросов, с вопросами о славной богатой истории русских славян». Здесь раздавались имена Святослава, Олега. «Вечер в Кишиневе» дает представление о круге исторических вопросов, которые волновали Раевского и Пушкина.[9] Он же свидетельствует об органической связи литературной проблематики с исторической.

Решая вопрос о художественном методе, борясь с элегическим романтизмом, Раевский одновременно ставил вопрос и о роли поэта, который должен был быть активным политическим деятелем. Ему претил антисоциальный, пассивный романтизм Жуковского.

Вероятно в одно время с написанием критического фельетона Раевский создавал «Курс поэзии». Мысли, выраженные в наброске «Вечер в Кишиневе», связаны с «Курсом поэзии», читаемым в ланкастерской дивизионной школе.

Составление «Курса поэзии» имеет исключительное значение. Известны критические статьи Бестужева, Кюхельбекера, Рылеева, появившиеся в 1823—25 г.г. в «Сыне отечества», «Соревнователе», «Полярной звезде». Нужно назвать также статьи О. Сомова. Но теперь можно говорить и о теоретическом курсе, созданном «первым декабристом» в 1821—22 гг. Это единственная попытка создать законченную литературно-эстетическую систему, создать теоретический курс в соответствии с требованиями «Законоположения» тайного общества декабристов «Союза Благоденствия».[10] Сам курс, как было сказано выше, погиб, но изучение материалов допроса, тетрадей юнкеров и архива Раевского дает некоторое представление о нем. Обратимся к его характеристике. Первое, что обращает на себя внимание это то, что курс построен исключительно на материале русской, преимущественно современной поэзии. Автор берет примеры из Державина, Карамзина, Батюшкова, Гнедича, Жуковского, Милонова. Пушкин и Рылеев не названы в тетрадях юнкеров, но в архивах Раевского есть их произведения. Они были также использованы для обучения словесности Мозевского, о котором будет сказано ниже. Надо полагать, что для этой же цели Раевским привлекалась античная литература, материалы по которой даны в рукописи «Поэзия». В этой рукописи-конспекте дана характеристика Гомера, Гезиода, Тиртея, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона, Лукреция, Виргилия, Горация, Овидия и

др. В тетрадях юнкеров встречаются имена Августа, Мецената, Аристотеля и др., что подтверждает использование названной рукописи. Можно сказать, что «Курс поэзии» строился на материалах современной русской поэзии и античной литературы. На уроках поэзии и русского языка Раевским были использованы такие произведения русских поэтов: «Властителям и судиям», «На смерть князя Мещерского», и, повидимому, «Вельможа» Державина; «Премудрость Екклезиаста», «Марфа посадница или покорение Новогорода» Карамзина; «Переход через Рейн», «Элегия на развалинах замка в Швеции», «Мои пенаты», «Плен Гаральда Смелого» Батюшкова; «Пери и ангел» Жуковского; «Послание перуанца к испанцу» Гнедича; «Похвала сельской жизни» Милонова. Во время занятий в крепости с Мозевским — «Временщику» Рылеева, «Деревня» и «Вольность» Пушкина. Примерами из этих произведений Раевский иллюстрировал даваемые им правила поэзии. На этих материалах им был поставлен и решен основной вопрос эстетики — вопрос о роли искусства и об отношении искусства к действительности. Общественное значение искусства, его гражданский характер был совершенно ясен для декабриста. Это видно из того, что он использовал литературу как средство воспитания гражданского чувства. Его правила поэзии, говорится в следственном деле, «означали в себе свободные мысли». Примеры подбирались так, что, обучая поэзии, он воспитывал у слушателей свободолюбие. Эта тема разрешалась в плане воспитания патриотизма, прославления подвига, прославления смерти за свободу Родины. С этой целью давались, например, отрывки из «Пери и ангел» Жуковского. В этой выдержке говорится о патриотическом подвиге в борьбе против истребителя свободы свирепого Ганзы вихря войны, протекшего по Индии бедою:

И видит пери с вышины
На поле страха и войны
Боец в крови, но с бодрым оком;
Перед отеческим потоком
Стоит один – и за спиной –
Колчан с последнею стрелой.
Кругом товарищи сраженны, –
Лицом бесстрашного плененный,
«Живи!» – тиран ему сказал.
Но воин молча указал
На обагренны кровью воды,
И истребителю свободы
Послал ответ своей стрелой.
По твердой броне полевой
Стрела скользнула... Жив губитель!
На трупы братий пал их мститель,
И вдаль помчался шумный бой!

Из этого же призведения Раевский давал такой отрывок, в котором еще в большей мере раскрывается пропагандистская направленность его занятий по поэзии:

«Богам угодное даянье,
Она сказала, я нашла.
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы.
Чистейшие эдемски воды
С ней не сравнятся никогда.

Тема свободолюбия разрешалась также и в другом плане: в плане борьбы с самодержавным властителем и тираном. Для этой цели Раевский использовал отрывки из стихотворения «Перуанец к испанцу»:

Рушитель моей отчизны и свободы
О, ты!.. Что посмеясь святым правам природы,
Злодейств неслыханных в земле пример явил,
Всего священного на век меня лишил.
Доколе в варварстве, не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья?
Властитель и тиран моих плачевных дней,
Кто право дал тебе над жизнию моей?
Закон?.. Какой закон? Одной рукой природы
Создан и ты и я, и всей земли народы.

Эти слова из стихотворения Гнедича «Перуанец к испанцу» в устах Владимира Раевского приобретали особый смысл. Они были адресованы самодержавному тирану. Этот отрывок юнкера заучивали наизусть. На уроках поэзии, при изучении правил поэзии, давались и еще более резкие в своем социальном звучании поэтические примеры. Так, следственная комиссия, например, разыскивала такой отрывок, данный Раевским на уроке поэзии для заучивания наизусть:

Погибни же сей мир, в котором беспрестанно
Невинность попрана, злодейство увенчанно;
Где слабость есть порок, а сила — все права!
Где поседевшая в злодействах голова
Бессильного гнетет, невинность поражает!
И кровь их на себе порфирой прикрывает![11]

Эти стихи настолько ярки и определенны в своей направленности, что сами говорят за себя. Именно к подобным стихам относится злобное замечание генерала Сабанеева: «Примеры сии совершенно в духе Раевского». Тираноборческие стихи Гнедича дополнялись стихами Державина «Властителям и судиям», «Вельможа», «На смерть князя Мещерского». Мотив бренности жизни, неизбежности и равности удела всех живущих привлекает внимание Раевского. Сошлемся на такой отрывок для заучивания:

И царь и раб его, безумец и мудрец,
Невинная душа, изменник, изверг злобы —
Исчезнут все, как тень. Придет всему конец,
На всех грозится смерть, для всех отверсты гробы.[12]

Эта неизбежность смерти связывается у Раевского не с мистическими, а с тираноборческими настроениями. Развивая чувство свободолюбия и патриотизма, Раевский, естественно, должен был развивать и чувство национальной гордости. Вопрос о самобытности русской жизни, русской мысли глубоко волновал первого декабриста. Поэт-декабрист, «любовью чистою к отчизне возбужденный», не желая «быть игрушкою шутов и обезьян»— космополитов, разоблачает их и определяет в «Послании к Приклонскому» политическое значение их вредоносной деятельности такими словами:

Из всех гражданских зол — всего опасней, злей,
Для духа нации есть чуждым подражанье.[13]

Он верит в то, что искра гражданства, которая зажглась в России, и просвещение вылечат болезненные умы, подвергнутые болезни, ядотворные семена которой были засеяны Екатериной и дали обильные всходы при Александре I. «С новою зарею,— говорит поэт-патриот,—русское любить пройдет безумный страх». В этих словах Раевского — ключ для понимания его отношения к национальной культуре, к русской научной мысли. Первый декабрист был принципиальным сторонником духовного развития на своеземной почве. Он был яростным противником обезъянего преклонения перед «творителями помад». Побудительной силой, заставляющей его бороться против «тиранов народных и эгоистов», против «шутов и обезьян» — космополитов, является «Патриотизм — сей светильник жизни гражданской».[14] С этих общих принципиальных позиций он подходил и к воспитанию патриотизма и чувства национальной гордости среди юнкеров и солдат.

В лекциях с солдатами он обращался к Суворову, Кутузову, а в «Курсе поэзии» — к истории Новгорода, используя, в частности, историческую повесть Карамзина «Марфа посадница», отрывки из которой также давались юнкерам. Другими словами, реализовывалась та установка, которая высказывалась Раевским в «схватках» с Пушкиным. В этих спорах он утверждал, что «в русской поэзии не должно приводить ни имен из мифологии, ни исторических лиц Греции и Рима — что у нас то и другое есть свое».[15] Эта мысль и реализована первым декабристом в курсе, что видно из приведенного выше примера. Интересно отметить, что в тетрадях юнкеров нет мифологических

имен. В курсе поэзии декабрист был более последователен, чем в своем творчестве тюремного периода. В «Послании к друзьям», например, мифологические имена встречаются довольно часто. Тема древней русской вольности, образы древних героев Вадима, Марфы, Святослава, Владимира применялись в полном соответствии с теми принципиальными положениями, которые были выдвинуты Раевским в спорах с Пушкиным. Позднее, в 1825 году, эту же мысль выскажет Рылеев в предисловии к отдельному изданию своих дум в таких словах: «Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его с светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к Родине».[16] Это же преследовал Раевский не только программными положениями в спорах с Пушкиным, в «Послании к друзьям» и «Певце в темнице», но и в созданном им «Курсе поэии», в преподавании. В «Курсе поэзии» Раевского известное место должна была занимать и политическая лирика Рылеева и Пушкина. В тетрадях юнкеров и солдат нет примеров из их творчества, но в черновых бумагах Раевского есть «Деревня», «К временщику». Просто невероятно, чтобы Раевский в своем курсе так или иначе не остановился бы на их творчестве. Можно сослаться на его преподавательскую практику в Тираспольской крепости. В 1822—1823 году, находясь в крепости, он обучал русскому языку и— «выговору русской словесности» штабс-капитана Мозевского. В бумагах Мозевского есть такие же примеры и отрывки, какие имеются в тетрадях юнкеров (напр. из Гнедича). Но у него же есть стихи Пушкина и Рылеева («Вольность», «Деревня», « К временщику»). Это не может быть случайным. Совершенно очевидно, что если не с юнкерами, то с Мозевским при обучении его русской словесности шла речь о Пушкине, Рылееве. Мало этого. На уроках поэзии и грамматики он использовал и свои произведения. В тетради Мозевского, например, дается отрывок из «Послания к друзьям» (от слов: «Еще расцвет душистой розы и т. д.». Всего 26 стихов) для иллюстрации грамматического правила.[17]

Итак, совершенно очевидно, что «Курс поэзии» Владимира Раевского рассматривал литературу как одно из средств общественного, патриотического, революционного воспитания. Раевский подчинил литературу благородному служению жизни. Можно думать, что «Курс поэзии» реализовал программные статьи «Законоположения Союза Благоденствия» в области литературной политики. Законоположение вменяло своим членам в обя-

занность «убеждать, что сила и прелесть стихотворения не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности, ни в непонятности, но *живости* писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств *высоких* и к добру увлекающих». Дальше говорилось, что задача заключалась в том, чтобы «изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, облагородствовании и возвышении нравственного существа нашего».[18] Этих программных положений придерживались поэты-декабристы (Рылеев, Кюхельбекер и др.). Они же были положены в основу деятельности литературных кружков и обществ, близких к декабристам («Зеленая лампа», «Вольное общество любителей российской словесности»). Ими руководствовался и В. Раевский в своей практической, преподавательской деятельности и при составлении «Курса поэзии». Рассматривая вопрос о роли литературы, автор курса должен был остановиться и на роли поэта. В сохранившихся работах юнкеров нет записей по этому вопросу, но все же можно точно сказать о том, как этот вопрос решался декабристом. Ответ на него найдем в «Послании к друзьям» и в «Певце в темнице». Поэт — «страстей высоких юный жрец». Его задачи очерчены в дружеском обращении Раевского к Пушкину.

Надо думать, что этот курс включал также обзор русской литературы, начиная от Державина. Перечень имен поэтов, к творчеству которых обращался Раевский, показывает, что в обзоре есть представители различных направлений поэзии 10-х годов XIX века: гражданской, сентиментальной, анакреонтической. Судя по тому как Раевский относился к Державину и Батюшкову, а также по количеству примеров в тетрадях, основное место в обзоре отводилось этим поэтам.

В правилах учения поэзии давалось также представление о поэтических жанрах: элегии, послании, философской лирике, эпической песне. В этом легко убедиться, обратившись к примерам в тетрадях юнкеров, которые представляют указанные жанры. С уверенностью можно сказать, что в курсе шла речь о стихосложении и языке. В черновых бумагах декабриста сохранился лист, на котором написаны первые три строфы стихотворения Батюшкова «Переход через Рейн». Первая строфа разбита на стопы, поставлены ударения: определялся размер произведения. Вторые две строфы носят следы работы над звуковой стороной языка произведения. В этих строфах применена фонетическая транскрипция во многих словах, например: ат строя атделясь, халмов, акрестность, аблаках; льиошся; мечиом; вре-

мион, племион и др. Сверху каждого такого слова обязательно дано правильное написание и соответствующим значком (≈) указано, что данный звук является сочетанием двух букв (мечом, времен и др.)[19]. Такое фонетическое написание необходимо было для объяснения музыкальности, благозвучия поэтической речи.

Вопросы языка всегда привлекали внимание поэта-декабриста. Среди кишиневских друзей он слыл, по словам Горчакова, «большим пюристом-грамматиком», который «никогда не мог подарить Пушкину ни одного ошибочного слова, хотя б то наскоро сказанного или почти неуловимого неправильного ударения в слове».[20] Раевский остался верным себе даже в крепости. Он и здесь интересовался вопросами языка. В ответах на вопросные пункты судебных комиссий, следственного комитета декабрист включал пространные филологические рассуждения о смысловых оттенках слова (напр. удар), о видах речений (простом и переносом в связи с выдержками из письма Охотникова), о звучании литер Ч и Ш и соответствующем значении слов и т. п. Ясно, что автор «Курса поэзии» не мог обойти этот вопрос. Фонетическое написание «Перехода через Рейн»—одно из подтверждений нашего предположения. Вероятно в связи с языком рассматривался вопрос и о народно-поэтическом, точнее — песенном языке. Известен горячий спор между Пушкиным и Раевским по поводу выражения: «режь меня, жги меня». Кто-то из них утверждал, что «жги» принадлежит русской песне, и что вместо «режь» слово—«говори» имеет в пытке то же значение.[21] В этом споре нас привлекает его основа: обращение к устному народному творчеству. Народная поэзия была, надо полагать, достаточно глубоко известна первому декабристу, если он вступил в «схватку» с Пушкиным, увлекавшимся в эти годы собиранием народных произведений.

В творчестве Раевского интерес к фольклору нашел слабое отражение. Можно назвать только его «Песню» (Полно плакать и кручиниться), возможно, отрывок, — «О юноши, смело идите», да отдельные постоянные эпитеты: шелковая трава, горячая слеза, луга шелковые и др., встречающиеся в его ранних произведениях («Плач негра») и др., как свидетельство интереса к устному народному творчеству.[22] Мы знаем также, что первый декабрист страстно любил русскую народную песню. Исходя из всего этого, можно говорить не только о фольклорных мотивах в творчестве Раевского, но можно допустить, что занятия по курсу поэзии и языку могли включать примеры из устного народного творчества. В этом случае он мог следовать, например,

«Риторике» и «Российской грамматике» Ломоносова, включившем в эти работы русские пословицы, отрывки из русских песен.

Таковы те скудные сведения, которыми мы располагаем о «Курсе поэзии» Владимира Раевского. Судя по характеру примеров, записей в тетрадях юнкеров, назначению курса—его можно назвать «Практическим курсом русской поэзии». Приходится сожалеть о гибели столь примечательного памятника декабристской литературоведческой мысли.

Повидимому нами дана неполная характеристика «Курса поэзии». Возможно, что разделы этого курса давались не в такой последовательности, в какой они названы в настоящем обзоре, а сама форма и порядок изложения были иными. Но бесспорным является существование такого курса и бесспорно разрешение в нем крупнейших литературно-эстетических проблем. И еще одно важное обстоятельство нужно отметить: «Курс поэзии» Владимира Раевского явился не в результате переработки идей западноевропейских эстетик на русской почве, не как результат ассимиляции западных эстетических систем, а как осмысление, обобщение опыта развития русской литературы, как реализация программных положений декабристов в области искусства. В этом основное значение «Курса поэзии», созданного первым декабристом.

Литературно-эстетические взгляды Раевского получили дальнейшее развитие в тюремный, крепостной период. Его «Послание к друзьям в Кишинев» и «Певец в темнице» — конденсированное выражение и развитие основных положений «Курса поэзии».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий обзор этого материала дан в «Пушкинском юбилейном сборнике», Ученые записки Ульяновского педагогического института, 1949 г., стр. 335. В дальнейшем для краткости — «Пушкинский сборник». Фрагмент «Одинакая целость разума...», взят В. Ф. Раевским из книги «Биологическое исследование природы в творящем и творимом ея качестве... Сочинение Данила Велланского, Спб., 1812, стр. 278.

2. ЛОЦИА, ф. 9/ВИА, св. 18, № 42, т. 1, § 3, лл. 7—8.

3. Там же, т. III, под лит. А, к № 42 «О майоре 32-го Егерского полка Раевском 5-м», лл., 118—121.

4. Там же, под лит. А, т. 2, л. 117.

5. «Пушкинский сборник», стр. 335.

6. ЛОЦИА, лит. В, т. 12, к. № 42, л. 90.

7. И. П Липранди «Из дневника и воспоминаний», сб. Пуш-

кин в воспоминаниях и рассказах современников, Л. 1936, стр. 204.

8. Фельетон опубликован в «Литературном наследстве», № 16—18, стр. 660—666.

9. Н. Н. Степанов «Исторические воззрения Пушкина», Л., 1949, стр. 9.

10. О деятельности тайных обществ в соответствии с требованиями Законоположения см. Б. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм», из-во Академии наук, 1937, стр. 43 и др.

11. Эти примеры приведены прапорщиком Шпажинским для Военно-судебной комиссии, см. ЛОЦИА, (ВИА), св. 18, д. № 42, под лит. А, т. 3, лл. 116—119; т. 1, л. 370; см. также «Пушкинский сборник», стр. 335—337. Интересен также отрывок из произведения Милонова:

Блажен кто жизнь свою в свободе провождает,
Как первобытныя вселенный гражданин,
Доставшийся ему удел распространяет,
И в отческих полях работает один.

Злобное замечание Сабанеева следовало за таким отрывком, воспроизведенным Шпажинским:

А здесь, где некогда по дебрям разносились
Восторги диких свирепых мятежей,
Где дубы на кострах торжественных дымились,
При общем дележе добыч от грабежей —
Здесь ратные поля Германа и Аттилы
Труд дивный, города и нивы обратил.
Замолк позорный глас невежества и силы
И пламенник в умах свой свет разлил.

12. ЛОЦИА, т. III, лит. А, к. № 42, л. 119.

13. Пушкинский сборник, стр. 283.

14. «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России», Пушкинский сборник, стр. 252.

15. Липранди «Из дневника и воспоминаний», сб. Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, Л. 1936, стр. 206.

16. Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, ред. А. Г. Цейтлина, 1934, стр. 120.

17. ЦАР, к. № 417, л. 41.

18. Цитируем по книге Б. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм», М-Л, 1936, стр. 43—44.

19. ЛОЦИА, черновые бумаги майора Раевского, Л. В. т. 12, к. № 42, л. 167.

20. В. П. Горчаков «Выдержки из дневника об А. С. Пушкине», сб. Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, Л. 1936, стр. 158.

21. И. П. Липранди «Из дневника и воспоминаний», там же, стр. 221.

22. Пушкинский сборник, стр. 257, 262. Фольклорные мотивы в поэзии Раевского отмечает М. Азадовский в статье «Декабристская фольклористика», Вестник Ленинградского Университета, 1948, № 1, стр. 90.

Н. Д. Григорьев,
кандидат филологических наук

ПРОБЛЕМА ЛИРИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАЯКОВСКОГО*

Гениальная оценка, которую в 1935 году дал Маяковскому товарищ Сталин, вызвала к жизни около сорока газетно-журнальных статей и ряд общих критико-биографических работ о поэте, авторы которых в основном правильно ставят вопрос об основополагающем значении лирической поэзии Маяковского. Общий недостаток статей о лирике Маяковского заключается в том, что они нередко носят декларативный характер, что из всей суммы вопросов в них изолировано рассматриваются лишь некоторые вопросы лирической поэзии Маяковского, как правило, без учета непрерывного идейно-художественного роста и развития поэта, что проблема лирики Маяковского не ставится в связь с решением проблемы социалистической лирики вообще и т. д. и т. п.

Цель настоящей работы и состоит в том, чтобы по мере сил и возможности ее автора, хотя бы частично, восполнить эти пробелы в изучении творчества зачинателя поэзии социализма.

Оценка Маяковского как «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», данная товарищем Сталиным, определяет возможность широкого, подлинно научного изучения многогранной деятельности Маяковского, является руководящим положением и в разработке темы Маяковский-лирик.

Сталинская оценка Маяковского вооружила исследователя его лирической поэзии твердым и ясным пониманием того, что из всех советских поэтов именно Маяковскому удалось политически правильнее и художественно выразительнее, чем другим, запечатлеть нашу великую советскую эпоху, эпоху самой острой борьбы за коммунизм, что именно ему основательнее и глубже

*) Глава из кандидатской диссертации: «Маяковский-лирик. (Послеоктябрьский период творчества)», защищенной в марте 1950 г. в Московском областном педагогическом институте.

всех других поэтов-современников удалось постигнуть и художественно раскрыть дотоле неизвестные мировой поэзии качества характера нового советского человека — борца, строителя, воина, его благородно-возвышенные мысли и чувства.

Величайшее значение сталинской оценки Маяковского состоит в том, что она нанесла сокрушительный удар по антипатриотической, эстетской, космополитической и открыто вражеской критике, в свое время утверждавшей, что Маяковский не пролетарский, не революционный поэт.

Правильное понимание Маяковским конечных целей и текущих задач революции, бескорыстное служение народу, родине, коммунистической партии, т. е. все то, что и явилось содержанием его послеоктябрьской поэзии, позволило В. И. Ленину в марте 1922 г., когда Маяковский еще не достиг вершин своего поэтического мастерства, положительно оценить его сатирическое стихотворение «Прозаседавшиеся».[1]

Ленинские слова, угадывающие тенденции дальнейшего идейно-художественного роста и развития боевого поэта революции, помогли Маяковскому утвердиться на позициях социалистического реализма и создать непревзойденные образцы социалистической поэзии.

В свете ленинско-сталинской оценки творчества Маяковского, безусловно ценным для разработки нашей темы является высказывание о поэте М. И. Калинина, назвавшего Маяковского «великолепным образцом служения советскому народу», «бойцом революции», стремившимся «слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений», и указавшего на эпохиальное величие голоса Маяковского — поэтического выразителя мыслей и чувств «наших поколений, преобразующих мир на новых началах». (М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, М-Л, 1948, 64—65).

* * *

По установившейся традиции художественную литературу до сих пор делят на три рода — эпос, лирику и драму, классическую характеристику которым дал в свое время В. Г. Белинский в знаменитой, не утратившей своего значения и сегодня статье «Разделение поэзии на роды и виды».

Считая драматургию синтезом эпоса и лирики, «венцом поэзии», об отличии лирики от эпоса он писал: «В эпосе субъект поглощен предметом; в лирике он не только переносит в себя

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, 177, изд. 3-е. Все последующие ленинские цитаты даются по этому изданию.

предмет, растворяет, проникает его собою, но и изводит из своей внутренней глубины все те ощущения, которые пробудило в нем столкновение с предметом. Лирика дает слово и образ немым ощущениям, выводит их из душного заточения тесной груди на свежий воздух художественной жизни, дает им особное существование».[1]

Иными словами говоря, лирика есть поэтическое выражение субъективных мыслей и чувств человека, одна из форм художественного отражения и познания объективной действительности, частью которой является и сам человек, действительности, прошедшей через сознание поэта и индивидуализированной им, окрашенной в те или иные оценочные его эмоции.

Поэтому «содержание лирического произведения не есть уже развитие объективного происшествия, но сам субъект и все, что проходит через него».[2]

Однако мысль и чувства субъекта «и все, что проходит через него», отливаясь в эмоционально-выразительные слова лирика, обретая свое «особное существование», как бы объективизируются, становятся достоянием не только автора, но и массы его читателей и слушателей, превращаясь в определенную силу влияния на них. Понятно, что степень этого влияния находится в прямой зависимости от многих факторов, в частности от личности поэта, являющегося главным героем лирической поэзии — его мировоззрения и таланта. Чем выше сознание поэта, чем шире и глубже его знание жизни и активнее участие в ней, чем разностороннее и богаче духовные его интересы, тем ярче проявится его талант, доступнее будут ему тенденции развития человеческой личности и общества, тем обобщеннее, типичнее политически острей, ближе и понятнее массам будут его мысли и чувства, тем большей силой воздействия на жизнь будут они обладать.

Белинский справедливо считал, что предметом лирической поэзии может и должна быть не только частная жизнь человека, но и «все общее, все субстанциальное, всякая идея, всякая мысль — основные двигатели мира в жизни»...[3]

Однако он отдавал себе полный отчет в том, что сделать общее содержание лирической поэзии можно лишь при условии, если оно будет «претворено в кровное достояние субъекта», войдет в его ощущение, будет «связано не с какою-либо одною его стороною, но со всею целостию его существа».[4]

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. соч., М., 1947, 183.
[2] Там же, стр. 185.
[3] Там же, стр. 183.
[4] Там же, стр. 183.

Что понималось Белинским под этим общим, мы хорошо знаем: «Социальность, социальность—или смерть! Вот девиз мой!... Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысячи! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей».[1]

Известно, что взгляды Белинского на литературу вообще и лирику в частности были приняты революционно-демократической критикой 60-х г. XIX столетия и в соответствии с задачами, стоявшими перед художественной литературой на новом этапе русской революции, получили свое дальнейшее развитие в системе философско-эстетических воззрений Чернышевского и Добролюбова, в их борьбе с проявлениями идеализма в искусстве, с теориями чистого искусства, толкавшими писателя на путь мистики и созерцательного невмешательства в жизнь.

Как и Белинский, Чернышевский и Добролюбов требовали от литературы служения большим идеям и высоким идеалам, продиктованным борьбой народа за свое освобождение от крепостнического рабства. «Общеинтересное в жизни, — писал Чернышевский, — вот содержание искусства».[2] «Только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи».[3]

Мы любим нашу великую классическую русскую литературу и гордимся ею перед всем миром потому, что творцы ее смело ставили в своих произведениях коренные вопросы жизни народа и в решении их были верны взглядам своих великих революционных учителей.

«История народа принадлежит поэту», — писал Пушкин Н. Гнедичу.[4]

«Я лиру посвятил народу своему», — заявил Некрасов.[5] «...Я старался, — говорил он, — внушить молодежи любовь к народу, к бедным и угнетенным и ненависть к угнетателям!»[6]

Однако, крепостнический строй жизни царской России тя-

---

[1] Письмо к Боткину от 8/IX—1941. В. Г. Белинский. Письма, т. II, С — Петербург, 1914, 266.

[2] Н. Г. Чернышевский. Статьи по эстетике, М., 1938, 124.

[3] Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. (эстетика, критика) 1934, 443.

[4] А. С. Пушкин. Сочинения, т. 1, Переписка, СПБ, 1906, 182.

[5] Н. А. Некрасов. Избр. соч. 1947, 209.

[6] «Звенья», вып. III—IV.

готел над сознанием наших писателей—классиков тяжелым кошмаром. Готовые гибнуть за свои убеждения, они мучительно терзались невозможностью осуществить на деле свои идеалы «добра, света и истины». Жгущий сердца людей глагол поэта не доходил до «взывающего о сознательном существовании» забитого и неграмотного народа.

О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?

— трагически восклицал Пушкин, полный тревоги за судьбу своего народа и своей родины.[1]

Строй этих же мыслей и чувств прекрасно выражен им и в другом, написанном после разгрома декабристского движения, стихотворении «Эхо»:

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом, —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва!.. Таков
И ты, поэт!

Та же «гадость действительности, глухота и немота окружающего»[2] исторгали из груди поэта революционной демократии — Некрасова — элегические стихи, перекликающиеся с пушкинским «Эхо»:

И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...[3]

Усилия наших великих писателей и поэтов прошлого, прекрасно понимавших, что всё подлинно человеческое находится «в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут»,[4] и были направлены на революционное преодоление этого противоречия, на претворение общего «в кровное достояние субъекта».

---

[1] А. С. Пушкин. Сочинения, Л., 1936, 334.
[2] Н. А. Некрасов. Собр. соч., т. V, М—Л., 1930, 220.
[3] Н. А. Некрасов. Избран., соч., 1947, 209.
[4] В. Г. Белинский. Письма, т. III, С—П, 1914, 311.

Маяковский пришел в литературу в годы, когда «на свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекавшиеся от народа, провозгласившие тезис «искусство ради искусства», проповедывавшие безидейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растление погоней за красивой формой без содержания».[1]

Заявив себя поэтом «безъязыкой улицы», он решительно выступил против сереньких, чирикающих перепелами поэтов-декадентов, обеспокоенных «мыслью одной — «изящно пляшу ли»:

Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если
такие, как вы,
творцы —
мне наплевать на всякое искусство[2].

Резкий протест дореволюционного Маяковского против существовавших порядков жизни и жирных ее хозяев, шедший под лозунгом: «Долой вашу любовь», «Долой ваше искусство», «Долой ваш строй», «Долой вашу религию» опирался на недовольство этими порядками трудового народа, на революционное движение масс, готовивших себя к победному штурму капитализма, и являлся продолжением все той же борьбы за претворение общего «в кровное достояние субъекта» в новых исторических условиях.

Однако, отсутствие у Маяковского этих лет непосредственных связей с революционным рабочим движением и практического участия в нем помешало ему стать еще тогда законченным пролетарским поэтом, что и дало себя знать в элементах стихийного бунтарства, трагической жертвенности и мотивах одиночества, присущих его доoктябрьской поэзии.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эре в развитии человечества, приобщив Маяковского к передовым революционным силам эпохи, помогла ему сбросить с плеч бунтарско-жертвеннические лохмотья мелкобуржуазной идеологии и вырасти в первого талантливейшего поэта коммунизма. Ни с чем несравнимую радость

---

[1] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, 12.

[2] В. В. Маяковский. Полное собр., соч., ГИХЛ, М. 1939, т. 1. Все последующие цитаты даются по этому изданию.

этого приобщения поэт позднее прекрасно выразил в одной из строф поэмы «В. И. Ленин»:

Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!

(т. VI, 224—225).

2.

Уничтожив позорный эксплоататорский строй жизни, Октябрьская революция сняла вековое противоречие между личностью и обществом, возвратила человека «к своему человеческому, т. е. общественному, бытию».[1]

Новая социалистическая действительность, новый советский человек — преобразователь мира, коммунистическое решение проблемы личного и общественного и определили содержание и сущность лирики послеоктябрьского Маяковского. Глубокое понимание и острое ощущение им новизны социалистического общества, мыслей и чувств свободного советского человека, обретшего свое счастье, смысл и цель жизни в единении с коллективом, позволили поэту заложить основы качественно иной по сравнению со всей предыдущей лирикой — основы лирики социалистической.

Отражая в себе величайшие изменения, происшедшие в общественной жизни нашей страны, в сердце и сознании советского человека, Маяковский впервые в истории мировой поэзии получил возможность проповедывать любовь уже не «враждебным словом отрицанья», а горячим словом утверждения, делясь своими переживаниями непосредственно с теми, «кому посвящены мечтания поэта»:

Их лица ясны,
яснее, чем блюдце,
где надо — хмуреют,
где надо — смеются.
Пусть тот,
кто советам
не знает цену,
со мною станет
от радости пьяным:

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 622.

где можно
еще
читать во дворце —
Что?
Стихи!
Кому?
Крестьянам!
(т. VIII, 387—388).

Переживания, изолированные от внешних обстоятельств жизни человека, оказались чуждыми и враждебными лирике Маяковского потому, что переживания самого поэта вызывались волнующими советский народ событиями жизни страны, т. е. общим, ставшим, наконец, «кровным достоянием субъекта», факторами объективной, социалистической действительности, вбираемой лирическим «я» поэта революции в орбиту своего бытия.

После смерти Маяковского некоторые критики писали о том, что Маяковский-лирик откроется полностью только теперь, когда будет изучено все его поэтическое наследство, в котором, как предполагали эти недальновидные критики, обнаружится немало лирических стихов, не предназначавшихся для печати. В действительности таких интимно-лирических стихотворений у Маяковского не оказалось, потому что самой интимной его темой была тема революции и коммунизма.

Его неоднократные заявления о влюбленности в коммуну (т. VIII, 76), о неразделимости понятия счастья, любви и коммунизма (т. VII, 196) — прямые доказательства этого.

Маяковский писал такой обобщающей силы лирические стихи, эмоции которых адресовались и его любимой и всему советскому народу одновременно:

Дайте крепкий стих
годочков этак на сто,
чтоб не таял стих,
как дым клубимый,
чтоб стихом таким
звенеть
и хвастать
перед временем,
перед республикой,
перед любимой.
(Т. VIII, 195).

Он писал такие стихи, которые не могли носить характера частных дневниковых записей самодовольного человека, отгородившегося от жизни узко-личным счастьем, потому что

Вопрос
о личном счастьи
не прост.

Когда на республику
лезут громилы,
личное счастье —
это
рост
республики нашей,
богатства и силы.
(Т. VIII, 354).

Идейно-художественное новаторство Маяковского - лирика и заключается прежде всего в том, что он с предельной возможностью расширил узкие рамки лирических переживаний человека, сблизил поэзию с жизнью, обогатил личность ее непосредственными связями с действительностью, ее активными действиями, направленными на переделку мира.

Маяковский отдавал себе полный отчет в том, что своим идейно-художественным новаторством в области поэзии он обязан Октябрьской революции, в корне изменившей строй жизни нашего народа, ее организатору и вдохновителю — коммунистической партии большевиков, вооружившей поэта самым передовым марксистско-ленинским мировоззрением и тем самым научившей его правильно видеть и понимать жизнь.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП. (Т. II, 55).

Большевистская партийность, означающая беззаветную преданность и бескорыстное служение великим идеям марксизма-ленинизма и политике большевистской партии, претворяющей эти великие идеи в жизнь, и была основным творческим принципом послеоктябрьского Маяковского-лирика.

«В чем насущность сегодняшней поэзии? — спрашивал поэт читателя в предисловии к революционной хрестоматии футуристов «Ржаное слово», изданной в 1918 г. И отвечал: — «Да здравствует социализм» — под этим лозунгом строит новую жизнь политик.

«Да здравствует социализм» — этим возвышенный идет под дула красноармеец.

«Днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь», — говорит поэт.

Если б дело было в идее, в чувстве — всех троих пришлось бы назвать поэтами. Идея одна. Чувство одно.

Разница только в способе выражения» (т. II, 468).

Еще в 1847 году в статье «Коммунисты и К. Гейнцен» Энгельс, ставя вопрос о задачах партийной прессы, указывал на

то, что она обязана прежде всего «обсудить, развивать и защищать требования партии, отвергать и опровергать претензии и утверждения противной партии».[1]

Эти основополагающие принципы марксизма о партийности печати вообще и художественной литературы в частности, как известно, были впоследствии прекрасно разработаны В. И. Лениным в его статье 1905 г. «Партийная организация и партийная литература», провозгласившей литературное дело «частью общепролетарского дела», «колесиком и винтиком» одного единого великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса».[2]

В статье этой, заложившей «все основы, на которых базируется развитие нашей советской литературы»,[3] Ленин первый с предельной четкостью выразил сущность ее большевистской партийности. «Это будет, — писал он, — свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)».[4]

Маяковскому, обретшему в дни революции «новые, огромные идеи», было ясно, что «только Октябрь, освободивший искусство от работы на брюхастого, выцилиндренного заказчика, дал фактическую свободу искусства» и что «только в спайке с рабочей революцией — расцвет искусства будущего» (т. II, 502).

Подлинно свободная его поэзия оказалась в высшей степени партийной потому, что она была вызвана к жизни и вдохновлена великой идеей социализма, героической борьбой нашего народа за претворение этой великой идеи в действительность.

---

[1] Маркс и Энгельс. Сочинения, т. V, 184.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. VIII, 387.

[3] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, 25.

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. VIII, 390.

В своих очерках 1923 г. «Смотр французского искусства» Маяковский разоблачил зависимое «от денежного мешка, от подкупа, от содержания»[1] современное ему искусство буржуазного Запада, указывая на то, что «носителями вкуса; носителями художественных идей Франции» являются владетели художественных лавочек — купцы. «Эстеты, — писал он, — кричат о свободе творчества! Каждый ребенок в Париже знает, что никто не вылезет к славе, если ее не начнет делать тот или иной торговец» (т. VII, 302).

Продажным, душевно опустошенным творцам вырождающегося буржуазного искусства поэт противопоставлял писателей молодой советской, открыто связанной с пролетариатом литературы, которых он назвал «водителями мирового искусства, носителями авангардных идей» (т. VII, 314).

«Все то, что творят сейчас писатели России, — говорил Маяковский корреспонденту варшавской газеты «Польска вольность» в 1927 г., — это поэзия действия, борьбы за права человека труда. Я свободный человек и писатель. Ни от кого я материально независим. А морально я связан с тем революционным движением, которое переустраивает Россию на началах социального равенства».[2]

Будучи неразрывно связанным с революционным движением, перестраивающим не только Россию, но и весь мир, поэт не мог не считать политику нашей партии, стоящей во главе этого движения, своим самым личным делом и поэтому самым первым предметом своей лирической поэзии.

Как будто
годы
взял за чуб я —
— Станьте
и не пылите-ка! —
рукою
своею собственной
щупаю
бестелое слово
«политика».

(Т. IX, 183)

«Недостаток партийной определенности, партийной организованности, — писал В. И. Ленин в 1917 г., — означает классовую неустойчивость...».[3]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. VIII, 389.

[2] Цит. по В. Катаняну: «Маяковский, литературная хроника», М., 1945, 184.

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. XX, 419.

«Прочь маску беспартийности, да здравствует ясность и определенность политической линии! — таков наш пароль», — учит нас товарищ Сталин.[1]

«Самое сильное наше оружие — большевистская мысль», — заявлял Маяковский, считавший политику большевистской партии жизненной основой своего советского государства.

В одном из публичных выступлений 1929 г., иллюстрируя историческую давность борьбы передовой революционной поэзии за партийность, поэт ссылался на известную стихотворную полемику 40-х годов прошлого столетия Гервега с Фрейлигратом.

В стихах, написанных по поводу расстрела испанского роялиста, Фрейлиграт писал:

Так чувствую. Вам по душе иное.
Что до того поэту? Знает он:
Грешат равно и в Трое и вне Трои
С седых Приамовых времен.
Он в Бонапарте чтит владыку рока,
Он д'Энгиена палачей клеймит.
Поэт на башне более высокой
Чем стража партии стоит.

Возражая Фрейлиграту, его апологии аполитичности, Гервег в «Рейнской газете», которую редактировал К. Маркс, отвечал:

Примкните же к какому-нибудь стану!
Позор вкушать заоблачный покой,
Стих, как и меч, врагу наносит рану,
Разите ж им, вступив в великий бой!
Должна быть верность избранному стягу,
Пусть вашим будет этот или тот!
Я своему принес навек присягу,
И мне венок пусть партия сплетет.

(См. т. X, 450)

С первых дней Октябрьской революции и до последних дней своей жизни Маяковский был верен своему «избранному стягу» — всепобеждающим идеям марксизма-ленинизма, являющегося мировоззрением нашей партии. Свой послеоктябрьский творческий путь он, как мы уже отметили, начал прославлением звездного неба «безмерного свода РКП», — партии, с которой связывал расцвет своего поэтического дарования, и закончил свой путь известными стихами вступления в поэму о пятилетке:

Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. III, 79.

над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

(Т. X, 181).

3.

Партийная определенность творческих позиций послеоктябрьского Маяковского — поэтического проводника «ленинских дел и ленинских книг» — разумеется, не могла примирить поэта с крепко укоренившимися в поэзии традициями старой, индивидуалистической лирики. Поэтому его борьба за новую поэзию социализма носила характер острой и принципиальной литературно-политической борьбы с реакционно-идеалистическими основами поэзии «проплеванных эстетов», солидаризирующихся «с иностранными беленькими» (т. VII, 432).

Поэт прекрасно понимал, что «Революция, разделившая на два лагеря всю Россию, провела границу и между правым и левым искусством»... (т. II, 518).

Лиры
крыл
пулемет-обормот,
и, взяв
лирические манатки,
сбежал Северянин,
сбежал Бальмонт
и прочие
фабриканты патоки.

(Т. IX, 325)

В своих знаменитых приказах по армии искусств он стремился приобщить к революционной борьбе народа писателей и поэтов различных литературных течений того времени, попрежнему продолжавших заниматься выделкой поэтических безделушек:

Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.
Кому это интересно,
Что — «Ах, вот бедненький!

Как он любил
и каким он был несчастным...»?
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.
Нет дураков,
ждя, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи,
дайте новое искусство —
такое,
чтобы выволочь республику из грязи.
(Т. II, 90—91).

Вместе с тем, Маяковский призывал пролетариат, армию его рабочих корреспондентов, являющуюся могучим резервом социалистической литературы, отковать свое перо и самим научиться «пером атаковать» и «самим защищаться пером».

Фронт идеологической борьбы поэт называл третьим фронтом и был уверен в том, что, если будет крепким и этот фронт, — коммуна непобедима:

Пошла
всесоюзная
стройка да ковка.
Коль будем сильны
и на третьем фронте, —
Коммуну тогда
ни штыком,
ни винтовкой —
ничем
с завоеванных мест не стронете.
(Т. II, 400—401).

Вот почему он так яростно обрушился на жрецов искусства белой литературной кости, фабрикующих «грезы, розы и звон гитар», зовущих «от жизни лететь поднебеснее» и создающих «вокруг трудного и важного поэтического дела атмосферу полового содрогания и замирания»... (Т. X, 212).

Чорт вас возьми,
вас,
тех,
кто, видя
безобразие
обоими глазами
пишет
о прелестях
лирических утех.
(Т. IX, 119).

Осознавая себя частью «того государственного органа, который строит жизнь», Маяковский категорически отказывался

писать «о любви Мани к Пете» и считал, что «поэт не тот, кто ходит кучерявым барашком и блеет на лирические любовные темы, но поэт тот, кто в нашей обостренной классовой борьбе отдает свое перо в арсенал вооружения пролетариата, который не гнушается никакой черной работой, никакой темой о революции, о строительстве народного хозяйства...» (т .X,373).

Два стихотворения Маяковского — «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им...» и «Размышление о Молчанове Иване и о поэзии», написанные им в ответ на стихи Молчанова «Свидание» и «У обрыва», являются показательным примером той практической борьбы, которую вел поэт с безидейной, мещанско-обывательской, пасторальной лирикой, в конце концов чуждой и враждебной революции.

Лирический герой молчановских стихов — эгоист. Он бросает свою любимую потому, что теперь он любит другую:

Она красивей и стройней,
И стягивает грудь тугую
Жакет изысканный на ней.

Он легко оправдывает свое легкомыслие правом уставшего на отдых и любовь «у тихой речки». Герой этих стихов — обыватель, в условиях капиталистического окружения узревший «мирный небосвод».

Устами оскорбленной поэтом женщины, Маяковский напомнил самовлюбленному, «музой венчанному» лирику о множестве ответственнейших общенародных задач, стоящих перед родиной, пройти мимо которых не может советский поэт, если он действительно считает дела родины своими личными делами:

Чем, служа
у муз
по найму,
на мое
тряпье коситься,
вы б
индустриальным займом
помогли
рожденью
ситцев.

(Т. VIII, 401).

Обобщенный образ ненавистного Маяковскому лирика-индивидуалиста, живущего «вдохновенным задиранием головы, в ожидании, пока небесная поэзия — дух сойдет на лысину в виде голубя, павлина или страуса» (т. X, 212), прекрасно изображен и разоблачен им в стихотворении с характерным названием:

«Птичка божия». Перед нами поэт, далекий от жизни страны, народа, партии:

На затылок
нежным жестом
он
кудрей
закинул шелк,
стал
барашком златошерстым
и заблеял,
и пошел.
Что луна, мол,
над долиной,
мчит
ручей, мол,
по ущелью.
Тинтиндликал мандолиной,
дундудел виолончелью.

Маяковский отказался назвать такого лирика советским поэтом по причине паразитарного характера его субъективистского, эстетского, созерцательного искусства:

Бросьте вы
поэта корчить!
Посмотрю
с лица ли,
сзади ль —
вы тюльпан, а не писатель.
Вы,
над облаками рея,
птица
в человечий рост.
Вы, мусье,
из канареек,
чижик вы, мусье,
и дрозд.
В испытанье
битв
и бед
с вами,
што ли,
мы полезем?
В наше время
тот —
поэт,
тот —
писатель,
кто полезен. (Т. X, 138—139).

Против бесполезного искусства Маяковский вел неустанную борьбу на всем протяжении своей литературно-творческой жизни. И не случайно, конечно, в своем замечательном «Во весь го-

лос» он назвал сам себя ассенизатором и водовозом революции, противопоставив свою поэзию капризной поэзии «барских садоводств», поэзии мандолинящих из-под стен кудреватых Митреек и мудреватых Кудреек.

«...Писать стихи? — говорил поэт на одном из диспутов 1927 г. — Это ерунда сущая. Пустяковая работа. Сейчас все пишут и очень не дурно. Ты скажи, сделал ли ты из своих стихов или пытался сделать оружие класса, оружие революции?» (т. X, 336—337).

В словах этих весь Маяковский — борец за самую идейную и самую передовую в мире советскую поэзию.

Из всего сказанного нетрудно сделать вывод о том, что резкие выступления Маяковского против лирики являлись одной из форм его борьбы с декадентским искусством, его традициями и пережитками в современной поэту литературе и, не отменяя лирику как таковую, ориентировали советского писателя на создание поэзии и лирики социалистической, связанной с народом и выражающей его интересы. Именно это обстоятельство и заставляло Маяковского противопоставлять поэзию — лирике, снимать понятие «лирика» и заменять его более широким и емким понятием — «поэзия»:

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.
Но поэзия —
пресволочнейшая штуковина:
существует —
и ни в зуб ногой.

(Т. II, 334).

Само собою разумеется, что поэзия Маяковского не могла бы быть выразительницей переживаний миллионов людей нашей советской страны, если бы ей не была присуща лирическая взволнованность, если бы эта лирическая взволнованность в свою очередь не выявила в себе свойств и качеств, присущих переживаниям нашего народа.

Маяковский не представлял себе хороших стихотворений, написанных бесстрастными регистраторами событий, равнодушными к советской действительности людьми:

Что горенья?
Даже
нет и тления

в их стихе
холодном
и лядащем.
Все
входящие
срифмуют впечатления
и печатают
в журнале
в исходящем.

(Т. VIII, 163).

Еще в декабре 1918 г., обращаясь к писателям и поэтам, он требовал от них прямого и честного ответа на вопросы: «Кем вы посланы, сердцем, бьющимся с пролетарской революцией, или жаждой заказов нового хозяина» (т. II, 518).

Бескорыстное служение самого Маяковского великим идеям марксизма-ленинизма, делу партии и народа, личная заинтересованность поэта в успехах этого дела и его неустанная борьба за него, сделали его собственную поэзию в высшей степени лирической поэзией, поэзией горения, поэзией сердца человека социализма.

У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди — любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце —
гудит повсеместно. (Т. II, 135).

По велению этого сплошного сердца поэт писал свою замечательную поэму «В. И. Ленин».

Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга.

(Т. VI, 139).

В основе поэмы «Хорошо» — то же «сердце с правдой вдвоем», сердце, способное вобрать в себя всё, чем жил народ вчера и чем живет он сегодня:

Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце
было
в моем. (Т. VI, 235—236).

Неприятие Маяковским индивидуалистической лирики и постоянная борьба с ней и ее творцами делали нецелесообразным для поэта акцентирование внимания читателя и слушателя на могучей силе лиризма своей новаторской поэзии. Однако, ряд не-

значительных самих по себе фактов применения этого термина к себе и своей поэзии любопытны как лишнее доказательство того, что поэт отдавал себе полный отчет в лирическом ее существе.

Так, в 1923 г. Маяковский издал книгу своих произведений, названную им «Лирика», куда вошли три его поэмы — «Флейта позвоночник», «Человек» и «Люблю». Рецензирующий эту книгу Д. Выгодский справедливо тогда писал о том, что «название книги Маяковского вводит в некоторое заблуждение. «Лирикой» Маяковский назвал три своих поэмы... Почему именно эти три, трудно сказать. Если «Война и мир» и трагедия «Владимир Маяковский» противуполагаются им, как имеющие явную социальную основу, то «Облако в штанах», например, не нарушило бы ансамбля книги».[1]

Д. Выгодский здесь не прав, когда он пытается сделать вошедшие в книгу поэмы произведениями, не имеющими «социальной основы», но он прав в том, что и другие крупные вещи, и дореволюционного и пореволюционного Маяковского, с одинаковым правом могут претендовать на называние их лирическими.

В 1928 г. в первый том своего первого собрания сочинений Маяковский ввел специальный раздел «Лирика», куда им были включены следующие его дореволюционные стихи: «Себе, любимому, посвящает эти строки автор», «Ко всему» и «России».

В поэме «Люблю» Маяковский назвал лирику «мира кормилицей», а себя — поэтом, «вытомленным лирикой».

«К сожалению, опять тянет на стихи — лирик!» — иронически по форме, но правильно по существу писал Маяковский Л. Ю. Брик 6 декабря 1924 г. из Парижа.

В 1928 г., анализируя стихи харьковского студента Л. Томшпольского — «Ночь у Дуная» и «Мечты о «Фиате» — поэт отмечал их положительное следующими словами: «Хорошо, полефовски:

1) ощущение социального заказа, внесшего злободневность, сегодняшность в *лирическое* (— подчеркнуто нами — Н. Г.) состояние автора и читателя» (т. X, 304).

В 1930 г., выступая в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию литературно-творческой деятельности поэта, Маяковский свое написанное в 1918 г. стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» охарактеризовал как лирическое. «Я прочту, — сказал он, — еще одно раннее стихотворение, маленькое, лирическое, про лошадь, про то, как упала лошадь на Кузнецком Мосту» (т. X, 381).

[1] «Книга и революция», 1923, № 2, 60.

Таким образом, понятие «лирика» не было совершенно чуждым Маяковскому, ставившему перед собой задачу не отменить, не ликвидировать лирику, а наоборот, восстановить ее в своих правах, утраченных ею под пером «лирических кастратов» и «эстетов с проповедью аполитичности», и создать качественно новую лирику — социалистическую.

5.

Основными чертами сугубо партийной, социалистической лирики Маяковского являются ее большевистская тенденциозность, постоянная обращенность к современности, стремление к активному вмешательству в жизнь, т. е. все то, что выражало собою страстную личную заинтересованность поэта в окончательной победе коммунизма.

Выступая на первом всесоюзном сьезде советских писателей, тов. Жданов говорил о том, что «наша советская литература не боится обвинений в тенденциозности», что «...каждый из советских литераторов может сказать любому тупоумному буржуа, любому филистеру, любому буржуазному писателю, который будет говорить о тенденциозности нашей литературы: «Да, наша советская литература тенденциозна, и мы гордимся ее тенденциозностью, потому что наша тенденция заключается в том, чтобы освободить трудящихся — все человечество от ига капиталистического рабства».[1]

Маяковский и был одним из первых и лучших наших советских поэтов, у которых такая тенденциозность совпала с намерениями и целями их собственной жизни и стала их личной тенденциозностью. Вот почему Маяковский, придававший огромное значение поэтическому мастерству, технической отделке стиха, отдавал предпочтение не тому, «как?» написаны стихи, и даже не тому, «что?» является их содержанием, а «определяющему на сегодняшний день» — «для чего» написана эта строка?» (т. X, 320).

Еще в 1922 г., определяя задачи и позицию своего будущего журнала «Леф», поэт подчеркивает тенденциозный характер того реализма, за который он борется. Один из пунктов представленного им в ЦК РКП(б) издательского плана этого журнала гласит: «борьба с декадентством, с эстетическим мистицизмом, с самодовлеющим формализмом, с безразличным натурализмом за утверждение тенденциозного реализма, основанного на использовании технических приемов всех революционных художественных школ» (т. II, 658).

---

[1] А. Жданов. «Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире». 1934, 12.

«Поэзия начинается там, где есть тенденция», — писал он в 1926 г. в статье «Как делать стихи?» (т. X, 216).

«Больше тенденциозности. Оживите сдохшую поэзию темами и словами публицистики», — советовал Маяковский в 1928 г. начинающему поэту Равичу, анализируя его стихотворение «Безработный» (т. X, 314).

Хорошо понимая, что «мысль сменяют слова, а слова — дела» (т. VIII, 170), сам поэт стремился «подчинить всю свою литературную деятельность публицистическим, пропагандистским, активным задачам строящегося коммунизма» (т. X, 317).

«Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла», — гордо заявлял Маяковский в предисловии к сборнику своих стихов «Грозный смех» (т. X, 321).

В поэме «В. И. Ленин», полемизируя с теми, кто «высокомерно отстранял» его боевую поэзию, он писал:

Знаю
лирик скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!! —
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.
Строку
агитаторским лозунгом взвей.
Я буду писать
и про то
и про это,
но нынче
не время
любовных ляс.
Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс. (Т. VI, 156—157).

Отвергая «литературное белоручничество» и «беспредметное литературничание» «чистых лириков», Маяковский боролся за действенное поэтическое слово, вторгающееся в жизнь:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
Шагать четверкою своих дубовых ножек.

(Т. X, 186).

Говорящее само за себя сравнение стихов с войсками и различными родами их боевого оружия, не раз повторенное Маяковским в его послеоктябрьском творчестве, дает нам возможность с предельной четкостью представить себе то направление, в котором шла напряженная работа поэта над активизацией поэтического слова:

Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали,
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.

(т. VII, 198).

Стремление Маяковского максимально сблизить поэзию с жизнью, обогатить ее мыслями и чувствами борющегося за коммунизм народа и сделать ее орудием этой борьбы неотделимо от постоянной обращенности поэта к современной ему действительности.

Известно, что у Маяковского почти нет стихов—воспоминаний. Всю его послеоктябрьскую поэзию с полным правом можно назвать художественной летописью революции.

Считая, что «жизнь интереснее и сложнее поэтических и беллетристических книг о ней», Маяковский справедливо требовал от советских писателей достойного изображения этой интересной и сложной жизни, требовал создания живой хроники героических будней нашей страны, хроники «городов и людей» (т. X, 301):

Слезайте
с неба,
заоблачный житель!
Снимайте
мантии древности!
Сильнейшими
узами
музу вяжите,
как лошадь, —
в воз повседневности.

(т. X, 116).

Поэт возмущался «четырехэтажной халтурой» тех писателей,

мимо которых проходила «неписанная жизнь», которые продолжали «варить чепуху» для давно ставшего советским «читателя Фоки» (т. VIII, 39).

В борьбе за право социалистической повседневности быть предметом внимания советского литератора Маяковский не щадил и писателей, цепляющихся за отвлеченные, «вечные» темы искусства. «Не к салонам надо прикладывать свои открытия, а к жизни, к производству, к массовой работе, украшающей жизнь миллионов, — писал Маяковский в статье 1923 г. «Смотр французского искусства» (т. VII, 313). «...Погоня за темами, общими для всех человеков, — говорил он в 1927 г., — это — погоня за огромным косным обывательским рынком... это борьба... против писания о революции и против нее самой» (т. VII, 443—444).

Нападая на певцов отвлеченных, «вечных» тем, на тех, которые, «закрыв глаза на все, что кругом творится, сладенько изливаются» (т. X, 376), Маяковский был совершенно прав, когда свою работу поэта революции еще в 1922 г. назвал работою социалистического поэта:

То, что я сделал,
это
и есть называемое «социалистическим поэтом».
(т. II, 112).

Разумеется, выступления Маяковского против так называемых «вечных» тем искусства — любви, природы, смерти — не означали их абсолютного отрицания. Само богатое и многогранное литературное наследие поэта не за такого рода истолкование его выступлений. Значение этих выступлений состояло в том, что они поворачивали советского писателя лицом к современности, толкали его на переосмысливание «вечных» и на осваивание новых, не менее важных, чем «вечные», тем, выдвигаемых самой жизнью.

Для самого Маяковского не существовало тем вечных и не вечных, точно так же, как для него не существовало тем значительных и незначительных, больших и малых, политических и лирических, личных и не личных. Все, что нужно было делать для революции, родины, народа, партии, поэт считал значительным, большим, политическим и сугубо личным делом одновременно. «Работа поэта революции, — писал он в 1930 г. в предисловии к каталогу выставки «20 лет работы Маяковского», — не исчерпывается книгой.

Митинговая речь, фронтовая частушка, агитка-однодневка, живой радиоголос и лозунг, мелькающий по трамвайным бокам, — равные, а иногда и ценнейшие образцы поэзии» (т. X, 326).

Такими «ценнейшими образцами поэзии» Маяковский считал много «хороших и популярных» своих стихотворений, которые только теперь, после смерти поэта, заняли свое надлежащее место в полном собрании его сочинений. Один из образцов этой поэзии — двустишие:

Ешь ананасы, рябчиков жуй.
День твой последний приходит, буржуй, —

с которым шли матросы на штурм Зимнего дворца, поэт называл своим «любимым стихом» (т. X, 278).

Маяковский с гордостью заявлял о том, что он «никогда не отказывался ни от какого стихотворения, ни на какую тему современности, начиная от стихотворения о кулаке и кончая стихотворением о кошке и кошачьих шкурках Госторга и т. д.». (т. X, 372).

Борясь за утверждение активной, связанной с жизнью боевой советской поэзии, он открывал новые ее горизонты путем максимального расширения поэтической тематики. «Нужно найти тематику, — говорил Маяковский, — которая интересует весь Советский Союз» (т. X, 354).

Все то, о чем писал сам поэт, интересовало весь Советский Союз потому, что он писал о революции, гражданской войне, Красной Армии, разрухе, о Ленине и Сталине, о замене продразверстки продналогом, кооперации, нэпе, повышении производительности труда, индустриализации, авиации, топливе, севе, займе, о вреде самогона и обрядов, Моссельпроме, учителе и т. д. и т. п., — т. е. обо всем, чем жила советская его отчизна.

«Диапазон тем огромен, — заявлял он в статье 1929 г. «Прошу слова», характеризуя только одну часть своей работы — работу в окнах сатиры Роста. — Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и с тифозной вошью, плакаты о сохранении старых газет и об электрификации» (т. X, 322).

Маяковский потому и смог стать «народа водителем», что боевая, кипучая буча борьбы нашей страны за коммунизм была для него самой желанной, самой «хорошей вещью» (т. VIII, 217), той почвой, соками которой питалось его послеоктябрьское творчество.

Чтоб поэт перерос веков сроки,
чтоб поэт
человечеством полководить мог,
со всей вселенной впитывай соки
корнями вросших в землю ног

— писал он в 1922 г. в поэме «Пятый интернационал», утвер-

ждая основное положение большого и настоящего, реалистического искусства (т. II, 112—113). Вот почему, когда недоброжелатели отказывали Маяковскому в бессмертии, он с глубоким пониманием дела справедливо отвечал им, что Октябрьская революция бессмертна, а он — ее поэт.

В стремлении срастись с действительностью и стать ее поэтическим голосом Маяковский искал и новых форм общения и связей со своим 170—миллионным читателем. Одной из таких форм была для него «воюющая без перемирий» «действующая армия журналов и газет» (т. II, 189).

Однако, работа в газете для Маяковского никогда не означала снижения качества поэтического искусства. Наоборот, она предполагала максимальное его обогащение поэзией жизни, поэзией героических будней борьбы народа. Правда, она требовала от поэта совершенного знания этих будней, такого, которым может похвастаться только активный участник их героических дел, являющийся в то же время высоким мастером тенденциозного стиха. Но как раз таким поэтом и был Маяковский. «Злободневность вещи, — писал он в 1929 г., — является результатом не наспех склеенных строк, а запасом поэтических оборотов и заготовок, делаемых поэтом загодя, но в тренировке на быстроту выполнения и отзыва по массе аналогичных фактов» (т. X, 316).

Ясно, что такого рода заготовки нельзя было делать загодя при поверхностном знании явлений и фактов жизни сегодняшнего дня. Такие заготовки на завтра немыслимы без глубокого проникновения в закономерности общественного развития, без понимания того, чему принадлежит это завтра, без умения видеть в сегодняшнем дне ростки будущего.

6.

«Перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, — писал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», — неизбежно и необходимо ставится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать. Середины тут нет».[1]

Маяковскому, отражавшему в себе тенденции развития действительности и советского человека, как ее составной и самой активной части, было доступно умение «забегать вперед». Называя себя «грядущих дней агитатором» (т. V, 324), он не раз, особенно во второй половине 20-х годов, призывал советских поэтов «вперед шагать», «рваться в завтра, вперед» (т. VII,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. III, 248.

65), «и глазеть и звать вперед» (т. V, 390) и сам всегда был верен этому важнейшему принципу литературы социалистического реализма. «Поэзия — вся! — езда в незнаемое», — заявил он в «Разговоре с фининспектором о поэзии» в 1926 г. (т. VIII, 29). «Настоящая поэзия, хоть на час, а должна опередить жизнь, — утверждал он в статье того же года. — А что вы пишете?» (т. X, 253). «Слабосильные топчутся на месте и ждут, пока событие пройдет, чтоб его отразить, мощные забегают настолько же вперед, чтоб тащить понятое время», — писал Маяковский в своей работе «Как делать стихи?» (т. X, 228). Та же ленинская мысль о забегании вперед еще раньше была поэтически выражена Маяковским в стихотворении «Передовая передового»:

Брось дрожать
за шкуры скряжьи!
Вперед забегайте,
не боясь суда!
Зовите рукой
с грядущих кряжей:
«Пролетарий,
сюда!»

(т. VIII, 41—42).

Однако, «забегание вперед» у Маяковского не носило характера «романтического» отрыва от жизни, витания в заоблачных высях.

Характеризуя художественный метод нашей советской литературы — социалистический реализм, — в своем докладе на первом Всесоюзном съезде советских писателей тов. Жданов говорил о том, что «революционный романтизм должен входить в литературное творчество, как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключается в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами.

...Советская литература должна уметь показать наших героев, должна уметь заглянуть в наше завтра. Это не будет утопией, ибо наше завтра подготовляется планомерной сознательной работой уже сегодня».[1]

Именно так и понимал «забегание вперед» Маяковский, когда писал, что «работа за перспективу не заслоняет от нас реальной работы на сегодняшний день» (т. X ,320), что

[1] А. Жданов. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире. М., 1934, 13.

Поэт
настоящий
вздувает
заранее
из искры неясной
ясное знание.

(т. VIII, 409—410).

Еще в 1921 году на диспуте «Художник в театре» Маяковский, всегда проявлявший интерес к тому, «что будет через двести лет или через сто» (т. V, 267), выступил против искусства, «поднимающегося над всей обыденщиной», такого искусства, которое «создается людьми, не думающими о куске хлеба». Таких людей Маяковский назвал тогда буржуями и под шум и крики с мест «оскорбленных» заявил: «Мы сейчас сошли на землю, на которой борются из-за куска хлеба все живущие, и ни за какие воздушные коврижки с ней не расстанемся» (т. III, 389—390).

Эти слова поэта не утратили своего значения и сейчас. Они бьют не в бровь, а в глаз тех из разоблаченных космополитов, которые совсем недавно революционную романтику нашей литературы выводили не из романтики действительности, а из отвлеченных понятий о ней, противопоставляя ее реализму.

Борясь за торжество принципов социалистического реализма в советской поэзии, Маяковский решительно отвергал натуралистическое отображение действительности, обходящееся без художественной типизации явлений жизни, без тенденциозного ее осмысливания, без «забегания вперед». «Мы, — говорил он в 1930 г. на диспуте о путях советской литературы, — пришли не для того, чтобы фотографировать мир, но для того, чтобы литературным орудием бороться за будущее. За перестройку мира».[1]

Марксистско-ленинская гносеология учит нас, что процесс познания действительности состоит не только в верном ее отражении, в раскрытии закономерностей ее развития. Он включает в себя и практику — воздействие человека на действительность, изменение и преобразование ее. Как известно, эта мысль нашла свое предельно-лаконичное выражение в одном из тезисов К. Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».[2]

Наша советская литература не может не руководствоваться этим важнейшим положением марксизма-ленинизма потому,

[1] «На литературном посту», 1930, № 5—6, 133.
[2] Маркс и Энгельс. Соч., т. IV, 591.

что она призвана «развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед».[1]

Маяковский исходил именно из этого положения, когда не принимал ползуче-эмпирическую поэзию. В борьбе с нею он всегда подчеркивал активное начало и тенденциозный характер, присущие настоящей поэзии.

«Мы утверждаем, — писал он в 1923 г., — что литература не зеркало, отражающее историческую борьбу, а оружие этой борьбы» (т. II, 509). И когда Маяковскому нужно было определить реализм своей собственной поэзии, он имел все основания заявить:

И мы реалисты,
　　　　　　　но не на подножном
корму,
　　　не с мордой, упершейся вниз, —
мы в новом,
　　　　　грядущем быту,
　　　　　　　　　　помноженном
на электричество
　　　　　　　и коммунизм.
　　　　　　　　　　(т. VIII, 164).

7.

«Лирика, — писал в свое время Белинский, — есть душа всякой поэзии; лирика есть поэзия по преимуществу, есть поэзия поэзии... ...посему лиризм, существуя сам по себе, как отдельный род поэзии, входит во все другие, как стихия, живит их, как огонь прометеев живит все создания Зевеса.

...Без лиризма эпопея и драма были бы слишком прозаичны и холодно-равнодушны к своему содержанию; точно так же, как они становятся медленны, неподвижны и бедны действием, как скоро лиризм делается преобладающим элементом их».[2]

В этих словах Белинского не только верно охарактеризованы лучшие образцы современной ему художественной литературы, но и угадано ее будущее. Утверждение лирики как «души всякой поэзии» приложимо к творчеству Маяковского, может быть, больше, чем к творчеству его поэтических предшественников, потому что ему первому из поэтов-классиков довелось действительно расширить лирическую тему до масштабов эпических и тем самым завоевать ей право служить основанием для большой поэтической формы отражения жизни.

---

[1] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946 г., 28.

[2] В. Г. Белинский. Избр. соч., М., 1947, 185.

«...У нас развивается любопытный процесс, — писал М. Горький в 1929 г. в одном из своих очерков «По Союзу Советов», — героика действительности вызывает к жизни лирику, — свою противоположность».[1] Прекрасным подтверждением правильности наблюдений Горького и могут служить лиро-эпические поэмы Маяковского.

В них нет характерного для классической поэзии сюжета; они представляют из себя своеобразную лирическую эпопею.

События жизни нашей страны, переставшие для Маяковского быть внешними, осмысливаются им в плане субъективного восприятия, отражающего объективное. Маяковский в своих поэмах показал, по меткому выражению В. Перцова, «обратимость» общественных и личных переживаний. Лирический герой его поэм воплощает в себе грандиозные общественные противоречия эпохи. Опоэтизировав борьбу нашего народа за коммунизм, Маяковский в поэмах поднимается на такую высоту поэтических обобщений, когда в его взволнованном лирическом голосе резонирует голос масс. Сатира, то и дело вторгающаяся в поэмы, не только не заглушает этот лирический голос утверждения, но, наоборот, усиливает его.

Лирико-эпический жанр русская классическая литература знала и до Маяковского. Роман Пушкина «Евгений Онегин», например, является непревзойденным образцом такого рода произведений, где лирика прекрасно уживается с эпосом и где она действительно является душой всего романа. Но если в «Евгении Онегине» мир чувств и мыслей самого поэта и мир его героев — две совершенно различные вещи, если поэт в романе, раскрывая свой духовный и нравственный облик, или осуждает своих героев или сочувствует им, то в поэмах Маяковского мир поэта и мир положительных героев — это один и тот же мир советского человека; и у поэта, и у героев его поэм — одни и те же цели жизни. «И ему и нам одно и то же дорого», — это характерные слова, без которых, конечно, не мог обойтись Маяковский, говоря о Ленине в поэме, ему посвященной.

Лирические отступления в «Евгении Онегине» живут своей жизнью. Правда, они дополняют и раскрывают эпический сюжет романа, но они не вплетаются в сюжетную его ткань, не являются ее обязательной составной частью. В поэмах Маяковского, представляющих из себя, как мы уже говорили, своеобразную лирическую эпопею, лирические места — это необходимейшие звенья лирико-эпического сюжета произ-

---

[1] «Наши достижения», 1929, № 5, 34.

ведения. Лиризм пронизывает поэмы Маяковского, входит в них как органическая часть сюжета, является их «живительной» основой.

Поэтому мы не можем согласиться с утверждением некоторых критиков, считающих первую послеоктябрьскую поэму Маяковского «150 000 000» произведением чисто эпического характера.

Е. Малкина, например, в статье 1938 г., специально посвященной разбору этой поэмы, незаконно сближая дореволюционную лирику Маяковского с субъективной лирикой символистов, говорит о том, что «150 000 000»— «это прежде всего попытка Маяковского перейти от субъективной лирики к эпосу...»[1] С ее точки зрения, индивидуалистический герой дореволюционных произведений Маяковского в этой поэме заменен типовым героем — Иваном, переживания которого, оказывается, нельзя сравнить, а тем более отождествлять с переживаниями самого поэта, потому что «Иван действует, прежний лирический герой попрежнему фантазирует, конструирует мир будущего.

Этот мир будущего остается субъективной романтической утопией автора, ибо в поэме Маяковского он еще не имеет корней в настоящем, не связан с ним органически».[2]

Выходит, что лирический герой поэмы ничем не отличается от прежнего лирического героя дореволюционных произведений Маяковского и что поэту, обратившемуся к послеоктябрьской действительности, олицетворенной в поэме в образе Ивана не удалось осмыслить и изобразить ее ни в эпическом, ни в лирическом плане. Ни о каком слиянии и взаимопроникновении субъективного и объективного тут, разумеется, не может быть и речи .

Несостоятельность такой точки зрения нетрудно доказать анализом самой поэмы. Прежде всего, укажем на то обстоятельство, что главным героем ее является поэт, от лица которого ведется рассказ о событиях. Былинно-сказочный сюжет поэмы — сближение, встреча, борьба Ивана с Вильсоном и победа первого — является, в сущности, только поводом к выражению отношения поэта к борьбе двух противоположных сил мира. Автор статьи «Заметки о реализме Маяковского» — Б. Бур-Б. Бурсов вполне прав, когда он говорит о том, что «напряжение произведения основано не на описании борьбы этих миров, а на пафосе поэта, пафосе беспощадного бичевания старо-

---

[1] «Звезда», 1938, № 4, 176.

[2] «Звезда», 1938, № 4, 177.

го мира, пафосе воспевания героизма и правды новых людей».[1]

Иван в поэме не произносит ни одного слова. За него все время говорит сам поэт, заявивший о том, что он идет вслед за «блестящим видением» — Иваном, чтобы и самому вместе с ним «излучаться в несметных просторах» (т. VI, 26). В образе Ивана Маяковский персонифицировал и объективировал свои переживания, являющиеся одновременно переживаниями всего советского народа.

150 000 000 мастера этой поэмы имя.
Пуля — ритм.
                    Рифма — огонь из здания в здание.
150 000 000 говорят губами моими.
Ротационкой шагов
                    в булыжном верже площадей
напечатано это издание.

(т. VI, 9).

Вся поэма построена на эмоциях автора, которыми пронизываются входящие в нее факты объективной действительности. И не случайно поэтому некоторые исследователи творчества Маяковского находят много общего между отдельными кусками поэмы и стихами Маяковского, написанными в первые годы после Октябрьской революции.

Автор большой работы о Маяковском—Дымшиц—на основе общности идейно-тематической и ритмической совершенно правильно сближает со стихотворением Маяковского «Наш марш» — такой отрывок из поэмы:

Жажда, пои!
Голод, насыть!
Время
        в бои
Тело носить.
Пули, погуще!
В гущу бегущим
По оробелым!
грянь, парабеллум!

(т. VI,20—21).

А со стихотворением «Левый марш» он сравнивает такие ее строчки:

Эй, стальногрудые!
                    Крепкие, эй!
Бей, барабан!
                    Барабан, бей! и т. д.

(т. VI, 25).

Такого рода параллелей стихотворениям Маяковского первых лет революции можно в поэме найти несколько. Но, не счи-

---

[1] «Литературный современник», 1939, № 9, 169.

тая нужным уделять здесь этому много места, мы приведем еще только один пример.

Маяковский в поэме говорит о Ленине, ставит его в центр событий России, «смерчем скрученной в столб» (т. VI, 26). А предпоследнюю главу поэмы, стремясь подчеркнуть в ней народный характер Октябрьской революции, он начинает так:

Не Ленину стих умиленный.
В бою
славлю миллионы,
вижу миллионы,
миллионы пою.

(т. VI, 56).

Та же самая мысль, в такой же категоричной форме, в это же время, т. е. во время работы над поэмой «150 000 000», высказывается Маяковским и в его стихотворении «Владимир Ильич», близком по ритму только что приведенным стихам:

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

(т. II, 53).

Из сказанного не трудно понять неправоту критиков, отказывавших первой послеоктябрьской поэме Маяковского — «150 000 000»—в лиризме, не трудно сделать вывод о том, что поэма эта, наряду с другими его послеоктябрьскими поэмами, может и должна быть названа лиро-эпическим произведением.

В отношении таких послеоктябрьских поэм Маяковского, как «Про это», «Люблю», «Хорошо!», «Во весь голос» в положительной критике о Маяковском нет противоречивых мнений — все они, эти поэмы, считаются произведениями лиро-эпического характера. Исключением для некоторых критиков является только поэма «В. И. Ленин», историко-биографическая часть которой, по их мнению, местами сводится к «рифмованному пересказу». Вполне соглашаясь с тем, что названные части поэмы в художественном отношении менее удачные, чем исключительной силы лирические ее главы, мы думаем что квалифицировать их как «рифмованный пересказ» по меньшей мере неверно. Читая историко-биографическую часть поэмы, нельзя не почувствовать лирической взволнованности поэта, сумевшего меткими и выразительными словами охарактеризовать целую историческую эпоху зарождения, развития и гибели

капитализма, эпоху напряженной и решительной борьбы народа под руководством партии за свободу, эпоху, обусловившую появление Ленина и ленинизма.

Вглядываясь в это недалекое историческое прошлое своей отчизны, Маяковский сумел найти правдивые и искренние, достойные великих событий слова неравнодушного к ним человека.

8.

Кроме поэм, к лиро-эпическому жанру по праву должны быть отнесены и некоторые сценические произведения Маяковского, в первую очередь обе редакции его пьесы «Мистерия-буфф».

Несмотря на обилие действующих лиц, доведенных во второй редакции до 350, эта пьеса представляет из себя именно «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским»... (т. III, 232). В ней утверждается революция, дается синтезированная лирическая оценка ее поэтом, выражающим свои чувства и мысли, не расходящиеся с чувствами и мыслями народа.

В отличие от поэм эти чувства и мысли высказываются не самим поэтом от своего имени и не одним обобщенным лирическим героем, вроде Ивана, а всеми положительными действующими лицами пьесы. Но любопытно, что автора не волнует вопрос, кузнецом или шахтером, скажем, произносится та или иная тирада. Для него важно другое — то, что тираду эту произносят, если не сразу все нечистые, то обязательно кто-нибудь из их представителей. Маяковский стремится в пьесе дать классово-типичных героев, не заботясь об их индивидуализации. Все это кладет на пьесу свою печать, делая ее драматическим произведением лирического характера.

Эти особенности «Мистерии-буфф» были ясны и самому Маяковскому, написавшему о пьесе в либретто для программы спектакля в честь III Конгресса Коминтерна следующее: «Мистерия-буфф» — это наша великая революция, сгущенная стихом и театральным действием. Мистерия — великое в революции, буфф — смешное в ней. Стих «Мистерии-буфф» — это лозунги митингов, выкрики улиц, язык газеты. Действие «Мистерии-буфф» — это движение толпы, столкновение классов, борьба идей, — миниатюра мира в стенах цирка.

Революция расправила всё — нет никаких законченных рисунков, не может быть и законченной пьесы. «Мистерия-буфф» — это каркас пьесы, это движение, ежедневно обрастающее событиями, ежедневно проходящее по новым фактам» (т. III, 232).

Как и в поэмах, в «Мистерии-буфф» не трудно обнаружить

стихи, родственные по своему составу стихотворениям Маяковского этих же лет, предметом изображения которых также является революция, «сгущенная стихом». Примером могут послужить хотя бы такие стихи второй редакции пьесы, произносимые пароходом, как:

О-о-о!
Дайте испить мне рек истоки!
Дыры в каждом боку!
Введите меня в доки!
Дайте нефть из Баку!
У-у-у-у-у! (т. III, 202).

Слова эти почти буквально повторяют одну из строф стихотворения Маяковского того же 1921 года — «Приказ № 2 армии искусств»:

У каждой реки на истоке,
лежа с дырой в боку,
пароходы провыли доки:
«Дайте нефть из Баку!» (т. II, 91).

Насколько несущественным казалось поэту закрепление определенных стихов за определенными лицами «Мистерии-буфф», показывают интереснейшие примеры разночтений первого и второго вариантов пьесы. Так, стихи, принадлежащие в первом варианте пьесы даме-истерике, вкладываются в уста соглашателя — действующего лица второго варианта. Слова немца —

Господа!
Мы все такие чистые.
Нам проливать за работой пот ли?
Давайте заставим нечистых, чтобы они на
нас работали — (т. III, 34).

во втором варианте произносятся новым героем — Клемансо (т. III, 133). То, что в первом варианте заявляли «Все» (т. III, 91), с небольшими изменениями во втором варианте декламирует один — машинист (т. III, 225) и т. д.

Более того, некоторые стихи Маяковского переходят не только от лица к лицу в различных вариантах одного и того же произведения, но и из произведения одного рода в произведение другого рода. Так, сравнительно большой отрывок поэмы «В. И. Ленин», начинающийся словами «Сам заскулил товарищ Плеханов»... (т. VI, 182), целиком переносится поэтом в цирковое представление «Москва горит», написанное в 1930 г. в соавторстве с О. М. Бриком. Слова этого отрывка поэмы здесь распределяются между 1—2—3 и 4 глашатаями. В это же цирковое представление перенесена Маяковским одна из строф стихотворения 1930 г. — «Марш ударных бригад» —

Раздувай
коллективную
грудь-меха,
лозунг
мчи
по рабочим взводам.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам (т. X, 149), —

где ее декламируют все действующие лица коллективно (т. III, 340).

Мы уже не говорим здесь о том, что многие строфы «Мистерии-буфф», будучи отделенными от текста пьесы, вполне могли бы быть восприняты как отдельные законченные лирические стихотворения.

В 1929 г., характеризуя свое драматическое творчество, Маяковский писал: «Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной — в этом суть моей театральной работы» (т. XI, 430). Эта установка на превращение театра в трибуну явилась основанием для новаторства поэта и в этой области.

Один из лучших исследователей драматургии Маяковского — А. Февральский — пишет, что, «не признавая стандартных форм драматического театра, Маяковский не придерживался границ между различными жанрами этого театра и широко пользовался выразительными средствами различных зрелищных искусств. Вместе с тем, он включил в построение пьес приемы других литературных жанров».[1]

Использование Маяковским-драматургом приемов и других литературных жанров позволило А. Февральскому указать на лиричность даже последних пьес Маяковского — «Клопа» и «Бани». Находя в них уже не «обобщенные социальные маски», характерные для «Мистерии-буфф», а образы, обладающие «более и менее развитыми психологическими характеристиками»,[2] А. Февральский утверждает все-таки, что в «Клопе» и «Бане», написанных прозой, Маяковский остается поэтом»[3].

9.

В. И. Ленин в своей работе «Экономическое содержание народничества», противопоставляя два принципиально разных ме-

---

[1] «Владимир Маяковский», сб. 1, М—Л., 1940, 248.

[2] Там же, стр. 243.

[3] А. Февральский. Маяковский—драматург, М—Л., 1940, 142.

тода изучения общественной жизни людей — материалистический и идеалистический — писал:

«...социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения.

Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие «помыслы и чувства», которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих «личностей» от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить *действительные* их помыслы и чувства), т. е. «начинает с утопии..».[1]

Эти ленинские слова с полным правом мы можем отнести и к поэту. Поэт, если он хочет быть подлинным выразителем передовых тенденций своего времени, действительных помыслов и чувств своего народа, не может ограничиться только изучением жизни «живых личностей», не изучая «общественных отношений людей», которые слагаются из действий этих личностей. Но если такое изучение нередко приводило наших поэтов-классиков к элегическим размышлениям о невозможности слияния с действительностью крепостнической Росссии, то в новых исторических условиях победы социализма такое изучение открыло новые возможности расширения узких рамок лирических переживаний, включения в эти переживания объективного, ставшего теперь вместе с тем и субъективным.

В самом конце XIX и начале XX вв. поэты дворянско-буржуазного декаданса, отказавшись от следования реалистическим традициям классической русской поэзии, — оказались не способными со своих идеалистических позиций разобраться в закономерностях развития жизни и поэтому всю литературу сводили к субъективистской лирике.

«Самое типическое из искусств, — писал в 1902 г. В. Брюсов, являвшийся тогда вождем символизма, — лирика. Собственно «искусство» и «лирика» — понятия тождественные. Все искусство стремиться стать лирикой».[2]

Они отказались от изучения объективной действительности, отдав предпочтение чистому мистическому искусству. Действительность была для них лишь средством символической передачи их субъективистских переживаний и предчувствий. «Харак-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. т. I, 292.

[2] «Мир искусства», 1902, № 4, 69.

терной чертой символизма в искусстве, — писал другой крупнейший символист — А. Белый, — является стремление воспользоваться образом действительности, как средством передачи переживаемого содержания сознания».[1]

Но отказавшись от изучения мира объективного, декаденты оказались бессильными утвердить и мир субъекта. Отсюда импрессионистический характер их поэзии, сглаживание различий между литературными родами, между лирикой и эпосом, лирикой и драмой.

На долю дореволюционного Маяковского выпала задача восстановить в области поэзии реалистические традиции русских классиков, а после революции — обогатить эти традиции новаторским решением проблемы лирики.

Взаимопроникновение и гармония субъективного и объективного начал, лирического и эпического элементов, присущие лирической поэзии Маяковского, были подсказаны и продиктованы ему новой социалистической действительностью и поэтому, как небо от земли, отличаются от сглаживания различий между литературными родами декадентской поэзии. Сглаживание различий между литературными родами у декадентов обозначало отход от реализма, измельчание и распадение личности; вторжение эпического в лирику Маяковского означало сближение искусства с жизнью, обогащение личности ее непосредственными связями с действительностью, ее активными действиями, направленными на переделку мира.

Вот почему лучшие представители дворянско-буржуазной поэзии, пришедшие впоследствии к революции, еще в начале своего творческого пути чувствовали ограниченность и убожество субъективистской лирики декадентов и приложили немало усилий к тому, чтобы вырваться из ее крепких объятий. «Источником доброй половины моих тем, — признавался в 1908 г. А. Блок, — служит ненависть к лирике, родной и близкой для меня стихии».[2]

«...Из болота — в жизнь, из лирики — к трагедии. Иначе — ржавчина болот и лирики переест стройные колонны и мраморы жизни и трагедии, зальет ржавой волной их огни», — писал он же годом раньше — 1 октября 1907 г. в письме к Андрею Белому.[3]

В этой связи становятся вполне понятными и объяснимыми слова А. Блока, сказанные им Маяковскому после авторского

---

[1] А. Белый. «Арабески», М. 1911, 58.
[2] «Золотое Руно», 1908, № 2, 56.
[3] А. Блок. Соч. в одном томе, М.—Л., 1946, 526.

чтения «Мистерии-буфф»: «Вы меня отменяете, но я этому не могу не радоваться».[1]

Этой радостью решительной отмены субъективистской лирики до краев наполнено самим А. Блоком его лучшее послеоктябрьское произведение — поэма «Двенадцать».

Однако, ему, искренне приветствовавшему разрушение старого мира, не дано было до конца понять мир созидания социализма, самые заветные мысли и чувства его передовых строителей. «Не такие люди, как я, нужны для этого великого дела, — признавался Блок. — Мы несем слишком большой груз воспоминаний и сожалений. Нам не дано ясности зрения. Наши глаза привыкли к сумеркам. А здесь все на беспощадном солнечном свету».[2]

В отличие от Блока, Маяковский, свободный от груза воспоминаний и сожалений, шел навстречу беспощадному солнечному свету коммунизма и сам поклялся «светить всегда, светить везде до дней последних донца» (т. II, 62).

10.

Из всего сказанного нетрудно сделать вывод о том, что при всем многообразии талантливейшей литературно-творческой деятельности Маяковского он является лирическим поэтом по преимуществу, потому что именно в лирике полнее и сильнее, чем в других родах, проявилось идейно-художественное его новаторство—«утверждение им новой советской действительности и нового советского человека, разрушившего старый мир насилья и вдохновенно строящего новый мир.

И в этом отношении прав В. Дувакин, когда он, считая Маяковского «прежде всего лириком», пишет, что «в лирике он (Маяковский—Н. Г.) выразил себя наиболее полно как поэт *нового типа*, как подлинный новатор.

...Между тем его прижизненная критика, даже относительно благожелательно к нему настроенная, признавала в нем прежде всего разрушителя, ниспровергателя старой культуры и поэтому, естественно, считала наиболее сильной стороной его творчества сатиру».[3]

Называя Маяковского лириком по преимуществу, мы, однако, не намерены умалять тем самым огромного значения творчества

---

[1] А. Шин. «Знамя советской литературы. На вечере творчества В. В. Маяковского», «Вечерн. Москва», 1937, № 86, 15 апреля.

[2] Всеволод Рождественский, Ал. Блок (из книги «Повесть моей жизни», «Звезда», 1945, № 3, 112).

[3] Владимир Маяковский. сб. 1, М—Л., 1940, 126.

Маяковского — эпика, драматурга, очеркиста, киносценариста, публициста, критика. Не ставя здесь своей задачей осветить все стороны многогранной литературной деятельности Маяковского, мы отдаем себе полный отчет в том, что и в этих областях его новаторского творчества мы имеем дело с дальнейшей разработкой лучших традиций нашей русской классической литературы на основе принципов социалистического реализма, основоположник которого — М. Горький — еще до Октябрьской революции создал прекрасные образцы новой эпики и драматургии, очерка и публицистики.

Вместе с тем, мы считаем необходимым указать на принципиальное отличие лиризма, пронизывающего эпические и сценические произведения Маяковского, от лиризма, прозы и драмы декадентов.

Преобладание лиризма в их произведениях действительно делали эти произведения «медленными, неподвижными и бедными действием», в то время как лиризм Маяковского обогащал и оживлял содержание его эпических и сценических произведений мыслями и чувствами советского человека, считающего окружающую объективную действительность своею собственной действительностью.

11.

Понятно, что идейное новаторство Маяковского-лирика не могло обойтись без новаторства и в области поэтики.

М. Горький, давая определение художнику, писал Станиславскому 12 октября 1912 г. о том, что «художник — это человек, который умеет разработать свои личные — субъективные впечатления, найти в них общезначимое — объективное и который умеет дать своим представлениям свои формы».[1]

Ту же мысль высказывал позднее и Маяковский, когда он называл великим математиком человека, впервые сформулировавшего, что два и два—четыре, «...если даже он получал эту истину из складывания двух окурков с двумя окурками. Все дальнейшие люди, — продолжал свою мысль Маяковский, — хотя бы они складывали неизмеримо большие вещи, например, паровоз с паровозом, — все эти люди — не математики». И добавлял: «Это утверждение отнюдь не умаляет труда человека, складывающего паровозы» (т. X; 213). Вот почему он в этой же статье, требующей прямого ответа на вопрос — «Как делать стихи?» — отказался дать какие-либо правила, утверждая, что

---

[1] «Октябрь», 1937, № 6, 88.

«Поэтом называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила» (т. X, 212).

Общезначимым и объективным, говоря цитированными выше словами Горького, в личных и субъективных впечатлениях послеоктябрьского Маяковского явилась новая социалистическая действительность, чувства и мысли советских людей, для выражения которых и потребовались новые правила, соответствующие свои формы», потому что «...старый чтец, старый слушатель, который был в салонах, которого преимущественно барышни слушали да молодые люди, этот чтец раз навсегда умер, и только рабочая аудитория, только пролетарско-крестьянские массы, те, что сейчас строят новую жизнь нашу, те, кто строит социализм и хочет распространить его на весь мир, только они должны стать действительными чтецами, и поэтом этих людей должен быть я» (т. X, 368).

Свое новаторство в области поэтики Маяковский, разумеется, не только не отрывал от своего идейного новаторства, но, наоборот, художественное новаторство выводил из него и ставил в прямую от него зависимость. «Весь тот вулкан и взрыв, — говорил он, — который принесла с собой Октябрьская революция, требует новых форм и в искусстве» (т. III, 392). И в другом месте: «Путь массовой работы влечет за собою изменение всех методов нашей поэтической работы (т. X, 361). А в статье «Стихи с примечаниями», давая классическую характеристику своему новаторству, Маяковский подчеркнул неразрывную связь, взаимозависимость и взаимообусловленность идейной и художественной его сторон. «Я лично, — писал он, — по двум жанровым картинам проверяю свои стихи:

Если встанут из гробов все поэты, они должны сказать: у нас таких стихов не было, и не знали, и не умели.

Если встанет из гроба прошлое — белые и реставрация, мой стих должны найти и уничтожить за полную для белых вредность.

Пропорция этих моментов — пропорция качеств стиха» (т. X, 307).

* * *

История нашей русской литературы и поэзии красноречиво говорит о том, что ни один крупный, эпохиального значения шаг вперед по пути своего развития литература не делала без идейно-художественного новаторства, подсказанного самой жизнью.

Великий реформатор русского литературного языка и стиха — А. С. Пушкин, — руководствуясь передовыми тенденциями

жизни, ее интересами и запросами, писал в свое время о том, что «Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его)».[1]

Выступая в защиту «первобытного нашего языка» против европейского жеманства и французской утонченности, он утверждал, что «грубость и простота более ему пристали».[2]

Пушкин начал свой зрелый творческий путь сказочной, народного характера новаторской поэмой «Руслан и Людмила», мужская рифма и «просторечье» которой вызвали возмущение у приверженцев старины, сравнивавших поэму с мужиком с бородою, в армяке и в лаптях, неожиданно появившимся в московском благородном собрании со своим, оскорбляющим ухо дворянина, приветствием: «Здорово, ребята!».

Пушкин мечтал о выразительной краткости и мудрой простоте языка художественных произведений и сам первый создавал непревзойденные новаторские их образцы.«В зрелой словесности, — писал он в 1838 г., —приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечью, сначала презренному. ...Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем».[3]

На новом этапе русской революции, когда сам «...народ взывал о сознательном существовании», когда перед поэтом «...никогда не изображенными стояли миллионы живых существ», новатором русской поэзии явился Некрасов, которому, по его словам, «выпала задача быть поэтом России».[4]

С полным пониманием исторической оправданности своего новаторства он в статье «Русские второстепенные поэты», напечатанной в «Современнике» в 1850 г., писал: «Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка, и потому гладкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства».[5]

Против некрасовского новаторства выступали не только его

---

[1] Пушкин. Соч., Переписка, т. II, СПб., 1908, 195.
[2] Пушкин. Соч., Переписка, т. I, СПб., 1906, 85.
[3] Пушкин. Соч., Л., 1936, 703—704.
[4] «Звенья», вып. III—IV, Academia м. л. 1934 658
[5] Некрасов. Собр., соч., т. III, М—Л., 1930, 395.

современники — сторонники «чистого искусства» из дворянско-либерального лагеря. Борьба за Некрасова и с Некрасовым продолжалась и после его смерти. Известно, что накануне первой русской революции в речи, произнесенной 10 января 1903 г. на русском собрании в Женеве в связи с 25-летием со дня смерти поэта, Г. В. Плеханов, признав Некрасова «поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития»,[1] отказал ему в поэтическом таланте, найдя в его творчестве «антиэстетические погрешности».[2] Эти погрешности, по мнению Плеханова, выражались в тяжелости, неуклюжести и неблагозвучности некрасовского стиха. «Людям, — говорил он, — воспитанным в эстетических преданиях сороковых годов и избалованным роскошной музыкой стихов Пушкина и Лермонтова, должны были резать ухо шипящие звуки вроде вот этих:

> От **ликующих**, праздно **болтающих**,
> **Обагряющих** руки в крови
> Уведи меня в стан **погибающих**... и т. д.[3]).

Более того, Плеханов усмотрел в творчестве Некрасова погрешности не только во «внешности» стиха поэта, но и во внутреннем его строении. Процитировав 12 строк известного некрасовского стихотворения «Размышление у парадного подъезда» (начиная со слов — «А владелец роскошных палат...»), Плеханов уверял: «Это благородно и красноречиво, но, к сожалению, это не более как *красноречивая проза* (злые языки говорили: *риторика*). Поэзии тут нет никакой...»[4] «Топорный талант» — вот вывод, к которому пришел Плеханов, стоявший тогда, после II съезда РСДРП, на меньшевистских позициях.

Находились и такие критики Некрасова, которые, оценивая творчество поэта как «совершенно исключительное» явление, рассматривали его новаторство вне традиций русской классической поэзии, отказывались называть Некрасова поэтом, оказавшим огромнейшее влияние на дальнейшее ее развитие.

Жизнь опровергла такого рода оценки новаторской поэзии Некрасова точно так же, как она опровергла клевету, усердно возводимую позднее на Маяковского врагами народа и, по-своему недомыслию, «средненькими посредниками» от литературы вроде Шенгели, считавшего, что «предельно организованная речь» — вне литературных возможностей Маяковского».[5]

---

1 Плеханов. Соч., т. X, 379.
2 Там же, стр. 377.
3 Там же, стр. 377—378.
4 Там же, стр. 378.
5 Шенгели. «Маяковский во весь рост», М. 1927, 47.

Маяковский справедливо считал себя наследником лучших традиций нашей русской классической поэзии и был прав, отстраняя от себя обвинения в нигилистическом отрицании завоеваний культуры прошлого. «Товарищ говорит, — заявил Маяковский в Краснопресненском Доме комсомола 25 марта 1930 г., — что я прямо целиком уничтожаю всех классиков. Никогда я этим глупым делом не занимался.

Я только говорю, что нет ударных на все время классиков. ...Если я выступаю против классиков, то отнюдь не за их уничтожение, а за изучение, за проработку их, за использование того, что есть в них полезного для дела рабочего класса» (т. X, 379).

Называя Пушкина «прекраснейшим, гениальнейшим, величайшим выразителем поэзии своего времени» (т. X, 293), Маяковский призывал писателей учиться у него «...максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли» (т. II, 523). Отсюда его искреннее признание:

Может
    я
    один
        действительно жалею,
что сегодня
        нету вас в живых.

(т. II, 337).

В стихотворении 1924 года, «Тамара и Демон», говоря о Лермонтове, Маяковский прямо указал на классическую поэзию как родословную своей лирики, заявив:

Мы
    общей лирики лента.

(т. II, 378).

Исключительно высоко ценя новаторскую поэзию Некрасова, он утверждал, что «...в революционной истории некрасовские стихотворения пользовались неизмеримо большим значением, чем вся остальная литература» (т. X, 350—351). И не ирония, а искренняя похвала талантам вложена им в известные его слова о Пушкине — «Я бы и агитки вам доверить мог» (т. II, 340) и о Некрасове — «Хорош бы был в «Роста» (т. II, 471).

Маяковский не представлял себе творца новой, советской поэзии, который мог бы обойтись без учета всего того, что «выработали до тебя поколения предыдущей литературы...» (т, II, 526).

Но вместе с тем, Маяковский не хотел быть и не был в

действительности простым копировщиком и подражателем классическим образцам.

Один из «положительных», с точки зрения автора, героев романа Ф. Сологуба «Капля крови» — Триродов, являясь в произведении носителем дворянско-буржуазной идеологии эпохи загнивания капитализма, обронил следующие любопытные слова: « — Мы никогда не начинаем... Мы являемся в мир с готовым наследием. Мы — вечные продолжатели. Поэтому мы не свободны. Мы видим мир чужими глазами, глазами мертвых». [1]

В отличие от декадентской поэзии эпохи империализма и пролетарских революций, Маяковский явился свободным продолжателем старого и одновременно зачинателем нового наследства людей, смотрящих на мир не чужими, а своими собственными глазами живых. Он, как и Горький, черпал свою поэзию не из прошлого, а из настоящего и будущего. Его поэзия была поэзией великой социалистической революции, предвидя которую К. Маркс в свое время писал: «... социальная революция XIX столетия не может черпать свою поэзию из прошлого: она должна ее черпать из будущего. Она не может стать сама собой, не отказавшись от всякого суеверного почитания старины. Прежним революциям необходимы были всемирно-исторические воспоминания о прошедшем, чтобы заглушить в себе мысль о собственном содержании. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание.

Там фраза преобладала над содержанием, здесь содержание преобладает над фразой». [2]

Резкие, политически-заостренные выступления Маяковского против классиков и были одной из форм его борьбы с вечными продолжателями, мертвецами, пришедшими в мир с готовым наследием. Эта мысль прекрасно сформулирована самим Маяковским в статье «Как делать стихи?»: «... мне часто приходилось если не разбивать, то хотя бы дискредитировать старую поэтику. Саму ни в чем не повинную старую поэзию, конечно, трогали мало. Ей попадало только, если ретивые защитники старья прятались от нового искусства за памятниковые зады» (т. X, 211).

В борьбе с мертвецами, хватающими живых, Маяковский, ненавидящий «всяческую мертвячину», не только дискредитировал и разбивал эпигонскую поэтику «ретивых защитников

---

[1] Ф. Сологуб. Собр. соч., СПб, 1914, т. XVIII, 171.
[2] Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, 325.

старья», но и, творчески осваивая старую поэтику классиков, создавал новую — поэтику социалистической литературы. Он первым из наших советских поэтов почувствовал, осознал и реализовал требование изменившейся в нашей стране действительности — найти новые формы и средства поэтического выражения ее содержания. «Положения, требующие формулирования, требующие ПРАВИЛ, — выдвигает жизнь, — писал Маяковский с полным пониманием того, что, способы формулировки, цель правил определяются классом, требованиями нашей борьбы» (т. X, 214,12).

Считая новизну материала и приема обязательными при создании каждого поэтического произведения, Маяковский, вместе с тем, был нетерпимым к такого рода новаторам, которые пренебрегали требованиями и запросами жизни, вставая на путь формалистической разработки поэтики.

«Для нас, мастеров слова России Советов, — писал он в 1923 г., — маленькие задачки чистого стихосложения отступают перед широкими целями помощи словом строительству коммуны» (т. II, 507).

Хорошо понимая, что «величайшая идея умрет, если мы не оформим ее искусно» (т. II, 496), он выступал против формалистического трюкачества, превращения работы над формой в самоцель, низведения поэзии до технического изобретательства, против «голой левизны», против «ловли блох в безвоздушном пространстве» (т. II, 495), потому что искуснейшие формы останутся черными нитками в черной ночи, будут вызывать только досаду, раздражение спотыкающихся, если мы не применим их к формовке нынешнего дня — дня революции» (т. II, 496).

Одной из боевых задач своих журналов — «Леф» (1923—1925) и «Новый Леф» (1927—1928) Маяковский считал именно эту борьбу с «индивидуалистическим кривляньем» (т. II, 658) писателей, в том числе и тех, которые примыкали к левому фронту искусства. Подобно пролеткультовцам, «личные выдумки» которых еще в 1919 году были охарактеризованы Лениным, как «самое нелепейшее кривляние», как «нечто сверхестественное и несуразное»,[1] некоторые поэты левого фронта пытались создавать пролетарскую поэзию в кабинете, искусственным путем, путем формалистического новаторства, граничащего с заумью. Это «отсутствие общего, спрессованного журналом голоса», (т. X, 263), превращение журнала в «эстетическое

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, 276.

предприятие», т. е. расхождения Маяковского с «теоретиками», и писателями-формалистами журнала по коренным вопросам литературной политики и заставляли его отбрасывать от себя «одряхлевшие лохмотья Лефа» (т. X, 345).

Борясь за новый, доведенный до предельной выразительности стих, Маяковский большое значение придавал образу как одному «из всегдашних средств поэзии». Но он критиковал имажинистов, «делавших его целью», потому что они, тем самым, «обрекали себя по существу на разработку только одной из технических сторон поэзии» (т. X, 238).

В 1923 году Маяковский назвал конструктивизм «очередной эстетической школкой» (т. II, 495), а в 1930 г., выступая на конференции МАПП, он, как бы продолжая свою мысль, говорил о том, что это самое вредное из всех течений, потому что «они (— конструктивисты — Н. Г.) пользуются сферой уже использованных образов, они повторяют ошибку футуристов — голое преклонение перед техникой, они повторяют ее в области поэзии. Для пролетарской поэзии это неприемлемо...» (т. X, 359).

Тов. Жданов, выступая в 1948 г. на совещании деятелей советской музыки, говорил, что «новаторство отнюдь не всегда совпадает с прогрессом».[1] Таким новаторством, не совпадающим с прогрессом, было новаторство поэтических представителей различных литературных течений, увлекавшихся «чистым стихосложением». «...Новое, — говорил в этой же речи А. А. Жданов, — должно быть лучше старого, иначе оно не имеет смысла».[2]

Поэтическое новаторство Маяковского имело смысл, потому что оно совпадало с прогрессом и было шагом вперед по пути обновления, углубления и расширения возможностей художественного познания мира.

13.

«Стихотворение, — писал Маяковский, — должно иметь в себе полный политический заряд.

Надо, чтоб этот заряд несся по всей новейшей технике, обгоняя прошлые стрелятельные возможности» (т. X, 306).

Стрелятельные возможности послеоктябрьского стиха Маяковского увеличились прежде всего потому, что он явился в полном смысле этого слова реформатором поэтического языка, что он обогатил поэтическую лексику такими словами жизни, которые до него считались непоэтичными.

---

[1] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), М., 1948, 141.
[2] Там же, 140.

Революция, выбросившая на «центральные проспекты» «корявый говор миллионов» и «жаргон окраин», превратила «безъязыкую» улицу (т. X, 214) дореволюционных стихов Маяковского в улицу митингов, манифестаций и баррикадных боев. Язык восставшего и победившего народа должен был стать и стал в действительности языком поэта революции тем, языком, на котором он говорил о своих переживаниях, являющихся обобщенными переживаниями миллионов. В этом направлении обогащения поэтической лексики народным языком шла вся последующая плодотворная и напряженная работа поэта.

Используй,
кто был без'язык и гол,
свободу советской власти.
Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.

(т. VIII, 208).

В своих воспоминаниях о Горьком Дм. Семеновский пишет о том, что к одному из дореволюционных его стихов «о величественной поступи пролетарских батальонов» Горький сделал следующую приписку: «Следовало дать больше глухих тяжелых слов».[1] Такие глухие и тяжелые слова революции, которые хотел видеть в стихах Горький, получили полные права гражданства в послеоктябрьской поэзии Маяковского, еще в 1918 г. прямо заявившего себя сторонником «антиэстетических» шипящих и свистящих звуков:

Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
поя и свища.
Есть еще хорошие буквы:
Эр,
Ша,
Ща.

(т. II, 30).

Борясь за «весомое, грубое, зримое» слово, Маяковский отвергал «расслабленный интеллигентский язычишко» (т. X, 214) поэтов, живущих «с словцом любым» (т. VII, 63). Их «разглагольствования лирического порядка» на темы сентиментальной любовишки и гармоничного пейзажа, бесцветные и выхолощенные слова их эпигонской поэзии Маяковский называл «прожитым днем нашей литературы» (т. X, 365). «И не наша вина, — писал он в 1918 г., — если и сейчас благородные чувства гражданских поэтов забронированы в такие эпитеты, как

[1] Д. Семеновский. Письма и встречи, 1940, 26—27.

«царица свобода», «золотой труд» —у нас давно царицы и золоты сменены железом и бунтом» (т. II, 469).

Для выражения нового в жизни Маяковский находил и новые слова, достойные победителей и нужные им для дальнейшей борьбы.

Я жизнь отдать
за сегодня
рад.
Какая это громада!
Вы чуете
слово —
пролетариат? —
ему грандиозное надо.

(т. VII, 63).

Грандиозную поэзию социализма Маяковский и создавал «...нужными, выразительными, редкими изобретенными, обновленными, произведенными и всякими другими словами» (т. X, 217), которые годами упорной работы добывались поэтом «из артезианских людских глубин» и предназначались им для приведения в движение «миллионов сердец» в течение тысячелетий.

Изгоняя из поэзии затертые декадентами слова—штампы, Маяковский очищал язык «от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия» (т. X, 324).

В. И. Ленин в статье 1918 г. «О характере наших газет», критикуя газеты за интеллигентское многословие и рассуждательство, политическую трескотню, не связанную непосредственно с буднями строительства новой жизни, требовал от газет «...не рассуждения повторять, а в нескольких строках, в «телеграфном стиле» клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики».[1]

Следуя ленинским требованиям и пушкинским заветам, Маяковский боролся за «голый» и «прямой» точный и выразительный, «телеграфный» язык социалистического поэта:

Я
поэзии
одну разрешаю форму:
краткость,
точность математических формул.
К болтовне поэтической я слишком привык, —
Я еще говорю стихом, а не напрямик».

(т. II, 96—97).

Полновесное, материализированное слово поэзии Маяковского не допускало декадентских неопределенностей.

«А где-то глухие часы...
А где-то сопит весна...

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, 212.

Где? Дайте точный адрес: на углу Литейного и Пантелеймоновской?» — требовал он от Равича, анализируя его стихи (т. X, 313). Противопоставляя подобного рода неопределенностям точно выражаемую мысль, он писал:

Мысль
вещественней, чем ножка рояльная.
Вынешь мысль из-под черепа кровельки,
и мысль лежит на ладони,
абсолютно реальная,
конструкцией из светящейся проволоки.

(т. II, 108).

Словотворчество Маяковского никогда не являлось самоцелью его поэтической работы.

Неологизмы делались им с учетом тенденций развития языка народа, с учетом «своего корня» и «своего глагола».

Образные средства художественного воплощения чувства и мысли поэта играли не самостоятельную, а вспомогательную роль. Он отвергал, например, аллитерации «для простой игры словами» и звукоподражательные аллитерации «для мелодичности». «Переборщенность созвучий, аллитераций и т. п., — писал Маяковский, — через минуту чтения создает впечатление пресыщенности. ...Я прибегаю к аллитерации для обрамления, для еще большей подчеркнутости важного для меня слова» (т. X, 242).

Маяковский боролся за чистоту великого русского языка, языка Ленина и Сталина.

Ссылаясь на цитированное нами выше выступление В. И. Ленина с требованием выработать для статей краткий «телеграфный» язык и на речь М. И. Калинина на 4-м съезде работников печати, в которой он призывал упрощать «стиль», внешность, форму наших статей, Маяковский в 1923 г. писал о том, что «во всех газетах до сих пор мелькают привычные, но никому непонятные слова, ничего не выражающие уже фразы: «проходит красной нитью», «достигло апогея», «дошло до кульминационного пункта», «потерпела фиаско» и т. д. до бесконечности» (т. II, 510). И свое остроумное стихотворение этого же года «О фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах» он закончил такими словами:

Чтоб мне не писать, впустую оря,
мораль вывожу тоже:
то, что годится для иностранного словаря,
газете — не гоже.

(т. II, 198).

Эти утверждения Маяковского свидетельствуют о дальновидности поэта, о правильном понимании им путей развития нашего языка. Специальное выступление В. И. Ленина в сле-

дующем, 1924 г. на эту же тему в печати (статья «Об очистке русского языка») — убедительное тому доказательство.

«Русский язык мы портим, — писал в этой статье Ленин.— Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?». Устанавливая, что излишество в употреблении иностранных слов «затрудняет наше влияние на массу», Ленин писал там же: «Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? ...Не пора ли объявить войну коверканию русского языка?»[1]

Такую войну и вел Маяковский с теми, кому «рамки русского узки» (т. VIII, 208) и кто не мог говорить без «европейских юлений» (т. III, 106). Чрезмерное увлечение поэтов иностранными словами, расценивалось им как стремление уйти от решения средствами искусства насущных задач дня. «Иностранщина из учебников, — писал он в том же 1923 г., — безобразная безобразность до сих пор портит язык, которым пишем мы. А в это время поэты и писатели, вместо того, чтоб руководить языком, забрались в такие заоблачные выси, что их и за хвост не вытащить. Открываешь какой-нибудь журнал— сплошь испещрен стихами: тут и «жемчужные зубки», и «хитоны», и «Парфенон», и «грезы», и чорт его знает, чего тут только нет.

Надо бы попросить господ поэтов слезть с неба на землю» (т. II, 511).

Новые чувства и мысли советского человека, рожденного революцией, Маяковский выражал новыми и обновленными словами своего родного, русского языка, могучего языка народа, революцию совершившего.

Товарищи юноши,
взгляд — на Москву,
на русский вострите уши.
Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени,
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

(т. VIII, 209).

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, 662.

«Все должно творить в этой России и в этом русском языке», — писал в свое время Пушкин.[1]

Творчество Маяковского — прямое подтверждение правильности пророческих слов великого поэта.

14

Другим крупнейшим новаторством Маяковского в области поэтики явилась реформа стиха.

Строгая ритмическая размерянность классической поэзии была уже частично поколеблена дольниками символистов. Но антиреалистическая направленность этого литературного течения не позволила поэтическим представителям довести реформу до логического конца.

Демократический стих дореволюционного Маяковского, высвободив слово из плена стихотворной строки как ритмической единицы, положил начало новой системе стихосложения. Но завершить, усовершенствовать и узаконить тонический стих помогла поэту Октябрьская социалистическая революция, выбросившая, как мы уже говорили, на улицы «корявый говор миллионов».

Послеоктябрьского Маяковского не могла удовлетворить старая форма силлабо-тонического стиха потому, что «революция дала слышимое слово, слышимую поэзию», потому что «счастье небольшого кружка слушавших Пушкина сегодня привалило всему миру» (т. X, 289).

Вот почему послеоктябрьский Маяковский сразу дал в своей поэзии «все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни!» (т. X, 215). И вот почему он критиковал поэтов за их безразличие к форме стиха, содержанием которого стала новая революционная действительность, поэтов, которые «не выводят поэзию из материала, т. е. не дают эссенции фактов, не сжимают фактов до того, пока не получится прессованное; сжатое; экономное слово, а просто накидывают какую-нибудь старую форму на новый факт. Форма чаще всего не по росту: или факт совсем затеряется, как блоха в брюках — например радимовские поросята в его греческих, приспособленных для «Илиад» пентаметрах, — или факт выпирает из поэтической одёжи и делается смешным вместо величественного. Так выглядят, например, у Кириллова «Матросы», шествующие в раздирающемся по швам 4-х стопном поношенном амфибрахии» (т. X, 229).

---

[1] А. С. Пушкин. Собр. соч. в шести томах, т. VI, М., 1949 г., 18.

Небезинтересно отметить, что в другом месте той же статьи — «Как делать стихи?», — процитировав целую строфу кирилловских «Матросов» —

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров.
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов

— Маяковский противопоставлял ей всего-навсего одну «прессованную» строчку — «эссенцию» своего «Левого марша» —

Разворачивайтесь в марше!

—продемонстрировав тем самым преимущества «сжимания» фактов в слово тонического стиха.

Стремление наших поэтов-классиков сблизить искусство с жизнью заставляло их искать новых и новых форм, более совершенного выражения своих переживаний. Известно, что еще Пушкин выражал свою неудовлетворенность ямбом, которым написано большинство его стихотворных произведений:

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить[1].

Верный «свободному творчеству» Некрасов, как мы уже отмечали, считал, что «гладкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства...» Поэты декаданса, утверждавшие, что «все в жизни лишь средство для ярко певучих стихов», шли по пути отдаления поэзии от жизни, по пути сближения поэзии с музыкой, уводящей в иные миры «торжествующих созвучий».

Принципы тонического стихосложения Маяковского, основанные на решительной демократизации поэтического слова, были заявкой на полнейшее сближение поэзии с революционной действительностью, заявкой, блестяще реализованной творческой практикой поэта.

Маяковский справедливо считал обычную пунктуацию бедной и маловыразительной по сравнению с богатством оттенков человеческих эмоций. Подчиняя ее «основной энергии стиха» — ритму, он усилил значение и выразительность поэтического слова путем его обособления, что и подсказало ему лесничнообразное расположение слов стихотворной строчки. «Раздел строчек, — объяснял Маяковский, — часто диктуется и необходимостью вбить ритм безошибочно, так как наше конденсированное экономическое построение стиха часто заставляет выкидывать промежуточные слова и слога, и если после этих слогов

---

[1] Пушкин. Соч., Л., 1936, 81.

не сделать остановку, часто большую, чем между строками, то ритм оборвется» (т. X, 244).

И в этом смысле глубоко прав исследователь поэтики Маяковского — Л. И. Тимофеев, когда он пишет, что «новым в стихе Маяковского было не разрушение силлабо-тонического строя — оно было и до него. Новым было введение в строку паузы, как элемента ритма, во-первых, и превращение слова в самостоятельную единицу, во-вторых».[1]

Следование традиционным метрам классического стиха воспринималось Маяковским как подчинение нового материала поэзии старой поэтической форме. В уже цитированном нами письме к Равичу, например, указывая на скованность речи его стихов, написанных традиционными размерами, Маяковский писал: «Заранее предубеждены, считая, что поэзия — это четверостишия с чередующимися рифмами. Выучите строчки ходить по-разному. Если не сумеете—перебейте строчкам ноги» (т. X, 313).

Но было бы неправильным считать, что Маяковский совершенно исключал из своей поэтики даже элементы силлабо-тонической системы стихосложения и строил новое здание поэзии на голом месте.

Известно, например, что во вступлении к поэме «Во весь голос» имеет место применение поэтом классического ямба, что «Необычайное приключение...» написано им классическим размером: комбинацией четырехстопного и трехстопного ямба с мужскими рифмами в нечетных и женскими рифмами в четных строках и т. д.

Кроме того, мы имеем непосредственное высказывание по этому вопросу самого Маяковского, заявившего, что «новизна, конечно, не предполагает постоянного изречения небывалых истин. Ямб, свободный стих, аллитерация, ассонанс создаются не каждый день. Можно работать и над их продолжением, внедрением, распространением» (т. X, 216).

* * *

Принципы тонического стихосложения, лежащие в основе новаторской поэтики Маяковского, необычайно повысили значение в стихе рифмы.

Если в классическом стихе, ритмической единицей которого была стихотворная строчка, рифма имела значение сигнала, обозначавшего окончание строки, то в тоническом стихе

---

[1] Л. Тимофеев. Поэтика Маяковского, М., 1941, 65.

Маяковского, ритмической единицей которого стало слово, рифма превратилась в опорное слово эмоций лирического героя, слово, без которого «немузыкальный» тонический стих «рассыпется». «Рифма, — писал Маяковский, — возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе» (т. X, 235).

Вот почему Маяковский рифмовал самые значимые, останавливающие внимание читателя слова. «...Я всегда, — говорил он, — ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало. В результате моя рифмовка почти всегда необычайна и уж во всяком случае до меня не употреблялась, и в словаре рифм ее нет» (т. X, 236).

Размышляя о будущем русского стиха, Пушкин в статье «Путешествие из Москвы в Петербург писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собой *камень*. Из-за *чувства* выглядывает *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верный* и *лицемерный* и пр».[1]

Чернышевский, будучи убежденным в том, что «рифма должна остаться необходимою принадлежностью русского стиха», говорил: «Рифма в русском языке должна существовать с некоторыми особенными условиями, вытекающими из сущности языка. Один шаг к этому сделан уже поэтом, о котором говорили мы выше (Некрасовым—Н. Г.).

... Русская рифма, нам кажется, могла б довольствоваться не одинаковостью, а подобностью звуков, как это бывает иногда у Кольцова. Конечно, это созвучие должно быть сильно, резко, чтобы быть заметным».[2]

Маяковскому как раз и удалось открыть этот новый, богатый мир сильных и резких созвучий нашего языка, основанный не на одинаковости, а на подобности звуков. Вот почему он терпеть не мог захватанных предшествующими поэтами рифм, шаблонное применение которых в стихах о новой действительности приравнивалось им к пошлости. Не без оснований нападая на таких поэтов, в стихотворении 1923 г. — «1-е Мая» — Маяковский писал:

Поэты —
народ дошлый.
Стих?

[1] А. Пушкин. Соч., Л, 1936, 759.

[2] М. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., С.—Петербург, 1906, т. 1, 288.

Изволь.
Только рифмы дай им.
Не говорилось пошлостей
больше,
чем о мае.
Существительные: Мечты.
Грезы.
Народы.
Пламя.
Цветы.
Розы.
Свободы.
Знамя.
Образы: Майскою.
Сказкою.
Прилагательные: Красное.
Ясное.
Вешний.
Нездешний.
Безбрежный.
Мятежный.
Вижу —
в сандалишки рифм обуты,
под древнегреческой
образной тогой,
и сегодня
таща свои атрибуты —
шагает бумагою
стих жидконогий.
Довольно
в люлечных рифмах няньчить —
нас,
пятилетних сынов зари.
Хоть сегодняшний
хочется
привет
переиначить.
Хотя б без размеров.
Хотя б без рифм.

(т. II, 237).

15.

В одном из писем 1885 г. Н. Г. Чернышевский утверждал, что для поэта важен не только лирический порыв — «важно и то, чтоб он нашел себе удовлетворительное выражение. В этом, — писал он далее, — и разница между чувствами массы людей и произведениями поэтов: думается, чувствуется человеку без поэтического дарования то самое, что выскажет поэт, только форма не дается непоэту».[1]

[1] «Литературное наследство Н. Г. Чернышевского». т. III, ГИЗ., 1930, 104.

Творческий путь Маяковского был путем непрерывного идейно-художественного роста, путем неустанных исканий новых и новых более совершенных форм воплощения переживаний народного поэта.

Он не принадлежал к числу поэтов статического типа, поэтов, застывших на определенной ступени своего творческого развития и или совсем не пишущих, или повторяющих себя. Он рос и развивался вместе с нашей страной и народом и без них немыслим. Его поэзия не могла бы быть названа художественной летописью борьбы нашего народа за коммунизм, если бы она отставала от жизни. Более того, его поэзия не была бы так современна сегодня, если бы она не была устремлена в завтра, в будущее.

Он начал свой послеоктябрьский период творчества следующей декларацией к сборнику 1919 г. «Все сочиненное Владимиром Маяковским»: «Оставляя написанное школам, ухожу от сделанного и, только перешагнув через себя, выпущу новую книгу» (т. II, 470). И кончил его тем, что изложив свои творческие позиции в одном из последних выступлений 1930 г., заявил: «...ни в коем случае не следует считать сказанного сегодня выражением всей системы моих поэтических взглядов, которые должны меняться» (т. X. 361—362).

* * *

Характеризуя первый этап послеоктябрьского периода творчества Маяковского (1917—1924 гг.), следует прежде всего указать на преобладание в лирике поэта возвышенных, торжественных жанров. Маршевая поступь, голос оратора уличного митинга, властный приказ командира — обязательны для большинства стихотворений этого времени, к которым можно отнести «Наш марш», «Оду революции», «Приказ по армии искусств», «Той стороне», «Левый марш», «Мы идем», «Последняя страничка гражданской войны», «Приказ №2 армии искусств», «Пятый интернационал», «Мой май», «Барабанная песня», «Марш комсомольца», три стихотворения 1923 г. о 1-е Мая и др.

В. Г. Белинский, определяя торжественные жанры лирики, в статье «Разделение поэзии на роды и виды» писал: «Если субъект погружается в элемент общего созерцания и как бы теряет в этом созерцании свою индивидуальность, то являются гимн, дифирамб, псальмы, пеаны. Субъективность на этой ступени как бы не имеет еще своего собственного голоса и вся вполне отдается тому высшему, которое осенило ее; здесь еще мало *обособления*, и общее хотя и проникается вдохновенным ощу-

щением поэта, однако, проявляется более или менее *отвлеченно*. Это — начало, первый момент лирической поэзии...».[1]

Гимны, оды, марши Маяковского первого этапа послеоктябрьского периода творчества, рожденные «взвихренной» действительностью Октябрьской революции, и несут на себе печать этой «отвлеченности» при малом «обособлении» лирического «я» поэта, хотя и проникаются его «вдохновенным ощущением». Они действительно представляли из себя «начало, первый момент лирики» социалистического реализма.

Октябрьская революция разделила мир на мир социализма и мир капитализма. «Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, — писал Ленин в «Правде» 1919 года, — либо диктатура рабочего класса. Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может».[2]

Это категорическое, недопускающее середин противопоставление двух миров, «выявившихся... во весь рост» (т. II, 54), не могло не стать содержанием поэзии Маяковского, почти буквально повторившего в поэме «150.000.000» ленинские слова:

Из мелких фактов будничной тины
выявился факт один:
вдруг
    уничтожились все середины —
нет на земле никаких середин.
Ни цветов, ни оттенков, ничего нет —
кроме
цвета, красящего в белый цвет,
и красного,
            кровавящего цветом крови.
Красное все,
            и все, что бело,
билось друг с другом,
                билось и пело.

(т. VI, 46—47, 58).

Революция открыла перед Маяковским реальные пути строительства счастливой жизни людей, обнажила горизонты будущего, окрылила его мечту. В 1922 году, уподобляя себя Людогусю, он писал: «У Людогуся громадное достоинство: «возвышенная» шея. Видит дальше всех. Видит только главное. Точно устанавливает отношения больших сил» (т. VII, 257). Отсюда стремление Маяковского объективировать свои лириче-

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. соч, М., 1947, 184.
[2] Ленин. Соч., т. XXIV, 436.

ские переживания то в гиперболизированном образе Ивана, внутренним содержанием которого является 150 миллионов советских людей, совершивших социалистическую революцию и борющихся с капиталистическим миром, представленным Вильсоном, то в социально-типичных, но не индивидуализированных «нечистых» из «Мистерии-буфф», борющихся с представителями старого мира — «чистыми».

Поэту на этом этапе творчества не до деталей, не до подробностей, не до внешнего правдоподобия лиц и положений. Он, занятый изучением «отношения больших сил», домысливает и обобщает факты. Одну из глав поэмы «150 000 000» он начинает таким, например, показательным в этом отношении вступлением:

Товарищи газетчики,
не допытывайтесь точно,
где была эта битва
и была ль когда.
В этой главе
в пятиминутье всредоточены
бывших и не бывших битв года.

(т. VI, 56).

Маяковский первого этапа послеоктябрьского периода творчества, как об этом хорошо сказал Д. Обломиевский, структуру действительности дает «не в связях и отношениях реальных вещей, людей и событий, но через отвлечение признаков вещественного и человеческого миров, превращенных в аллегории за ними стоящих социальных сил».[1] Поэтому для Маяковского не существует различий, например, между Вильсоном, Ллойд-Джорджем, Клемансо, для него важно одно, объединяющее их отличие, то, что все они — враги советского государства и народа.

...художники
Вильсонов,
Ллойд-Джорджев,
Клемансо
рисуют —
усатые,
безусые рожи —
и напрасно:
все
это
одно и то же.

(т. VI, 37).

[1] «Лит. современник», Л, 1935, № 3, 198.

Более того, он отказывает представителям старого мира в индивидуализации не столько потому, что это, с его точки зрения, деталь, сколько потому, что люди, представляющие собою противочеловечный строй жизни, безличны в своем существе. В стихотворении 1923 года «Пилсудский» поэт так изобразил лицо своего «героя»:

Крохотный лоб.
Только для кокарды:
уместилась чтоб.
А под лобиком
сейчас же
идут челюстищи
зубов на тыщу
или
на две тыщи.

(т. V, 239).

Перед Маяковским этого времени стояла задача — выйти в своем творчестве на дорогу больших социальных обобщений измененной революцией действительности, поэтому он сознательно отстранял от себя творческие принципы объективистского натурализма. В стихотворении «Керзон» он писал:

Гордого лорда
запечатлеть рад.
Но, я,
разумеется, не фотографический аппарат.
Что толку
в лордовой морде нам?!
Лорда рисую
по делам
по лординым.

(т. V, 231).

Принципиальную правильность своих позиций этого времени Маяковский защищал и позднее. В очерках «Мое открытие Америки», написанных в 1925—1926 г. г., Маяковский вспомнил обвинения его критикой в том, что его «Чикаго могло быть написано только человеком, никогда не видевшим этого города. Говорили: если я увижу Чикаго, я изменю описание» (т. VII, 411).

Сравнив «свое Чикаго» из «150 000 000» с описанием города «знаменитейшим сегодняшним американским поэтом» Карлом Сэмборсм и путеводителями (см. т. VII, 404—406), он написал: «Теперь я Чикаго видел. Я проверил поэму на чикагцах... ...и весь в садах Чикаго должен быть изображаем на одном винте и сплошь электро-динамо-механическим. Это не в защиту собственной поэмы, это — в утверждение права и необхо-

димости поэту организовывать и переделывать видимый материал, а не полировать видимое.

Путеводитель описал Чикаго верно и непохоже.
Самбор описал и неверно и непохоже.
Я описал неверно, но похоже».

(т. VII, 411).

Еще недостаточно «обособленный» лирический герой стихов Маяковского этого творческого этапа постоянно декларирует свою неразрывную связь с массами, как бы не выделяя из массы ни себя, ни других.

Не Ленину стих умиленый.
В бою
славлю миллионы,
вижу миллионы,
миллионы пою.

(т. VI, 56).

Но было бы неправильным считать, что в подобных случаях Маяковский полностью отождествляет личность лирического героя с массой, обедняя личность, как это делали поэты пролеткульта. Подобного рода стихи Маяковского можно безошибочно характеризовать словами Белинского, написанными им в том месте статьи «Разделение поэзии на роды и виды», где идет речь об одном из торжественных жанров лирики — об оде: «Хотя здесь поэт и весь отдается своему предмету, но не без рефлексии на свою субъективность; он удерживает свое право и не столько развивает самый предмет, сколько свое, полное этим предметом, вдохновение».[1]

Перед Маяковским тех лет стояла сложная задача. Ему, с одной стороны, надо было противопоставить своего цельного лирического героя психологически изломанному индивидуалистическому герою декадентской поэзии и ее традициям, продолжавшим жить и после Октября, с другой стороны, ему надлежало создать такого героя, который был бы выразителем психологии большого коллектива, не будучи безликим, каким он оказался у пролеткультовцев. Маяковский успешно решал эту задачу, но решить ее до конца он сумел только на втором этапе творческого развития.

Теперь же, борясь с традициями декадентской поэзии, любившей «в мистику облекаться» и «говорить о вещах едва касаемо», Маяковский противопоставляет психологически утонченному, расслабленному, постоянно рефлексирующему ее герою нарочито упрощенного, человека-машину. В стихотворении 1923 г. «Протестую!» он писал:

[1] В. Г. Белинский. Избран. соч., М., 1947, 184

..,Довольно! —
зевать нечего:
переиначьте
конструкцию
рода человечьего!
Тот человек,
в котором
цистерной энергия —
не стопкой,
который
сердце
заменил мотором,
который
заменит
легкие — топкой.
Пусть сердце,
даже душа,
но такая,
чтоб жила,
паровозом дыша,
никакой
весне
никак не потакая.

(т. II, 295).

В той же полемической борьбе с декадентской поэзией и ее традициями, Маяковский заменяет традиционный образ поэта-пророка, образом поэта-рабочего, труд которого безоговорочно приравнивается к труду деревообделочника, рыбака, кузнеца и техника, управляющего машинами:

Кто выше — поэт
или техник,
который
ведет людей к вещественной выгоде?
Оба.
Сердца — такие ж моторы.
Душа — такой же хитрый двигатель
Мы равные.
Товарищи в рабочей массе.
Пролетарии тела и духа.
Лишь вместе
вселенную мы разукрасим
и маршами пустим ухать.

(т. II, 35).

Воюя с пролеткультовцами, Маяковский, наоборот, отстаивает огромное значение «я» поэта социалистического искусства — передового человека эпохи, поднявшегося до понимания узловых противоречий времени, умеющего перестраивать и подчинить себе мир. Слова вступительной главки второй части недописанной Маяковским поэмы 1922 г. «Пятый интернационал» в этом плане исключительно показательны:

«Простите, товарищ Маяковский. Вот вы все время орете — «социалистическое искусство, социалистическое искусство». А в стихах я, я и я. Я радио, я башня, я то, я другое. В чем дело?

ДЛЯ МАЛОГРАМОТНЫХ.

Пролеткультцы не говорят
ни про «я»,
ни про личность.
«Я»
для пролеткультца
все равно что неприличность.
И чтоб психология
была
«коллективней», чем у футуриста,
вместо «я-с — то»
говорят
«мы-с — то».
А по-моему,
если говорить мелкие вещи,
сколько не заменяй «Я» — «Мы»,
не вылезешь из лирической ямы.
А я говорю
«Я»,
и это «Я»
вот,
балагуря,
прыгая по словам легко,
с прошлых
многовековых высот,
озирает высоты грядущих веков.
Если мир
подо мной
муравейника менее,
то куда ж тут, товарищи, различать местоимения».

(т. II, 113—114).

Принято считать, что социалистический реализм как метод советской литературы окончательно утвердился только в 20-е годы нашего века с появлением таких выдающихся произведений, как «Чапаев» и «Мятеж» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, «Цемент» Гладкова, «Соть» Леонова, «Тихий Дон» Шолохова и др. Если это правильно в смысле характеристики основной массы произведений нашей советской литературы первых 13 лет, то это, по меньшей мере, не точно применительно к творчеству Маяковского.

Уже на первом этапе своего послеоктябрьского творчества Маяковский заложил основы социалистической поэзии и лирики, потому что с первых дней революции его поэзия была вдохновлена великой идеей коммунизма.

Лирический герой поэзии Маяковского этих лет, несмотря на свою еще недостаточную «обособленность», отвлеченность и абстрактность, является типичным героем-борцом, носителем социально и исторически конкретных черт советского человека, действующим в социально и исторически конкретных, социалистических обстоятельствах.

Маяковскому на этом этапе творческого становления не удалось раскрыть содержание переживаний своего лирического героя полноценными реалистическими средствами поэтического искусства, потому что он тогда еще не обладал достаточной для этого идейно-художественной зрелостью.

В условиях продолжающейся борьбы всемирно-исторического масштаба, когда вопрос «кто кого» окончательно решен еще не был, когда из нэповской Россия еще не превратилась в социалистическую, — виделось главное, то, что обеспечивало приход счастливого будущего, то, за что героически боролись миллионы людей труда, — и не обращалось внимания на подробности, и не замечались детали. А. Февральский прав, когда он пишет, что «искусство тех лет как бы страдало чрезмерной дальнозоркостью, мешавшей разглядеть предметы, находившиеся вблизи, но зато оно пыталось отобразить ведущие устремления эпохи, и его масштабность отвечала величию совершавшихся событий».[1]

Иногда, вдевая «в стремя фантазии ногу» (т. VI, 26), Маяковский устремлялся в слишком далекое будущее, не выводимое непосредственно из настоящего. Например, последнюю из написанных глав поэмы «Пятый интернационал» он закончил такими словами: «Самое интересное, конечно, начинается отсюда. Едва ли кто-нибудь из вас точно знает события конца XXI века. А я знаю. Именно это и описывается в моей третьей части» (т. II, 129). Известно, что этой третьей части поэмы не последовало, и причина того, очевидно, заключается в том, что Маяковский сам почувствовал беспочвенность и несостоятельность своей фантастики.

В подобных случаях ему действительно было «трудно с будущим» (т. II, 239), и не без оснований тогда перед ним, «над земною точкой», загибался «огромнейший знак вопроса». Ему действительно в таких случаях было недостаточно ясно это будущее, страстным желанием проникнуть в которое он жил.

В грядущее
тыкаюсь
пальцем — строчкой.
В грядущее глазом образа вросся.
Коммуна!

---

[1] «В. Маяковский. Материалы и исслед.», М., 1940, 186.

Кто будет пить молоко из реки ее?
Кто берег — кисель расхлебывает, опоен?
Какие их мысли?
Любови какие?
Какое чувство?
Желанье какое?

(т. II, 586).

Маяковским первого этапа послеоктябрьского творчества не все было должным образом осмыслено и в настоящем. Совершенно правильно поняв основной смысл и содержание Октябрьской революции как истинно народной революции — освободительницы, как революции созидания. Маяковский, тем не менее, в своих первых дореволюционных стихах сближает, сравнивает, а иногда и отождествляет революцию то с бунтом, то с потопом, то со штурмом дверей рая, приспосабливая старые понятия для выражения новой действительности, от чего он откажется впоследствии.

Более того, иногда Маяковским выдвигаются на первый план совершенно случайные спутники революции, более похожие на представителей преступного мира, нежели на настоящих революционеров. Так, например, устами семи пар нечистых пролога «Мистерии-буфф» поэт заявил:

Славим
восстаний,
бунтов,
революции день —
тебя,
идущий, черепа мозжа!

(т. III, 9).

Бунтарский элемент в восприятии революции как стихии разрушения являлся данью до конца еще непреодоленных подобного же рода мотивов дореволюционного творчества поэта, с одной стороны, и отражением преобладания в революции того времени инерции разрушения «мира насилья» «до основания», с другой.

Этот бунтарский элемент в восприятии революции как стихии разрушения сказался и на отношении Маяковского к наследству. Мы уже говорили, что Маяковский явился преемником и продолжателем лучших традиций классической поэзии, что его выступления против классиков были одной из форм борьбы с «ретивыми защитниками старья», ярыми противниками нового искусства революции, мнение которых, по свидетельству самого поэта, было «гениально подытожено» еще в 1918 г. Ф. Сологубом, заявившим на одном из первых послеоктябрьских собраний работников искусств следующее: «—Революции разрушают

памятники искусств. Надо запретить революции в городах, богатых памятниками, как, например, Петербург. Пускай воюют где-нибудь за чертой и только победители входят в город» (т. X, 278).

Однако, в стихах, статьях и речах Маяковского первых лет революции мы встречаемся с крайне противоречивыми высказываниями поэта по вопросу его отношения к наследству, требующими своих объяснений. Маяковский этих лет, с одной стороны, заявляет себя сторонником «принявших наследие России» (т. II, 465) и сам «... Пушкина читает по ночам, и оттого его ругает, что; быть «может, сильно любит»,[1] и сам «готов возложить хризантемы на могилу Пушкина» (т. II, 666), с другой, — воскрешая ошибки дореволюционных футуристов, требовавших сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и др. с «Парохода Современности», призывает ставить к стенке вместе с белогвардейцами Рафаэля и Растрелли, «атаковать» Пушкина и «прочих генералов классиков», громить памятники прошлого, «пустив по ветру культуришки конфетти» (т. VI, 65).

Громили Василия Блаженного.
Я не стал теряться.
Радостный,
вышел на пушечный зов.
Мне ль вычеканивать венчики аллитераций
богу поэзии с образами образов.

(т. II, 95—96).

Марксизм учит тому, что коммунистическая революция «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого».[2] Но вместе с тем: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая (практическим опытом) диктатуры пролетариата как последней борьбы его против всякой эксплоатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры».[3]

Маяковский первых лет революции не всегда занимал четкие марксистско-ленинские позиции в оценке культурного на-

---

[1] «Грядущее», 1918., № 10, 11
[2] Манифест ком. парт., ГИПЛ, 1948. 78.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, 409.

следства. Он ошибался, когда говорил в 1921 г. о том, что «вся идеология, на которую можно опереться, все старое искусство является буржуазной идеологией, которую мы сбросили в Октябре» (т. III, 390). Ему иногда казалось, что художественное наследие прошлого может не помочь, а помешать делу борьбы, делу создания новой культуры, что оно будет иметь все права на существование только в будущем:

Когда ж
прорвемся сквозь заставы,
и праздник будет за болью боя, —
мы
все украшенья
расставить заставим —
любите любое!

(т. II, 38).

Несомненно, неоднократные ленинские выступления начала 20-х гг. по вопросу отношения коммунистов к культурному наследству, в особенности речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде комсомола 1920 года, оказали на Маяковского огромное влияние и помогли ему утвердиться на правильных позициях в оценке прошлого. Принятие и одновременно отрицание наследства Маяковским 20-х гг. уже не исключали друг друга. Маяковский этих лет принимал культуру прошлого по праву законного ее наследника и отрицал ее — по праву новатора, делающего новый шаг в направлении, указанном традициями классической поэзии и поэзией новой социалистической жизни народа.

Второй этап послеоктябрьского периода творчества Маяковского (1924—1930 гг.) тесно связан с изменениями, происшедшими в это время в нашей стране, в жизни нашего народа, и в конечном счете объясним этими изменениями. Победное завершение гражданской войны, переход от военного коммунизма к новой экономической политике, к восстановлению разрушенного двумя войнами народного хозяйства, к практическому строительству новой жизни, в котором Маяковский принимал самое активное участие, дали возможность поэту не только мечтать о коммунистическом будущем, но и увидеть его собственными глазами.

На Всероссийском совещании политпросветов 1920 г. Ленин говорил о том, что «коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело».[1] Он и стал, как собственное дело, доступным массам трудящихся в эти годы непосред-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, 455.

ственного его созидания. «...У нас социализм не просто строится, а уже вошел в быт, в повседневный быт народа, — говорил товарищ Сталин в 1937 г. на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы. — Лет 10 тому назад можно было бы дискутировать о том, можно ли у нас строить социализм или нет. Теперь это уже не дискуссионный вопрос. Теперь это вопрос фактов, вопрос живой жизни, вопрос быта, который пронизывает всю жизнь народа».[1]

Заслуга Маяковского состоит в том, что он в первых победах нашего народа на трудовом фронте усмотрел огромнейшего значения факты новой социалистической действительности и опоэтизировал их. В известном стихотворении 1923 г. «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского», он писал:

...из-под Курска
прямо в нас
настоящею
земной любовью брызнул
будущего
приоткрытый глаз. (т. II, 284.)

Еще в 1922 г., в год окончания гражданской войны, Маяковский со свойственным ему умением заглядывать в завтра сегодняшнего, в «Пятом интернационале» угадывал недалекое будущее:

«Вы бывали в Пушкине (Ярославск. ж. д.) так в 1925 — 30 году? Были болота. Пахалось нивесть чем. Крыши —дыры. Народ крошечный. А теперь!

В красных,
в зеленых крышах села!
Тракторы!
Сухо!
Крестьянин веселый!
У станции десятки линий.
Как только не путаются —
не вмещает ум. (т. II, 99—100).

Добыча руды рабочими Курска явилась одним из первых свидетельств превращения мечты о социализме в действительность. Отсюда:

Было;
социализм —
восторженное слово!

---

[1] И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, 1937, 9.

Стало:
коммунизм
обычнейшее дело.
(т. II, 274).

Маяковский начала 20-х гг., увидев конкретные результаты Октябрьских завоеваний, как бы заново переживал боевые дни революции, наполняя их теперь содержанием практических успехов строительства социализма. Теперь слово революция ассоциировалось у поэта уже не с бунтом или потопом, а с единственным словом — социализм. В поэме «В. И. Ленин», рассказывая о приезде Ленина в революционный Петроград в апреле 1917 года, о его знаменитой речи, произнесенной с броневика, Маяковский напишет:

Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
близ,
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
«социализм».
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
(т. VI, 191—192).

Превращение коммунизма из восторженного слова в обычнейшее дело обязывало Маяковского пересмотреть свой боевой арсенал художественных средств отражения жизни и воздействия на нее.

Нынче
словом
не пофанфароните, —
шею крючь
да спину гни.
На вершочном
незаметном фронте
завоевываются дни.

(т. II, 274—275).

«Вершочные фронты» заставили Маяковского внимательно всматриваться в лица строителей социализма и их врагов, перешедших от открытой борьбы с революцией к более сложным, конспирированным ее формам.

Хотя
    буржуй
        и лицо перекрасил
и пузо не выглядит грузно, —
он волк,
    он враг
        рабочего класса,
он должен быть
        понят и узнан.

(т. IX, 54).

Теперь Маяковский не довольствуется одной социальной типизацией героя своих произведений. «...Углубленная литература»,которую он в эти годы создавал, уже не представлялась поэтом без конкретизации и индивидуализации социально-типичного героя и социально-типичных обстоятельств, в которых герой действует.

Объясняя, как «теперь... делаются литературные вещи», Маяковский в стихотворении 1928 г. «Писатели мы» декларировал:

Писатель
        берет факт
живой
    и трепещущий.
Не затем,
        чтоб себя
            узнавал в анониме,
пишет,
    героями потрясав.
Если герой —
        даешь имя!
Если гнус —
        пиши адреса!

(т. IX, 113).

1924 г. мы потому и считаем годом начала нового этапа в творческом развитии Маяковского, что он явился годом написания поэмы «В. И. Ленин», в которой Маяковскому впервые удалось создать художественно-полноценные образы лирических героев, действующих в обстоятельствах «живых и трепещущих» фактов жизни.

Маяковский 20-х гг. отказывается от беспочвенной фантастики, элементы которой, как мы уже показали, имели место на

первом этапе послеоктябрьского творчества. Наставляя «Работников стиха и прозы на лето едущих в колхозы», он в 1928 г. писал:

Фантазией
                    факты
                              пусть не заслонятся,
Всмотритесь,
                    творя
                              фантазии рьяные, —
не только
                    бывает
                              «пьяное солнце»,
но...
        и крестьяне
                    бывают пьяные.

(т. IX, 169).

Найденные поэтом реалистические средства отражения действительности в ее реально-исторических масштабах помогли ему освободиться от излишней гиперболизации и аллегоризации в изображении явлений жизни.

Нам
        чужды
                    политиков шарады —
большевикам
                    не надо аллегорий.

(т. VIII, 50).

Творческий путь послеоктябрьского Маяковского был путем восхождения поэта на творческие высоты мудрой простоты выражения словом мыслей и чувств нового советского человека. Социалистическая действительность подсказала Маяковскому выбрать именно этот нелегкий, но верный путь большой литературы. Огромное влияние оказали на поэта решения ЦК ВКП(б) и ленинские выступления по вопросам литературы и искусства, ленинская критика прожектерства пролеткультовцев, его требование бороться за чистоту русского языка, за простоту и краткость, «телеграфность» выражения мысли, наконец, прямое высказывание Ленина о стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся», содержащее в себе не только похвалу большому поэту, но и указание на необходимость пересмотреть свои творческие позиции.

Выступая на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. с докладом о Ленине, товарищ Сталин сказал, что «только Ленин

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, 177.

умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело — когда каждая фраза не говорит, а стреляет».[1])

Маяковский с каждым годом своей работы увеличивал «стрелятельные возможности» своего стиха, учась классической простоте выражения своих мыслей и чувств у Ленина и Сталина. И, думается, не случайно именно во время работы Маяковского над поэмой о Ленине, после внимательного вчитывания в ленинские и сталинские труды, у него родились знаменательные строчки о простоте и правде, которым он следовал в своем поэтическом рассказе о вожде:

Голос выскребу
                  будет резок.
Чтобы от рифмы
                  не мяк, а креп,
чтобы просто
                правду резал
как режешь
              ножом хлеб.

(т. VI, 493).

Верность простоте и художественной правде изображения помогли Маяковскому второго этапа послеоктябрьского творчества преодолеть лефовские теории искусства как жизнестроения и фактографии, по сути дела отрицавшие всякое искусство, и достичь высокого поэтического мастерства. Доказательством того, насколько далеко ушел Маяковский конца 20-х гг. от условностей в изображении явлений жизни первых послеоктябрьских лет может послужить хотя бы такое, например, сравнение. В прологе поэмы «Пятый Интернационал», напечатанной в 1922 году в журнале «Красная Новь» и впоследствии не включаемой поэтом ни в один из своих сборников стихов, Маяковский так говорил о марксистской диалектике и Октябрьской революции:

Фарами фирмы марксовой
авто диалектики врезалось в года.
Будущее рассеивало мрак свой.
И когда
Октябрь
пришел и залил,
огневой галоп,
казалось,
не взнуздает даже дым,
вы
в свои

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 6. 53.

железоруки
взяли
революции огнедымные бразды.

(т. II, 583—584).

О том же он написал и во вступлении в поэму о пятилетке — «Во весь голос»:

Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком итти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.

(т. X, 179)

Сравнивая эти два отрывка нельзя не заметить искусственности, отвлеченности, нежизненности метафорических сравнений марксистской диалектики с фарами авто, марксизма в целом—с фирмой, Октября с огневым галопом и т. д. в первом отрывке и нельзя не удивиться простоте и убедительности слов о марксистском учении и марксистской диалектике, уже не привносимой извне, а выводимой из самой жизни сложных общественных отношений и напряженной классовой борьбы, в отрывке втором.

Это широкое знание жизни и понимание закономерностей ее развития позволили Маяковскому 20-х гг. обогатить нашу советскую поэзию и в жанровом отношении. Если раньше, на первом этапе послеоктябрьского периода творчества, в поэзии Маяковского преобладали торжественнные жанры, то теперь мы встречаемся с самыми разнообразными его стихами, неподдающимися старой жанровой классификации лирики. Здесь есть и «Разговор с товарищем Лениным», и «Письмо тов. Кострову из Парижа о сущности любви», и «Мои прогулки сквозь улицы и переулки», и «Послание пролетарским поэтам», и «Мечта поэ-

та», и «Рождественские пожелания и подарки», и «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь», и «Рифмованные лозунги», и «Вместо оды», и «Осторожный марш», и «Призыв», и «Посмотрим сами, покажем им», и «Наглядное пособие», и «Рапорт профсоюзов», и «Размышление о Молчанове Иване и о поэзии», и «Автобусом по Москве», и «Ответ на будущие сплетни», и «Стихи о советском паспорте», и «Мелкая философия на глубоких местах», и «Немножко утопии про то, как пройдет метрошка» и десятки других жанровых вариантов, не предусмотренных поэтикой прошлого.

В. Г. Белинский, характеризуя песню и другие жанры лирики, не относимые им к разряду торжественных, писал: «Чистый, беспримесный элемент лирики является в *песне*, в самом обширном смысле этого слова, как выражение чисто субъективных ощущений. Все бесчисленное многоразличие тех таинственных, невыразимых без творческой силы поэзии ощущений, которые так безотчетно, так *особенно* возникают в темноте нашей внутренности, освобождаются здесь от своей *особенности*, т. е. от исключительной принадлежности *мне*, и выпархивают на свет, окрыленные фантазиею. Наконец, субъект, кроме этих совершенно личных ощущений, выражает в лирических произведениях более *общие*, более сознательные факты своей жизни, различные созерцания, воззрения, сближения, мысли, весь объективный запас сведений и пр. Сюда, кроме собственно *песни*, относятся *сонеты*, *стансы*, *консоны*, *элегии*, *послания*, *сатиры* и, наконец, все те многоразличные стихотворения, которые трудно даже и назвать особенным именем. Все они, вместе с песнею, составляют исключительную лирику нашего времени».[1] Разнообразные стихи послеоктябрьского Маяковского, особенно стихи второго этапа его творчества, и являются прекрасным выражением «более общего» жизни нашего советского народа, проявившегося в «чисто субъективных ощущениях» поэта. Их, эти стихи, следовало бы назвать именем самого совершенного жанра лирики — песней, песней социализму.

ВЫВОДЫ

1) Лирика есть поэтическое выражение субъективных мыслей и чувств человека, одна из форм художественного отражения и познания объективной действительности, частью которой является и сам человек, действительности, прошедшей через сознание поэта и индивидуализированной им, окрашенной в те или иные оценочные его эмоции.

[1] В. Г. Белинский. Избран. сочинен., М., 1947, 185.

Чем выше сознание поэта, чем шире и глубже его знание жизни и активнее участие в ней, чем разностороннее и богаче его духовные интересы, тем ярче проявится его талант, доступнее будут ему тенденции развития человеческой личности и общества, тем обобщеннее, типичнее, политически острей, ближе и понятнее массам будут его мысли и чувства, тем большей силой воздействия на жизнь будут они обладать.

2) Предметом лирики у поэтов досоциалистического общества могла быть и была в действительности (как об этом свидетельствует, например, история русской классической поэзии) не только частная жизнь человека, но и «все общее, все субстанциальное, всякая идея, всякая мысль —основные двигатели мира и жизни» (Белинский).

Усилия великих поэтов прошлого, прекрасно понимавших, что все подлинно человеческое находится «в прямом противоречии с тою общественной средою, в которой они живут» (Белинский), были направлены на революционное преодоление этого противоречия, на претворение общего «в кровное достояние субъекта» (Белинский).

3) Маяковский пришел в литературу в годы, когда «на свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекавшиеся от народа, провозгласившие тезис «искусство ради искусства», проповедывавшие безидейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растление погоней за красивой формой без содержания» (Жданов).

Заявив себя поэтом «без'языкой улицы», дореволюционный Маяковский решительно выступил против сереньких, чирикающих перепелами поэтов — декадентов, обеспокоенных «мыслью одной — «изящно пляшу ли». Его резкий протест против существовавших порядков жизни и жирных ее хозяев, шедший под лозунгами «Долой вашу любовь», «Долой ваше искусство», «Долой ваш строй», «Долой вашу религию», опирался на недовольство трудового народа этими порядками, на революционное движение масс, готовивших себя к победному штурму капитализма, и являлся продолжением все той же борьбы за претворение общего «в кровное достояние субъекта» в новых исторических условиях. Однако, отсутствие у Маяковского этих лет непосредственных связей с революционным рабочим движением и практического участия в нем помешало ему стать еще тогда законченным пролетарским поэтом.

4) Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила позорный эксплоататорский строй жизни, сняла вековое противоречие между личностью и обществом, возвратила челове-

ка «к своему человеческому, т. е. общественному бытию» (Маркс), приобщила Маяковского к передовым революционным силам эпохи, помогла ему сбросить с плеч бунтарско-жертвеннические лохмотья мелкобуржуазной идеологии и вырасти в первого талантливейшего поэта коммунизма.

Новая социалистическая действительность, новый советский человек — преобразователь мира, коммунистическое решение проблемы личного и общественного определили содержание и сущность лирики послеоктябрьского Маяковского, проповедывавшего любовь уже не «враждебным словом отрицанья» (Некрасов), а горячим словом утверждения.

Глубокое понимание и острое ощущение им новизны социалистического общества, мыслей и чувств свободного советского человека, обретшего свое счастье, смысл и цель жизни в единении с коллективом, позволили поэту заложить основы качественно иной по сравнению со всей предыдущей лирикой — основы лирики социалистической.

5) Переживания, изолированные от внешних обстоятельств жизни человека, оказались чуждыми и враждебными лирике Маяковского потому, что переживания самого поэта вызывались волнующими советский народ событиями жизни страны, т. е. общим, ставшим, наконец, «кровным достоянием субъекта», факторами объективной, социалистической действительности, вбираемой лирическим «я» поэта революции в орбиту своего бытия.

Идейно-художественное новаторство Маяковского-лирика и заключается прежде всего в том, что он с предельной возможностью расширил узкие рамки лирических переживаний человека, сблизил поэзию с жизнью, обогатил личность ее непосредственными связями с действительностью, ее активными действиями, направленными на переделку мира.

6) Маяковский отдавал себе полный отчет в том, что своим идейно-художественным новаторством в области поэзии он обязан Октябрьской революции, в корне изменившей строй жизни нашего народа, его организатору и вдохновителю — коммунистической партии большевиков, вооружившей поэта самым передовым марксистско-ленинским мировоззрением и тем самым научившей его правильно видеть и понимать жизнь.

Большевистская партийность, означающая беззаветную преданность и бескорыстное служение великим идеям марксизма-ленинизма и политике большевистской партии, претворяющей эти великие идеи в жизнь, и была основным творческим принципом послеоктябрьского Маяковского.

7) Партийная определенность творческих позиций послеоктябрьского Маяковского — поэтического проводника «ленинских дел и ленинских книг» — не могла примирить поэта с крепко укоренившимися в поэзии традициями старой индивидуалистической лирики. Его борьба за новую поэзию социализма носила характер острой и принципиальной литературно- политической борьбы с реакционно-идеалистическими основами поэзии «барских садоводств», поэзии «проплеванных эстетов», солидаризирующихся «с иностранными беленькими». Резкие выступления Маяковского против лирики, утратившей под пером «лирических кастратов» свои права на широкое и глубокое отражение жизни, явились одной из форм его борьбы с декадентским искусством, его традициями и пережитками в современной поэту литературе и, не отменяя лирику как таковую, ориентировали советского писателя на создание поэзии и лирики социалистической, связанной с народом и выражающей его интересы. Это обстоятельство и заставляло Маяковского противопоставлять поэзию — лирике, снимать понятие «лирика» и заменять его более широким и емким понятием — «поэзия».

8) Большевистская тенденциозность, постоянная обращенность к современности, стремление к активному вмешательству в жизнь, страстная личная заинтересованность поэта в успехах социалистического строительства и в коммунистическом воспитании советских людей — основные черты сугубо партийной, социалистической лирики Маяковского, ставившего перед собой задачу «подчинить всю свою литературную деятельность публицистическим, пропагандистским, активным задачам, строящегося коммунизма».

9) Присущее послеоктябрьскому Маяковскому умение «забегать вперед», заглядывать в наше завтра, «опережать жизнь» явилось следствием глубокого понимания им закономерностей развития жизни, результатом слияния поэта с рабочим классом и партией, вся жизнь и борьба которых «заключается в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами» (Жданов).

Выступления Маяковского против искусства, «поднимающегося над всей обыденщиной», искусства, которое «создается людьми, не думающими о куске хлеба», не утратили своего значения и теперь и бьют не в бровь, а в глаз тех из разоблаченных космополитов, которые совсем недавно революционную романтику нашей литературы выводили не из романтики действительности, а и из отвлеченных понятий о ней, противопоставляя ее реализму.

10) Борясь за торжество принципов социалистического реализма в советской поэзии, Маяковский решительно отвергал натуралистическое отображение действительности, обходящееся без художественной типизации явлений жизни, без тенденциозного ее осмысливания, без «забегания вперед», без борьбы «за будущее. За перестройку мира».

11) Расширив лирическую тему до масштабов эпических, Маяковский добыл ей право служить основанием для большой поэтической формы отражения жизни. Его поэмы «150 000 000», «Пятый Интернационал», «В. И. Ленин», «Хорошо», вступление в поэму «Во весь голос» и обе редакции пьесы «Мистерия-буфф» могут и должны называться лиро-эпическими произведениями.

12) Лиро-эпические произведения русской классической литературы, в которых лирика — «душа всякой поэзии», «поэзия поэзии» (Белинский) — прекрасно уживается с эпосом, отличаются от лиро-эпических произведений Маяковского тем, что в них нет и не могло быть органического единства между лирическим и эпическим, хотя лирические отступления и дополняют, и раскрывают их эпический сюжет, нет единства мыслей и чувств поэта и героев его произведения. Если авторы лирико-эпических произведений русской классической поэзии, раскрывая свой духовный и нравственный облик, или осуждали своих героев, или сочувствовали им, то в лиро-эпических произведениях Маяковского мир поэта и мир положительных его героев — один и тот же мир советского человека.

13) Поэты дворянско-буржуазного декаданса, в свое время пренебрегшие основной задачей искусства — правдиво отражать действительность, использовавшие действительность лишь как средство символической передачи своих мистических переживаний и предчувствий, оказались бессильными не только обогатить, но и утвердить мир субъекта. Отождествление ими искусства и лирики, импрессионистический характер их поэзии, сглаживание различий между литературными родами, т. е. все то, что означало отход от реализма, не имеет ничего общего с подлинным идейно-художественным новаторством Маяковского — лирика.

14) При всем многообразии талантливейшей литературно-творческой деятельности Маяковского — сатирика, очеркиста, драматурга, эпика, киносценариста, публициста, критика — он является лирическим поэтом по преимуществу, потому что в лирике полнее и сильнее, чем в других родах, проявилось идейно-художественное новаторство поэта — утверждение им новой советской действительности и нового советского человека, разрушившего старый мир насилия и вдохновенно строящего новый мир.

15) Новаторство Маяковского в области поэтики было предопределено и обусловлено его идейным новаторством и неразрывно связано с ним. Оно явило собою пример творческого освоения богатого наследия русской и мировой поэзии с позиций победившего в революции народа и гениального ответа на требования и запросы новой эпохи развития человечества одновременно и было шагом вперед по пути обновления, углубления и расширения возможностей художественного познания мира.

16) Решительная демократизация поэтического языка, очищение его от иностранщины, обогащение поэтической лексики «корявым говором миллионов», словами, добытыми «из артезианских людских глубин», сделали точный и выразительный, «весомый, грубый, зримый» стих Маяковского ярчайшим выразителем мыслей и чувств революционного советского народа.

17) Утверждение и разработка поэтом тонического стиха определялись новым содержанием его «слышимой поэзии», его борьбой с эпигонской поэтикой декадентов и их последователей, были направлены на высвобождение слова из плена стихотворной строки как ритмической единицы и означали демократизацию стиха, максимальное сближение поэзии с революционной действительностью.

18) Борьба Маяковского за утверждение в поэзии принципов социалистического реализма неотделима от его борьбы с формалистическим новаторством, превращением работы над формой в самоцель, с «индивидуалистическим кривляньем», идущим вразрез с тенденциями развития русского языка, духовными интересами и запросами нашего народа.

19) Творческий путь Маяковского-лирика был путем непрерывного идейно-художественного роста, путем неустанных исканий новых и новых более совершенных средств и форм воплощения переживаний народного поэта.

Абстрактность и отвлеченность, аллегоризм и гиперболизм поэзии Маяковского первого этапа послеоктябрьского периода творчества (1917—1924 гг.) были следствием недостаточной идейно-художественной зрелости поэта, однако, сумевшего заложить основы социалистической поэзии и лирики и дать социально и исторически конкретного и типичного, хотя и недостаточно индивидуализированного лирического героя, действующего в социально и исторически конкретной и типичной, социалистической, хотя и недостаточно «индивидуализированной» обстановке.

Полное овладение Маяковским реалистическими средствами художественного изображения явлений жизни, мыслей и чувств

советского человека тесно связано с практическим строительством социализма в нашей стране, активным участием в нем поэта и обусловлено плодотворным воспитательным воздействием на него решений Центрального Комитета нашей партии и ленинскими выступлениями по вопросам литературы и искусства.

Р. Домбровский,
кандидат филологических наук

ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ КОММУНИЗМА

(Заметки о послевоенной художественной прозе)

1.

Советская литература и литературная критика являются мощным идеологическим оружием в борьбе за великое коммунистическое общество, против сил реакции.

Партия требует от работников литературного фронта решительного поворота к живым, современным темам нашего времени, активного вмешательства во все стороны героического строительства, чтобы помочь родине в воспитании советских людей в духе коммунизма. Вопрос о том, как послевоенная советская художественная проза раскрыла зримые черты коммунизма нашей прекрасной действительности, является одним из самых живых и волнующих.

Сила нашего искусства, социалистического реализма в том, что оно показывает жизнь в перспективе, в развитии, это искусство в настоящем, в сегодняшнем дне видит будущее, видит завтрашний день, видит, как новое побеждает старое, передовое — отсталое.

Уже революционные демократы ценили умение лучших русских писателей видеть будущее, угадывать его, говорить о новом тогда, когда это новое едва проступало сквозь туман и мглу, говорить о заре, когда едва возникали на горизонте ее первые лучи. Вспомним, как высоко ценил Добролюбов передовых художников за их внимание к живым струнам своего времени, за их умение оповестить русское общество о каких-то очень важных, больших событиях, умение тотчас отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только что еще начинающее проникать в сознание лучших людей.

Совершенно очевидно, что передовые художники прошлого не могли видеть так далеко, не могли проникнуть в сущность

явлений, раскрыть мир так глубоко, как наш писатель, вооруженный могучим оружием марксистско-ленинской теории, знанием законов развития общества и природы, умеющий улавливать в жизни основные, определяющие черты.

«Для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, — говорит товарищ Сталин, — а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него неодолимо только то, что возникает и развивается».

Наш советский писатель, как и весь наш народ, руководствуется, говоря словами товарища Сталина, «не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов».

Сила нашего художника заключается в том, что его мечта, его порыв к будущему тесно связаны с настоящим, что он уже в настоящем видит то, что должно утвердиться, окрепнуть, созреть.

Мы хорошо помним слова тов. Жданова о том, что «вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключается в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами», что «для нашей литературы, которая обеими ногами стоит на твердой материалистической основе не может быть чужда романтика, но романтика нового типа, романтика революционная».

Наш народ идет к коммунизму известными, но неизведанными дорогами: известными потому, что эти дороги гениально предугаданы великими учителями марксизма, и неизведанными потому, что по этим дорогам никто не шел до нас: мы их прокладываем впервые.

Ленин в «Письмах издалека» писал:

«Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, в том числе всякая революция, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое может казаться чудом».

Наша сталинская эпоха дает невиданное богатство содержания и форм. Каждый день, каждый час возникает столько своеобразного, яркого в самых различных областях политической, хозяйственной и культурной жизни. Сила наших писателей в том, что они видят это новое, обобщают в художественных образах, что они подходят к нашей жизни с позиций творческого, а не начётнического марксизма, тем самым обогащают нашу жизнь.

нашу теорию, являются активными борцами за передовое, действительно выступают инженерами человеческих душ.

В условиях социалистического строительства лучший творческий опыт нашей художественной литературы получает могучее распространение.

Тов. Жданов сравнивает значение талантливой книги писателя с выигранным сражением, с крупной победой на хозяйственном фронте.

Влияние такой литературы на читателя огромно. Она рождается в горнилах великой борьбы за коммунизм и в свою очередь серьезно влияет на ход этой борьбы.

С чувством огромной радости встретил советский народ известие о том, что наша страна пришла к 33-й годовщине Октябрьской революции с новыми выдающимися достижениями. В этих успехах значительна и доля советского искусства. Эту долю трудно выразить в процентах, ее трудно взвесить, тем не менее она реальна, весома.

«Зеленая улица» Сурова оказала серьезную помощь знатному украинскому машинисту Егорову, позволила ему и его товарищам открыть семафоры на широкие просторы коммунистического новаторства.

Роман Ажаева «Далеко от Москвы» помог и помогает советским людям решать сложнейшие вопросы жизни и борьбы.

«Замечательный у Вас Батманов! — восклицает в письме к автору романа «Далеко от Москвы» В. Ажаеву студентка М. Пименова (г. Ленинград). — Какой организатор! Как это важно в работе, когда ее возглавляет хороший организатор. Мне это очень близко, я кончаю институт и скоро сама буду инженером, руководителем производства. Ваша книга — прекрасный подарок и настоящий учебник для молодых (и немолодых) инженеров. Горько признаться, но именно после того, как я прочитала Ваш роман «Далеко от Москвы», мне стало стыдно, что я часто уклонялась от общественной работы. Сейчас мне хочется лучше защитить диплом и потом много-много работать».

В селе Каменке Ростовской области обсуждение романа Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» было тесно связано с постановкой важных вопросов колхозного строительства.

Колхозник сельхозартели им. Володарского К. М. Ковалёв сказал:

«Наш колхоз имени Володарского, — один из передовых в районе. Переходящее знамя, вы знаете, у нас находится. Но роман С. Бабаевского показывает, что мы можем еще быстрее в гору итти... Читал я не только в книге «Кавалер Зо-

лотой Звезды», но и в газетах о том, что у нас сотни и тысячи колхозов электрифицированы. Лампочки Ильича повсюду горят. Вот и нам в своем Божковском сельсовете надо об этом серьезно подумать и не только подумать, а крепко взяться за это дело и довести его до конца. Мы уже прикидывали, размышляли, и получалось, что сможем электростанцию построить, если все дружно за это возьмемся. Не беда, что леса в районе маловато, найдем выход из положения. Не такие вопросы решали. Были у нас задачи и потруднее».

Лучшие герои, созданные писателями, активно входят в жизнь советских людей. Советские читатели не могут себе представить действительность без Батманова, Воропаева, Груни Васильцевой и других горячо любимых героев.

Пример жизни этих людей помогает нашему читателю итти вперед, творить новую жизнь, бороться.

Так литература активно воздействует на жизнь, так литература помогает советским людям строить коммунистическое общество, так с новой силой раскрывается мысль Маркса о том, что философы различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы его изменить.

Произведения Ажаева, Полевого, Галина, Бабаевского потому играют такую большую роль в жизни советских людей, что в них чувствуется перспектива, широкая светлая коммунистическая даль, что в них сегодняшний день слит с завтрашним, что многие черты нашей жизни как бы предугадывают будущее, взяты из этого будущего.

Вот почему так важно нашему литературоведению раскрыть силу советского искусства, его умение показать коммунистическую новь, важно сопоставить жизнь и литературу, главнейшие закономерности нашей действительности и то, как эти закономерсти раскрыты в различных произведениях искусства. В данном направлении мы и попытаемся решить намеченную тему.

Разумеется, в одной небольшой работе нет возможности охватить все произведения художественной прозы, вышедшие после войны, решить все проблемы, связанные с указанной темой. Статья преследует цель наметить некоторые пути для решения этой важной задачи.

Дружные всходы коммунистического «завтра» мы видим в облике нашего народа сегодня. С каждым днем эти всходы крепнут и ширятся. С огромным творческим подъемом наша страна воздвигает великие стройки коммунизма на Волге, Днепре, Аму-Дарье и на Дону.

В романе «Необыкновенное лето» Константина Федина меж-

ду двумя коммунистами — Рагозиным и Извековым — происходит такой разговор:

«— Думаешь ты о человеческих отношениях в будущем? — говорит Рагозин. — Думаешь? Так вот ты ищи такое в нынешней жизни, чтобы уже сейчас в тебе хоть немножко зажило из будущего, понял? Ты умей найти такого человека, в котором немножко будущего есть. В труде его, в службе народу, еще в чем. И на нем учись. Практикуй свой идеал-то на человеке.

— А ведь ты прав! — воскликнул Кирилл. — Я припоминаю в этом духе у Чернышевского: приближайте будущее, говорил он, переносите из него в настоящее, сколько можно перенести».

Федин увидел важную черту коммуниста, который еще в годы разрухи, ожесточенной борьбы смотрел далеко вперед, видел побеги будущего.

Особое значение имеют эти слова для советских писателей, у которых нет сейчас более важной задачи, чем раскрыть зримые черты коммунизма в людях нового советского общества.

Это не значит, конечно, что художник может не видеть, как труден и сложен, и в то же время прекрасен путь народа, прокладывающего новые, неизведанные дороги к коммунизму. Принцип большевистской партийности требует от писателя глубокого проникновения во все процессы жизни советского общества и активного вторжения в нашу действительность.

Лучшими книгами довоенной литературы, выдержавшими испытание времени, оказались такие, где писатель реально вскрыл противоречия жизни, где он показал советского человека в действии, в борьбе. Таковы — «Железный поток» Серафимовича, «Хождение по мукам» Толстого, «Поднятая целина» Шолохова, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Разгром» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского и много других.

Литература послевоенного периода должна не только продолжить эту замечательную традицию социалистического реализма, но и подняться на новую ступень. Выполняя постановление ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, писатели запечатлели в художественных произведениях величайшие исторические события: Великую Отечественную войну с вооруженными до зубов гитлеровскими полчищами, а затем грандиозную созидательную работу строителей коммунистического общества.

В этой борьбе наши художники показали зрелость советского государства сталинской эпохи 40-х годов, зрелость экономическую и политическую, зрелость нашей индустрии, которая бесперебойно снабжала фронт первоклассным вооружением, зрелость

колхозов, давших стране нужные продукты, зрелость всего народа, сумевшего в трудный час отстоять свою родину.

Есть своя закономерность в том, что в большинстве произведений послевоенного периода перед советским человеком одни за другими возникают огромные, почти неодолимые препятствия, которые он разрушает в упорной, героической борьбе. И кажется, чем труднее задача, тем сильнее должен быть человек, который ее выполняет.

Может ли летчик с протезами, вместо ног, управлять сложной машиной истребителя и не только управлять, но и участвовать в боях с опытным и коварным врагом? Такого случая в истории авиации не было, но он стал возможным, когда эту задачу поставил перед собой раненый советский пилот Мересьев из «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, который любит свою отчизну, хочет отдать все свои силы, чтобы сделать ее могущественной, непобедимой.

Может ли группа разведчиков проникнуть в лес, густо начиненный противником, жить там несколько дней, почти на глазах у врага заполучить несколько «языков», в том числе офицера и генерала, передать по радио нужные своему командованию сведения? Может, если это группа советских разведчиков, которая предана своей родине, обладает опытом, знанием, сноровкой. Об этом рассказывает нам Эм. Казакевич в повести «Звезда».

Может ли крупная воинская часть, потеряв в жестоком бою значительное количество своего состава, попав в окружение, не только вырваться из кольца, но и нанести урон врагу? Да, может, если это советская армия, которая и в самые тяжелые дни временных неудач верит в победу, собирает силы для ответного удара. Так отвечает на этот вопрос Михаил Бубеннов в своем романе «Белая береза». Писатель рассказал о подвиге советских воинов, повторивших подвиг Таманской армии, подвиг железного потока, описанного Серафимовичем.

Можно ли заставить нефть, добываемую на дальневосточном острове Тайсин, преодолеть тайгу, широкие водные пространства и поступить на нефтеперегонные заводы города Новинска? И сделать это не за десятки лет, как практиковалось в старое время, и не за 3 года, как предполагалось по первому проекту, а в один год, из которого надо было вычесть еще несколько месяцев осенней и весенней распутицы. Да, можно, если за это берутся советские строители, которые вдали от фронта, от Москвы, рассматривают свою работу как большое стратегическое сражение в тылу против общего врага. Так отвечает на этот вопрос В. Ажаев в романе «Далеко от Москвы».

Мы видим, что литература все чаще и чаще обращается к таким обстоятельствам, где проверяется идейная закалка, мужество, энергия, ум советского человека, его коммунистическая зрелость, его глубокое понимание сталинского указания о всемерном укреплении советского государства, Советской Армии.

Нельзя сказать, чтобы это была легкая задача: показать силу советского человека. Нелегкая потому, что важно не только описать подвиг, но что труднее — раскрыть реальные возможности его осуществления, т. е., говоря словами Энгельса, показать типичные характеры в типичных обстоятельствах: зримые черты коммунизма советских людей и среды, социальной обстановки, в которой они живут и борются.

В беседе с американской рабочей делегацией товарищ Сталин дал яркую характеристику будущего коммунистического общества. «Если дать вкратце анатомию коммунистического общества, то это будет такое общество: а) где не будет частной собственности на орудия и средства производства, а будет собственность общественная, коллективная; б) не будет классов и государственной власти, а будут труженики индустрии и сельского хозяйства, экономически управляющиеся, как свободная ассоциация трудящихся; в) где народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на высшей технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства; г) где не будет противоположности между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством; д) где продукты будут распределяться по принципу старых французских коммунистов: «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; е) где наука и искусство будут пользоваться условиями достаточно благоприятными для того, чтобы добиться полного расцвета; ж) где личность, свободная от забот о куске хлеба и необходимости подлаживаться к «сильным мира», станет действительно свободной».[1]

На XVIII съезде партии товарищ Сталин говорил о роли государства при коммунизме:

«Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки.

---

[1] И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 193.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим.

Так обстоит дело с вопросом о социалистическом государстве»[1].

Таковы указания товарища Сталина о коммунистическом обществе.

Признаком коммунизма является народное плановое хозяйство, базирующееся «на высшей технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства»[2].

Сталинские пятилетки изменили облик нашей страны: из отсталой, аграрной, какой она была в старое время, она превратилась в передовую индустриальную державу — в могучую крепость, о стены которой разбились и будут разбиваться вражеские волны.

В книгах советских писателей послевоенного периода перед нами выступает новая преображенная родина. Например, мы видим эту родину в советском промышленном городе Новинске из романа Ажаева «Далеко от Москвы».

Там, где еще недавно нанайцы ставили ловушки для соболей, стояли нанайские фанзы, теперь возвышается прекрасный город, строятся блокпосты, возникают новые поселки, проходит трасса нефтепровода, укрепляющая оборону нашей страны, нашего социалистического государства.

Радостно встречают герои романа Ажаева — Ковшов и Беридзе во время путешествия по трассе следы кипучей деятельности, слушают пение и визг пил: для них это лучшая музыка. С гордостью показывает Рогов главному инженеру и его заместителю дополнение к таежному пейзажу: в лунную ночь, в тайге, вдоль реки Адун зажигается множество лампочек Ильича.

Огни сталинской новостройки в далекой тайге как бы сливаются с огнями первой электростанции затерянного в горах абхазского села Сакен, о котором так лирично и проникновенно рассказал писатель Гулиа в повести «Весна в Сакене».

Свет, который озарил темные сакенские дома, — это свет настоящего, это свет будущего, свет коммунизма. Этот свет мы видим в мощных орудиях, которыми сталинградские бойцы нанесли смертельный удар армии Паулюса (В. Некрасов, «В окопах Сталинграда»), видим в первоклассных лётных машинах, на которых вернувшийся в строй Мересьев с друзьями громит врага. («Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого).

---

[1] И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 606.
[2] И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 193.

Он льется, этот свет, из всех уголков нашей родины — показатель ее силы и могущества. И недаром так победно звучит заключительный аккорд повести В. Василевской «Когда загорится свет» — картина ликующего, освещенного огнями города, где из руин поднята и пущена мощная электростанция.

В. И. Ленин говорил, что коммунизм есть Советская власть плюс электрификация, и наши художники глубоко раскрыли эту ленинскую идею.

В широких поэтических картинах писатели раскрывают великую идею партии — индустриализацию родины — эту основу основ социалистического и коммунистического общества, обороны страны.

«Прекрасное — есть жизнь», — говорил Чернышевский. «Прекрасна наша социалистическая держава, где построены мощные заводы, шахты, электростанции», — говорят наши писатели. Вот почему с такой любовью повествует Галин о мощных врубовых машинах, помогающих донецким шахтерам добывать топливо («В одном населенном пункте»), вот почему с таким вдохновением рассказывает Ажаев о самой технике строительства («Далеко от Москвы»), вот почему так увлекательно говорит В. Попов в книге «Сталь и шлак» о делах и днях одного из больших заводов Донбасса, эвакуированных на Урал, о советском коллективе, продолжающем трудиться на благо родной страны на новом месте.

2.

Важнейшей задачей коммунистического общества является то полное освобождение личности советского человека, о котором говорит товарищ Сталин.

Свобода, независимость человеческой личности, полное и гармоничное развитие лучших ее качеств, особенностей — об этом мечтали лучшие умы человечества, лучшие русские писатели, ученые, но осуществить эту мечту, сделать ее государственной программой было под силу только большевистской партии, великому советскому народу. Социализм и коммунизм не нивелируют людей, как об этом кричат наши враги, а создают прекрасные условия для полного расцвета всех их дарований и способностей.

Духовные лакеи Уолл-стрита, выполняя заказ своих хозяев, стараясь растлить народы, идейно обезоружить их, деморализовать, кричат, что по-настоящему человек проявляет свой темперамент, свою индивидуальность в аномалии, в преступлении. Сартры и селины выбирают для своих книг грязные урод-

живые характеры, копаются в их гнилых душонках, поднимают на щит мерзость и грязь. Подобно гоголевскому Собакевичу, они хотят приписать собственные пороки всему человечеству, оплевать всех людей, все чистое и хорошее у них.

«Ты грязен, жесток, мелочен — такова твоя истинная сущность, ты не способен на борьбу и созидание», — вот какую подлую мысль утверждают продажные писаки.

Наша литература высоко поднимает великое горьковское знамя человека, имя которого звучит гордо. Наша литература следует замечательному завету Горького: запечатлеть в красках, в словах, звуках, формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, благородного, пробуждать в человеке гордость самим собой.

Заслуга наших писателей в том, что они сумели в ярких художественных образах показать в литературе зримые черты коммунизма нашего советского человека, расцвет его личности.

В лучших произведениях советских писателей, вышедших после войны, идет речь о типичном обстоятельстве в развитии советского народа: строились фабрики и заводы, электростанции и нефтепроводы, строилась социалистическая индустрия, строилось и формировалось новое общество, новая система, основанная на принципе советского коллективизма, национальной гордости, любви к социалистической отчизне, когда вся страна под руководством коммунистической партии объединена в один мощный передовой коллектив, где каждый отдает свои силы на благо народа, а народ на благо человека. Такая система и создает условия для невиданного расцвета человеческой личности, для осуществления самой дерзкой мечты. Вот важнейшая генеральная тема нашей литературы.

Сравните «Повесть о настоящем человеке» Полевого и рассказ Джека Лондона «Во имя жизни».

У Лондона человек оставляет в беде своего попутчика, бросает его в лесу, больного, с вывихнутой ногой, голодного, беспомощного.

У Полевого весь народ приходит на помощь потерпевшему аварию бойцу. Советские мальчики заметили раненого летчика и вместе с старым колхозником привезли его в деревню, советские крестьяне приютили Мересьева, советские летчики перевезли его в Москву, советский профессор, врачи и сиделки самоотверженно выходили Алексея.

Среди рук, которые поддержали Мересьева, была рука коммуниста Воробьева. В тяжелую минуту страдания и боли Алексей чувствует помощь старшего товарища.

Комиссар передал ему журнал со статьей о русском пилоте времен мировой войны, у которого после ранения оперировали ступню. Летчик изобрел протез собственной конструкции, долго тренировался и все-таки остался в армии.

«— Прочел? — хитровато спросил комиссар; Алексей молчал, все еще бегая глазами по строчкам.

— Ну, что скажешь?

— Но у него не было только ступни.

— А ты же советский человек.

— Он летал на «Фармане». Разве это самолет? Это — этажерка. На нем чего не летать? Там такое управление, что ни ловкости, ни быстроты не надо.

— Но ты же советский человек, — настаивал комиссар.

— Советский человек, — машинально повторил Алексей, все еще не отрывая глаз от заметки, потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно радостным взглядом».

Да, Мересьев, советский человек. Эта мысль комиссара глубоко западает в сердце больного пилота, помогает ему с победой выйти из сурового испытания.

Так усилиями советских людей удалось спасти раненого воина, вернуть его в строй.

Вот где сказался гуманный принцип социалистического мира, противостоящего другому миру с его волчьими законами вражды и ненависти между людьми.

В романе «Далеко от Москвы» враг Кондрин, находившийся вместе с Беридзе, Ковшовым, Тополевым и Таней в катере, потерпевшем аварию, говорит:

«Сейчас вы — любезные друзья-товарищи, потому что надеетесь на спасение. А если придет час, перегрызетесь из-за спасательного круга».

Мораль Кондрина — это мораль хищника, очень похожая на ту, которая была присуща одному из героев Лондона.

Нет, не таковы советские люди! И в минуту опасности они оказались верными себе, своим благородным принципам. Каждый из них думает прежде всего о помощи близкому. Старик Тополев говорит Алеше: «Готов отдать свою старую жизнь, лишь бы ты, дружок, остался жив». Беридзе утешает друзей, что умеет плавать и не берет спасательного круга, хотя Ковшов знает, что главный инженер беспомощен на воде: поручив Тополева Тане, Алеша спасает Беридзе. Ни холод, который сковал его тело, ни потеря сил, ни угроза гибели — не могут заставить Ковшова покинуть товарища.

Так ведут себя герои Ажаева, так ведут себя советские люди, где бы они ни находились.

В повести Кириленко «Плещут холодные волны» автор рассказывает о героизме советских моряков, оказавшихся на небольшом вельботе и шлюпке в открытом океане. Торговый пароход « Кола», который направлялся из Владивостока на Камчатку, — дело происходит во время Великой Отечественной войны — был потоплен вражеской подводной лодкой. Удар был нанесен так, что спастись удалось немногим.

Мы видим героев Кириленко, вступивших в неравный бой с разбушевавшимся океаном, и по тому, как ведут себя они в этой схватке, понимаем, какую героическую школу прошли моряки в советской семье. Родина воспитала, закалила их. То чувство коллектива, чувство локтя, которое так хорошо знакомо нашим людям, помогло им пройти самые суровые испытания.

«— Как тебе это сказать, — говорит автору один из моряков, — я, понимаешь ты, все эти дни гордился собой. И тобой гордился, и всеми нашими ребятами. И сам себе удивлялся, какая же во мне сила оказывается есть! Какую нам дома, на советской земле, закалку дают. Ведь мы ж тут, в этом пекле холодном, голые — почти в чем мать родила. И пищи у нас нет, а главное-то пить в общем нечего... Это же все, без чего ни одно живое существо обойтись не может, без чего другие давно бы умерли... А мы живем и действуем и идем своим курсом. Понимаешь — нас холод скручивает, жажда сушит, а мы наперекор всему держимся. И не день, не два, а с сегодняшним пятнадцать суток. Вот я и горжусь. Знаю, что никто тут меня со стороны не видит, а горжусь — сам перед собой! Далеко мы от нашей земли советской, кто его знает, под какой мы теперь широтой... Но и тут она вроде с нами, и тут я такой вот — советский, где бы ни оказался».

Какое превосходство советских людей по сравнению с людьми, несущими миру злобу, жадное стремление к наживе, циническую хватку.

* * *

Советский народ един и монолитен. Он ликвидировал антагонистические классы, построил социалистическое общество и уверенно идет к будущему бесклассовому, коммунистическому обществу. Наши художники показали, что чем глубже, шире, органичнее понимает советский человек великий принцип советского коллективизма, тем зримее проступают черты коммунизма в его мировоззрении.

Конечно, эти черты отчетливей, ярче, если можно так ска-

зать весомее раскрываются в образе большевика. Вот почему такой образ стал в центре внимания всех наших писателей.

В очерке Галина «В одном населенном пункте» противопоставлены два характера: широкий, творческий первого секретаря райкома Егорова, узкий, деляческий второго секретаря того же райкома — Приходько. Егоров страстно рвется к книге, к знанию, интересы его широки, многогранны. По утрам он заходил в райпарткабинет и первым долгом спрашивал, что слышно на белом свете, и пропагандисту Пантелееву это напоминало те дни, когда Егоров, такой же веселый и возбужденный, входил в оперативный штаб полка и спрашивал обстановку.

Владимир Ильич говорил о том, что коммунист должен уметь мечтать. Тот коммунист, который живет только сегодняшним днем, будет плестись в хвосте событий. Именно таким хвостистом оказался Приходько.

Борис Галин уловил очень существенные черты современной действительности. Его книга оказала серьезное влияние на нашу жизнь.

Важно, например, отметить, что это произведение вскоре после его опубликования обсуждалось в г. Сталино.

Как указывает в своей статье «Советский читатель и художественная литература» Г. Ленобль, разговор о литературном произведении также повлек за собой разговор о жизни — о наилучших формах и методах партийной работы, носителями которых в повести являются Егоров и Пантелеев. Материалы обсуждения свидетельствуют о том, что книга Б. Галина побудила читателей, взволнованных острой и прямой постановкой вопросов, данной писателем, более требовательно и самокритично взглянуть на собственную деятельность.

Интересным было выступление товарища Захарченко из Буденновского райкома КП(б)У.

«Сплошь и рядом, — говорится в этом выступлении, — секретари райкома несколько раз на день звонят секретарю шахтной парторганизации: «Как у тебя с планом, какая добыча угля?» Но почти никогда не спрашивают: «Как у тебя политшкола, как прошел доклад, о чем спрашивали лектора, пропагандиста?». Галин рассказывает о вечерах в райкоме партии, когда Егоров задушевно беседует с работниками аппарата, которые побывали на местах, многое видели и узнали. Кто бы из нас не хотел, чтобы секретарь райкома дружески расспросил тебя о том, с чем ты встретился в первичной партийной организации, как идет работа, что тебя волнует... У нас созываются время от времени аппаратные совещания, и они, разумеется, нужны, но

не менее необходимы и неофициальные беседы секретаря с работниками райкома».

Разве не является этот факт знаменательным, важным, разве не характеризует он нашу литературу, как могучую активную силу?

В романе «Далеко от Москвы» в образе парторга Залкинда Ажаев показал нам партийного руководителя с широким кругозором. Он умеет понять не только близкую, но и далекую цель, связать простую будничную работу с тем принципиальным и решающим, что составляет смысл всей жизни советских людей: победой над врагом, укреплением государства, построением великого коммунистического общества. Так, парторг горячо осудил Ковшова, когда тот в первые дни пребывания в Новинске выразил сомнение в нужности нефтепровода: ведь это строительство еще не скоро принесет пользу фронту. Залкинд указывает молодому инженеру, что сила партии, сила Сталина в умении предвидеть, умении организовать народ для будущей победы. И Ковшов, как и все работники нефтепровода, осознает все значение этого сталинского плана. Он учится видеть в настоящем, то, что должно еще прийти в будущем, и работать ради победы. Весь роман построен так, чтобы подчеркнуть эту мысль. Характерна в этом отношении завершающая глава. Строительство не закончено. Впереди еще большие трудности, а Беридзе рисует рабочим картину будущего успеха.

«В эту минуту в широком отверстии рукава показалась нефть. Она выплеснулась тонкой желтой струйкой, а потом хлынула черным столбом, переливаясь радужными бликами. Над Адуном загрохотали аплодисменты».

Это дума не маниловца, прожектера, а большевика, который в самом дерзком полете своей мечты остается трезвым реалистом. Будет так, как говорит Беридзе, потому что этого хочет народ, хочет партия, хочет Сталин.

Сравним эту великую и прекрасную идею с тем, что утверждают американские идеологи. В своей статье «Бунт против времени» Б. Изаков писал, что за океаном, в Соединенных Штатах Америки, была издана новая книга Дэла Карнеги. Ее автор не блещет ни умом, ни знаниями, ни литературным мастерством. Зато он обладает в совершенстве способностью «потрафлять» запросам и вкусам американского мещанства. Книга выпущена под названием: «Как перестать терзаться и начать жить».

«Не вспоминайте о прошлом, не думайте о будущем!» — заклинает Карнеги американцев».

Вот вам два человека — представители двух систем — капиталистической и советской — один в страхе закрывает глаза на будущее, другой радостно смотрит вперед, ибо хорошо знает, что все дороги ведут к коммунизму.

В произведениях послевоенного периода мы часто встречаем образы большевиков, которые вернулись из армии в родной колхоз, завод еще более окрепшими, возмужалыми, чем до войны. Таковы и Тутаринов в «Кавалере Золотой Звезды» Бабаевского, и Торопчин из «Зари» Лаптева, и Мирба из «Весны в Сакене» Гулиа и другие.

Трудовое сражение для них — продолжение военной битвы, и они прикладывают силы, чтобы выиграть и этот бой, ибо, заглядывая вперед, знают, чем успешнее они его проведут, тем крепче будет их родина, крепче будет мир, завоеванный с таким трудом, тем скорее осуществит народ строительство коммунизма. По отношению к этой главной цели — укреплению родного государства — и раскрывается важная черта коммуниста: умение предвидеть. Хорошо понимая прошлое, активно работая в настоящем, такой человек ни на минуту не упускает из поля зрения будущее: возможной схватки с теми, кто посягнет на родное отечество.

«Никакие атомные пугала им не помогут, — говорит парторг колхоза «Рассвет» из романа Мальцева «От всего сердца».—Они еще плохо знают, что такое Советская Россия. Мы может в настоящую силу еще не разворачивались».

Анализируя образы большевиков послевоенной литературы, мы еще раз убеждаемся в том, что советскому писателю для того, чтобы создать значительные произведения социалистического реализма, не надо искусственно «романтизировать» действительность. В характере Егорова, Воропаева, Залкинда, Батманова подчеркнута одна чрезвычайно яркая черта — жизнерадостность, творческий подъем.

«Егоров работал весело, — говорит Галин устами Пантелеева. — Я не боюсь произнести это слово. Когда я говорю, что Василий Степанович работал весело, то я имею в виду не внешнюю сторону, которая, кстати, имеет огромное значение, а совсем другое. Егоров вносил в работу элемент спокойной веселой уверенности».

Ту же мысль высказывает в «Счастье» Павленко. «Живу трудно, но весело», — пишет Воропаев. Воропаев очень хорошо понимает старого винодела Широкогорова, который говорит американскому журналисту, что на русском языке есть одно очень хорошее слово — вдохновение.

В умении работать радостно, возвышенно и раскрывается романтический пафос советского человека. И связан этот пафос все с тем же пониманием великих задач, стоящих перед родиной, с тем же широким кругозором, о котором мы говорили. Воропаев и Егоров потому и работают радостно, весело, что они умеют мечтать, мечтать не по-обломовски, лежа на диване, не по-маниловски, прожектерствуя и удаляясь от жизни, а по-ленински — трезво сопоставляя мечту и действительность, соизмеряя свои силы и силы коллектива с поставленной целью. Такой человек хорошо знает, что советская действительность — прекрасная почва для осуществления самых смелых мечтаний. И это сознание реальности мечты — источник великой энергии и оптимизма нашего народа.

В русской классической литературе XIX века мы очень часто встречаем образ раздвоенного, рефлектирующего интеллигента из дворянской среды с постоянным и характерным противоречием между словом и делом. Передовые люди из дворян вступали в непримиримое противоречие с буржуазно-крепостническим миром... В то же время среда не воспитывала в человеке необходимой закалки, воли, энерии, он, как правило, становился лишним. Те из дворян, кто находил в себе силы порвать с обществом, которое их воспитало и вырастило, перейти на позиции народа, поднять знамя революции, — сумели выйти из этого состояния отщепенства. Но таких было меньшинство.

У советских людей нет этого противоречия между словом и делом. С детства они привыкли видеть, как исполняются самые большие планы. Вот почему из нашей литературы исчез тип, рефлектирующего интеллигента. Появился образ человека, для которого характерно единство чувства и мысли, гармония между общественными и личными интересами. Вы не найдете борьбы противоположных чувств, мыслей ни у Листопада («Кружилиха» Пановой), ни у Егорова («В одном населенном пункте» Галина), ни у Залкинда («Далеко от Москвы» В. Ажаева). Цельность, собранность — вот что характеризует этих людей.

Космополиты ратовали за то, чтобы писатели изображали наших людей гамлетически раздвоенными. Но художники не захотели искажать прекрасных советских людей и показали их такими, каковы они есть на самом деле.

В свое время товарищ Сталин дал прекрасную характеристику безвременно умершему большевику — революционеру тов. Телия:

«Все то, что больше всего характеризует социал-демократическую партию: жажда знаний, независимость, неуклонное дви-

жение вперед, стойкость, трудолюбие, нравственная сила, — все это сочеталось в лице тов. Телия».

Вот такими цельными, как бы высеченными из одного куска мрамора, выступают партийные и беспартийные большевики в послевоенной советской литературе. Эти образы волнуют нас, возбуждают нашу симпатию, любовь, желание следовать по их стопам, подражать, потому что мы узнаем в них героев нашего времени.

«Первым признаком того, что в литературного героя веришь, — пишет гвардии старший лейтенант Г. С. Белевицкий, — является то, что хочется жить и работать, как этот герой. Это не юношеские мечты о героях Купера или Майн-Рида, а это внутренняя потребность молодого человека Советской страны, прошедшего Отечественную войну, члена партии, быть похожим в своей повседневной деятельности на таких, как Залкинд, Батманов, Беридзе и Ковшов. И если кто-нибудь и скажет о них, что они слишком хорошие, то нужно ответить, что в этом-то их сила, в этом сила писателя, который не отрывает своих героев от жизни, не идеализирует их, но вместе с тем делает их такими, что они зовут вперед, у них можно учиться».

С любовью останавливаются писатели на характерах талантливых советских людей. При всем индивидуальном своеобразии Егорова, Батманова, Залкинда, Воропаева — они отличаются высокой большевистской принципиальностью, прямотой, собранностью, волей. Мы видим, как в общей борьбе складывается тот идеал, которому эти люди стараются следовать неизменно и всегда. Герои советской литературы — люди не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня, но оттого, что они окружены ореолом особой духовной красоты и силы, они не делаются менее реальными, жизненными. Величественна и прекрасна советская действительность, величественны и прекрасны люди, которые творят эту действительность. Вот яркий пример революционной романтики советской литературы.

Нельзя сказать, что Воропаев и Егоров не знают противоречий, диссонансов, что их жизнь течет спокойно и ровно, без потрясений, бурь, невзгод. Нет! Противоречия есть, но они совсем иные, чем были в героях прежнего времени.

Можно сказать, что чем больше советский человек делает, тем больше он хочет еще сделать. Алеша Ковшов работает необыкновенно много, но его никогда не покидает чувство известной неудовлетворенности. Это же чувство испытывает и Воропаев. Секретарь райкома партии Егоров, из очерка Галина «В одном населенном пункте», с радостью сообщает в обком о перевыпол-

нении плана перевозки угля, но в обкоме говорят: «Мало». Егоров не сердится. Да, мало. Надо работать еще больше, еще лучше.

В «Звезде» Казакевича нас привлекает образ командира разведчиков Травкина. Несмотря на юность, Травкин обладает огромной волей, высокой сознательностью. Что-то крепкое, железное есть в этом юноше. Он неизменно выдержан, стоек. Но мы чувствуем, что война для Травкина, так сказать, — вынужденная посадка. Враги напали на его родину, и он должен ее защищать, ибо хорошо знает, что мало создать культурные ценности, их надо защитить от бурь и невзгод. Вот почему он сознательно идет на лишения, жертвы, если нужно, смерть, подавляя другие, более естественные желания, желание продолжать учебу, творить, заниматься наукой. Но это противоречие роста. Травкин хорошо знает, что трудности его временные — родина победит врага, и тогда он сумеет найти все, что хочет. Смерть командира разведчиков не изменяет положения: другие Травкины найдут свое счастье и радость. Такова дума писателя.

* * *

Наша литература достигла такой степени зрелости, при которой она может решать самую прекрасную и великую задачу, какую когда-либо ставило перед собой искусство: раскрыть образ человека, в котором с классической ясностью и силой воплотился коммунистический идеал: образ товарища Сталина.

Исполнены особого смысла сцены из романа Павленко «Счастье»: беседа товарища Сталина со старым крымским садовником, а затем с Воропаевым. Сталин— великий садовник, смело выращивающий прекрасный советский человеческий сад, кузнец большого человеческого счастья, отдающий все силы общему делу, — так раскрывается образ вождя в книге, само название которой тесно связано с любимым именем.

С какой заботой, с каким вниманием Иосиф Виссарионович спрашивает Воропаева о людях района, их работе, нуждах, запросах, какую заботу проявил он о Городцове, тоскующем по работе на хлебных полях.

«А может, такого Городцова в степные районы на пшеницу бросить? — вдруг предложил Сталин. — Русский человек — хлебороб. Подумайте, поговорите с вашим руководством».

Облик Сталина тесно слит с обликом всего советского народа. Бесчисленными нитями связана родина с вождем, и в этой связи с новой силой раскрывается высший принцип нашего общества.

Советские люди учатся мыслить по-ленински, по-сталински.

Они воспринимают идеи Ленина и Сталина так, что эти идеи помогают им понять сокровеннейший смысл жизни, борьбы.

Как заметила Р. Мессер в статье «Партийность — основа советской литературы» («Звезда» № 11 за 1948 г.), в повести Е. Катерли «Стожаровы» приведен разговор молодого Стожарова с парторгом Петровым. «Володя делится со старшим товарищем своими мыслями о партии, о партийности. В мозгу у него всплывают слова: «Великая энергия рождается для великой цели». Эти слова возникают у него при виде героических трудовых усилий ленинградцев в самые трудные блокадные дни. Володя не сразу даже припоминает, кому принадлежат эти слова, настолько они кровно связаны с окружающими его жизненными впечатлениями. «Кто это сказал? Кажется, кто-то из классиков марксизма?» — вслух размышляет он. И Петров тихо отвечает ему: «Это Сталин сказал». Гениальные сталинские слова настолько выразили духовную природу социалистического человека, что советскому юноше, усвоившему их, в первое мгновение они кажутся его собственными, лично им открытым законом».

Советский человек ищет ответ на многочисленные вопросы. Он хочет выразить то, что знакомо и дорого, но не совсем ясно ему. Он открывает ленинский или сталинский том и находит там нужное, близкое...

Старый рабочий Приходько спрашивает районного пропагандиста:

— Товарищ Пантелеев, в чем суть жития? — Так вот какой вопрос волнует Герасима Ивановича. Признаюсь, я даже смутился — не каждый день мы задаем себе этот вопрос, в чем суть жизни. Герасим Иванович смотрит на меня умными, пытливыми глазами и терпеливо ждет, что я скажу.

— В чем суть жития? Товарищ Приходько, советские люди видят смысл жизни в борьбе за осуществление идеалов коммунизма...

Я взглянул на старого шахтера и по тому, как он тихонько вздохнул, снисходительно слушая меня, я сразу же почувствовал, что слова мои, может быть правильные сами по себе, но сказанные в общей форме, как-то мало трогают его. Герасим Иванович ждет от меня более живых слов.

— Та то ж я знаю, — проговорил он, давая мне понять, что в общей постановке вопрос о смысле жизни для него ясен. А вот как...

И он сделал руками такой жест, словно поднимал какую-то тяжесть снизу. И этот жест я должен был понимать так: как мне, агитатору, мысль о коммунизме довести до сознания масс.

Взгляд мой падает на книгу, которую я до прихода Герасима Ивановича читал. Это ленинский том, раскрытый на статье «Великий почин». Я готовился к докладу о социалистическом соревновании и работал над ленинской статьей. Мне кажется, что и в этой статье можно найти истоки ответа на вопрос, в чем советский человек, человек творческих устремлений, видит смысл своей жизни».

Пантелеев читает то место статьи, где Ленин говорит о коммунизме, который начинается с самоотверженной заботы рядовых рабочих о социалистическом отечестве, и Приходько удовлетворен. Как прекрасно эти ленинские слова передают смысл жизни всех советских людей. Гениальное слово вождей часто звучит на страницах книги «В одном населенном пункте». Его цитирует пропагандист Пантелеев, секретарь райкома Егоров, старый рабочий Приходько. Новая важная черта коммуниста, ибо человек будущего общества должен быть знаком с самыми передовыми идеями эпохи, руководствоваться ими. Тогда теория будет тесно слита с практикой, теория действительно будет освещать дорогу практике.

4.

Приобщить массу советских людей к активной, политической, трудовой жизни, раскрыть перед ними величие идей советского коллективизма, поднять весь народ до уровня самого передового человека эпохи, тем самым приблизить народ к коммунизму — вот какую задачу поставила перед собой наша большевистская партия.

Чтобы помочь советскому человеку, посланцы партии в романе Семушкина «Алитет уходит в горы» преодолевают тысячеверстные снежные пространства, рискуют жизнью; коммунист Воропаев отказывается ехать на ответственную работу в Москву и остается в районе; пропагандист Пантелеев соглашается закрепиться за одним населенным пунктом Донбасса.

Прекрасных результатов добивается партия в деле воспитания народа. Все больше овладевают сознанием масс простые и великие идеи коммунизма. С новой силой раскрываются слова товарища Сталина, что разница между коммунистами и беспартийными формальная: народ идет за партией, и черты, присущие передовому авангарду, с каждым днем становятся все более типичными, массовыми.

Рост сознания народных масс в послевоенный период сказался прежде всего в их отношении к труду.

«Коммунизм начинается там, — писал Ленин в статье «Великий почин», — где появляется самоотверженная, преодоле-

вающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, обьединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик».

Со времени написания этих строк прошли десятки лет: первые лучи света превратились в снопы света — выросло сознание масс, их любовь к родине.

Так, например, для коллектива сталинской новостройки, о котором говорит Ажаев в романе «Далеко от Москвы», нефтепровод был их детищем, их кровным делом. Советские люди знали что их работа нужна армии, нужна стране. Вот почему бригада комсомольцев под руководством Тани Васильченко идет в тайгу, в суровых условиях дальневосточной зимы, в буран и вьюгу проводит связь вдоль всей трассы. Вот почему сварщик Умара-Магомет, проработав 20 часов, отказывается уходить с трудового поста, шофер Махов, проделав труднейший путь на машине, просит Батманова разрешить ему включиться в работу коллектива, расчищающего ледяную гору к острову Тайсин.

В этой патриотической любви советских людей к отчизне, народному делу стройки был ключ к победе.

Ажаев рассказывает, как на решающем этапе строительства потребовалась дополнительная рабочая сила. Взять ее неоткуда. Что делать? Тогда на помощь руководителям приходят стахановцы. Они умножают свои ряды, они повышают производительность труда, они ведут за собой всю массу строителей.

Писатель рисует новый тип рабочего — опытного, знающего, передового человека, вроде сварщика Умара-Магомета. Магомет—мастер, художник своего дела. Он вкладывает в свой труд вдохновение, энтузиазм, творческий задор.

Герои В. Ажаева перекликаются с героями Б. Галина («В одном населенном пункте»).

Стахановец — горняк Лигостаев удлинил бар на врубмашине, увеличил скорость хода этой машины и сразу во много раз увеличил производительсть труда. Лигостаев ведет за собой остальную массу шахтеров. Он выступает на слете донецких врубмашинистов, на бюро райкома, с лекциями, докладами.

Как и Магомет, он—рабочий нового склада, рабочий с широким кругозором, с большими знаниями.

На этих примерах мы наглядно видим, как уничтожается противоречие между умственным и физическим трудом, как

труд, говоря словами Маркса, становится не только средством для жизни, а и первой необходимостью жизни, т. е. иными словами создаются условия для установления коммунистического общества. Вспомним указание товарища Сталина о том, что стахановское движение подготовляет переход от социализма к коммунизму.

Тема труда в нашем искусстве тесна связана с темой борьбы за мир, которую ведут трудящиеся массы всего земного шара, ибо мир это — созидание, творчество, рост фабрик и заводов, театров и библиотек, школ и больниц; война это — разрушение величайших ценностей, созданных человечеством, гибель и страдание миллионов людей.

Новое отношение к труду нашего народа определило и новый ритм его жизни, борьбы, движения вперед, желание осуществить как можно скорее планы сталинских пятилеток, строительство коммунистического общества. Темпы явились лакмусовой бумажкой, по которой проверялись характеры—инициативные, творческие—Беридзе, Умара-Магомета, Карпова и пассивные, отсталые — Грубского и его немногочисленных сторонников («Далеко от Москвы» В. Ажаева).

В одном месте романа Ажаев рассказывает о прокладке ледяной дороги от последнего участка трассы к острову Тайсин. Сколько времени потребовалось для этого? Батманов назвал начальнику транспортного отдела Филимонову двухдневный срок. Филимонов согласился, хотя за минуту до того думал, что вряд ли управились бы и за неделю. Когда коллектив приступил к работе, когда разгорелось социалистическое соревнование, был дан встречный план—один день. И, действительно, к концу первого дня сошлись бригады, идущие навстречу друг другу с разных концов дороги. Задание выполнено. Таков стиль работы советского человека.

Интересное решение проблемы темпов в колхозном строительстве дал Пришвин в повести «На берегу Зеи». Сержант Павел Афремов вернулся с фронта в родное село, о котором думал с такой любовью все годы борьбы, где бы ни находился: на своей и чужой земле, зимою и летом,в блиндаже и на марше. За войну Павел окреп, созрел, стал большевиком. В колхозе его выбрали парторгом, и теперь, в новой обстановке, он опять чувствует себя на передовой линии огня. Надо приложить все усилия, чтобы выиграть и трудовую битву: сделать свой колхоз самым лучшим в районе.

В родной колхоз Афремов пришел с широкими планами: и стопудовый урожай он хочет видеть на своих полях, и электро-

станцию, и еще многое такое, что сразу не выскажешь... Мысль его залетает далеко вперед... Писатель показал нам большевика, окрыленного большой горячей идеей, которая помогает ему жить и работать... В противовес Павлу в повести дан председатель колхоза Лукин — человек, хотя и честный, советский, хозяйственный, но медлительный, тяжелый на подъем, безынициативный. Ему непонятен порыв Павла, его стремление удвоить силы людей, вызвать на соревнование самый передовой в районе Крутоярский колхоз. Ведь планы их, Дубовской деревней, выполняются, люди живут зажиточно. Чего еще нужно? Не то, что Лукин против соревнования, но ему кажется не поднять, не осилить такого дела его небольшому коллективу.

Так из столкновения афремовского, творческого отношения к труду и лукинского-инертного, пассивного, определяется важнейший конфликт повести. Может быть, в другое время и в другом месте Лукин казался бы уже не таким отсталым человеком, но теперь, когда в годы сталинских пятилеток выросли новые люди, которые неудержимо стремятся вперед, хотят сделать родину еще краше, богаче, чем до войны, добиться рекордных урожаев, обогнать время, председатель колхоза выглядит непривлекательно.

Невиданный расцвет творческой энергии, инициативы нашего народа, рост темпов тесно связан с повышением культурного уровня советского человека. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», — говорил Ленин.

В Советском Союзе весь народ повышает свою культуру. Известно, что у нас учатся широкие народные массы, что в наших вузах больше студентов, чем во всех западно-европейских странах. Но главное то, что в нашей стране растет новая интеллигенция, кровно связанная с партией, с народом. Наша интеллигенция вооружена самой передовой теорией марксизма-ленинизма. Она упорно осваивает все культурное богатство, которое оставили русские ученые и писатели, другие народы и страны.

Сила нашего интеллигента в том, что его культура сочетается с передовым мировоззрением, и в этом сочетании вновь ярко и весомо проглядывают зримые черты члена будущего коммунистического общества.

Если собрать все произведения послевоенного периода, то из них возникает широкая картина жизни и борьбы советского человека в дни войны и мира. В то время, как дальневосточники прокладывали трубы нефтепровода, молодые краснодонцы взры-

вали немецкую комендатуру, распространяли листовки, секретарь Черниговского подпольного обкома партии собирал силы для партизанской борьбы, врачи и санитары военного поезда из «Спутников» Пановой самоотверженно помогали раненым. Решить все эти сложные задачи мог советский человек 40-х годов, у которого высокая идейность сочеталась с интеллектуальной зрелостью.

Так, например, чтобы успешно провести разведку в тылу врага («Звезда» Казакевича), молодому советскому командиру надо было иметь опыт воина, умеющего быстро ориентироваться в обстановке, владеть немецким языком, чтобы получать сведения от немецкого «языка», разбираться в радиоделе, чтобы быстро передать сообщение в свою часть. Может быть ярче всего эта зрелость советского человека сказалась в истории «Молодой гвардии». Юноши, почти дети, организовали сложную, подпольную борьбу, требующую большой идейной силы, ума, выдержки, сноровки, энергии, осторожности и смелости.

Чтобы в короткий срок осуществить грандиозную сталинскую программу строительства нефтепровода, надо было иметь таких опытных, знающих руководителей, «профессоров руководства», как Батманов и Залкинд, такую технически образованную, талантливую, кровно связанную с народом интеллигенцию, как Беридзе, и Ковшов, таких подготовленных, передовых рабочих, как Умара Магомет, Солнцев, Махов и другие. Это все зрелые мастера своего дела, зрелые работники советского государства — будущего коммунистического общества.

«Когда все научатся управлять, — говорил Ленин, — и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого народного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой».[1]

И тогда, говорит Ленин, будет открыта настежь дверь к

В. И. Ленин. Государство и революция. Госполитиздат, 1947, стр. 95—96.

переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе.

Пророческие слова Ленина осуществлены в наше время: дверь к коммунизму открыта настежь.

5.

Капитализм сеет вражду между народами, коммунизм сплачивает эти народы в одну большую семью, зовет трудящихся всего мира объединиться для борьбы и победы.

Нигде не раскрывается эта важная и прекрасная идея нового мира так значительно, как в истории дружбы русского народа с многочисленными национальностями нашей отчизны, например, с такими, как эвенки, чукчи, нанайцы, удегейцы и многие другие. До Октября эти народы влачили самое жалкое существование, жестоко эксплоатировались иностранными капиталистами, царским правительством, своими собственными кулаками, вымирали от голода и болезней. Революция открыла для них новую главу расцвета и подъема.

Нельзя без волнения читать роман Семушкина «Алитет уходит в горы», ибо в нем дается правдивое повествование о возрожденном советской властью чукотском народе, показывается, как ростки коммунизма проникают в самые глухие, отдаленные уголки нашей отчизны.

После Октября в далекой Чукотской стране, которую один из героев романа называет Марсом, столкнулись представители двух миров: старого, капиталистического в лице американцев Чарли, Брауна, кулаков Алитета, Эчавто и нового, советского в лице коммунистов Жукова и Лося, посланных сюда ревкомом. Что принесли эти два мира чукотскому народу? С именем Чарли у чукчей в начале романа (до приезда ревкомовцев) еще стихийно, непосредственно, а в конце произведения все более сознательно и глубоко, было связано представление о произволе и насилии, о голоде и нужде, темной холодной яранге, где не теплился мох, смоченный жиром; с Лосем и Жуковым — новая жизнь, радостный и свободный труд, моторные вельботы, хорошие ружья и капканы, высокая оплата за работу, новая Чукотка со школами, больницами, Чукотка, где учатся дети, где появились свои передовые люди, как Айе, свои коммунисты, как Ярак и Лек.

С Чарли и Алитетом у чукчей связано представление об унижении человека; с Лосем и Жуковым — новые и прекрасные идеи дружбы народов, справедливости.

Чарли относится к жителям, как хозяин к собаке: собака мо-

жет быть более ценной, и тогда ей дают лишний кусок мяса, или менее ценной, и тогда ее преследуют, уничтожают, могут убить, как убивал Алитет негодных псов. Для Лося и Жукова, чукчи — братья, друзья, близкие люди, ревкомовцы ценят их ум, сметку, энергию, трудолюбие. Лось протягивает руку Яраку — это первая рука белого человека, которую приходится пожимать ему, молодому чукче. Представители советской власти освобождают Тыгрену от Алитета, позволяют ей выйти замуж за любимого человека — Айе, дают «женитьбину» бумагу, которая закрепляет этот союз.

«Русские на празднике большого говорения сказали, что люди все равны: и эскимосы, и чукчи, и русские», — думает Ярак, и эта великая и простая идея коммунизма наполняет его душу огромным счастьем.

Чукчи потому так радостно встречают новую жизнь, что она отвечает на лучшие их запросы и стремления. Среди чукотского, нанайского и других народов широко распространена легенда о человеке, как о царе природы. Одна из сказок Дмитрия Нагишкина, написанная по мотивам нанайского фольклора, называется «Самый сильный».

Два мальчика хотят узнать, кто самый сильный в природе. Они беседуют со льдом, солнцем, тучей, ветром и деревом и приходят к выводу, что самым могучим является человек. Лед топится солнцем, солнце закрывается тучей, ветер разгоняет тучу, гору не сдвинет ветер, дерево разрывает гору, человек рубит дерево... Человек обладает крепостью льда, теплотою солнца, могуществом ветра. В этой сказке выражена мечта народов о новом свободном человеке, который все свои усилия направит на борьбу с природой, мечта, близкая к тем идеалам, которые утверждают все советские люди.

Только что вступивший в партию чукча Ваамчо хорошо понял мысль Лося о том, что коммунист — это такой человек, который хочет переделывать жизнь, жизнь людей, жизнь природы. Именно таким человеком и хочет он стать, как хотят стать Ярак, Лек, Айе...

Айе, который побывал на большой земле, среди советских людей, почувствовал все значение великой дружбы с русским народом, стал мотористом, научился писать, читать, — знаменует собой первые проблески будущей зари.

Расцвет этой зари мы уже видим в романе Ажаева «Далеко от Москва», где речь идет не о 20-х годах, как в произведении Семушкина, а о 40-х годах, времени сталинских пятилеток. Неузнаваемо преобразилась нанайская деревня, преобразился

нанайский народ, который помог строителям проложить трассу нефтепровода, выполнить важнейшее решение партии и правительства. Мы уже видим среди нанайцев своих техников, учителей, врачей, своих прекрасных организаторов и руководителей.

Такова сила коммунистических идеалов, которая поднимает к новой жизни широкие народные массы нашей родины.

Чем могущественнее и крепче становилась страна Советов, чем зримее раскрывались перед всем миром черты коммунизма в советском человеке, тем шире сказывалось влияние социалистической отчизны на страны и народы всего мира.

«Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств», — говорил товарищ Сталин в 1924 году. При этом «самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходит тем скорее и, основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране».[1]

Особенно сильно это влияние сказалось в годы Великой Отечественной войны, когда Советская Армия протянула руку помощи порабощенным гитлеровцами народам мира, и в послевоенный период, когда наша страна помогала и помогает братским, народно-демократическим республикам построить новое социалистическое общество. Советский человек пришел в Европу как творец мировой истории. Один из героев Гончара «Знаменосцы» — Хома Хаецкий в палате депутатов Венгрии, как бы мысленно обращаясь к будущим членам правительства, говорит:

«Министры. Гей, вы министры! Пойдите-ка сюда, имею к вам разговор. Буду своего добиваться. Вот фашистов мы выперли в Дунай. Места для вас свободны. Будьте ласковы, мерси, занимайте. Но знайте, что Хома не захочет, чтобы вы снова гнули фашистскую политику и загибали ее на войну».

Вот он голос советского человека, представителя великой советской отчизны.

Этот голос услышали такие наши писатели, как Эренбург, Павленко, Гончар и другие. Созданные этими писателями книги «Буря», «Счастье», «Знаменосцы» приобретают особое значение теперь, когда дельцы из Уолл-стрита готовят новую бойню.

Наши художники перед всем миром раскрывают преимущества советской системы, коммунистических принципов.

---

[1] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 104.

«Советское искусство, — говорил товарищ Молотов в докладе, посвященном 31-й годовщине Октябрьской революции, — проникает далеко за рубежи страны, освещая дела и дни нашей Родины, которые капиталистическая печать стремится скрыть или извратить в глазах трудящихся».

В романе «Буря» Эренбург рисует волнующую картину встречи болгарским народом Советской Армии. Отчего с таким восторгом, с такой радостью приветствуют трудящиеся Болгарии сталинскую армию? Не только потому, что эти воины несут массам избавление от ненавистного ига, но и потому, что с советскими людьми в их страну ворвался свежий ветер коммунизма. Все, что так знакомо и дорого нашему человеку, с чем прочно связал он всю свою жизнь — солнце Сталинской Конституции—открывается перед народами Европы, как новый, великий, изумительно-прекрасный мир... Этот мир прежде всего выступает перед нами в образе простого советского воина.

В «Знаменосцах» Гончара венгерский художник Ференц рисует портрет нашего офицера — Саши Сиверцова: юноша с бакенбардами стоит на коленях у пушки. Сосредоточенный взгляд устремлен вперед. Ференц еще по-настоящему не знает советского человека, но уже теперь, в первые дни знакомства с гражданами социалистической отчизны, венгерский художник уловил в бойце Советской Армии одну важную черту: выражение превосходства и силы на лице, превосходства, которое шло не от бредового фашистского презрения к людям низшей расы, а от глубокого сознания силы и величия нового мира, полпредом которого в Европе он являлся. Эти люди самого демократического советского общества, где ликвидирована всякая эксплоатация и гнет, где свободный труд на благо отчизны стал мерилом ценности человека.

«Прямо скажу, Ференц, что у тебя добрые руки», — говорит Хома Хаецкий венгерскому художнику, и такая похвала дорога и близка живописцу.

Это люди страны, где уничтожена национальная рознь, где все народы живут дружно и независимо. Во имя свободы Венгрии и других стран воины полка Самиева шли с боями по размытым дождями дорогам, взбирались на отвесные скалы, жертвовали жизнью. Вот почему лучшие люди Венгрии, вроде Марички, — девушки, показавшей советским бойцам тайный ход в гостиницу, занятую немцами, соединяют свои усилия с усилиями Советской Армии, помогают советским знаменосцам разгромить врага.

Бойцы, освободившие Европу, — это люди, спаянные в одну

большую и дружную семью, люди коллективного разума и коллективного опыта. Венгерский фермер еще с некоторым недоверием слушает Хаецкого, рассказывающего о колхозах в СССР. Пройдет некоторое время, и этот крестьянин убедится в правоте своего нового друга.

Воины страны Советов — это люди большого благородства и человечности. Они кормят голодных женщин и детей, они спасают от разгрома больницу с ранеными, они стараются овладеть ответственным участком города Будапешта, не взрывая отеля — там находятся картины Ференца.

С новой силой раскрывается величие коммунистического идеала перед народами всего мира, когда они сопоставляют два порядка — советский и фашистский. Писатель Эренбург в «Буре» показал эти два мира. Фашизм — это войны, это смерть и страдание миллионов людей, коммунизм — это мир и счастье народов. Для фашизма война — родная стихия. Немецкий ученый Келлер в мундире гитлеровского ефрейтора говорит: «Есть в войне нечто отвечающее человеческой природе. Это понял Гитлер». Такова психология человека, воспитанного в фашистской Германии.

Советский народ взял оружие в руки не потому, что ему нравилось воевать, а потому что он должен был убрать с дороги врага, который мешал его движению вперед.

Один из героев «Бури», молодой архитектор Вася, в день 21 июня сидел над чертежом новой школы города Минска. Он стал воином, вложил в ратный подвиг все свои силы, весь свой талант, но лучшие думы, желания были у него связаны с мирным, созидательным трудом. Едва забрезжил свет победы, как он уже мысленно строил новые города—сады. Война еще не кончилась, грохотали пушки, рвались снаряды, советская армия еще преследовала отступающего врага, а уже в нашей стране восстанавливались фабрики и заводы, железные дороги, профессор Тимирязевской академии успешно работал над продвижением на север плодовых деревьев, Валя думала о великом искусстве, которое будет создано в дни мира, и готовила силы, чтобы внести свою долю в это искусство, инженер Влахов намечал строительство новых прекрасных мостов — мостов в будущее коммунистического общества.

К надругательству над страной, личностью свелась сущность «нового порядка», который ввели фашисты на оккупированных территориях нашей страны и Европы. Фадеев в «Молодой Гвардии» рассказывал о трагедии советского города Краснодона, попавшего под иго фашизма. Совсем еще недавно, перед приходом

немцев, Краснодон жил радостной светлой советской жизнью: шахтеры добывали уголь для родной страны, повышали производительность труда, дети рабочих и служащих учились в школе, трудились на фабриках и заводах. Теперь шахты остановились, электростанции перестали давать энергию, город погрузился в тьму, школы закрылись. Еще вчера советские люди чувствовали себя свободными и уважаемыми гражданами великой страны, теперь на каждом шагу они встречались с жестоким немецким «порядком», кулаком немецкого солдата.

Такое же надругательство над человеком, лучшими его порывами принесли фашисты народам Европы. Немецкие ученые, вроде Келлера, («Буря» Эренбурга) пишут работы «Расовая гигиена», а немецкие солдаты и офицеры собирают евреев Парижа и других городов — женщин, стариков, детей, сжигают их в печах Освенцима. На вопрос француза «Какое место должна занять Франция в новой Европе?», гитлеровец Ширке говорит: «У вас есть хорошая пословица — коза щиплет траву там, где ее привязали».

После разгрома немцев из Франции ушли гитлеровцы, но пришли американские колонизаторы с аналогичной программой порабощения французского народа.

Коммунизм несет свободу человеку. Русский народ, вдохновленный коммунистическими идеалами, спас Европу от фашистского рабства. Ради свободы югославского народа погиб Сергей Влахов, ради счастья французов русский воин Воронов боролся в партизанском отряде, ради счастья народов всего мира Советская Армия шла на величайшие жертвы, испытания. Советскому человеку Осипу кажется диким и нелепым вопрос, который задает американец: «У нас среди водителей много цветных. Надеюсь, что ваших солдат это не обидит».

Нет, не обидит, потому что наш народ воспитан на любви и уважении ко всем народам мира — уважении к человеку, какого бы цвета ни была его кожа.

Великая идея дружбы народов овладевает сознанием широких народных масс. На одном из заводов Франции к Сергею Влахову подошел молодой рабочий и сказал:

«— Скажите Сталину, что во Франции у него много друзей».

«— Роберт, вы верите в русских?» — спрашивает Мадо французского партизана.

«— А во что мне верить если не в это? — отвечает Роберт. — Русские сейчас сражаются за нас».

Неслучайно все больше и больше среди французов растет авторитет коммунистов, этих верных друзей советской страны.

Буржуазия Франции продает свою родину, культивирует ложь, предательство, всячески способствует развращению личности, коммунисты спасают Родину, борются за благородство и силу человека.

Владелец большого завода Лансье, который при немцах пишет некролог в честь предателя Берте и говорит о своей любви к родине, Лансье, декламирующий Виньона «Лишь лжец нам истину несет», Лансье, пьющий за героев французского сопротивления, радуясь при этом, что их уже начали разоружать, Лансье, приветствующий новых угнетателей своего народа — американцев, — такова капиталистическая Франция военных лет и послевоенного периода. С другой стороны, коммунист Лежан, с его беззаветной преданностью отчизне, благородным сердцем и сильной волей, Лежан, потерявший в борьбе семью, близких, товарищей, здоровье, но не согнувшийся перед немцами, представляет революционную, передовую Францию.

За коммунистами идут все честные и лучшие люди Франции. Под водительством коммунистов по всей стране борются партизанские отряды.

«Я был недавно в Орадуре, — говорил Лежан, — там мало осталось живых, а все, кто остался, теперь коммунисты, иначе и не может быть: у крови свои права».

Под влиянием Лежана и подобных ему выправляются даже те, кто был подвержен тлетворному влиянию буржуазной среды.

Долгое время дочь Лансье — Мадо жила без цели, без ясных перспектив. Встреча с Влаховым, Лежаном, ненависть к немцам, активная борьба в рядах сопротивления — помогли Мадо найти дорогу к правде, найти счастье, найти высшее удовлетворение.

Аналогичный путь проходит художник Самбо. И он был далек от борьбы; он жил во Франции, но он не знал Франции. Мастерская художника была своеобразным миром, отгороженным от борьбы, реальных противоречий, но вот Самбо сталкивается с суровой правдой жизни. Немцы поработили его родину, унизили его народ, и честный Самбо становится борцом, он берет винтовку и в день парижского восстания бьет бошей.

Так растет и ширится коммунистический идеал, так проникает он в самые разные слои французского общества.

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма», — писали 100 с лишним лет тому назад Маркс и Энгельс. С тех пор коммунизм вырос неизмеримо. Он превратился в огромную непобедимую силу. Он широко и уверенно шагает по всему земному шару.

6.

Советские писатели создали много ярких произведений о великой и прекрасной сталинской эпохе. И все же надо сказать, что они в большом долгу перед народом. У нас еще мало книг о новаторах производства, передовых стахановцах, инженерах, мало книг о содружестве ученых и рабочих.

Опыт современной борьбы за высокие показатели на производстве говорит, что успехов можно достичь усилиями многих людей, целого большого коллектива.

Рабочие сталинградского завода «Красный Октябрь» соревнуются с коллективом московского завода «Серп и молот». С волнением узнали сталинградцы о том, что москвичи успешно завершили пятилетку в четыре года. Что надо сделать, чтобы завод не потерял первенство, чтобы он догнал и перегнал «Серп и Молот» — вот вопрос, который задал себе каждый рабочий завода. Из всех цехов в бюро рационализации поступили сотни, тысячи предложений, советов, изобретений. Над разрешением вопроса о досрочном выполнении плана трудились не единицы, не десятки, а сотни, тысячи людей. Результат вскоре сказался — к середине 1949 года завод стал выпускать продукции столько, сколько расчитывал выпускать по плану на 1950 г.

Как важно писателю в ярких художественных образах показать зримую черту коммунизма прекрасной советской действительности: атмосферу соревнования, взаимной поддержки и критики, когда каждый советский человек стремится внести долю в общее дело, помочь товарищу и опередить его, найти более творческое решение вопроса, чем оно было найдено раньше, тем самым умножить, удесятерить общую силу, открыть невиданный источник могучего движения вперед, прогресса.

В нашей литературе мы находим немало ярких образов передовых стахановцев, но они еще не отразили всего многообразия этого замечательного героя нашего времени. Обратимся к такой иллюстрации. Широко известно имя Владимира Ворошина, помощника бригадира фабрики Трехгорная мануфактура. Это его имя упоминали московские рабочие в письме к товарищу Сталину. Ворошин добился выдающегося успеха: его бригада в своё время взяла на себя обязательство выполнить пятилетний план в три года и 3 месяца. Но и этот срок удалось сократить до двух лет и восьми месяцев. Вы останавливаетесь над этой цифрой —два года и восемь месяцев. Это не просто рекорд. За ней скрыто нечто очень значительное и глубокое: стиль работы человека. Ворошин-труженик новой сталинской эпохи. Он—человек физи-

ческого и умственного труда. Он следит за исправностью ткацких станков, ремонтирует их и в то же время по-новому организует всю работу бригады: устанавливает чистоту и порядок рабочего места, борется за высокую производственную культуру. На вопрос корреспондента «Литературной газеты», как Ворошин с бригадой добивается высоких показателей и почему соседняя с ним бригада при тех же условиях отстает от них, стахановец отвечает: представьте себе воинскую часть на марше. Длинный переход будет пройден, если люди рассчитают свои силы, если сохранят быстрый, но ровный темп, если учтут все особенности пути. Так и на производстве: успеха добьется не тот, кто привык к штурмовщине, к рывкам, а тот, у кого длинное дыхание, кто умеет работать быстро и четко.

Писателю необходимо показать это длинное дыхание Ворошиных, показать своеобразие их стиля, жизни, показать, что стахановец овладевает мастерством, ставит рекорд, ведет за собой массу рабочих так, как ученый создает труд: упорно и систематически идя вперед, не отчаиваясь, когда на пути встречаются трудности, и не успокаиваясь на достигнутом при успехе.

А колхозное строительство, то передовое, коммунистическое, что выросло на колхозных полях? Разве нельзя предъявить писателю ряд требований и в этом отношении? Разве, например, тема мичуринского преобразования природы, содружества науки и труда нашла свое глубокое, законченное выражение в нашей литературе? Разве у нас много ярких образов ученых-мичуринцев, которые пришли на помощь новаторам сельского хозяйства?

Мы знаем, как органически связаны наши ученые с колхозами. Сила лысенковской агрономической науки в том, что в ее лабораториях трудятся тысячи колхозников, её ассистентами являются миллионы новаторов сельского хозяйства. С другой стороны, мощь наших колхозов объясняется тем, что они идут по пути, указанному партией, указанному передовой наукой и на этой дороге достигают невиданных, изумительных результатов. Но литература слабо показывает этот союз труда и науки. Характерно, что художники предпочитают оставлять ученых за кулисами, в тени: с ними переписываются колхозники, мы читаем их письма, статьи, слышим их выступления по радио, но сами они на сцене появляются редко.

В своих художественных произведениях писатели должны обобщать все новое, передовое, что видят в колхозном строитель-

стве, в нашей жизни, помогать великой отчизне, добиваться еще более значительных успехов в ее героической борьбе за построение светлого коммунистического общества.

7.

А. М. Горький говорил о точке и кочке зрения у писателей. С горы, с возвышенности увидишь такое, что никогда не поймешь, сидя на болотной кочке. Коммунизм и есть эта возвышенность. Писатель мысленно забегает вперед, чтобы с позиции будущего сказать о настоящем, о том, что из коммунистического будущего пришло уже в сегодняшний день, стало реальностью.

Коммунистическая, партийная позиция, которую занимает художник, дает ему возможность раскрыть мир во всем его многообразии. Великая борьба народа за победу коммунизма — могучий источник творчества.

В «Необыкновенном лете» Федин раскрывает все величие литературы социалистического реализма и в то же время всю антиреалистическую сущность далекого от жизни формалистического искусства. Цветухин учит Анночку профессиональному умению искусственно вызывать слезы, боль, страдание. Девушка находит другую дорогу в искусстве: знание жизни, глубокое понимание героической эпохи, активное участие в ее бурных событиях, близость к новому зрителю-народу. Анночка успешно играет роль Луизы из пьесы Шиллера «Коварство и любовь». Красноармейская масса горячо аплодирует ей.

При всем различии в творческой судьбе Пастухов близок к Анночке. Долгое время Пастухов был оторван от действительности. Первое серьезное столкновение с жизнью (его арест, угроза смерти) заставило его очень многое пересмотреть, переоценить в своей жизни. Он понял, что нельзя сидеть на двух стульях — надо выбирать между старым и новым, и он выбрал — родину, советскую власть, новое искусство.

Люди искусства (Анночка, Пастухов) все больше начинают понимать великую силу творчества, связанного с народной борьбой, а люди, не связанные с искусством (Кирилл), поэзию, красоту жизни, наполненной бурями и грозами (письмо Кирилла к Анночке).

В том и другом случае Федин говорит об одном источнике подлинной красоты — героической жизни советского человека.

Социализм и коммунизм несут расцвет человеческой личности, ее дарованиям и способностям. Они не гасят огонь соревнования, творчества, а раздувают его, они не подрезают крылья у народа, а укрепляют эти крылья.

В искусстве этот великий принцип коммунизма сказывается с особой силой.

Единая позиция, единая партийная точка зрения в то же время не исключает индивидуального своеобразия художника, а, наоборот, предусматривает такое своеобразие.

У каждого писателя есть свой угол зрения, свои приемы мастерства, своя родная почва, откуда он черпает краски.

В статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин писал:

«Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

В то же время Ленин отмечал, что в литературном деле «безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию».

Книги наших советских художников прекрасно подтверждают ленинскую мысль: их авторы тесно связаны с народом, взволнованно повествуют о новом облике родной советской земли, которую они горячо любят и знают.

Но при этом каждый из них идет своей, еще никем нехоженной дорогой, находит к теме только ему один известный ключ.

Вот важнейшая закономерность искусства социалистического реализма.

Те из писателей, которые сумели передать своеобразие советской действительности и людей, которые ее творят, создали яркие произведения.

Показателен в этом плане успех мемуаров таких бывалых людей, как Вершигоры, Козлова, Федорова. Очень часто эти авторы говорят в своих книгах, что жизнь, борьба в партизанском отряде, в тылу у немцев оказались совсем не такими, как они представляли их раньше...

«Все было сложнее и проще», — замечает автор книги «Подпольный обком действует» — Федоров.

Писатели-бывалые люди стараются раскрыть жизнь как можно глубже, и эта правда, часто суровая, необычная, и делает книгу живой, убедительной.

Например, в упомянутой книге Федорова есть такое место. Федоров вместе с товарищами по работе долгое время искал связи с партизанами. Наконец, им удалось напасть на след: они узнали, что колхозный счетовод Погребенко мог им помочь пробраться к базам партизан. Но, к сожалению, счетовода дома не оказалось. Жена счетовода сказала:

— Вы, наверное, Диденко ищите, он на собрании старост в школе. Там районный бургомистр приехал и старост со всех сел созывает.

«Зол я был ужасно. Третий день крутимся, а никакого толку. Не выходить же на середину улицы и не орать же, что я — Федоров, покажите, мол, мне дорогу к партизанам. Раньше все меня узнавали, а теперь... Неужели я так переменился? В Припутнях до войны я бывал никак не меньше пяти раз... Неужели не солоно хлебавши возвращаться в Петровское?».

Попробуйте, придумайте сами, как быть в таком случае: уйти из села, не повидавшись с нужным товарищем? Но тогда не будет выполнена важная задача подпольного комитета. Ожидать колхозника?... Но ведь это значит рисковать и собой, и своими друзьями. Федоров принимает дерзкое решение: итти на собрание старост, итти в логово врага.

«— Слушай, Павло! — обратился я к Днепровскому, — Давай-ка мы... Давай-ка мы, Павло, пойдем в школу. На собрание старост. Была-не была! Уж там-то наверное кого-нибудь из наших людей увидим. Да и надо же нам когда-нибудь познакомиться с бургомистром, с делами и методами этой сволочи.

Днепровский задумался. Потом обратил мое внимание на то, что рисковать мы имеем право только в исключительных случаях, когда ничего больше не остается. Ведь мы ставим под угрозу областную партийную организацию.

— Смотрите, Алексей Федорович, если вы найдете нужным, я, конечно, от вас не отстану.

Я нашел это нужным. Мы решили в случае опасности действовать гранатами. У каждого было по пять штук. Кроме того, у меня было два пистолета и у Днепровского один».

По этому эпизоду можно судить о характере советского человека — творческого и смелого, решительного и находчивого, не боящегося риска, если он нужен делу. Где мог бы писатель найти такое интересное и верное разрешение конфликта? Только в жизни, в горнилах суровых испытаний.

Мы говорим о неповторимой оригинальности каждого советского человека, ищущего новые пути к коммунизму. Писатель должен итти в ногу с народом, стараться найти свою собствен-

ную дорогу в литературе, свои темы, вопросы, свои слова, краски.

В лучших произведениях советского искусства эта реальность проступает ясно, отчетливо.

Сравним два произведения: роман Ажаева «Далеко от Москвы» и повесть Казакевича «Звезда».

Ажаев в «Далеко от Москвы» идет, если можно так сказать, от общего к частному, от страны, Москвы к отдельной стройке, от коллектива — к каждому из участников великого трудового сражения.

Казакевич в «Звезде» — от частного к общему.

Вначале Ажаев представляет нам всю массу — коллектив нерасчлененный, недиференцированный, говорит о грандиозной задаче, которую поставила перед строителями партия, и постепенно, шаг за шагом, знакомит нас с каждым участником стройки: Умаром-Магометом, Зятьковым, Солнцевым, Маховым, Васильченко и многими другими. Великий план конкретизируется, уточняется, раскрывается во множестве ярких, ощутимых, реальных сцен.

Казакевич идет другим путем. Он вначале знакомит нас с разведчиками, их характерами, жестами, поступками, постепенно переходить к событиям, связавшим всю группу, — рассказывает о рейде в тыл врага. До поры, до времени даже кажется, что писатель говорит о событии ярком, интересном, но частном и сравнительно небольшом. Но чем дальше следует художник за своими героями, тем все шире становится замысел. Сведения, полученные разведчиками из полка, переходят в дивизию, оттуда в штаб армии, фронта. Значение их становится все более весомым. Тем самым утверждается все та же знакомая нам идея советского коллективизма, но утверждается очень своеобразно.

Ажаеву, как художнику, близок Батманов с большим своим умом, энергией, действенной, суровой любовью к отчизне, к родному народу.

Писателя тоже можно сравнить с суровой матерью, как сравнивает сам автор «Далеко от Москвы» начальника строительства. Художник резок, прям в своих оценках, он занимает не оборонительную, а наступательную позицию — он полемизирует с теми писателями, которые перепевают Арсеньева, не видят нового Дальнего Востока, преобразованного волей партии, волей народа в могучий форпост социализма, не видят красоты новой советской тайги.

Его персонажи главным образом раскрываются не через тонкие и сложные психологические характеристики, а в ярких,

своеобразных диалогах и монологах действующих лиц, в страстных творческих спорах.

Об Ажаеве следует сказать, что он выступает, как своеобразный художник, как писатель, в творчестве которого сильна интеллектуальная сторона. Яркая творческая мысль раскрывается в художественном образе, но проступает отчетливо, ясно.

Мы этим хотим подчеркнуть своеобразие автора романа о Дальнем Востоке, его новаторство.

Казакевич мягок, лиричен, задушевен, экономен. О многом мы узнаем по едва заметному штриху, тонкому замечанию. Автор сдержан, как сдержан Травкин, который не признается в своей любви — о его чувстве мы узнаем только из лаконичного ответа Кате: «Я понял вас».

В заключение своей повести Казакевич приводит такую сцену: «Летом 1944 года войска, сметая сопротивление слабеющей немецкой армии, проходили по польской земле.

Генерал-майор Сербиченко догнал на своем «виллисе» группу разведчиков. В зеленых маскхалатах, друг за дружкой, шли они по обочине дороги, ловкие, настороженные, готовые в любую минуту исчезнуть, раствориться в безмолвии полей и лесов, в неровностях почвы, в мерцающих тенях сумерек.

В идущем впереди разведчике генерал узнал лейтенанта Мещерского. Остановив машину и просветлев, как всегда при виде разведчиков, генерал спросил:

— Ну, что, орлы? Варшава на горизонте. А видали, до Берлина пятьсот километров осталось. Чепуха! Скоро там будем.

Он внимательно разглядывал разведчиков, потом, охваченный каким-то печальным воспоминанием, хотел еще что-то сказать, но осекся и махнул рукой:

— Ну, счастливо, разведчики!

Машина тронулась, а разведчики, постояв немного, снова двинулись в путь».

Как много говорит нам этот штрих: «Сербиченко разглядывал разведчиков, охваченный печальным воспоминанием», в нем как бы на мгновение еще раз сконцентрировался весь сюжет повести. Мы вспоминаем Травкина и его группу, погибшую в тылу врага, и Катю, напрасно вызывавшую радиостанцию «Звезду», товарищей, скорбящих о павших бойцах, и в то же время те волны, которые, расширяясь, шли от маленького отряда воинов к Москве, к Берлину и помогли нашей родине победить врага.

Эти примеры показывают, что наше социалистическое искусство так же многообразно, красочно и оригинально, как многообразна и красочна вся советская действительность.

Молодой Маркс писал своему товарищу:

«Вы восторгаетесь восхитительным разнообразием, неисчерпываемым богатством природы. Ведь не требуете же вы, чтобы роза имела запах фиалки, почему же вы требуете, чтобы самое богатое, чтобы дух существовал только в одном виде?

Каждая капля росы, озаряемая солнцем, отливает неисчерпаемой игрой цветов, но духовное солнце, в скольких бы индивидуальностях оно ни отражалось, в каких бы предметах лучи его ни преломлялись, должно порождать только один, только официальный цвет».[1]

Наши писатели показали богатство духовного солнца нашего человека, его одаренность, силу ума, разносторонность интересов, непрерывное, настойчивое стремление итти вперед, творить на благо Отчизны.

Одна из важных насущных задач советского литературоведения — раскрыть художественное своеобразие нашей литературы.

Гениальные работы товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании» вооружают работников литературного фронта новым замечательным оружием для глубокого понимания идейного и художественного значения искусства социалистического реализма.

* * *

В исторических решениях по идеологическим вопросам Центральный Комитет партии призвал писателей создать произведения, достойные сталинской эпохи. Советские художники горячо откликнулись на призыв партии. В своих книгах, вышедших после войны, они показали мощь и силу нашего народа, народа-воина и строителя.

«Мы уже не те, русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот, — говорил товарищ Жданов. — Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны».

Какие же сейчас русские люди? На этот вопрос отвечают наши писатели, показывая зримые черты коммунизма в буднях великой стройки.

Они увидели эти черты и в мощной экономической базе, на которой строится коммунизм—социалистической индустрии, передовом колхозном сельском хозяйстве, и в системе, основанной

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 112.

на принципе советского коллективизма, и в гениальной прозорливости, широте тех, кто стоит в авангарде строителей нового общества — стальной большевистской когорте, ее вожде товарище Сталине, и в росте коммунистической сознательности масс не только нашей страны, но и всего мира.

Мы вступили в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму. Мы видим не только контуры будущего общества, но и его зримые черты. Вот почему так крепка поступь нашей страны, так значительны наши дела, так уверенно звучат голоса писателей, предвещающие победу дела партии Ленина-Сталина, дела трудящихся всего земного шара.

П. Тюфяков

РОДОНАЧАЛЬНИК БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мажит Гафури—воинствующий гуманист и патриот

Имя основоположника башкирской художественной литературы, певца Великого Октября и его завоеваний Мажита Гафури пользуется огромной популярностью среди народов Башкирии и Татарии. Его произведения разошлись в десятках томов и сборников.

Многое из богатого наследия поэта ныне доступно уже и русскому читателю. Многое сделали для популяризации его творчества, для ознакомления с особенностями стихов М. Гафури поэты и переводчики П. Панченко, Д. Кедрин, В. Державин, Д. Бродский, П. Тычина и другие.

Из отдельных произведений М. Гафури, подготовленных и изданных на русском языке, следует назвать из прозы — «Черные лица» («Опозоренные»), изд. Башгосиздата, 1927 г., «Ступеньки жизни», Башгиз, 1927—28 гг.; «На золотых приисках поэта», Башгиз; «Жизнь, пройденная в нищете», Башгиз и др.

Из поэзии — сборники: «В когтях голода», 1923 г., г. Казань; «Поэты Татарии», гослитиздат, сборник, 1937 г.; г. Казань, «Поэты Башкирии», гослитиздат, сборник, 1949 г.; «Мажит Гафури», стихи, Башгосиздат. «Избранное», однотомник (подготовлен гослитиздатом).

Этот перечень отнюдь не исчерпывает всего изданного из творений М. Гафури на русском языке. Сюда не входят издания, подготовлявшиеся к 70-летию со дня рождения поэта, проследить за которыми автор этих строк не имел возможности.

К сожалению, из критических и литературоведческих работ на русском языке почти ничего нет о творчестве М. Гафури. Приятным исключением здесь является небольшая брошюра украинского поэта-академика П. Тычины «Патриотизм в творчестве М. Гафури», изданная в 1942 году Башгизом и пред-

ставляющая собой доклад, прочитанный П. Тычиной на заседании Украинской академии наук, которая находилась в те годы в Уфе.

Из газетных материалов нужно отметить статью А. Кудашева «М. Горький и М. Гафури», С. Кудаш «Мой любимый учитель», (газета «Красная Башкирия», № 120 от 18 июня 1946 г.).

Следовательно, ощущается настоятельная необходимость разработки литературного наследия народного поэта, чье имя и творения давно уже вышли за границы своей республики и стали достоянием народов СССР.

Особенно это необходимо теперь, когда широко обсуждается курс литературы народов СССР для изучения в вузах и университетах, уточняются объем и задачи этого курса.

Автор данной работы не ставит задачу дать всесторонний анализ творчества М. Гафури. Он ограничивается попыткой создания монографического очерка о писателе. И если это в какой-то мере поможет правильному представлению о творческом облике М. Гафури, этой поистине большой поэтической фигуре башкирского народа, то цель данной работы будет достигнута.

А интерес к М. Гафури огромен. Вспоминаю, как еще в 1940 году было широко и торжественно отмечено 60-летие поэта. На торжества в г. Уфу были приглашены гости из Москвы, из десятка братских национальных республик, а также из соседних областей. Летом прошлого года торжественно было отмечено 70-летие со дня рождения М. Гафури.

М. Гафури привлекает взоры советских читателей своеобразием своего поэтического дарования, чистотой и благородством своего творческого пути, тем, что Гафури впервые открыл широкую дорогу для роста и расцвета советской башкирской художественной литературы—социалистической по содержанию, национальной по форме.

Если в немногих чертах выразить основные черты обаятельного облика народного поэта, то следует прежде всего отметить простоту и скромность, честность перед самим собою и окружающими, исключительное трудолюбие, верность и сыновнюю преданность родине, мужество и изумительную стойкость под ударами «судьбы», высокое сознание чувства гордости за свою советскую Родину, наконец, постоянную бдительность и настороженность.

Вся его трудная, но яркая жизнь была отдана на служение народу. Глубокое чувство веры в творческие силы трудового

народа, гнев и ненависть к врагам родины, поработителям башкирского народа, основной струей проходят через все его творчество. И это тем более поразительно, что формирование его характера, творческого облика происходило в тяжелых условиях царского произвола и реакции. «Старое общество, — учил В. И. Ленин, — было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя; либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб»..[1]

Естественно, что все воспитание в этом обществе сводилось к выработке такой психологии, такой морали, привычек и догм, которые оправдывали бы основу капиталистического общества — частную собственность, эксплоатацию человека человеком.

Именно на этой основе вырастают отношения, развращающие и морально уродующие людей, воспитывающие в них глубоко аморальные взгляды и склонности: «жми, дави, грабь». Вот почему — мы говорим — капиталистическое общество глубоко враждебно подлинно человеческой нравственности, гуманизму.

И если Мажиту Гафури удалось неизмеримо высоко поднять свой поэтический голос в условиях мертвящей реакции, то здесь прежде всего следует указать на историческую роль русского рабочего класса и его большевистской партии, как руководящей силы освободительного движения нового этапа, учесть огромное влияние русской революции на судьбы русской литературы и литературу народов, населяющих Россию.

Биография талантливейшего поэта-революционера, основоположника башкирской литературы есть часть биографии всего башкирского народа.

Появление в литературе громадной поэтической фигуры относится к тому времени, когда башкирский народ изнемогал под двойным гнетом — русского самодержавия с его сатрапами с одной стороны и баев, мулл, тарханов — с другой. Трудовой народ шел к вымиранию. Туберкулез, трахома и другие социальные болезни ежегодно уносили многие тысячи жертв. Да это и понятно: каторжный труд на предприятиях полукустарного типа, где все покоилось на мускульной силе, отсутствие механизации, отсутствие элементарных мер по охране труда — все это несла с собою система капитала.

В дореволюционной деревне Башкирии 22% крестьянских хозяйств были безземельными. В руках сотен тысяч крестьян

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. 25, стр. 293.

находились лишь 3,7 миллиона десятин земли, тогда как небольшая кучка помещиков, заводчиков и церковников владела 4,5 миллиона десятин. 22% крестьянских дворов были безлошадными, одна четверть хозяйств — бескоровными.

Удельный вес промышленной продукции в народном хозяйстве Башкирии составлял в 1913 году лишь около 15%.

В. И. Ленин, характеризуя колониальную политику царизма по отношению к Башкирии, писал: «Это — такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке».[1] А М. И. Калинин говорил: «...Здесь была политика—жми, дави, разделяй и властвуй, а главное — грабь и грабь. И действительно, вплоть до пролетарской революции происходил грабеж земель, принадлежащих башкирским, татарским, монгольским и тюркским крестьянам».

Но воинственный башкирский народ не терпел гнета, он совместно с великим русским народом героически боролся против своих поработителей на протяжении столетий.

Достаточно вспомнить движение 1705—1711 гг. (Иманбатыр), движение Салавата Юлаева, сподвижника Пугачева и других. Эта героическая борьба народных масс жестоко подавлялась, так как тогда не было еще единственно последовательно революционного рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии.

Отмена крепостного права и развитие капитализма в России не дали никакого облегчения и улучшения национального и социального положения башкирских трудящихся масс, наоборот, развитие капитализма ухудшило их положение.

«Годы промышленного подъема сменялись годами промышленных кризисов, застоя промышленности, которые тяжело ударяли по рабочему классу, обрекали сотни тысяч рабочих на безработицу и нищету».[2]

Капитализм проникал в деревню, в сельское хозяйство, разоряя и расслаивая крестьянство, увеличивая количество крестьянской бедноты. «Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов».[3]

Все эти условия усилили в массах ненависть к царизму, «на-

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. 3, стр. 194.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946 г., стр. 7.
[3] Там же, стр. 6.

родному терпению приближался конец», отсталые народы стали еще выше поднимать знамя национального освобождения, сознательные рабочие стремились возглавить революционное движение всех демократических элементов города и деревни против царизма».[1]

Именно в этих условиях, в начале девятисотых годов на арене художественной литературы появляется бесстрашный, глубоко человечный, беспредельно любящий свой народ М. Гафури. Начиная с 1902—1903 гг., он смело поднял знамя борьбы против национального и социального неравенства.

1895—1898 гг. явились годами подъёма рабочего движения и широкого распространения марксизма в России. Чтобы создать единую политическую партию пролетариата, нужно было прежде всего разбить «экономистов». За выполнение этой задачи, за построение партии рабочего класса и взялся В. И. Ленин.

Таким образом, подъем рабочего движения 90-х годов, революция 1905 года, годы реакции, империалистическая война, Октябрьская революция, годы гражданской войны, наконец, размах социалистического строительства — вот та историческая полоса, в которой жил, боролся и творил М. Гафури.

Вместе с тем, эпоха 90-х годов прошлого столетия, когда впервые выступил молодой Гафури, в литературе характерна полосой упадничества, предательства.

С беспощадной правдивостью срывает маски с «героев» этой мрачной эпохи А. М. Горький: «Еще до того, как в 1905 году пролетариат, поняв простую и великую правду Ленина, показал миру суровое лицо свое, — ренегат Петр Струве начал убеждать интеллигенцию, точно девицу, случайно потерявшую невинность, вступить в законный брак с пожилым капиталистом. Сваг по профессии, книжный червь, совершенно лишенный своеобразия мысли, он в 1901 году звал «назад, к Фихте», — к идее подчинения воле нации, олицетворяемой лавочниками и помещиками..., а в 1907 году в сборнике «Вехи» заявил: «Мы должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной». Эти подлые слова произнесены были демократической интеллигенцией в те дни, когда приказчик помещиков, министр Столыпин, ежедневно вешал десятки рабочих и крестьян».[2]

Импрессионизм, декадентство, полоса упаднических настроений, борьба с идеями демократизма и гуманизма, борьба про

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 9.
[2] Доклад А. М. Горького на съезде писателей.

тив реализма в искусстве; реакционный, антинародный характер символизма, как порождение империалистической стадии русского капитализма, творческая «практика» Л. Андреева, Арцыбашева, Бальмонта и других, когда Ф. Сологуб изображал «космическое бессмыслие бытия личности», В. Розанов проповедывал эротику, Л. Андреев писал кошмарные рассказы и пьесы, а Арцыбашев изображал героем своего романа «сластолюбивого и вертикального козла в брюках», как метко назвал это А. М. Горький. Такова обстановка, таковы литературные факты.

«Поражение революции 1905 года породило распад и разложение в среде попутчиков революции, — гласит «Краткий курс истории ВКП(б)», — особенно усилились разложение, упадочничество в среде интеллигенции... Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и «разносили» марксизм, оплевывали революцию, издевались над нею, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом «культа личности». ...Все эти господа, несмотря на всю их разношерстность, преследовали одну общую цель — отвратить массы от революции».[1]

Поистине надо быть далеко незаурядным человеком, чтобы не только не затеряться в этом «потопе» воплей и криков, но и дерзостно-смело заявить о себе, заставить слушать себя. Мажит Гафури предстал именно недюжинным гуманистом и страстным патриотом. И это не случайная удача, нет, корень успеха молодого поэта следует искать и видеть в его органической, неразрывной связи с народом, в усвоении уроков славной борьбы революционного пролетариата.

Сама творческая биография писателя — яркое тому доказательство.

М. Гафури родился 20 июля 1880 года в деревне Зилим-Караново, Стерлитамакского уезда, (ныне Красноусольского района БАССР), в семье бедного башкирского сельского учителя Нургалея. 13 лет Мажит остался круглой сиротой, с этого момента начинается весьма тяжелая, самостоятельная трудовая, батрацкая жизнь М. Гафури. Он нанимается на работу к деревенским баям, летом батрачит, а зимою учится в медресе,[2] прислуживая богатым шакирдам (учащимся).

С 1896 года для него начинается жизнь, полная скитаний. Он пешком идет в г. Уфу с целью устроиться на учебу, но две-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946 г., стр. 96—97.

[2] Религиозная школа.

ри городских медресе были закрыты для бедных. Гафури вместо учебы нанимается чернорабочим сначала в Лапаштинском, затем Лемезинском заводах. Каторжный труд, полуголодное существование. Но мысль об учебе не покидала будущего поэта. С этой целью он осенью 1898 года пешком 450 верст идет в г. Троицк, где наконец и устраивается на учебу в медресе. Учеба была схоластическая, религиозная, никаких общеобразовательных, или как тогда выражались, светских знаний она не давала, поэтому медресе не удовлетворил жаждущего научных знаний, пытливого ума юноши Гафури. Он самостоятельно начинает изучать историю, русскую и восточную литературы, географию, великий русский, арабский, иранский языки.

Известный башкирский поэт Сайфи Кудаш в своих воспоминаниях с гордостью подчеркивает: «Гениальные писатели великой русской литературы, которая давно уже превратилась в классическую школу для всех нас, оказали огромное влияние на развитие литератур народов, населяющих Россию. Под этим благотворным влиянием воспитывались и выросли в башкирской и татарской литературе такие имена, как М. Гафури, Г. Камал, С. Рамиев, Ш. Камал и другие»...[1] Поэт пишет далее: «Наш почетный современник М. Гафури всю жизнь учился у Горького. Он восторженно отзывался о Горьком и всегда советовал учиться у него».[2]

Вдумчиво и глубоко изучает уже в эти годы М. Гафури устное народное творчество. Он особенно восхищается короткими сатирическими рассказами, по-башкирски — калемасами, бичующими баев, мулл, тарханов и прочих поработителей башкирского народа.

Известное влияние на М. Гафури оказала татарская художественная литература того времени, так называемая литература «джедидизма», что значит возрождения; большое влияние оказал известный казахский поэт Акмулла. Но решающее влияние на формирование идеологии поэта сыграла испытанная им на собственной спине тяжесть ярма капиталистической эксплоатации. Он был пастухом у баев, шахтером на золотых приисках миллионеров Ремеевых, наборщиком в типографии и везде и всюду сталкивался с неимоверно тяжелой, изнуряющей, бесправной жизнью, бедностью и бескультурьем народных масс.

Таким образом, воспитанный самой суровой действительностью, горькой судьбой трудящихся, а также устным народным

[1] Сайфи Кудаш, «Мой любимый учитель», ст. в газете «Красная Башкирия», № 120 от 18 июня 1946 г.

[2] Там же.

творчеством и передовыми идеями русской классической художественной литературы, М. Гафури в 1902 году пишет свое первое стихотворение «Шакирдам Ишана», резко высмеивая в нем фанатизм ишана и его верных шакирдов, схоластическую учебу. Стихотворение вызвало большой шум в медресе и городе. Разгневанный ишан лишил Гафури права жительства в общежитии медресе, которым еще пользовался Мажит, и прогнал его. Но Гафури не растерялся и, сколотив вокруг себя ядро из передовой молодежи, начал вести просветительную пропаганду. Его квартира скоро стала своего рода центром распространения передовых демократических идей того времени.

В г. Троицке М. Гафури живет и учится до 1905 года. В этот период им написано и напечатано несколько больших стихотворений, насыщенных гуманизмом. Таковы стихотворения: «Знание», «Моя молодость», «Стихотворение мудрости» (1903 г.) и «Положение мусульман в других странах» (1904 г.). В последнем поэт выступает с решительным протестом против мирового империализма, осуждает хищническое отношение европейских государств к колониальным и зависимым народам.

Творческий метод Гафури в этот период это — метод критического реализма, а лирика его скорее носит философский характер.

Первую русскую революцию 1905 года М. Гафури встречает в Казани. Он активно участвует в студенческих забастовках, демонстрациях, митингах, много пишет на злободневные политические темы.

Революция 1905 года открыла глаза народным массам. Она явилась новым этапом в историческом развитии России и населяющих ее территорию народов. «За каких-нибудь три года революции (1905—1907 г. г.) рабочий класс и крестьянство получают такую богатую школу политического воспитания, какую не могли бы они получить и за тридцать лет обычного мирного развития».[1]

Под руководством уфимского комитета большевиков башкирский народ в 1905 году смело устремился на ненавистного врага. М. Гафури горячо приветствует эту борьбу, призывает весь народ к действию.

В стихотворении «Вырванные страницы» он прямо заявляет:

«Кто же может поднять тяжелые завесы,
Если я первый не ухвачусь за них?

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946 г., стр. 89.

Кто порвет порочные учения,
Если я первый их не разорву?»[1]

А в известном стихотворении «Стих радости» поэт восклицает:

«Солнце свободы взошло сегодня!
Сегодня лица злодеев стали черными»[2].

М. Гафури уже ясно понимал, что свободу и счастье народ может приобрести только путем борьбы против самодержавия и эксплоататоров. Этот основной мотив — необходимость завоевания себе свободы и политических прав — пронизывает и все другие стихи: «Переворот», «В период свободы», «Настало время» и др.

Революция 1905 года оформляет М. Гафури в подлинного народного поэта-революционера. Обогащение жизненным опытом, рост классового самосознания определяли характер его поэзии. В его стихах доминирует теперь уже не общефилософская, а политическая лирика, не дидактика, а политическая агитация, не просветительство только, а пафос революционной борьбы, крепнет его реализм.

Огромнейшее влияние на формирование творческого облика Гафури оказал великий гуманист нашей эпохи А. М. Горький. Общеизвестно, что полетам символистов в потусторонний мир, на седьмое небо, «космическим ужасам» и мистике Л. Андреева и К-о был противопоставлен *реализм* Горького. Уже в тот период Горький показал, что борьба реализма с поповщиной и мистикой — часть политической, классовой борьбы. Смысл революционного романтизма для Горького — в стремлении увидеть и показать перспективы жизненного развития. Горький, прочно связавший свою судьбу с судьбами революционного пролетариата и его партии, был образцом для Гафури. Именно горьковская тема, его трезвый, суровый реализм определили весь дальнейший путь Мажита Гафури, так как и его творчество питалось из глубочайших народных источников. Первый зрелый рассказ народного творца так и назывался — «Жизнь, пройденная в нищете». Эта жизнь научила его глубоко понимать интересы народа. Книга является своего рода башкирскими «университетами» поэта.

А. Кудашев, ныне работник научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. М. Гафури в г. Уфе, прямо указывает: «Первыми башкирскими читателями произве-

[1] Печатается по подстрочнику института языка и литературы им. Гафури.

[2] Там же.

дений Горького были народный поэт М. Гафури, поэты Сайфи Кудаш, Гариф Гумеров и другие. В дальнейшем, особенно после революции 1905 года, когда Гафури уже сам стал революционно-демократическим поэтом, в произведениях последнего замечается благотворное влияние творчества Горького.

В годы реакции, под заметным влиянием романтических произведений М. Горького, и в творчестве Гафури появляются романтические рассказы-легенды, проникнутые чувством свободы и революционно-демократическими идеями. В этом отношении очень характерен рассказ Гафури «Хан кызы Алтынсэс», напоминающий знаменитый рассказ М. Горького «Старуха Изергиль». У Горького легендарный Данко вырывает свое огненное сердце и его ярким светом освещает людям путь к свободе. В рассказе «Хан кызы Алтынсэс» Гафури создает образ легендарной девушки с солнечным ликом, которая в момент серьезной опасности для своей родины первой бросается против войск чужеземцев и таким образом показывает пример другим...[1]

А. Кудашев приводит и другое яркое свидетельство: «Гафури не раз перечитывает «Дело Артамоновых», «Фому Гордеева» и др. произведения Горького. После прочтения их Гафури говорил: «Ведь и в нашей дореволюционной общественной жизни среди татар и башкир были такие явления, были такие люди... Я в своем романе «Бесправные», над которым сейчас работаю, как раз хочу показать таких людей, отобразить процессы разложения национальной буржуазии и ее интеллигенции». Но, к большому сожалению, Гафури не удалось закончить это произведение. Его работу над романом прервала смерть».[2]

Из всего этого видно, что всю свою творческую жизнь талантливый художник учился у А. М. Горького.

Хотя после поражения декабрьского восстания начался поворот к постепенному отступлению революции, и ясно было, что «подъем революции сменился её постепенной убылью»,[3] все же революция продолжалась, особенно во флоте, в деревне и провинциальных городах, что не могло не отразиться на творчестве глубоко наблюдательного и впечатлительного поэта. Гафури продолжает писать боевые, революционные стихи. Так, он создает знаменитые свои стихотворения, полные решимости и

---

[1] «М. Горький и Мажит Гафури». Ст. в газете «Красная Башкирия», № 120, от 18 июня, 1946 г.

[2] Там же.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946 г., стр. 80.

боевого духа — «Завет 1906 года — 1907 году», «Ответ седьмого года». Устами 1906 года поэт подытоживает революционную борьбу прошедшего года, а устами 1907 года отражает перспективу борьбы на дальнейшее. Эта борьба должна быть направлена в первую очередь на свержение «большого дерева» — самодержавия, а затем и на то, чтобы ликвидировать всякое угнетение на земле, чтобы «надеть на мир новую рубашку».

«Быть на свете трусом — самое скверное дело,
Особенно неуместно это в настоящую пору, —

говорит поэт в стихах «Трусость»,[1] а в «Ответе 1907 года» прямо заявляет: а

«По преступнику мы справим панихиду.
... А мир оденем — в новую рубашку».[2])

Здесь разоблачаются не только гнусности царского самодержавия и его сатрапов, но и международной реакции, своими займами помогавшей душить революцию.

«Пусть сказанное мной — во многом лишь мечта.
Нередко в явь мечта преображалась та!
Лелея ту мечту, смелей пойдешь вперед,
Широко распахнув грядущего врата! — поет поэт.

И наконец:

«Пора усвоить нам, что незачем давать
Врагу, как волку, кровь невинную лакать,
И ежели враги на этот станут путь,
Придется, видно, нам клыки им обломать».

В конце 1906 года М. Гафури переселяется в Уфу, где и остается жить до самой смерти. Особенно тяжелы были для М. Гафури годы черной реакции, когда «усилились разложение и упадничество в среде интеллигенции»,[3] и часть ее приспособилась к реакции, ужилась с царизмом, принимая подачки, падающие с господского стола, а другая — предалась безысходному пессимизму. М. Гафури, как и известный татарский поэт Г. Тукай, остался верен народу и своими стихами, рассказами продолжал поднимать дух угнетенных масс.

Так, в стихотворении «Пусть не будет» (1906 г.), он восклицает:

«Если угнетение покоренных народов считается мудростью,
Пусть не будет такая мудрость мудростью,
Ибо она бесполезна.
Пусть самоопределяется наш народ,
Пусть не будет нацией, которая страдает под гнетом».

---

[1] Печатается по подстрочнику.

[2] Здесь и далее, где не указан переводчик, печатается по однотомнику, Башгиз, 1940 г.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946 г., стр. 96.

А в стихотворении «Трусость» (1906 г.) он еще категоричнее восклицает:

«Мы долго сидели, —
довольно уже такого сиденья, — довольно!»

В эти годы Мажит переживает тяжелую материальную нужду. Его книги «Моя мудрость», «Любовь к нации», изданные в 1906—1907 гг., были конфискованы царской цензурой, а над поэтом с 1911 г. учреждается надзор полиции.

Между тем такие стихотворения, как «Нищий», «Богач и батрак», «Бедняк», «Судьба», «Женщина—татарка», «Враги», «Предатель» и другие являются образцами подлинной революционно-демократической литературы 1907—1911 годов. В них М. Гафури разоблачает не только самодержавие, баев, мулл и пр., но и либеральных интеллигентов, их продажность и лицемерие. Особенно резко протестует поэт против военного режима столыпинской реакции.

Но чем больше поступало на него в охранку доносов, чем больше претерпевал поэт нападок, тем больше твердости и уверенности в себе чувствовал он, ибо знал, что народ с ним. Это сказалось в цикле стихов 1910—1912 годов, таких, как «Не собьюсь», «Теперь уж я не буду побежден», «Хоть умри, Мажит, но совесть не продай!» и других.

Что же придавало силы поэту в неравной борьбе? Пролетариат, большевистская партия, ее борьба. Достаточно проследить основные художественные образы в его книгах, чтобы убедиться, что это — батраки и деревенская беднота, рабочие золотых приисков и шахтеры, слесари, каменщики и литейщики. И когда в стихотворении «Я там, где стонут бедняки» Гафури поет: «Я там, где стонут бедняки. Все нищие — мои друзья. Они — мой круг. С любым из них сумею столковаться я...» (пер. Д. Кедрина), — то мы видим, что это — глубокая правда и что он не боится назвать прямо, кого он разумеет под народом.

Будучи корректором в частной типографии «Шарык», М. Гафури вступает в тесное общение с рабочими. Рабочие типографии, терпящие непосильный капиталистический гнет, становятся для него друзьями и единомышленниками. И в трудные минуты жизни этих лет рабочий класс оказывает любимому певцу, глубокому гуманисту и патриоту, крепкую моральную, а временами и материальную помощь.

Свою органическую связь с народом М. Гафури художественно воплотил и выразил в стихотворениях «Совесть», «Не продам», «Где я?», «Я и мой народ» и др.

«Лишь сделаю я шаг вперед —
Как тотчас оглянусь назад:
Желая знать, куда шагнул,
К народу обращаю взгляд».

(«Я и мой народ», 1912 г. пер. П. Панченко).[1]

Какие простые и вместе с тем прочувствованные строки! Да, Гафури имел полное право заявить так.

Пишущему эти строки удалось поработать над интереснейшими материалами и документами, до нас нигде еще не опубликованными. Это архивные материалы временного комитета по делам печати города Казани, организованного, как известно, для борьбы с «крамолой» в связи с новым подъемом революционного движения. Они находятся в институте языка, литературы и истории имени М. Гафури, в г. Уфе. Архивные материалы проливают новый свет на этот период творчества поэта.[2] Обратимся к фактам.

29 марта 1911 года временный комитет пишет отношение: «Господину прокурору Казанской судебной палаты.

В 1907 году, в Казани в электротипографии «Шариф» напечатана брошюра на татарском языке под заглавием «Стихи во имя любви к нации», сочинения Абдула Мажита Гафури. В означенном сочинении в стихотворении «Завещание 1906 года 1907-му» встречаются следующие выражения: стр. 9. «—Собрались в одно место молодые люди, и молодых испугались начальствующие»; стр. 10. — «Права каждого человека должны быть равны»..; стр. 11. — «Герои пошли по всем городам, и исчезла кровь на лицах тиранов»; стр. 17. — «В этом году стало игрушкой метать бомбы и признано великим блаженством лежать мертвым»; стр. 18 — «Привычкой молодых людей стало стрелять из ружей и работать языком, — привычкой же стало их вешать...»; стр. 24. — «Таких дел в этом году немало было, и нелегко было свалить большое дерево»; стр. 25 — «Я (1906 г) дал узнать быстро правду многим людям и дал победу обиженным над обидчиками»; стр. 26. — «Людей же, причинявших вред другим, я успокоил тем, что похоронил их в черной земле»: стр. 28. — «От бедствий, причиняемых кровопийцами — волками, близки стали к спасению овцы и бараны»; — «Старайся и ты так, 1907 год, подобно мне»; стр. 32 — «Пусть совершит эти дела наступающий год. Не кончилось еще много мести врагу моему»; стр. 34 — «Старайтесь и обретайте право свое».

---

[1] Здесь и далее все стихи в переводах Д. Кедрина и П. Панченко, даются по юбилейному однотомнику 1940 г. «Мажит Гафури».

[2] П. Тюфяков «Под надзором полиции». «Красная Башкирия», № 250, от 27 октября 1940 г.

В означенных стихах комитет усматривает признаки уголовного преступления, предусмотренного статьей 129, п. п. 1 и 2 уголовного Уложения и ст. 281 Уложения о наказаниях.

В то время, как начальствующие лица именуются «тиранами» (стр. 11), «обидчиками» (стр. 25), «людьми, причиняющими вред другим» (стр. 26), «кровопийцами—волками» (стр. 28), «врагами» (стр. 32), революционеры именуются «героями» (стр. 11), «светлыми головами» (стр. 10), восхваляется их деятельность, направленная к тому, чтобы «свалить большое дерево», под которым разумеется существующий строй.

Стихи на стр. 30, 32 и 34 содержат призыв к продолжению деятельности, направленной к ниспровержению существующего в государстве общественного строя»...[1]

В заключение комитет просит наложить арест на брошюру, привлечь к уголовной ответственности автора, а в случае «неровыска такового» привлечь к ответственности бывшего владельца типографии «Шариф».

Арест на брошюру был наложен. Перед прокурором Казанской судебной палаты было возбуждено ходатайство об утверждении ареста и о привлечении автора брошюры М. Гафури к судебной ответственности. Но это не испугало поэта. Несмотря на преследования, он не только не сложил оружия, а, наоборот, при повторных изданиях еще злее нападал на самодержавие. Об этом мы находим подтверждение в последующих сводках чиновничье-бюрократической машины. Жандармская охранка продолжала собирать материал о «преступных деяниях» поэта. Судебный следователь Казанского окружного суда 2 участка начал «Дело о публиковании и распространении сочинения, возбуждающего к учинению бунтовщических деяний и к ниспровержению существующего строя».

В отношении от 27 августа 1911 года начальник Казанского губернского жандармского управления запрашивает прокурора: «...возбуждено ли судебное преследование против Мажита Гафури и владельца типографии Г. Ш. Шарифа».

12 сентября 1911 года губернатор Казани сообщает комитету по делам печати, что «брошюра в количестве 3000 экз. конфискована и хранится в канцелярии». ...И, наконец, 1911 года, 24 сентября, Казанская судебная палата при председательствующем Г. Галкине—Врасхом, членах—Г. П. Завьялове, П. Ю. Верт

[1] Материалы Казанского временного комитета печати. Папка вторая, архивные материалы при Башкирском научно-исследовательском институте языка и литературы им. Гафури, 1940 г.

и прокуроре С. С. Христианович дает неожиданное определение: ...«Слушали:

1) Доклад члена палаты Г. П. Завьялова о предварительном следствии. Обвиняемый отдан под особый надзор полиции;

2) заключение прокурора о прекращении уголовного преследования и отмене меры пресечения за отсутствием состава преступления».

Палата утверждает это, а 18 сентября 1912 года прокурору Казанской судебной палаты «любезно» сообщается комитетом, что в Уфе, в типографии «Восточная печать» торгового дома «Каримов и Хусаинов», вышла из печати брошюра «тождественная с отпечатанной в Казани в 1907 году». Брошюра была немедленно конфискована. Помимо отмеченных выше стихов с ярко политической окраской, она характерна еще и многообразием тематики. Тут и «жалоба одного шакирда» о том, что медресе ни на иоту не дает пользы, и осуждение кастовости в науке, и разоблачение колониальной политики англичан: «Одно государство они проглотили, другое схватили в рот, третье они поймали, чтобы положить в рот...».

И не случайно, что 29 августа 1914 года начальник Главного управления по делам печати предлагает Казанскому временному комитету «пересмотреть» названную выше брошюру и о «последующем донести».

Но еще раньше грозовые тучи снова сгустились над головою поэта. Так, 5 марта 1913 года начальник Казанского жандармского управления шлет комитету брошюру «Моя молодость» и «Диковинки края мы видели много раз в своей жизни».

«Судя по прилагаемым выпискам из брошюры, эти стихи тенденциозны и преступного содержания,» — пишет он в приложенном к брошюре отношении. Словом, охранка не дремала. Определением судебной палаты от 6 марта 1915 года арест на брошюру был утвержден.

11 марта 1915 года исполняющий обязанности прокурора судебной палаты сообщает комитету о распоряжении произвести предварительное следствие по 6 п. 129-й статьи уголовного уложения. Что же вновь разгневало господина прокурора и вынудило отдать такое распоряжение?

Обратимся снова к документам, которые со всей полнотой раскрывают социальную значимость и характеризуют политическую лирику М. Гафури. 28 февраля 1915 года Казанский временный комитет по делам печати сообщает прокурору:

«Рассмотрев отпечатанную в Казани, в типографии, брошюру на татарском языке «Яш Гумрем» («Моя молодость») Абдула

Мажита Гафури (изд. 2-е, Казань, 1908 г, 59 стр.), комитет обнаружил в ней признаки уголовного преступления и постановил наложить на нее арест. Признаки преступления усматриваются в стихотворениях «Открыта дума» (стр. 46 и 47) и в стихотворении без названия, помещенном на стр. 57—58. В первом выражаются радость по поводу открытия 1-й Государственной думы, резко критикуется существующий строй и действия правительства... «Автор пишет: «Прежние правления были плохи, почему народ стал беден и невежественен. Если взвесить настоящие дни, то диву даешься, как это вместе могут существовать и огонь и вода»...

В виду вышеуказанного комитет имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство: 1. Внести на рассмотрение Казанской судебной палаты об утверждении ареста на брошюру «Яш Гумрем». 2. Привлечь автора А. М. Гафури к судебной ответственности по п. 3, ст. 1034—4 Уложения о наказаниях и по п. 6 ст. 129 уголовного Уложения».

«Крамольные» брошюры М. Гафури имели огромный успех и быстро исчезали с книжного рынка. Библиотекарь Казанского университета Н. Васильев жалуется председателю комитета, что «обеих нужных книг в библиотеке нет».

Больше того, он констатирует, что «брошюра «Яш Гумрем» М. Гафури несомненно получила распространение, так как в настоящее время ее нет в продаже в книжных лавках Казани, в чем я лично убедился, разыскивая ее».

Чрезвычайно жаль, что архивные материалы на этом обрываются, и мы лишены возможности проследить, что же инкриминировалось поэту еще. Мы знаем одно. До Великого Октября М. Гафури преследовался и состоял на особом учете под гласным надзором полиции, будучи обязан раз в неделю являться для отметки в полицию. Но и то, что удалось обнаружить, представляет исключительный интерес, проливая свет на этот период творчества народного поэта Башкирии.

В годы первой империалистической войны голос М. Гафури перекликается с голосами великих писателей-гуманистов мировой литературы: М. Горького, Р. Роллана,, А. Барбюса и других, выступавших против кровавой бойни. Так, в 1915 году, летом, когда уфимская национальная буржуазия устроила катанье на пароходе по р. Белой, присутствовавший там Гафури не выдержал, выступил и заявил: «Вы не ограничиваетесь эксплоатацией подчиненных вам рабочих. Для того, чтобы завуалировать свою наглость, организуете «благотворительные» общества. Там, на войне, льется кровь народа, а вы накапливаете богатства и кутите. Вы все мошенники и двурушники. У вас нет ни нации, ни

совести. Вы всё готовы продать за золото!» Эту обличительную тираду приводит в своих воспоминаниях ныне здравствующий известный поэт башкирского народа Сайфи Кудаш, близкий друг, ученик и последователь М. Гафури.

В эти годы М. Гафури пишет злободневные, волнующие каждого трудящегося произведения. «Знать, нет тебя, Аллах!», в котором он разоблачает ложь религии, как орудие угнетения трудящихся. В стихотворении «Кто он?» (1915 г.) разоблачается грабительский характер империалистической войны. Поэт призывает солдат к братанию, к прекращению войны своими силами, к борьбе против тех, кто отнимает их волю и самую жизнь — против самодержавия и эксплоататоров. Его поэтические мысли звучат в унисон с лозунгами большевиков, стоявших за превращение войны империалистической в войну гражданскую:

«Кто он, кого ты заколол, сочтя его врагом своим?
Кто он, который пред тобой лежит в крови и недвижим?
... С Востока ты пришел сюда, он с Запада пришел, и вот
Вы поняли: кто поспешит, то первый, значит, и убьет.
... Скажи, ты отомстил ему, убив его в осенней мгле?
А после этого, скажи, просторней стало на земле?
Нет, нет,
Пока ты только раб, к свободе твой не выйдет путь!
Нет, ранее всего, мой друг, ее хозяином ты будь!»
(пер. П. Панченко),

В стихотворении «Сила» (1916 г.), достигая большой силы обобщения, он клеймит капитализм, порочность старых порядков, подлость их представителей.

...«Эй, чёрная сила! —
Не смейся ты над человечеством!
Придет время — впрах разлетишься,
В пепел превратишься! — восклицает поэт[1].

Весть о свержении самодержавия окрылила творца. Под свежим впечатлением события он пишет взволнованные, радостные стихи: «Утро свободы», «Хлеб», «В честь свободы», «В дни свободы» и др.

Но в дни, когда рабочие и крестьяне, осуществляя революцию, добиваясь земли и хлеба, требовали решительных мер для борьбы с разрухой, Временное правительство оставалось глухо к этим кровным требованиям народа.

А спустя некоторое время, оно начало наступать на рабочий класс и крестьянство. Грязные руки тянулись к сердцу революции. М. Гафури воочию убеждается, что народ не получил еще

[1] Печатается по подстрочнику.

желанной свободы, что необходима решительная борьба с Временным правительством. Он создает новый цикл стихов: «Долой войну», «Дракон», «Противникам свободы».

В «Драконе» он гневно-патетически выступает против корниловского мятежа, призывая душить змею-дракона:

«Еще он не добит, он скалится дракон!
Идет отнять у нас плоды свободы он,
Кровавый свой клинок он тянет из ножен.
Свободный люд, вставай, дружнее шаг!
Ведь голову поднять опять задумал враг!
... Пусть будет в том бою повержен злой дракон,
Чтоб голову поднять не смог вовеки он!»

(пер. П. Панченко).

Октябрьскую социалистическую революцию М. Гафури встречает восторженно. Он хорошо понимает, что эта революция есть начало величайшего преобразования человеческого общества на новых социальных началах. И поэт все свое дарование и энергию отдает идеям коммунизма. В дни Великого Октября он пишет знаменитое стихотворение «Красное знамя», в котором разъясняет суть революции и показывает всемирно-историческую роль партии и рабочего класса. В годы гражданской войны оно распевалось на фронтах трудящимися Башкирии и Татарии наряду с лучшими революционными песнями.

В стихотворении «Красное знамя» Гафури с пафосом восклицает:

«Эй, знамя красное,
Сияньем озаряй весь мир!..
... Эй, солнце!
Прибавь лучей твоих сияния!
Земную твердь скорее растопи»...

В годы гражданской войны, когда молодая советская республика оказалась в опасности, когда башкирский народ боролся еще с буржуазным национализмом — валидовщиной, М. Гафури пламенно выступает в защиту октябрьских завоеваний, призывая «грудью встать за республику труда». Стихотворения «Татарскому джигиту», «Пусть веет Красное знамя», «Дай руку», «Наш путь», «Клятва» и десятки других имели исключительное значение и сыграли роль страстной революционной агитации в годы войны для трудящихся Башкирии и Татарии.

«Джигит, пора! Когда еще ты жив,
Проснись, вскочи на сивого коня!
Смотри, встает над Волгою заря —
Багряный, долгожданный вестник дня!».

— Так скликал поэт джигитов для борьбы против Колчака («Татарскому джигиту»).

Глубокий патриот вложил в свои стихи неиссякаемую веру в силы народа, в победу правого дела:

«Пока враги родной страны
В крови не лягут, присмирев,
Я не вложу меча в ножны,
Не усыплю свой правый гнев.
Я клятву дал, я знамя взял —
Мой красный стяг со мною будь!
Разбить врага, громить врага —
Таков мой справедливый путь».

(«Клятва»)

В стихотворении «Дай руку мне» Гафури выразил свое глубокое понимание огромнейшего значения обороны Царицына, как стратегического пункта в обороне советской республики.

«Стервятники над Волгою кружат.
Пусти, джигит, их перья по реке!
Пришпорь коня, пускай украсит кровь
Ту саблю, что сжимаешь ты в руке!
И лишь тогда найдет себе покой
То сердце, что вздымает грудь твою.
И сбудутся заветные мечты,
И все почтут тебя в родной земле»...

И он от души поздравляет победителей: красноармейца, рабочего, крестьянина, трудового интеллигента:

...«Ты грудью за Царицын постоял,
Не отдал воронью — дай руку мне!
Стрелявшую, как надо в грудь врага,
Привычную к ружью — дай руку мне.
Дубленую в работе у огня,
Вскормившую семью — дай руку мне.
...Запачканную вспаханной землей,
Весной в родном краю — дай руку мне.
За то, что силой славилась она
И в трудовом строю — дай руку мне».

Это вдохновенная здравица победителям, Родине, когда поэт восклицает:

...Ту, что вложила песни мне,
Я громко их пою — дай руку мне!».

(пер. П. Панченко).

22 марта 1918 года было опубликовано «Положение о Татаро-Башкирской Советской республике» за подписью товарища Сталина. М. Гафури в «Отрывках» просто и гордо заявляет о радости трудиться родине:

«Свято трудиться человечеству —
Первое желание наше.

Пусть это желание останется
Тебе, Россия, как память обо мне»[1].

В 1919 году после занятия г. Уфы Красной Армией М. Гафури с энтузиазмом работает литературным сотрудником во вновь организованной газете «Кзыл-Юл», сотрудничает в газетах «Ярлылары» («Урал»), позднее «Башкортостан», «Янга-Аул», ныне «Кзыл-Тан», и организует подготовку газетных работников из трудящейся молодежи.

В стихотворении «Серп и молот» он устами рабочего подбадривает крестьянина, заявляя: «Не опускай, товарищ, голову». Он много работает для укрепления союза рабочих и крестьян по разоблачению эксплоататоров в деревне — баев.

В 1920 году Гафури написал большую поэму «Труженик», отразив в ней подневольный труд рабочего, пролетаризацию крестьянина, эксплуатацию и безработицу при капитализме. Роль и значение М. Гафури в восстановительный период огромны. Он проявил исключительную активность в деле создания подлинно-народной башкирской культуры, тем более, что в это время он мог писать свои произведения уже на родном языке, так как свою письменность башкирский народ получил только благодаря Великому Октябрю, гению Ленина—Сталина.

Долгий творческий путь поэта, насыщенный яркой борьбой и героикой за лучшее будущее своего народа, был достойно оценен, и в 1923 году — в связи с 20-летием литературной деятельности — М. Гафури было присвоено высокое звание народного поэта Башкирии. Правительство республики назначило ему персональную пенсию и создало условия для творческой работы.

«Траурным плачем» откликнулся Мажит Гафури на смерть В. И. Ленина. Велика была его печаль, как и всех трудящихся родины и мира. Стихи: «Он не умер», «Вечно в памяти он» воспевают величие дел Ленина.

В период 20-х годов народный поэт создает такие поэтические вещи, как «Серп и молот», «Шахтер», «Ночная смена», «Златоуст» и др.

В 1925 году он публикует «Думу старого батыра». Сознавая свою роль и место как родоначальника башкирской литературы и как певца Великого Октября также и в татарской литературе, он стремился сказать свое слово не только в поэзии и прозе, но и в оперных либретто, и в обработке устного народного творчества, и в литературной критике и публицистике.

Всю свою ясную жизнь, как подлинный гуманист и великий

[1] Печатается по подстрочнику.

патриот, отдал он борьбе за счастье трудящихся. Это высокое сознание своей роли, как литератора, он и выразил в «Думе»:

— Я проскакал на диком скакуне,
Гонясь за правдой, весь мой долгий путь,
Я острой саблей недругов рубил
И пробивал стрелами вражью грудь.
Пусть я устал и выбился из сил,
Но для врагов я все еще — гроза:
При них ложится на эфес рука
И кровью наливаются глаза».

Когда в 1927 году империалисты пытались спровоцировать СССР на войну, поэт публикует стихотворение «Иностранные враги», обращаясь к советской армии, воспевая ее, он грозно предостерегает вражье семя:

«Своей родной земли свободные сыны,
Мы смелы, как орлы, и точно львы сильны.
Нас выбрал весь народ и мы, идя вперед,
Заставим задрожать сердца врагов страны.
(пер. Д. Кедрина).

Когда была разоблачена банда двурушников и вредителей, пытавшихся продать нашу страну, Гафури пишет убийственно-гневный памфлет «При исследовании ядовитых мозгов»:

«Когда снята личина с подлецов, —
Исследуй их мозги, гнилые сплошь:
Какой ты дряни не отыщешь там,
Каких надежд злодейских не найдешь.
Ты в них найдешь антисоветский хлам
И смрад, как в заднем проходном дворе.
Там притаился господин Бриан,
А рядом с ним Жанен, Пуанкаре...»

В 1931 году, когда папа римский объявил крестовый поход, М. Гафури саркастически пригвоздил его к позорному столбу в памфлете «Последние желания Иисуса Христа».

Тема социалистического строительства находится в центре внимания поэта. В начале 30-х годов автор создает галерею портретов активных строителей социализма: «Она человеком стала», «Победителям», стихотворение, посвященное съезду колхозников-ударников, стихи о тов. Сталине (17 съезд ВКП(б) и другие.

Он издает знаменитую повесть «Черные лица» («Опозоренные»). Эта повесть является поистине шедевром башкирской прозы. По глубине художественного обобщения, по проникновению в человеческую психику, по силе гуманизма и народности ее можно смело поставить в ряд образцов классической литературы.

В ней М. Гафури ярко и живо отобразил основные социальные противоречия дореволюционной башкирской деревни, творческие силы башкирского народа и способность его к протесту против тиранства баев и мулл.

Стихи певца «Веселые дни», «Гнедая и бурая», «Победителям на колхозном фронте» правдиво и образно отражают освобождение от старых форм быта, нравов, привычек, переход крестьянства на путь социалистического колхозного хозяйства, отражают рост мощи нашей великой державы.

Через все творчество Гафури после революции проходят величественные образы вождей трудящихся всего мира Ленина и Сталина. Безграничной преданностью Ленину и Сталину, партии большевиков наполнены его стихи. Это и понятно: партия, руководимая Лениным и Сталиным, была той единственной силой, которая освободила народы, в том числе и башкирский, от вековой кабалы и осуществила те идеи воинствующего социалистического гуманизма, художественному воплощению которых посвятил свою жизнь народный поэт и пронес их, как своё великое знамя.

Вот почему характернейшими чертами поэзии Гафури было отражение темы советского патриотизма, социалистического гуманизма, дружбы народов.

«За тебя жизнь отдам я,
Родная страна!
Ведь зовешься ты
Вольной советской страной.
Враг советской страны —
Враг отъявленный мой! —

решительно заявлял поэт. Именно за эту беспредельную преданность социалистической Родине, делу Ленина—Сталина так ненавидели Гафури башкирские буржуазные националисты, разоблаченные позднее враги народа. Они задерживали издание его книг, травили его со страниц газет и журналов, игнорировали его творчество, лишили возможности принять участие в работе первого съезда советских писателей, словом, делали всё, чтобы творчество основоположника башкирской литературы не стало достоянием народов нашей страны.

Многое сделал М. Гафури и в деле создания башкирской детской литературы. Его произведения о детях написаны с большим знанием запросов, стремлений и требований детей. Книги Гафури воспитывают в детях самые лучшие черты морального облика советского человека. Верный сын народа незадолго до своей смерти еще раз пишет:

«Ленинизм — мой маяк мне»...

Талантливейший певец башкирского и татарского народа М. Гафури умер 28 октября 1934 года в г. Уфе и похоронен в парке культуры и отдыха.

Творчество народного певца-гуманиста приняло поистине интернациональный характер. Литературное наследие М. Гафури, благодаря торжеству ленинско-сталинской национальной политики и победе социализма в нашей стране под водительством великого Сталина, давно уже стало достоянием народов СССР, живущих в нерушимой дружбе.

Только в стране победившего социализма, где от победы к победе ведет железная воля И. В. Сталина — вождя большевистской партии, высоко ценится культурное наследие всех народов и расцветает с каждым днем национальная по форме, социалистическая по содержанию культура.

Нельзя умолчать о художественном своеобразии поэта. Правда, в данном очерке автор и не ставит себе задачей раскрыть богатства и особенности поэтической сокровищницы народного поэта, но хочется хотя бы общими штрихами сделать зарисовку этого своеобразия. Прежде всего исключительно сильна у поэта связь с народом, понимание своих задач, как общественного долга писателя, «соков», питающих литературу.

«Лишь сделаю я шаг вперед —
Как тотчас оглянусь назад:
Желая знать, куда шагнул,
К народу обращаю взгляд».

(«Я и мой народ», 1912 г.).

Глубокий патриот, он вложил в свои стихи неиссякаемую веру в силы народа , в победу нашего правого дела.

«Пока враги родной страны,
В крови не лягут, присмирев,
Я не вложу меча в ножны,
Не усыплю свой грозный гнев».

(«Клятва»).

М. Гафури умеет наблюдать. За мелкой деталью он видит большое и важное.

Вот стихотворение «Весна». Это не простое созерцательное описание природы. Нет, поэт сумел вложить в небольшое стихотворение обобщение огромной силы:

...«Так
Бесследно черный
Исчезает мрак
Перед могучей
Солнечною
Силой».

Эта сила — наша социалистическая Родина.

Каждое стихотворение Гафури — это зрелое произведение творчески сложившегося большого мастера, голос которого нельзя не различить среди других.

Весьма требовательный к себе, хорошо знающий основы поэтики, М. Гафури выделяется не только своим большим дарованием, но и высокой культурой стиха. Показательно стихотворение «Верил я», написанное еще в 1912 году:

«Сколько горя не терпел я,
Сколько горьких слез не лил,
Сколько гор не одолел я,
Сколько вод не переплыл,
Сердце к праздному покою
Не тянулось никогда:
Верил я, что надо мною
Заблестит моя звезда».

Здесь все одинаково хорошо: и безупречная форма и богатейшее содержание. Этот прием повтора и богатство внутреннего ритма и рифмы поэт применяет довольно часто.

Умело применяет поэт и изысканные восточные формы поэзии, утверждая с огромной силой целостное чувство восприятия революционного взрыва 1905 года в стихотворении «Странно ли?:

«Там, где вчера струилась горечь слез,
Цветы цветут сегодня, — странно ль это?
Минуты трудные, что перенес,
Теперь легко проходят, — странно ль это?
И если туч, застлавших небосвод,
Навек исчезнет холод, — странно ль это?
И если горя, что меня гнетет,
Сейчас навек не станет, — странно ль это?
И если сердце, полное огня,
Ждет девушка, с лицом яснее дня»...

(пер. Д. Бродского).

Свободно владея поэтической формой, М. Гафури в стиле народной песни создает волнующее стихотворение «Давайте споем», в котором заявляет:

«Наша песня облетит весь мир,
Не умолкнет песня, не замрет.
В Африку умчится, за моря,
Азию, Европу обойдет...» (1920 год).

Поэт оказался прав в своем предвидении. Советские песни давно уже совершают свое триумфальное шествие по всем уголкам земного шара.

Мажит Гафури большой мастер поэтических миниатюр.

Он умеет в одном четверостишии сказать о многом, затронуть серьезные вопросы.

Вот например, стихотворение 1910 года «Светоч».

«От ветра заслонив заветный
светоч мой,
Не пачкаясь в грязи, покрывшей
шар земной,
Смогу ли перейти болото жизни я,
Не загрязняя ног, бредя сквозь
мрак ночной?»

Еще один пример: «Клубок жизни».

«Коль жизнь мою смотаешь, —
невелик
Покажется ее клубок тугой,
А размотай — и с одного конца
Едва увидишь ты конец другой!».

Природа, пейзаж, одушевленный и неодушевленный мир — все несет у Гафури «нагрузку», выражая его идейно-тематический замысел.

Глубокое содержание стихов народного поэта всегда сочетается со зрелым мастерством поэтической ткани, сверкающей богатым созвездием ярких красок.

...«И ты должна, покорная судьбе,
Пахать, кормить скотину, чистить хлев,
Чтоб на тебя не обратился гнев
Того, кто муж и господин тебе.
Ему ты сапоги должна снимать,
Для бани воду и дрова таскать,
Топить, пшено толочь, коров доить,
Семье белье стирать, и прясть, и шить.
...Те дни прошли. И прежняя «она»
Встречает уваженье и почет.
Теперь гордится ею вся страна,
И с ней она в грядущее идет...
Она теперь и врач, и инженер,
И агроном, и летчик.
И сама
Она читает лекции теперь,
И строит школы, фабрики, дома»...

(«Она» стала человеком»).
(пер. Шпит).

Стихи М. Гафури часто агитационны. Но это не голая агитка. Идейный замысел их вытекает всегда из развития действия, из умелого композиционного построения. Он не просто доказывает, он образно показывает свой замысел через художественную ткань. Поэт — непримиримый враг схематизма и словесных штампов. Не даром его творения переведены и на русский, и на украинский, и на татарский, и на узбекский, и на казахский, — на добрый десяток языков народов нашей Родины.

Поэтической молодежи Башкирии есть чему поучиться у своего прославленного певца.

Мажит Гафури умер. Но он передал свое разящее врага и восхищающее отчизну оружие младшему поколению башкирских поэтов.

Среди них надлежит прежде всего назвать старейшего и одареннейшего поэта Сайфи Кудаша.

Преемственная связь с народным поэтом с огромной силой прозвучала в дни войны в стихотворении «Голос Гафури»:

«Наш Гафури – он среди нас,
Мы слышим вещего певца,
И в грозный час, в суровый час
Набатом будит он сердца.
Он пулями разит врагов,
А друга учит – зорче будь,
И молнии его стихов
К победе освещают путь...»[1] – поет Кудаш.

А в стихотворении «Мое счастье» он от всего сердца заявляет:

«Ведь счастье страны – это счастье мое.
Трудиться для родины сладко.
Как преданный сын, я готов для нее
Все силы отдать – без остатка».

В поэме «Любовь и ненависть» С. Кудаш, воспевая сталинскую дружбу народов, с большой силой выразил органическую связь певца с народом:

– «В труде богатеет республик семья,
Обнявшись стоят, как невеста, в цвету,
Отчизна моя, родная моя!
Я вместе с тобой и живу и расту!»

Поэт по праву занимает сегодня ведущее место в башкирской литературе.

Рашит Нигмати — талантливейший поэт, чье имя уже также хорошо знакомо советским читателям, в унисон вторит С. Кудаш:

«Это счастье мы завоевали,
Это счастье строили в бою.
Нас учили партия и Сталин
Защищать, беречь свою страну...»

Эта же связь с народом, понимание своих задач, как общественного долга писателя, выражена в полном глубокой лирики и подлинного пафоса стихотворении «Желание» Кадыр Даяна.

---

[1] Здесь и далее стихи С. Кудаша цитируются по его сборнику «От всего сердца», Башгиз, 1946—1947 гг.

«Если песня твоя степная
Раньше смерти твоей умрет, —
Значит порвана связь живая,
Позабудет тебя народ.
А хотелось бы мне и многим
Все, что взял у народа ты,
Чтобы было простым и строгим,
Как любимой твоей черты.
Чтобы песни век не старели
И к потомкам нашли свой путь,
И, как ветер, в степи звенели, —
Ты душою народа будь».

Об этой же готовности отдать для родины всё поет Ханиф Карим:

«Я люблю наш родимый край,
От зари тружусь до зари,
Скажет родина: — Жизнь отдай!
Я отвечу: — Готов... Бери!»[1].

Гайнан Амири в стихотворении «Сердце солдата» прекрасно выразил ту же славную мысль:

«Знают все: чем ночь темнее,
Тем светлей горит звезда.
Точно так в бою сильнее
Бьется сердце у солдат...».

Не замолкла в башкирской поэзии и сатирическая струя, идущая от родоначальника литературы Башкирии М. Гафури. Проиллюстрируем это хотя бы на одном примере из творчества поэта М. Сюндюкли — «Болезнь фюрера», стихотворения, имевшего огромный успех в годы войны, да не утерявшего своего значения и сегодня:

«Раз взбесился фюрер, и потом
У него начался тяжкий бред.
Был к больному спешно приглашен
Очень умный доктор-сердцевед.
Костяную трубку он принес,
Не спускал с больного зорких глаз.
Промычал затем невнятно, в нос:
— Это с Волги колики у Вас.
Сердце долго слушал, прошептал:
«Что-то невпопад оно стучит,
Точно не могу еще сказать,
Может и от Киева болит»...

Имена Г. Салама, Г. Гумера, С. Агишева, А. Бикчентая, М. Хая, А. Киреева и др. широко известны и за пределами республики.

---

[1] Все стихи поэтов Башкирии цитируются по сборникам «Родина зовет», «С отвагой в сердце», «Вместе с народом», Башгиз.

Орденоносная Башкирия на небывалом хозяйственном и культурном подъеме. И радостно знать, что патриотический голос народного певца Гафури звучит в нашем общем строю.

«Он жив, он гонит прочь беду,
Стоит, как прежде, за народ.
И с нами он в одном ряду
Сегодня, как батыр идет»...

справедливо пел С. Кудаш в тяжелые годы испытаний нашей родины.

Да, Мажит Гафури жив, и творения его действенны. Они помогают советским людям сегодня повышать чувство бдительности, крепить чувство животворного советского патриотизма, бороться и побеждать в борьбе за дело коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗМ09458. Зак. 6147. Тираж 500 экз. 24 печ. листа. Форм. бум $60 \times 84^{1}/_{16}$
Подписано к печати 10/IV 51г.

Типография Облполиграфуправления
г. Ульяновск, ул. Ленина, 1:4

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Следует читать
193	31-32 и 33-я сверху	...„Вечер в Кишиневе“, „Курс русской поэзии“ и др. Поэтическое творчество Раевского этих лет становится более зрелым.
194	1-я сверху	...„Смеюсь и плачу“ почерпнута им из „Рассуждения“.